Мо Янь

Красный гаолян

текст

Annotation

«Красный гаолян» — самое известное произведение Мо Яня, китайского прозаика, лауреата Нобелевской премии (2012 г.). По мнению критиков, премию эту присудили писателю во многом благодаря этому роману, включённому в список ста лучших китайских романов минувшего века. Во всём мире с огромным успехом прошёл фильм «Красный гаолян», снятый по этому произведению и пробудивший у многих российских зрителей интерес к истории и культуре Китая. Теперь впервые на русском языке выходит и сам роман, написанный жёстко, даже жестоко. Эта история «самых удалых героев и самых отъявленных мерзавцев» разворачивается в уезде Гаоми, на малой родине автора, где полыхает беспощадная война с японскими захватчиками, заливающая всё вокруг потоками крови, алой, как растущий на бескрайних полях красный гаолян… 16+

Мо Янь
Красный гаолян

ИСТОРИЯ ОДНОГО РОДА

Данное издание осуществлено в рамках двусторонней
ПРОГРАММЫ ПЕРЕВОДА И ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ
КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
утверждённой Главным государственным управлением по делам прессы, издательств, радиовещания, кинематографии и телевидения КНР и Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям Российской Федерации.

Издательство выражает благодарность Китайскому обществу по коллективному управлению правами на литературные произведения и Институту перевода (Россия) за содействие в издании данной книги.

Эта книга призывает души героев и души невинно убиенных, что блуждают в моём родном краю по бескрайним гаоляновым полям. Я ваш недостойный потомок. Я хотел бы вырывать из своей груди замаринованное в соевом соусе сердце, разрезать его на куски, разложить в три миски и поставить на гаоляновых полях. Отведайте! Примите же моё подношение!

ЧАСТЬ I КРАСНЫЙ ГАОЛЯН

1

В одна тысяча девятьсот тридцать девятом году, в девятый день восьмого лунного месяца, мой отец, бандитское семя, которому в ту пору шёл шестнадцатый год, следовал за отрядом командира Юй Чжаньао, легендарного героя, чьё имя впоследствии прогремело на всю страну, чтобы на шоссе Цзяопин устроить засаду японской автоколонне. Бабушка, накинув на плечи куртку на вате, провожала их до края деревни.

— Дальше не ходи, — приказал Юй.

И бабушка не пошла. Она наказала сыну:

— Доугуань, слушайся своего приёмного отца.

Мой отец не проронил ни звука. Глядя на бабушкину дородную фигуру и вдыхая жаркий аромат, вырывавшийся из-под куртки, он вдруг ощутил, что холод пробирает его до костей. Он вздрогнул. В животе заурчало. Командир Юй потрепал отца по голове со словами:

— Пошли, сынок.

Границы неба и земли размылись, пейзаж утратил чёткость, а нестройный звук шагов отряда доносился теперь издалека. У отца перед глазами висела туманная голубоватая дымка: он лишь слышал топот солдат, но не различал даже их силуэтов. Отец ухватился за краешек куртки командира Юя и проворно перебирал ногами. Бабушка удалялась от него, словно берег, а туман приближался и, подобно морской воде, бурлил всё сильнее.

Отец держался за командира Юя, как утопающий за борт лодки.

Так отец стремительно мчался по направлению к своему нынешнему безымянному могильному камню из серо-голубого гранита, который возвышается над ярко-алыми полями гаоляна в родном краю. На могиле уже шелестит трава, и как-то раз голозадый мальчонка привёл сюда белоснежного козлика. Козлик неторопливо щипал траву, а мальчонка встал на могильную плиту, со злостью помочился, а потом во всю глотку запел: «Заалел гаолян, и пришли япошки! Будем мы по ним палить, товарищи, из пушки!»

Некоторые говорят, что этим пастушком был я, а я не знаю, так это или нет. Раньше я всем сердцем любил дунбэйский уезд Гаоми[1] и точно так же всем сердцем его ненавидел, а когда вырос и стал усердно изучать марксизм, то наконец уразумел, что Гаоми, бесспорно, самое прекрасное и самое ужасное место на земле, самое возвышенное и самое приземлённое, самое непорочное и самое грязное, здесь больше всего героев и больше всего ублюдков, здесь умеют пить вино и любить. Старшее поколение тех, кто жил на этом клочке земли, употребляло гаолян в пищу, а потому каждый год его сажали в большом количестве. В восьмом лунном месяце, в разгар осени, необъятные гаоляновые поля превращались в безбрежные кровавые моря. Стена гаоляна блестела на солнце, гаолян нежно, но печально шелестел, гаолян пробуждал любовь.

Дул холодный осенний ветер, солнце припекало, по синему небу плыло множество белых облаков, над полями гаоляна скользили их пурпурные тени. Отряды бордовых фигурок копошились в гаоляновых зарослях, словно плели паутину, и так десятки лет, пролетающих как один день. Они убивали и грабили, шли на жертвы ради своей родины, многоактный героический балет в их исполнении заставляет нас, недостойных потомков, бледно выглядеть на их фоне. Даже в эпоху прогресса я отчётливо ощущаю вырождение.

За деревней отряд двинулся по узкой тропке, и к звуку шагов примешивалось шуршание травы на обочине. Удивительно густой туман постоянно менял очертания. Морось на лице

отца собиралась в крупные капли, прядка волос прилипла к коже головы. Он уже привык к скромному аромату полевой мяты и терпкому, сладковатому запаху созревшего гаоляна, который доносился с полей по обе стороны тропинки и уже не казался чем-то новым или необычным. Пока они двигались в тумане, отец уловил какой-то новый тошнотворный запах, смесь жёлтого и красного, еле различимо просачивавшийся через ароматы мяты и гаоляна, пробуждая воспоминания, спрятанные в самых глубинах его души.

Неделю спустя, на пятнадцатый день восьмого лунного месяца, наступил Праздник середины осени.[2] Потихоньку взошла полная луна, а по всей земле гаолян почтительно застыл по стойке «смирно», гаоляновые метёлки окунулись в лунный свет, словно в ртуть, и заблестели. В мерцающем лунном свете отец учуял тот же тошнотворный запах, который стал сильнее во сто крат. Командир Юй вёл его за руку через гаоляновое поле, где лежали вповалку триста с лишним трупов односельчан, а их свежая кровь оросила гаолян, пропитав землю под ним и превратив её в грязную жижу, в которой вязли ноги. От вони невозможно было дышать, а свора набежавших полакомиться человечиной собак сидела на поле, уставившись горящими глазами на отца и командира Юя. Командир Юй выхватил пистолет и выстрелил — пара собачьих глаз потухла; он снова вскинул руку — потухла ещё пара глаз. Собаки с лаем разбежались и уселись поодаль, рыча с подвыванием и жадно глядя на трупы. Вонь усиливалась. Командир Юй заорал:

— Ах вы, псы японские! Гребаная Япония!

Он выпустил в собак всю обойму, и в ту же минуту их как ветром сдуло. Командир Юй сказал отцу:

— Пошли, сынок!

И они, взрослый и подросток, двинулись навстречу лунному свету в глубь гаоляна. Запах крови, разливавшийся по полю, пропитал душу моего отца, и впоследствии, в более жестокие и безжалостные времена, всегда преследовал его.

Листья гаоляна шелестели в тумане, а Мошуйхэ — Чёрная река, что медленно текла по этой болотистой равнине, — журчала; звук то усиливался, то стихал, казался то дальше, то ближе. Они догнали отряд, и теперь отец слышал со всех сторон гулкий топот шагов и тяжёлое дыхание. Чьи-то винтовки ударялись прикладами друг о друга, под чьими-то ногами хрустели кости. Впереди кто-то громко закашлялся, и этот кашель показался очень знакомым. Услышав его, отец вспомнил огромные уши, которые наливались кровью всякий раз, стоило их обладателю разволноваться. Эти огромные просвечивающие уши с сеточкой сосудов — отличительная черта Ван Вэньи. Он был маленького роста, с крупной головой, вжатой в приподнятые плечи. Отец присмотрелся, взгляд его пронзил густой туман, и он увидел большую голову Ван Вэньи, подёргивающуюся от кашля. Отец вспомнил, как Ван Вэньи ударили на плацу и как жалостливо тогда тряслась эта голова. Ван Вэньи только-только вступил в отряд командира Юя. Адъютант Жэнь приказал ему и остальным новобранцам: «Напра-во!» Ван Вэньи радостно топтался на месте, не понимая, куда надо повернуться. Адъютант Жэнь ударил его хлыстом по заду, и Ван Вэньи выругался: «Твою ж мать!» На лице у него застыло непонятное выражение — то ли плачет, то ли смеётся. Дети, наблюдавшие за происходящим из-за низкого забора, расхохотались.

Командир Юй подлетел и пнул Ван Вэньи:

— Что раскашлялся?

— Командир… — Ван Вэньи пытался сдержать кашель. — В горле свербит…

— Пусть свербит, кашлять нельзя! Если ты нас выдашь, башку оторву!

— Слушаюсь! — пообещал Ван Вэньи, но тут же снова закашлялся.

Отец почувствовал, что командир Юй сделал шаг вперёд и крепко схватил Ван Вэньи сзади за шею. У того из горла вырвался свист, но кашлять он перестал. Командир Юй ослабил хватку, и отцу показалось, что на шее у Ван Вэньи остались две отметины от пальцев цвета спелого винограда, а в тусклых глазах мелькнула обида, смешанная с благодарностью.

Отряд быстро скрылся в зарослях гаоляна. Мой отец инстинктивно почувствовал, что они движутся на юго-восток. Добраться из деревни до реки Мошуйхэ напрямую можно было только по этой дороге. Днём узкая тропинка казалась бледной — изначально здесь был влажный чернозём, но его давным-давно вытоптали, чёрный пигмент осел, а на поверхности отпечатались следы коровьих и козьих копыт, похожие на лепестки, и полукруглых копыт мулов, лошадей и ослов; их помёт напоминал сушёные яблоки, коровий навоз походил на изъеденные червями лепёшки, а козий — на соевые бобы. Отец часто ходил по этой тропе и позднее, когда в поте лица вкалывал на японской угольной шахте, она не раз вставала перед глазами. Отец не знал, в скольких любовных трагикомедиях, развернувшихся на этой дороге, моя бабушка сыграла главную роль, но я-то знаю. Не знал отец и того, что на чернозёме, в тени гаоляна, лежало когда-то обнажённое бабушкино тело, блестящее и белое, словно яшма, — а я знаю.

После того как отряд оказался в гуще гаоляна, туман стал более плотным и менее текучим. Когда тело или поклажа задевали стебли гаоляна, он скрипел от затаённой обиды и ронял на землю одну за другой крупные капли воды. Вода эта была прохладной и приятно освежала. Отец поднял голову, и одна большая капля попала ему прямо в рот. Отец увидел, как в тумане покачиваются увесистые головки гаоляна. Гибкие листья, пропитанные росой, острым ребром, как пилой, задевали одежду и щёки. Ветерок, что раскачивал гаолян, шлёпал отца по макушке, а плеск воды в реке становился всё громче.

Отец уже много раз купался в Мошуйхэ — такое впечатление, что он умел плавать от рождения. Бабушка говорила, что он к воде тянется сильнее, чем к собственной матери. В пять лет отец нырял, словно утёнок, над водой торчали лишь задранный розовый зад да ноги. Отец знал, что тина на дне реки чёрная как смоль, блестящая и мягкая, как масло. Пологий влажный берег густо порос серо-зелёным камышом и подорожником цвета гусиного пуха, стелилась ковром пуэрария, вверх тянулись жёсткие стебли бузины, а на иле отпечатались следы крошечных крабьих лапок. Осенний ветер приносил прохладу, стаи диких гусей летели на юг, выстраиваясь то в линию, то клином. Когда гаолян краснел, целые отряды крабов величиной с конское копыто по ночам выбирались на речную отмель и отправлялись в заросли травы на поиски пропитания. Крабы любят свежие коровьи лепёшки и подгнившие трупы животных. Журчание реки напомнило отцу о былых осенних вечерах, когда он с дядей Лю Лоханем,[3] работавшим в нашей семье по найму, отправлялись на берег реки ловить крабов. То были ночи цвета сизого винограда, осенний ветер повторял изгибы реки, ярко-синее небо казалось глубоким и необъятным, а зеленоватые звёзды светили особенно ярко. Семь ярчайших звёзд Северного ковша, ведавшего смертью, Южный ковш, отвечающий за жизнь, Октант, напоминающий стеклянный колодец, лишившийся одного своего кирпичика, тоскующий Волопас[4] собирается повеситься, а печальная Ткачиха[5] хочет утопиться в реке… Лохань проработал в нашей семье несколько десятков лет, отвечал за производство гаолянового вина на нашей винокурне, и отец таскался за ним по пятам, как за родным дедом.

В душе отца, взбаламученной густым туманом, словно бы зажглась керосиновая лампа. Дым просачивался из-под жестяной крышки. Огонёк горел слабо, рассеивая тьму лишь метра на три вокруг. Попав в свет лампы, вода становилась жёлтой, как переспелый абрикос, но лишь на долю секунды, а потом текла дальше, отражая звёздное небо. Отец и дядя Лохань, накинув дождевики из соломы, сидели возле лампы, прислушиваясь к тихому, еле слышному, журчанию реки. С бескрайних гаоляновых полей по обе стороны реки время от времени доносятся взволнованные крики лис, ищущих себе пару. Крабы ползут на свет и кучкуются вокруг фонаря. Отец и дядя Лохань сидят тихо, с почтением слушая секретный язык земли. С илистого дна волнами поднимается зловоние. К лампе подползают всё новые и новые отряды крабов, сжимаясь нетерпеливым кольцом. Сердце отца трепещет, он уже готов вскочить с места, но дядя Лохань крепко удерживает его за плечо.

— Не спеши! — наставляет его дядя. — Поспешишь — не отведаешь горячей каши!

Отец усилием воли преодолевает волнение и не двигается. Крабы доползают до лампы и останавливаются, цепляются друг за друга, укрывают землю плотным ковром. Их зелёные панцири поблёскивают, глаза вылезают из орбит на тонких стебельках, укрытые панцирями рты испускают разноцветные пузыри — так крабы бросают вызов людям. У отца аж солома на дождевике встаёт дыбом. Дядя Лохань командует:

— Хватай!

Отец тут же вскакивает, и они наперегонки с дядей Лоханем хватают каждый за два угла заранее растянутую на земле невидимую глазу сетку, поднимая её вместе со слоем крабов и обнажая илистый берег. Отец и дядя Лохань завязывают углы сетки и отбрасывают её в сторону, а потом так же быстро и ловко хватают следующую. Сетки тяжёлые, в каждой несколько сот, а то и тысяч крабов.

Оказавшись вместе с отрядом в зарослях гаоляна, отец мысленно побежал бочком за крабами, ноги не попадали в свободное пространство между стеблями и топтали их, отчего стебли раскачивались и гнулись. Отец так и не выпускал краешек куртки командира Юя: вроде бы шёл сам, но при этом его тащил вперёд командир Юй. На него навалилась сонливость, шея одеревенела, в глаза словно песку насыпали. Отец подумал, что когда ходил на Мошуйхэ с дядей Лоханем, то никогда не возвращался с пустыми руками.

Отец ел крабов, пока не затошнило, и бабушка тоже. Аппетита не было, но и выбросить жалко, поэтому дядя Лохань острым ножом нарубил крабовое мясо, с помощью жернова для доуфу[6] растёр в пюре, посолил и переложил в глиняный чан; получился крабовый соус, который они ещё долго ели, но доесть не успели — он стух, завонял, и остатками они удобрили мак. Я слышал, что бабушка покуривала опиум, но не пристрастилась, поэтому всю жизнь лицо её оставалось нежно-розовым, словно персик, она пребывала в хорошем настроении, а ум не утратил ясность. На крабовой подкормке маки выросли крупными, с мясистыми коробочками, розовыми, красными и белыми, их сильный аромат бил в нос. В моих родных местах чернозём на удивление жирный и плодородный, а народ здесь живёт хороший, моим землякам свойственны высокие устремления. В Мошуйхэ в изобилии водились угри, жирные, как детородные органы, с ног до головы утыканные колючками, такие тупые, что при виде рыболовного крючка тут же его заглатывали.

Дядя Лохань, о котором думал отец, в прошлом году погиб, как раз на шоссе Цзяопин. Его труп искромсали на кусочки и разбросали по округе, предварительно освежевав так, что плоть подпрыгивала и подрагивала, как у огромной лягушки, сбросившей кожу. Стоило отцу вспомнить труп дяди Лоханя, как по хребту пробегал холодок. А ещё отец вспоминал, как

однажды вечером лет семь-восемь назад бабушка напилась допьяна; во дворе нашей винокурни были свалены в кучу гаоляновые листья, бабушка оперлась на эту кучу, схватила дядю Лоханя за плечи и взмолилась:

— Дядюшка… не уходи… прояви снисхождение… как говорится, не смотри на рыбу, смотри в воду… если не ради меня, так ради Доугуаня… останься… если хочешь меня, так я тебе отдамся, хоть ты мне как отец родной…

Отец помнил, что дядя Лохань отпихнул бабушку в сторону и поковылял в стойло размешать фураж для мулов. У нас дома держали двух больших чёрных мулов, кроме того, наша семья владела винокурней, на которой производили гаоляновое вино, и в деревне была самой зажиточной. Дядя Лохань тогда не ушёл, а остался у нас заведовать винокурней вплоть до того момента, как японцы увели тех двух чёрных мулов на строительство шоссе Цзяопин.

В этот момент из деревни, которую отец вместе с отрядом оставили за спиной, донёсся протяжный крик мула. Отец вздрогнул и широко распахнул глаза, но по-прежнему видел лишь полупрозрачный туман вокруг. Жёсткие прямые стебли гаоляна выстроились плотной изгородью за стеной тумана, один ряд переходил в другой, и не было им конца и края. Отец уже не помнил, сколько они шагают по гаоляновому полю, мысли его давно застряли в благодатной речке, журчавшей вдалеке, в воспоминаниях о прошлом. Юн не знал, куда они в такой спешке пробираются через дремучий океан гаоляна. Отец перестал ориентироваться на местности. В прошлом году он однажды потерялся в зарослях гаоляна, но в итоге всё-таки выбрался, идя на звук реки. Сейчас снова прислушался к подсказкам реки и быстро понял, что отряд движется на восток или юго-восток в её сторону. С направлением всё стало ясно. Кроме того, отец понял, что они собираются из засады нанести удар по японцам и будут убивать людей, как собак. Если отряд и дальше будет двигаться на юго-восток, то вскоре они доберутся до шоссе Цзяопин, которое тянется с севера на юг, разрезая пополам болотистую равнину и соединяя два уездных города, Цзяо и Пинду. Это шоссе построили простые китайцы, которых японцы и их приспешники подгоняли хлыстами и штыками.

Гаолян колыхался сильнее, поскольку люди совсем утомились, падала обильная роса, и у всех намокли головы и загривки. Ван Вэньи кашлял и не мог остановиться, несмотря на брань командира Юя. Отец почувствовал, что они вот-вот выйдут к дороге, её бледно-жёлтые очертания уже покачивались перед его взором. Незаметно в море тумана стали появляться прорехи, из которых на отца пристально и тревожно глядел мокрый от росы гаолян, а отец в ответ с почтением смотрел на гаолян. Внезапно его осенило, что гаолян — живое существо: пускает корни в чернозём, подпитывается лучами солнца и блеском луны, его увлажняют дожди и росы, он разумеет, как всё устроено на небе и на земле. По цвету гаоляна отец догадался, что солнце уже окрасило горизонт, скрытый за гаоляном, в жалобно-красный цвет.

Внезапно произошло кое-что неожиданное. Сначала отец услышал, как у самого уха что-то просвистело, а потом впереди раздался такой звук, словно что-то разорвалось на части.

Командир Юй взревел:

— Кто стрелял? Сукины дети, кто стрелял?!

Отец услышал, как пуля пронзила туман, прошла сквозь листья и стебель гаоляна, и метёлка упала на землю. Пока пуля с пронзительным свистом летела по воздуху и потом куда-то свалилась, все на миг затаили дыхание. В тумане разлился сладковатый запах

пороха. Ван Вэньи запричитал:

— Командир, остался я без головы… командир…

Командир Юй бросил отца и зашагал вперёд в авангард. Ван Вэньи продолжал стонать. Отец подошёл и увидел, что лицо Ван Вэньи приобрело странный вид и по нему стекает тёмно-синее нечто. Отец протянул руку и дотронулся — жидкость оказалась горячей и липкой.

Отец уловил запах — почти такой же, как у ила в реке Мошуйхэ, только резче. Он перебил нежный аромат мяты и сладковатую горечь гаоляна, пробудив в памяти всё более навязчивые воспоминания, и, словно бусы, нанизал ил реки Мошуйхэ, чернозём под гаоляном, навеки живое прошлое и неотвратимое настоящее. Порой от всего сущего может исходить запах человеческой крови.

— Дядя, — сказал отец. — Ты ранен!

— Доугуань… Ты ведь Доугуань? Посмотри, у дяди голова всё ещё на месте?

— Да, на месте, вот только из уха кровь идёт.

Ван Вэньи пощупал ухо, перепачкал всю руку в крови, взвизгнул и рухнул на землю.

— Командир… я ранен! Я ранен! Ранен!

Командир Юй вернулся, присел на корточки, схватил Ван Вэньи за горло и, понизив голос, прошипел:

— Ну-ка умолкни, не то я тебя прикончу!

Ван Вэньи перестал охать.

— Куда ранило? — спросил командир Юй.

— В ухо… — со слезами ответил Ван Вэньи.

Командир Юй вытащил из-за пазухи белую тряпку, с виду похожую на платок, с треском разорвал пополам и вручил Ван Вэньи.

— Пока просто приложи. И молча иди. Как доберёмся до шоссе, так перевяжем.

Командир Юй позвал:

— Доугуань!

Отец откликнулся, командир Юй взял его за руку и повёл за собой. Позади плёлся Ван Вэньи, что-то бормоча себе под нос.

А случилось вот что. Здоровенный немой парень, который шёл впереди с граблями на плече, зазевался и упал, винтовка за спиной выстрелила. Немой был давним другом командира Юя, такой же разбойник, с которым они вместе делили лепёшки-кулачи, [7] у него одна нога была травмирована ещё в материнской утробе, поэтому Немой хромал, но ходил очень быстро. Отец его немного побаивался.

Где-то на рассвете густой туман наконец рассеялся, и в это время командир Юй с отрядом вышли на шоссе Цзяопин. Восьмой лунный месяц в моём родном краю — сезон туманов, возможно, оттого, что в низине очень влажно. Оказавшись на шоссе, отец тут же почувствовал лёгкость и подвижность во всём теле, ноги стали резвыми и сильными, и он выпустил из рук краешек куртки командира Юя. Ван Вэньи, скуксившись, прижимал белую тряпицу к окровавленному уху. Командир Юй неуклюже наложил повязку, забинтовав заодно и полголовы. Ван Вэньи от боли скрежетал зубами.

— Вот уж повезло тебе, — сказал командир Юй.

— Да я весь кровью истёк, не могу дальше идти, — причитал Ван Вэньи.

Чушь! Не сильнее комариного укуса. Ты что, забыл про своих трёх сыновей?

Ван Вэньи повесил голову и пробормотал:

— Нет, не забыл.

Приклад длинноствольного ружья, которое он нёс на спине, окрасился кровью. Плоская пороховница болталась на боку.

Остатки тумана отступили в заросли гаоляна. На крупном песке, которым засыпали дорогу, не было ни следов коровьих копыт, ни конских, и уж тем более отпечатков человеческих ног. При виде плотной стены гаоляна по обе стороны безлюдного шоссе люди ощутили тревогу. Отец давно уже подсчитал, что отряд командира Юя даже со всеми глухими, немыми и хромыми составлял не больше сорока человек, однако, пока жили в деревне, они шумели так, будто там была целая армия. На шоссе же отряд из тридцати с лишним человек сжался, словно замёрзшая змея. Ружья у всех были разной длины, и тебе самоделы, и охотничьи дробовики, а ещё старенькие «ханьяны»[8] и небольшая пищаль, стрелявшая маленькими ядрами, которую несли братья, Фан Шестой и Фан Седьмой. Немой тащил на плече длинные прямоугольные грабли с двадцатью шестью железными зубцами, какими в деревне разравнивали почву. Такие же грабли несли и трое других членов отряда. Отец тогда не знал, как выглядит атака из засады, и уж тем более не представлял, зачем для этого брать с собой грабли в количестве четырёх штук.

2

Чтобы написать историю нашего рода, я возвращался уже в дунбэйский Гаоми и проводил масштабные изыскания, сосредоточившись в основном на знаменитой битве при реке Мошуйхэ, в которой принимал участие мой отец и в которой был убит японский генерал-майор. Одна девяностодвухлетняя бабулька из нашей деревни спела мне частушку-куайбань:[9]

Как на северо-востоке заварилась кутерьма,
собралась народу тьма,
встав шеренгой у реки,
ждали взмаха все руки.
Юй солдатам дал отмашку —
и раздался залп,
тут япошки разбежались,
поджимая зад.
А красавица Фэнлянь не дала им улизнуть
и граблями преградила путь…

Голова у старухи была лысая, как глиняный сосуд, всё лицо в морщинах, а на высохших руках проступали вены, как волокна люфы. Она пережила бойню во время праздника Середины осени в одна тысяча тридцать девятом году. Из-за язвы на ноге она не смогла убежать, и муж спрятал её в погребе, где хранили батат. Ей очень повезло, и она выжила. А Фэнлянь, о которой пела старуха под аккомпанемент бамбуковых трещоток, — это моя бабушка, Дай Фэнлянь. Дослушав до этого места, я воодушевился. Из частушки следовало, что замысел преградить граблями автомашинам япошек путь к отступлению принадлежал женщине, моей бабушке. Её тоже стоило почитать как национальную героиню, сражавшуюся в первых рядах сопротивления Японии.

Когда речь зашла о моей бабушке, старуха разговорилась. Мысли её были обрывочными и беспорядочными, словно листья, гонимые ветром по земле. Она сообщила, что у моей бабушки была самая крошечная ножка во всей деревне, а вино из нашей винокурни было самым пьянящим. Когда она добралась до рассказа о шоссе Цзяопин, её слова стали более связными:

— Когда дорогу протянули до нас… гаолян доходил только до пояса… Япошки угнали всех, кто мог работать… Местные отлынивали, увиливал и… у вашей семьи забрали двух больших чёрных мулов… Японские черти перебросили через Мошуйхэ каменный мост… Лохань, старик, что у вас работал… они с твоей бабушкой творили всякие непотребства, так люди говорили… Ох-ох-ох, твоя бабушка в молодости столько предавалась любовным утехам… а отец твой был молодец, в пятнадцать уже убивал врагов, даже среди ублюдков рождаются удальцы, а девять из десяти ни на что не годны… Лохань пошёл перебить мулам ноги лопатой, а его схватили и порубили на мелкие кусочки… японцы лихо местным вредили… испражнялись в котлы, ссали в миски… я в тот год пошла как-то раз за водой, а

что зачерпнула? Человеческую голову с длинной косой…[10]

Лохань — важный персонаж в истории нашего рода. Было ли что-то между ним и бабушкой, сейчас уже не выяснить. Честно говоря, я и не хочу в такое верить.

Хотя головой-то я понимаю, что говорит мне эта лысая, как горшок, старуха, но мне неловко. Я думаю, раз дядя Лохань относился к моему отцу как к родному внуку, так он вроде как мой прадед, а если прадед крутил шашни с моей бабушкой, то это кровосмешение, так ведь? На самом деле это всё глупости, поскольку бабушка моя была вовсе не невесткой дяди Лоханя, а его хозяйкой, Лоханя с моей семьёй связывали лишь денежные отношения, а не кровные. Он был преданным старым работником, который украсил историю нашего рода и, без сомнения, добавил ей блеска. Любила ли его бабушка, забирался ли он к ней на кан[11] — всё это не имеет никакого отношения к морали. Допустим, любила — и что с того? Я твёрдо уверен, что бабушка могла делать всё, что пожелает. Она не просто героиня сопротивления, но и предвестница сексуального освобождения, пример независимости женщин.

Я изучил местные архивные записи, в них говорилось, что на двадцать седьмой год Республики[12] японская армия захватила уезды Гаоми, Пинду и Цзяо и местные жители провели в общей сложности на строительстве четыреста тысяч трудодней. Потери зерновых не поддаются подсчёту. Из деревень по обе стороны от шоссе угнали подчистую всех мулов и лошадей. Крестьянин Лю Лохань под прикрытием ночи железной лопатой переломал ноги множеству мулов и лошадей и был схвачен. На следующий день японские солдаты привязали его к столбу, сняли с него кожу, порубили на кусочки и выставили на всеобщее обозрение. На лице Лю не было страха, он без конца ругался, пока не испустил дух.

3

Всё и правда было именно так. Когда шоссе Цзяопин протянули до нашей деревни, гаолян в полях доходил всего лишь до пояса. Болотистую равнину длиной в семьдесят ли[13] и шириной в шестьдесят украшало несколько десятков сёл, её крест-накрест разрезали две реки и покрывали сеткой несколько десятков просёлочных дорог, а всё остальное место занимали зелёные волны гаоляна. Из нашей деревни была отлично видна Баймашань, гора Белой Лошади, на севере равнины — огромная белая скала в форме лошади. Крестьяне, мотыжившие гаолян, поднимали голову и видели эту самую белую лошадь; они опускали голову и видели чернозём; пот капал на землю, на душе было тяжело. Когда пронёсся слух, что японцы собрались стоить дорогу на равнине, деревенские запаниковали, они с волнением ждали, когда грянет беда.

Японцы сказали — японцы пришли.

Когда японские черти с марионеточными войсками объявились в нашей деревне и начали угонять на стройку крестьян и скот, отец спал. Его разбудили громкие крики на винокурне. Бабушка схватила отца за руку и побежала на винокурню так быстро, как только могла на своих крошечных ножках, напоминавших побеги бамбука. Во дворе винокурни стояло больше десяти огромных керамических чанов, наполненных превосходным крепким вином, аромат которого разлетался по всей деревне. Два японца в хаки стояли во дворе со штыками наперевес. Два китайца в чёрной форме с винтовками, болтавшимися за спиной, отвязывали от катальпы[14] пару больших чёрных мулов. Дядя Лохань снова и снова бросался к низкорослому солдату марионеточных войск, который отцеплял поводья, но раз за разом высокий китаец тыкал в него стволом винтовки, заставляя отступить. В начале лета жарко, и дядя Лохань был одет лишь в тонкую рубашку, всю его грудь покрывали багровые следы от дула.

Дядя Лохань твердил:

— Братцы, давайте всё обсудим, давайте всё обсудим.

Высокий солдат отвечал:

— Катись отсюда, скотина старая!

— Это хозяйская животина, нельзя уводить!

— Будешь тут пререкаться — расстреляем, ублюдок!

Японцы с винтовкой стояли, словно каменные изваяния.

Бабушка с отцом появились во дворе, и дядя Лохань сообщил:

— Они наших мулов забирают!

Бабушка сказала:

— Господа, мы мирные жители.

Японцы, прищурившись, осклабились.

Низенький китаец отвязал мулов, потянул, что было сил, но животные запрокинули головы и ни в какую не двигались. Высокий ткнул их штыком в круп, мулы гневно лягались, блестящие подковы ударили по грязи, забрызгав лицо солдата.

Высокий щёлкнул затвором, а потом взял на мушку дядю Лоханя и закричал:

— Старый сукин сын, давай ты тяни! Гони его на стройку!

Дядя Лохань сидел на корточках и не издавал ни звука.

Тогда один из японцев помахал штыком перед глазами дяди Лоханя и прокричал что-то

нечленораздельное. При виде блестящего штыка, мельтешившего перед ним, дядя Лохань сел на землю. Японский солдат ткнул штыком, и острое лезвие оставило белый след на гладком скальпе дяди Лоханя.

Бабушка задрожала, вся сжалась и проговорила:

— Дядюшка, отведи мулов.

Один из японских солдат медленно подошёл к бабушке. Отец увидел, что это молодой красивый парень с блестящими чёрными глазами и чёрными как смоль волосами; когда он улыбался, то губы приоткрывались и виднелся жёлтый зуб. Бабушка, спотыкаясь, попятилась и спряталась за дядю Лоханя. Из раны на его голове потекла кровь, перепачкав лицо. Японцы, усмехаясь, подошли поближе. Бабушка прижала обе руки к окровавленной голове дяди Лоханя, а потом вытерла их о лицо, распустила волосы, разинула рот и начала подпрыгивать, как ненормальная. В ней мало осталось человеческого, она скорее походила на беса. Японцы в изумлении застыли, а низкорослый солдат-китаец заявил:

— Командир, эта баба, похоже, рехнулась.

Один из япошек что-то забормотал и прицелился из винтовки бабушке в голову. Бабушка плюхнулась на землю и с громкими всхлипываниями зарыдала.

Высокий солдат, тыча винтовкой, заставил дядю Лоханя подняться. Тот забрал у низкорослого поводья мула. Мул вскинул голову и на дрожащих ногах пошёл со двора вслед за дядей Лоханем. Дорога кишмя кишела мулами, лошадьми, коровами и баранами.

Бабушка не сошла с ума. Стоило японцам и солдатам марионеточной армии покинуть двор, как бабушка сняла деревянную крышку с одного из чанов и посмотрела на своё окровавленное отражение на ровной, словно зеркало, поверхности гаолянового вина. Отец увидел, как по её щекам потекли слёзы, которые сразу окрасились кровью. Бабушка умылась вином, и оно тоже стало красным.

Дядю Лоханя вместе с мулами под конвоем отвели на стройку. В гаоляновом поле успели протянуть отрезок дороги. Шоссе к югу от реки Мошуйхэ почти закончили, по нему уже подъезжали большие грузовики и маленькие машины, гружённые камнями и песком, их разгружали на берегу. Через реку был перекинут лишь маленький деревянный мостик, и японцы хотели построить большой каменный мост. По обе стороны от шоссе вытоптали большие участки гаоляна, и казалось, что землю покрывает зелёный ковёр. В гаоляновом поле к северу от реки по обе стороны от будущей дороги, обозначенной чернозёмом, несколько десятков мулов и лошадей тянули каменные катки, чтобы утрамбовать две площадки в море гаоляна, вытаптывая при этом растения на границе со стройплощадкой. Люди водили лошадей и мулов туда-сюда по полю, молодые побеги гаоляна ломались и ложились под копытами, а потом снова и снова приминались ребристыми и гладкими катками, которые намокали от сока гаоляна и окрашивались в зелёный цвет. На стройплощадке витал резкий запах молодых побегов.

Дядю Лоханя угнали на южный берег реки, чтобы он перетаскивал камни на другой берег. Он с отвращением передал поводья старикашке с гноившимися глазами. Маленький деревянный мостик раскачивался из стороны в сторону, словно в любой момент мог рухнуть. Дядя Лохань перешёл на другой берег и остановился. И тут китаец-надсмотрщик легонько ткнул Лоханя в голову фиолетовым хлыстом из ротанга и велел:

— Давай, тащи камни на другой берег.

Дядя Лохань потёр глаза, кровь, стекавшая с головы, перепачкала брови. Он взял камень среднего размера и понёс на противоположный берег. Старик надсмотрщик так никуда и не

ушёл. Дядя Лохань наказал ему:

— Берегите их, это мулы моих хозяев.

Старик повесил голову и потянул животных в сторону большого отряда мулов и лошадей, прокладывавших дорогу. На гладких чёрных крупах мулов играли отблески солнечного света. Всё ещё истекавший кровью дядя Лохань присел на корточки, зачерпнул пригоршню земли и прижал к ране. Тупая боль пронзила тело до пальцев ног, ему показалось, будто голова треснула пополам. По краю строительной площадки рассредоточились японские черти и солдаты марионеточных войск с оружием наизготовку. Надсмотрщик с плетью в руке слонялся по строительной площадке, словно привидение. При виде кровавого месива вперемешку с грязью на голове дяди Лоханя крестьяне пугались до дрожи. Дядя Лохань взял очередной камень, но не прошёл и пары шагов, как позади раздался свист, после чего спину пронзила резкая боль. Дядя Лохань бросил камень и посмотрел на улыбавшегося надсмотрщика:

— Начальник, давайте поговорим, чего сразу бить-то?

Надсмотрщик улыбался и молчал, затем поднял хлыст и стеганул Лоханя по пояснице. Дяде Лоханю показалось, что хлыст разрубил тело на две половины, из глаз хлынули потоком горячие, обжигающие слёзы. Кровь прилила к голове, корка из запёкшейся крови и грязи пульсировала, готовая лопнуть. Дядя Лохань вскрикнул:

— Начальник!

Тот снова огрел его плетью.

— Зачем вы меня бьёте?

Помахав хлыстом, начальник со смехом сказал:

— Глаза разуй, сукин ты сын.

Дядя Лохань задохнулся от рыданий, глаза заволокло слезами, он взял из кучи большой камень и заковылял в сторону деревянного мостика. Голова распухла, перед глазами повисла пелена, острые края камня врезались в живот и под рёбра, но он уже не чувствовал боли.

Надсмотрщик прирос к месту с плетью в руке, и, проходя мимо него с камнями, дядя Лохань дрожал от ужаса. Надсмотрщик ударил его по шее плетью. Лохань упал на колени, прижимая камень к груди. Камень ободрал кожу на обеих руках, кроме того, дядя Лохань до крови разбил подбородок. Он совершенно растерялся и заплакал, как ребёнок. Голова была пуста, и в этой пустоте неспешно разгорался красный огонёк.

Дядя Лохань с трудом вытащил руки из-под камня, поднялся и выгнул спину, как старый рассерженный драный кот.

Тут к надсмотрщику подошёл какой-то мужчина средних лет с улыбкой от уха до уха, вытащил из кармана пачку сигарет и с почтением протянул одну, поднеся её прямо ко рту надсмотрщика, а тот приоткрыл губы, чтобы взять сигарету, и ждал, когда дадут прикурить.

Подошедший мужчина сказал:

— Почтенный, не стоит сердиться на этого чурбана.

Надсмотрщик выпустил дым через ноздри, но ничего не ответил. Дядя Лохань увидел, как пожелтевшие пальцы, сжимавшие плеть, напряглись.

Мужчина сунул пачку сигарет в карман надсмотрщика. Тот вроде бы и не заметил, хмыкнул, похлопал по карману, развернулся и ушёл.

— Отец, ты тут новенький, да? — спросил его мужчина.

Дядя Лохань ответил:

— Да.

— Ты ему ничего не подарил в честь знакомства?

— Да меня эти псы слушать не стали! Насильно сюда приволокли!

— Подари ему чуток денег или пачку сигарет, он не бьёт упорных, не бьёт ленивых, бьёт только тех, кто дальше своего носа не видит.

С этими словами он присоединился к остальным крестьянам, пригнанным на работы.

Всё утро дядя Лохань отчаянно тягал камни, словно бы лишился души. Струп на голове засох на солнце и причинял боль. Он ободрал руки до мяса. На подбородке образовалась ссадина, и изо рта без конца текла слюна. Пурпурное пламя всё так же горело в голове — то сильнее, то слабее, но так и не гасло.

В полдень по тому участку шоссе, где с трудом могли пробраться машины, трясясь и раскачиваясь, подъехал тёмно-жёлтый грузовичок. Дядя Лохань смутно услышал свист и увидел, как полумёртвые от усталости работники побрели на нетвёрдых ногах в сторону грузовичка. Сам он уселся на земле, не имея ни малейшего понятия, что происходит, и не желая узнавать, что это за машина. Только обжигающее пурпурное пламя колыхалось внутри, отдаваясь звоном в ушах.

К нему подошёл тот парень средних лет и потянул за рукав со словами:

— Отец, пошли, еду привезли! Пойдём, попробуешь японский рис!

Дядя Лохань встал и побрёл следом.

Из грузовика спустили несколько вёдер белоснежного риса, а ещё большую плетёную корзину, в которой лежало множество белых керамических плошек с синими узорами. Рядом с вёдрами стоял тощий китаец с латунным черпаком, а у корзины встал толстый китаец, раздававший плошки. Когда подходил очередной крестьянин, он выдавал ему плошку, и в тот же момент туда черпаком накладывали рис. Народ толпился вокруг грузовичка, с жадностью накинувшись на еду. Палочек не было, и все ели руками.

Надсмотрщик снова подошёл, держа в руках хлыст, а на его лице застыла та же невозмутимая улыбка. Пламя в голове дяди Лоханя полыхнуло и чётко осветило воспоминания, которые он отбросил прочь: он вспомнил сегодняшнее кошмарное утро. Охранники — японцы и солдаты марионеточных войск — тоже собрались вокруг белого жестяного ведра с рисом. Длинномордая овчарка с купированными ушами сидела за ведром и, высунув язык, смотрела на крестьян.

Дядя Лохань насчитал больше десятка япошек и не меньше солдат марионеточной армии, столпившихся за едой вокруг ведра, и у него зародилась идея побега. Нужно лишь забуриться в гаоляновое поле, и там его эти гребаные псы уже не достанут. Подошвам стало жарко, на них выступил пот. После того как шевельнулись мысли о побеге, он занервничал. Что скрывалось за холодной усмешкой надсмотрщика с хлыстом? Стоило дяде Лоханю увидеть эту усмешку, так в его голове тут же всё смешалось.

Крестьяне не наелись, а толстый китаец собрал плошки. Работяги облизывали губы, с жадностью глядя на рис, прилипший к стенкам пустых вёдер, но никто не осмеливался шелохнуться. На северном берегу реки хрипло заревел мул. Дядя Лохань узнал звук. Это кричал наш чёрный мул. На только что появившемся пустыре. Мулов и лошадей привязали к каменным каткам. Повсюду валялся истерзанный гаолян. Скотина неохотно жевала смятую жухлую гаоляновую ботву.

После обеда один паренёк чуть старше двадцати, решив, что надсмотрщик отвлёкся, помчался к гаоляновому полю, но его догнала пуля. Он упал ничком на краю поля и больше не двигался.

Когда солнце стало клониться к западу, снова приехал тот тёмно-жёлтый грузовичок. Дядя Лохань доел свой черпак риса. Его желудок привык к гаоляну и активно противился рису с привкусом плесени, однако дядя Лохань силой заставил себя глотать, несмотря на спазмы в горле. Мысль о побеге всё крепла и крепла. Он вспомнил о деревеньке в десяти с лишним ли отсюда, о своём доме, где в нос бил аромат гаолянового вина. Когда пришли японцы, все работники винокурни разбежались, и раскалённые котлы, в которых варили вино, остыли. Но ещё больше скучал он по моей бабушке и моему отцу. То тепло, которое моя бабушка дарила ему рядом с гаоляновой скирдой, вовек не забыть.

После ужина крестьян перегнали в большой загон, окружённый частоколом из кедровых жердей, который сверху был накрыт несколькими полотнищами брезента. Снаружи ограждение из жердей обтянули грубой сеткой с ячейками размером с фасолину, а калитку сварили из толстых металлических прутов. Япошки и солдаты марионеточных войск жили по отдельности в двух палатках, которые стояли в нескольких десятках шагов от загона. Ту овчарку привязали ко входу в палатку япошек. Перед калиткой воткнули высокий шест, на котором повесили два фонаря. Япошки и солдаты марионеточных войск сменялись на посту. Мулов и лошадей привязали с западной стороны загона на разорённом гаоляновом поле, где в землю воткнули несколько десятков коновязей.

В загоне стояла ужасная вонь, кто-то громко храпел, а кто-то ходил отлить в жестяное ведро, стоявшее в углу, и капли мочи стучали о стенки ведра, словно жемчужины о яшмовое блюдо. В загон проникал тусклый свет фонарей, в котором то и дело колыхались длинные тени патрульных.

Постепенно сгустилась ночь, холод стал мучительным. Дядя Лохань не мог уснуть, всё думал о побеге. Вокруг загона раздавались шаги постовых. Дядя Лохань лежал, не смея пошевелиться, и в итоге провалился в забытьё. Ему приснилось, будто в его голову вонзили острый кинжал, а руку прижигали калёным железом. Очнулся он весь в поту и с мокрыми штанами. Из далёкой деревни донёсся пронзительный петушиный крик. Мулы и лошади били копытами и с шумом раздували ноздри. Сквозь дырявый брезент воровато заглядывали несколько звёздочек.

Тот мужчина средних лет, что днём помог дяде Лоханю, тихонько сел. Даже в полумраке дядя Лохань видел его пылающие глаза. Он понял, что это незаурядный человек, и молча наблюдал за ним, а тот присел на колени у входа и поднял руки; движения его были очень медленными. Дядя Лохань смотрел на его спину и затылок. Человек сделал глубокий вдох, наклонил голову набок, а затем схватился за железные прутья, словно бы натягивая тетиву. Глаза его светились тёмно-зелёным светом, и когда этот свет соприкасался с предметами, казалось, раздаётся шипение. Железные прутья беззвучно разошлись в стороны. Ещё больше света от фонарей и от звёзд устремилось внутрь загона, осветив незнамо чей поношенный тапок, просивший каши. Патрульный повернулся. Дядя увидел, как из загона выпорхнула чёрная тень. Япошка только крякнул и тут же обмяк в железной хватке этого парня и беззвучно повалился на землю. Парень схватил винтовку япошки и бесшумно растворился во тьме.

Дядя Лохань не сразу понял, что только что произошло на его глазах. Оказалось, тот мужчина был мастером боевых искусств, и он проложил путь к спасению. Беги! Дядя Лохань осторожно выбрался наружу через образовавшуюся дыру. Мёртвый японец лежал навзничь, одна его нога всё ещё подёргивалась.

Дядя Лохань на карачках дополз до гаолянового поля, там выпрямился и пошёл вдоль

борозды, прячась за гаоляном и стараясь не издавать ни звука. Так он добрался до реки Мошуйхэ. Прямо над головой светили три звезды,[15] наступил самый тёмный предрассветный час. Звёзды поблёскивали на воде. Дядя Лохань постоял немного на берегу, холод пронизывал до костей, зубы стучали, а боль в подбородке отдавалась в щеках и ушах, объединяясь с пульсирующей, словно от нагноения, болью в макушке. Свежий воздух свободы с привкусом гаолянового сока проникал в ноздри, лёгкие и внутренности. Призрачный свет двух японских фонарей пробивался в тумане, а тёмный контур загона напоминал огромную могилу. Дядя Лохань не осмеливался поверить, что так легко сбежал. Ноги сами отнесли его к сгнившему деревянному мостику, в журчащей воде кружились рыбки, падающая звезда яркой вспышкой прочертила небо. Словно бы ничего и не произошло, совсем ничего. Вообще-то дядя Лохань мог тогда сбежать в деревню, схорониться, залечить раны и продолжить жить-поживать. Однако, ступив на мост, он услышал, как на южном берегу реки испуганно заревел охрипшим голосом мул. Он вернулся за мулами, что и привело к грандиозной трагедии.

Тягловый скот привязали к нескольким десяткам столбов неподалёку от газона, прямо под ними плескалась лужа их собственной вонючей мочи. Лошади раздували ноздри и фыркали, а мулы грызли деревянные столбы. Лошади жевали стебли гаоляна. У мулов начался понос. Лохань, спотыкаясь на каждом шагу, влетел в табун. Он учуял родной запах двух наших больших чёрных мулов, увидел знакомые силуэты и бросился к ним, чтобы освободить своих страдающих друзей, но мулы, эти неразумные твари, развернулись к нему задом и принялись лягаться, высоко вскидывая копыта.

Дядя Лохань забормотал себе под нос:

— Чёрненькие, убежим вместе!

Мулы бешено крутились туда-сюда, оберегая свою территорию. Почему-то они не узнали хозяина. Дядя Лохань не ведал, что его облик изменился из-за нового для мулов запаха запёкшейся крови и вида затянувшихся ран. Дядя Лохань в расстроенных чувствах сделал шаг вперёд, и мул лягнул его копытом прямо в пах. Старик отлетел в сторону и упал на бок, не чувствуя половину тела. Мул продолжал лягаться, высоко задрав зад, копыта сверкали, словно серпы луны. В паху у дяди Лоханя всё отекло и горело огнём, появилось ощущение, будто он придавлен тяжёлым грузом. Он попробовал подняться, но упал, а упав, снова поднялся. В деревне снова закукарекал тонким голосом петух. Тьма начала постепенно отступать, три звезды сияли ещё ярче, освещая искрящиеся зады мулов и их глазные яблоки.

— Твари вы этакие!

Дядя Лохань впал в ярость и начал, скособочившись, ходить вокруг в поисках чего-нибудь острого. В канале, который рыли для отведения воды, он нашёл железную лопату. Лохань разгуливал по территории, громко ругаясь, позабыв о людях и сторожевой псине всего в сотне шагов от него. Он чувствовал себя свободным, ведь свобода — это отсутствие страха. Красное марево на востоке поднималось и рассеивалось, гаоляновое поле в предрассветный час казалось таким безмолвным, словно в любую минуту эту тишину может разорвать взрыв. Дядя Лохань двинулся навстречу заре прямиком к своим двум чёрным большим мулам. Он ненавидел этих тварей до мозга костей. Мулы стояли тихо и не двигались. Дядя Лохань поднял лопату, прицелился одному из мулов в заднюю ногу и изо всех сил ударил. Холодная тень упала на ногу мула. Животное пару раз качнулось из стороны в сторону, а потом из его пасти вырвалось громкое ржание, в котором смешались

возмущение и страх. Сразу вслед за этим раненый мул высоко задрал зад и обдал фонтаном горячей крови лицо дяди Лоханя. Тот увидел слабое место и ударил мула по другой ноге. Чёрный мул охнул, его круп постепенно опустился, потом мул внезапно осел на землю, всё ещё опираясь передними копытами, его шею сдавливали поводья, а из пасти вырвалось воззвание к светлеющему серо-синему небу. Тяжёлый зад животного прижал лопату к земле, дядя Лохань присел на корточки, рванул изо всех сил лопату и почувствовал, что лезвие застряло в бедренной кости животного. Второй мул тупо пялился на рухнувшего товарища и жалостливо ржал, словно бы плакал и просил пощады.

Дядя Лохань с лопатой в руках пошёл на него, мул попятился, верёвка натянулась, готовая порваться, деревянный кол затрещал. Из огромных, с кулак, глаз мула лился тёмно-синий свет.

— Испугался, гад? И где теперь твой грозный вид? Тварюга! Неблагодарная продажная скотина! Предатель, мать твою!

Яростно ругаясь, дядя Лохань ударил лопатой, целясь в прямоугольную морду чёрного мула, но промазал, и железный заступ застрял в деревянном столбе. Он подёргал черенок, покрутил во все стороны и только тогда вытащил лопату. Чёрный мул боролся изо всех сил, выгибая задние ноги, словно лук, а облезлый хвост с шуршанием подметал землю. Дядя Лохань прицелился в морду мулу — бац! — и лопата попала прямо в центр широкого лба, лезвие ударилось о крепкую кость и задрожало, вибрация передалась через черенок на руки дяди так, что они онемели. Чёрный мул не издал ни звука, его копыта дрожали, ноги заплетались; в конце концов животное не выдержало и рухнуло на землю, словно обвалившаяся стена. Верёвка порвалась, один конец болтался на коновязи, а второй обвился вокруг морды мула. Дядя Лохань молча стоял, опустив руки по швам. Блестящая лопата торчала из головы мула, указывая прямо в небо. Поодаль лаяла собака, кричали люди. Рассвело. Над восточной стороной гаолянового поля показалась кроваво-красная дуга; солнечные лучи попадали прямёхонько в полуоткрытый рот дяди Лоханя, похожий на чёрную дыру.

4

Отряд вышел на берег, выстроившись в линию, их освещало красное солнце, только что вырвавшееся из тумана. Как и у остальных, у отца половина лица была красной, а вторая половина — зелёной. Как и остальные, отец наблюдал, как над Мошуйхэ рассеивается туман. Участки шоссе к югу и северу от реки связывал между собой большой каменный мост с четырнадцатью пролётами, перекинутый через Мошуйхэ. Первоначальный деревянный мостик остался на прежнем месте, к западу от каменного, но с настила в реку обрушилось три или четыре секции, уцелели лишь несколько коричневых свай, торчавших из воды, которые волей-неволей задерживали бледную пену. В рассеивающемся тумане поверхность реки поблёскивала красным и зелёным и казалась устрашающей. С берега открывалось величественное зрелище: к югу от реки тянулось бесконечное поле гаоляновых метёлок, ровное, словно отполированное. Метёлки стояли неподвижно, все колоски демонстрировали тёмно-красные лица. Растения сплотились во внушительный коллектив, охваченный одним великим замыслом. Отец в ту пору был слишком юн, ему не могли прийти на ум такие цветастые описания, это я додумываю.

Гаолян и люди вместе ждали, когда же из цветов народятся зёрна.

Дорога тянулась прямо на юг, постепенно сужаясь, и в итоге тонула в гаоляне. В самой дальней точке, где гаолян сливался с бледно-голубым сводом неба, на рассвете точно также разворачивалась трогающая до глубины души торжественная сцена.

Мой отец с толикой любопытства смотрел на застывших партизан. Откуда они? Куда направляются? Зачем устраивают засаду? А потом что? В безмолвии ритм журчания воды у обвалившегося моста стал ещё чётче, а звук-звонче. Постепенно солнечный свет прибил туман к воде. Вода в Мошуйхэ мало-помалу воспламенилась и стала золотистой. Река блестела и переливалась. Около берега росла одинокая кувшинка: пожелтевшие листья пожухли, некогда ярко-алые цветы, напоминавшие по форме тутовых шелкопрядов, завяли и повисли между листьев. Отцу снова вспомнился сезон ловли крабов: дул осенний ветер, воздух был прохладным, стая диких гусей летела на юг… Дядюшка Лохань кричал: «Хватай, Доугуань… хватай!» Мягкий ил на берегу реки покрывал искусный узор, оставленный тонкими крабьими лапками. Отец чувствовал, что от реки шёл особенный тонкий запах крабов. До войны сопротивления[16] в нашей семье выращивали мак и ели с крабовой пастой, цветы были крупными, яркими, их сильный аромат бил в ноздри.

Командир Юй сказал:

— Прячемся под насыпью. Немой, разложи грабли!

Немой снял с плеча несколько мотков проволоки и связал вместе большие грабли в количестве четырёх штук. Затем он промычал что-то пару раз, подзывая нескольких товарищей, чтобы они отнесли эту связку на стык шоссе и каменного моста.

Командир Юй приказал:

— Братья, спрячьтесь, пока машина япошек не окажется на мосту и ребята из подразделения Лэна не перекроют путь к отступлению. Как услышите мою команду — начинайте вместе палить, а затем скинем этих скотов в реку на съедение угрям и крабам.

Командир Юй сделал пару жестов Немому, тот покивал и повёл половину вооружённых людей прятаться в гаоляне к западу от шоссе. Ван Вэньи потрусил за Немым на запад, но тот развернул его. Командир Юй сказал:

— Ты туда не ходи. За мной! Боишься?

Ван Вэньи, без конца качая головой, бормотал:

— Не боюсь… не боюсь…

Юй велел братьям Фан установить пищаль на насыпи, а потом обратился к горнисту Лю:

— Старина Лю, как только мы откроем огонь, дуй в свою дудку что есть мочи, несмотря ни на что. Черти боятся громких звуков, слышишь меня?

Горнист Лю был давним другом командира Юя, в юности Юй был носильщиком паланкина, а Лю — музыкантом, играл на барабане и соне.[17] Лю держал инструмент обеими руками, как держат винтовку.

Юй обратился ко всем присутствующим:

— Хочу сразу сказать горькую правду. Если кто-то из вас в ответственный момент струсит — прикончу. Нам нужно блеснуть перед Лэном и его подразделением. Эти ублюдки запугивают народ своими флагами. А я не такой! Он хочет, чтоб я пошёл у него на поводу? А я хочу, чтоб всё было по-моему!

Люди отряда засели в гаоляновом поле, Фан Шестой вытащил трубку, набил её табаком, потом нащупал кремень и высек искру. Кресало было чёрным, а кремень бурым, как варёная куриная печень. Когда кресало ударило по кремню, раздалось шипение, разлетелся сноп больших искр. Одна искра приземлилась на фитиль из стеблей гаоляна, который Фан зажал между указательным и безымянным пальцами. Фан Шестой набрал побольше воздуха и подул, из трута потянулась струйка белого дыма, который стал красным. Фан Шестой раскурил трубку и сделал глубокую затяжку, а командир Юй сплюнул, поморщился и приказал:

— Погаси! Если черти унюхают табачный дым, разве они заедут на мост?

Фан Шестой поспешно сделал пару затяжек, затем потушил трубку и убрал кисет. Командир Юй сказал:

— Заляжем на склоне, не то черти подъедут, а мы ещё не готовы!

Все немного напряглись, но улеглись на склоне, сжимая оружие в ожидании боя с могучим врагом. Отец плюхнулся на живот рядом с командиром Юем. Тот спросил:

— Боишься?

— Не боюсь! — ответил отец.

— Молодец! Весь в названого отца! Будешь моим вестовым. Как начнётся драка — от меня ни на шаг, если появятся какие-то приказы, я буду тебе говорить, а ты передавай на запад.

Отец покивал. Он жадно смотрел на два пистолета, болтавшихся на поясе у командира Юя, большой и маленький. Большой — автоматический немецкий маузер, а маленький — французский браунинг. У каждого из пистолетов была своя история. С губ отца сорвалось одно слово:

— Пистолет!

Командир Юй переспросил:

— Пистолет хочешь?

Отец покивал головой и сказал:

— Да!

— А пользоваться умеешь?

— Умею!

Командир Юй вытащил из кобуры браунинг и взвесил в руке. Пистолет был уже старый, и воронение с него полностью сошло. Командир Юй потянул затвор, и из магазина выпрыгнул патрон с полукруглой головкой в латунной оболочке. Он высоко подкинул его, потом поймал и снова загнал в патронник.

— Вот! Стреляй, как я!

Отец схватил пистолет, крепко сжал его и вспомнил, что позавчера вечером командир Юй из этого пистолета стрелял в чарку с вином и разбил её.

В тот момент молодой месяц только взошёл и низко низко прижимался к сухим ветвям дерева. Отец тащился в обнимку с кувшином и сжимал в одной руке медный ключ — бабушка наказала ему принести из винокурни вина. Отец открыл ворота. Во дворе царило полное безмолвие, в стойле для мулов сгустилась кромешная тьма, по винокурне распространился неприятный запах перегнившей барды. Отец снял крышку с одного из чанов и при лунном свете увидел на ровной поверхности своё истощённое лицо: брови короткие, тонкие; он почувствовал себя уродливым. Он опустил кувшин в чан, и вино с журчанием заструилось внутрь. Когда он вытаскивал кувшин, вино капало обратно в чан. Но отец передумал и вылил вино — вспомнил, из какого чана бабушка умывала окровавленное лицо. Сейчас бабушка пила дома с командиром Юем и командиром Лэном. Бабушка и Юй выпили много, но не опьянели, а вот Лэн поднабрался. Отец подошёл к тому чану и увидел, что крышка прижата каменным жёрновом. Он поставил кувшин, потом с усилием сдвинул жёрнов. Жёрнов откатился в сторону, ударился о другой чан, пробил в стенке большую дыру, и оттуда с шипением потекло вино, но отец ничего не предпринял. Он снял крышку и тут же учуял запах крови дяди Лоханя, вспоминал его окровавленную голову и бабушкино окровавленное лицо. Лица дяди Лоханя и бабушки появлялись в чане, сменяя друг друга. Отец погрузил кувшин в чан, набрал кровавого вина, взял кувшин обеими руками и понёс домой.

На большом квадратном столе ярко горели свечи, командир Юй и командир Лэн пристально смотрели друг на друга и шумно дышали. Бабушка стояла между ними, положив левую руку на пистолет Лэна, а правую — на браунинг Юя.

Отец услышал её слова:

— Если вы не можете сторговаться, то гуманность и справедливость всё равно никуда не денутся, дружба всего дороже, нечего тут хвататься за ножи да пистолеты, вымещайте злость на японцах!

Командир Юй принялся браниться:

— Ты, братишка, меня не напугаешь знамёнами бригады Вана. Я здесь главный, десять лет разбойничаю, и плевать я хотел на этого гребаного Большелапого Вана!

Лэн холодно усмехнулся и сказал:

— Старший брат Чжаньао, я же за тебя радею, как и бригадир Ван, если приведёшь свою банду, так я сделаю тебя командиром батальона. Оружие и провиант предоставит командир бригады Ван. Уж лучше, чем быть бандитом.

— Кто бандит? Кто не бандит? Любой, кто дерётся с японцами, — национальный герой. В прошлом году я пощупал трёх японских постовых и добыл три винтовки «Арисака-38»![18] Ты вот, командир Лэн, не разбойник, сколько япошек укокошил? Да ты ни одной волосинки у них не выдрал!

Лэн сел, достал сигарету и закурил.

Пользуясь случаем, отец поднёс кувшин вина. Бабушка взяла у него кувшин, тут же

изменилась в лице и гневно глянула на отца, затем разлила вино в три чарки, наполнив до краёв. Она сказала:

— В этом вине кровь дяди Лоханя, если вы настоящие мужики, то пейте. Послезавтра вместе разбейте японскую автоколонну, а потом каждый пойдёт своей дорогой, как говорится, колодезная вода речной не помеха.

Бабушка взяла вино и с бульканьем выпила.

Командир Юй, запрокинув голову, влил вино в рот.

Командир Лэн поднял чарку, отпил половину, поставил и сказал:

— Командир Юй, что-то я перебрал с алкоголем, так что откланяюсь!

Бабушка положила руку на пистолет и спросила:

— Пойдёшь бить япошек?

Командир Юй со злостью прошипел:

— Не надо его уговаривать, он не пойдёт, так я пойду.

Лэн сказал:

— Я пойду.

Бабушка убрала руку, командир подразделения Лэн схватил пистолет и повесил на пояс. У Лэна была белая кожа и с десяток чёрных оспин вокруг носа. На поясе у него была закреплена запасная обойма, а под тяжестью пистолета пояс и вовсе провис как перевёрнутый месяц.

Бабушка сказала:

— Чжаньао, вверяю тебе Доугуаня, послезавтра возьми его с собой.

Командир Юй посмотрел на моего отца и с улыбкой спросил:

— Названый сынок, кишка-то не тонка?

Отец презрительно глянул на тёмно-жёлтые крепкие зубы командира Юя, показавшиеся между губами, и промолчал.

Командир Юй взял чарку, поставил отцу на макушку и велел отойти к двери и встать прямо, а сам взял браунинг и направился в угол комнаты.

Отец наблюдал, как командир Юй сделал три шага, каждый был широким и неспешным. Бабушка побледнела. Уголки губ Лэна растянулись в усмешке.

Командир Юй дошёл до угла, остановился, потом резко развернулся. Его рука поднялась, глаза потемнели так, что даже блеснули красным светом, а потом браунинг выплюнул струйку дыма. Над головой отца что-то просвистело, чарка разлетелась на мелкие осколки. Один свалился отцу за шиворот, он втянул голову в плечи, но осколок проскользнул за пояс брюк. Отец ничего не сказал. Бабушка побледнела ещё сильнее. Лэн плюхнулся на лавку и, немного помолчав, сказал:

— Хороший выстрел.

Командир Юй похвалил:

— Молодец, парень!

Отец сжимал в руке браунинг и чувствовал, что он на удивление тяжёлый.

Командир Юй сказал:

— Не мне тебя учить, ты и сам знаешь, как стрелять. Передай Немому приказ — пущай готовятся!

Отец с браунингом в руке забурился в заросли гаоляна, перешёл дорогу и добрался до Немого. Тот сидел в позе лотоса и точил длинный кинжал большим ярко-зелёным камнем.

Остальные члены отряда кто сидел, кто лежал.

Отец сказал Немому:

— Велено готовиться!

Немой покосился на отца и продолжил точить кинжал. Через некоторое время он сорвал несколько листиков гаоляна, вытер с клинка пыль, оставшуюся от камня, затем выдернул тонкую травинку и опробовал остроту кинжала: стоило лезвию коснуться травинки, как она разлетелась на две части.

Отец повторил:

— Велено готовиться!

Немой вставил кинжал в ножны и положил рядом с собой. Его лицо расплылось в хищной улыбке. Он поднял свою огромную лапищу, помахал отцу и что-то промычал. Отец осторожно подошёл ближе и остановился в шаге от Немого, а тот потянулся, ухватил отца за полу, с силой дёрнул, и отец упал на его грудь. Немой потащил отца за ухо, у того рот уехал аж на щёку. Браунинг отца упёрся в грудную клетку Немого. Немой с силой нажал на его нос — у отца даже слёзы брызнули. Немой рассмеялся неестественным смехом.

Рассевшиеся вокруг бойцы хором загоготали.

— Похож на командира Юя?

— Его порода!

— Доугуань, я скучаю по твоей матери!

— Доугуань, хочу отведать те две булочки с финиками на теле твоей матушки!

Стыд отца перешёл в гнев, он поднял браунинг, прицелился в парня, мечтающего о булочках, и выстрелил. Раздался глухой хлопок, но пуля не вылетела из ствола.

Лицо шутника приобрело серо-жёлтый оттенок, он стремительно вскочил и принялся вырывать пистолет из рук отца. Отец пришёл в неописуемую ярость и кинулся на обидчика, пинаясь и кусаясь.

Немой поднялся и, схватив отца за шею, с силой подкинул вверх, тело подростка оторвалось от земли, он отлетел в сторону и, падая, поломал несколько стеблей гаоляна. Отец перекувыркнулся, поднялся с земли, разразился бранью и бросился на Немого, а тот лишь пару раз что-то промычал. Глядя на его бледное как смерть лицо, отец замер на месте. Немой забрал у него браунинг, щёлкнул затвором, и на его ладонь выпал патрон. Он взял пулю двумя пальцами, посмотрел на маленькую дырочку, которая осталась на капсюле после удара бойком, и что-то показал отцу жестами, затем сунул пистолет отцу за пояс и потрепал его по голове.

— Ты что там разбушевался? — спросил командир Юй.

Отец обиженно ответил:

— Они… хотели переспать с мамкой.

У командира Юя вытянулось лицо:

— А ты что?

Отец потёр глаза.

— Я в него пальнул!

— Ты стрелял?

— Так осечка! — Отец вручил Юю золотистый зловонный патрон.

Юй взял патрон, посмотрел, а потом выкинул, и патрон, описав красивую дугу, упал в реку.

— Ты молодец! — похвалил он. — Но сначала пули надо выпускать в японцев, а как

перебьём японцев, если кто рискнёт заикнуться, что хочет переспать с твоей мамкой, так стреляй ему в низ живота — не в голову, не в грудь — запомни! — цельсь в пах.

Отец улёгся рядом с командиром Юем. Справа от него расположились братья Фаны. Пищаль установили на насыпи, развернув ствол в сторону каменного моста. В дуло набили ком ваты, а из задней части торчал запал. Рядом с Фаном Седьмым лежал трут, изготовленный из связки гаоляновых стеблей, и один из них тлел. А около Фана Шестого — тыква горлянка, набитая порохом, и металлическая коробка, полная дроби.

Слева от командира Юя притаился Ван Вэньи. Он обеими руками сжимал длинноствольный дробовик и дрожал, сжавшись в комок. Раненое ухо уже приклеилось к белой ткани.

Солнце поднялось на высоту бамбукового шеста, раскалённое добела ядро обрамлял бледно-красный ореол. Прозрачная вода искрилась. Стая диких уток пролетела над гаоляновым полем, сделала три круга, после чего большая часть птиц нырнула в заросли на речной отмели, а остальные сели на воду и поплыли по течению. Они не могли держаться ровно и крутили проворными головами. Отец стал ощущать своё тело. Одежда, промокшая от росы, высохла. Он полежал ещё немого на животе, но ощутил, как острый камень больно врезается в грудь, и привстал, высунув голову и плечи над краем насыпи. Командир Юй велел:

— Ляг!

Отец с неохотой плюхнулся на живот. Фан Шестой захрапел. Юй взял ком земли и сунул ему в лицо. Фан Шестой с мутными глазами сел, зевнул так, что из глаз выкатились две маленькие слезинки.

— Чё, япошки пришли? — громко спросил он.

— Твою мать! — выругался командир Юй. — Не смей спать!

На обоих берегах стояла гробовая тишина, широкое шоссе безжизненно простиралось посреди гаолянового поля. Большой каменный мост над рекой казался таким красивым. Бескрайний гаолян тянулся к поднимавшемуся и всё ярче светившему солнцу, колоски приобретали пунцовый оттенок, словно стыдились. Дикие утки скользили по мелководью у берега и с шумом процеживали воду плоскими клювами, ища что-то съестное. Взгляд отца замер на утках, он изучал их красивое оперение и умные глаза, затем поднял тяжёлый браунинг, прицелившись в одну из гладких спин, и чуть было не спустил курок. Командир Юй схватил его за руку:

— Ты, мелкое черепашье отродье, ты что творишь?

Отца охватила безотчётная тревога. Шоссе по-прежнему было безлюдным, а гаолян стал ещё краснее.

— Скотина этот Рябой Лэн! Если только он посмел меня разыграть! — зло воскликнул Юй. На южном берегу было тихо, никаких следов бойцов Лэна. Отец знал, что сведения с том, что здесь пройдёт автоколонна япошек, получил командир Лэн, но он испугался, что в одиночку не справится, и только потому объединился с людьми Юя.

Отец напрягся, но постепенно расслабился. Его взгляд снова и снова притягивали к себе дикие утки. Он вспомнил, как они с дядей Лоханем на них охотились. У дяди Лоханя был дробовик с тёмно-красным прикладом и ремнём из бычьей кожи. Сейчас этот дробовик крепко сжимал в руках Ван Вэньи.

Глаза отца заволокло слезами, но не в таком количестве, чтобы они потекли. Совсем как в прошлом году. В тёплом солнечном свете отец почувствовал, как холодок пробежал по

телу.

Дядю Лоханя и двух мулов угнали япошки и солдаты марионеточной армии. Бабушка умыла окровавленное лицо из чана с вином. Бабушкина кожа пропиталась запахом вина, кожа раскраснелась, веки опухли, а голубовато-белая хлопчатобумажная куртка промокла на груди от вина и крови. Бабушка замерла в ожидании возле чана, уставившись на вино. Там отражалось бабушкино лицо. Отец помнил, как бабушка внезапно упала на колени и трижды поклонилась чану, затем встала, зачерпнула вино обеими руками и выпила. Лицо бабушки разрумянилось, вся кровь прилила к щекам, а лоб и подбородок побледнели.

— Вставай на колени! — приказала она отцу. — Кланяйся!

Отец повиновался.

— А теперь зачерпни вина и выпей!

Отец выпил.

Кровь тонкими ниточками оседала на дно чана. Маленькое облачко проплыло по поверхности, в которой отразились торжественно-серьёзные лица бабушки и отца. Из раскосых глаз бабушки лился обжигающий свет, отец не осмеливался в них смотреть. Его сердце глухо колотилось. Он снова протянул руку, чтобы зачерпнуть ещё вина. Оно стекало с пальцев, разбивая отражения белого облачка на синем небе и двух лиц, большого и маленького. Отец сделал ещё глоток, и запах крови намертво приклеился к языку. Кровавые ниточки осели на дно чана, образовав на выпуклом дне грязный комок размером с кулак. Отец с бабушкой очень долго смотрели на этот комок, после чего бабушка затащила наверх крышку, прикатила из угла нижний жёрнов, с трудом подняла его и придавила крышку.

— Не трогай! — наказала она.

Отец смотрел на скопившуюся в углублении жёрнова влажную грязь и копошившихся серо-зелёных мокриц и со страхом и тревогой покивал.

В ту ночь, устроившись на своей маленькой лежанке, он слушал, как бабушка ходит по двору туда-сюда. Звук её шагов и шелест гаоляна в поле переплетались в спутанные сновидения отца. Он и во сне слышал ржание тех двух прекрасных больших чёрных мулов.

На рассвете отец проснулся, голышом побежал на улицу отлить и увидел, что бабушка всё ещё стоит посреди двора и зачарованно смотрит в небо. Он окликнул её, но она не отозвалась. Отец помолился, а потом взял бабушку за руку и повёл в дом. Бабушка шла за ним на ватных ногах. Только они оказались внутри, как услышали какой-то шум, который волной докатился с юго-востока, после чего грянул выстрел, резкий, словно острое лезвие разрывало туго натянутый шёлк.

На том месте, где сейчас находился отец, в тот момент лежала груда белых камней и каменных блоков, а кучи крупного песка на насыпи напоминали ряды высоких могил. В прошлом году в начале лета гаолян под насыпью тревожно замер. Контуры шоссе, которые проложили катками по гаоляну, тянулись строго на север. Тогда большой каменный мост ещё не построили, а маленький изнемогал от множества ступавших по нему ног и копыт и совсем расшатался от ударов. Запах свежескошенной травы, исходивший от придавленного катками гаоляна, увлажнился ночным туманом и стал на рассвете ещё сильнее. Целое поле гаоляна горько плакало. Вскоре после того, как отец и бабушка услышали выстрел, японские солдаты пригнали их сюда вместе с жителями деревни, включая всех старых и немощных, женщин и детей. В тот момент солнце только-только выглянуло над верхушками гаоляна. Отец, бабушка и их односельчане стояли на южном берегу реки, на западном отрезке шоссе, и топтали останки гаоляна. Все они смотрели на огромный загон, похожий на коровник или

на конюшню, а за ним жалась толпа крестьян в лохмотьях. Потом два солдата марионеточной армии перегнали этих крестьян на другую сторону дороги, они встали рядом с отцом и его односельчанами, образовав единое целое. Перед ними находилась площадка, где привязывали мулов и лошадей, та самая, при виде которой впоследствии прохожие бледнели от ужаса. Люди безучастно стояли неизвестно сколько времени, пока наконец из палатки не вышел японский генерал с худощавой физиономией, на плечах у него красовались красные знаки отличия, на перевязи болталась длинная сабля, он был в белых перчатках и тащил за собой овчарку на поводке. Овчарка трусила за ним, высунув ярко-красный язык, вслед за ней два солдата марионеточных войск волокли окоченевший труп японского солдата, а завершали процессию два японца, сопровождавшие двух солдат марионеточных войск, которые тащили по земле окровавленного и растерзанного дядю Лоханя. Отец прильнул к бабушке, и бабушка его обняла.

Японский генерал с овчаркой остановился на пятачке неподалёку от места, где были привязаны мулы и лошади. Полсотни белых птиц взлетели над Мошуйхэ, громко хлопая крыльями, и взмыли над толпой людей в ярко-синее небо к солнцу, напоминавшему золотой слиток. Отец увидел потрёпанных животных с грязными мордами, а на земле лежали два наших больших чёрных мула. Один мул умер, из его головы всё ещё торчала лопата. Тёмная кровь перепачкала ошмётки гаоляна и гладкую морду животного. Окровавленный хвост второго мула подметал землю, на которой он сидел, было слышно, как дрожит его живот, а ноздри раздуваются со свистом. Отец и сам не знал, как сильно любил этих двух чёрных мулов. Бабушка, бывало, садилась верхом на мула, гордо выпятив грудь, а отец устраивался перед ней. Мул с матерью и сыном на спине нёсся по тропе, которую удерживал в плену гаолян, покачиваясь из стороны в сторону, отчего бабушка и отец тряслись так, что даже подпрыгивали. Тонкие копытца мула поднимали облако пыли. Отец от волнения начинал кричать. Редкие крестьяне, стоявшие посреди гаолянового поля с мотыгами или каким другим инструментом, пялились на припудренное очаровательное личико хозяйки винокурни, и на их физиономиях застывали зависть и ненависть. А теперь один из мулов лежал мёртвый, открыв пасть и вгрызаясь в землю белоснежными крупными зубами, а второй сидел и страдал даже пуще мёртвого. Отец сказал бабушке:

— Мамка, наши мулы…

Бабушка закрыла ему рот рукой.

Труп японца положили перед генералом, который опирался на саблю и держал собаку на поводке. Два солдата марионеточных войск подтащили окровавленного дядю Лоханя к высокому столбу, где привязывали лошадей. Отец даже не сразу узнал его. Он увидел лишь какое-то странное избитое чудовище, напоминающее по форме человека. Чудовище подтащили к столбу, голова его болталась из стороны в сторону, струп на голове напоминал блестящую грязь на речной отмели, на солнце он подсох, сморщился и потрескался. Его ноги волочились по земле и чертили замысловатые узоры. Толпа потихоньку сбилась в кучу. Отец ощутил, что мама вцепилась ему в плечо. Все вокруг словно уменьшились в росте, у некоторых лицо словно превратилось в желтозём, а у других и вовсе стало цвета чернозёма. Внезапно повисла гробовая тишина: ни воробьиного чириканья, ни карканья вороны, слышно только, как дышит огромная овчарка и как командующий с поводком в руке звонко выпускает газы. На глазах отца солдаты марионеточных войск подтащили чудище к коновязи, отпустили, и оно рухнуло на землю кучей мяса без костей.

Отец испуганно воскликнул:

— Дядя Лохань!

Бабушка снова зажала ему рот.

Дядя Лохань медленно пошевелился под столбом, сначала высоко задрал зад, так что издали напоминал арочный мост, поднялся на колени, опершись руками о землю и поднял голову. Его лицо опухло, кожа блестела, глаза превратились в узенькие щёлки, из которых пробивался тёмно-зелёный свет. Отец стоял прямо напротив и верил, что дядя Лохань его непременно увидит. Его сердце глухо колотилось — тук-тук-тук! — он не мог понять, ужас это или гнев. Отцу хотелось кричать что есть мочи, но бабушкина ладонь накрепко зажимала ему рот.

Японский генерал что-то прокричал собравшимся, а короткостриженый китаец перевёл его слова толпе. Что он там говорил, отец не до конца расслышал, бабушкина ладонь давила так сильно, что перед глазами мелькали мушки, а в ушах стоял звон.

Два китайца в чёрной одежде содрали с дяди Лоханя всё до нитки и привязали к столбу. Генерал взмахнул рукой, и всё те же двое китайцев в чёрной одежде выпихнули из загона известного во всём уезде Гаоми мясника Суня Пятого из нашей деревни. Сунь Пятый был маленького роста, толстый, с выпяченным животом, лысый, краснолицый, с близко посаженными маленькими глазками. В левой руке он держал острый нож, а в правой — ведро чистой воды. Трясясь от страха, Сунь Пятый подошёл к дяде Лоханю. Переводчик сказал:

— Генерал велит его освежевать, если не постараешься хорошенько, натравит овчарку, чтоб тебя выпотрошила.

Сунь Пятый повиновался, его веки напряжённо затрепетали. Он зажал нож в зубах, поднял ведро с водой и вылил на голову дяди Лоханя. Тот от холодной воды встрепенулся, резко дёрнул головой, окровавленная вода текла по лицу и шее, смывая грязь. Один из надсмотрщиков притащил ещё ведро воды из реки. Сунь Пятый окунул в воду кусок рваной тряпки и начисто обтёр тело дяди Лоханя, при это он вильнул задом и произнёс:

— Братец…

Дядя Лохань отозвался:

— Братец, проткни меня ножом, у Жёлтого источника[19] вовек не забуду твою доброту.

Генерал что-то рявкнул.

Переводчик сказал:

— Быстрее!

Сунь Пятый изменился в лице, пухлыми короткими пальцами зажал ухо дяди Лоханя и проговорил:

— Братец, у меня нет выбора…

Отец видел, как Сунь Пятый отпиливает ухо дяди, словно пилой по дереву. Дядя Лохань дико кричал без остановки, а между ног у него забила ключом тёмно-жёлтая моча. У отца затряслись ноги. Подошёл японский солдат с белым фарфоровым блюдом и встал рядом с мясником, а тот бросил на блюдо большое мясистое ухо дяди Лоханя. Сунь Пятый отрезал второе ухо, и оно отправилось вслед за первым. Отец видел, как два уха на фарфоровом блюде бойко пульсировали, бились о поверхность с глухим стуком.

Японец торжественно пронёс блюдо перед толпой, медленно пройдя мимо мужчин и женщин, стариков и детей. Отец увидел, какие уши бледные и красивые, а их стук о блюдо, казалось, стал сильнее.

Солдат поднёс уши командующему, тот покивал, после чего солдат поставил блюдо

рядом с трупом своего сослуживца, помолчал немного, потом взял тарелку и отнёс овчарке.

Овчарка убрала язык, острым чёрным носом обнюхала уши, покачала головой из стороны в сторону, снова вывалила язык и уселась на задние лапы.

Переводчик прикрикнул на Суня Пятого:

— Продолжай!

Сунь Пятый кружил вокруг столба и что-то лопотал. Отец увидел, что лицо его покрыто липким потом, и он моргает с той же скоростью, с какой курица клюёт рис.

Из тех мест, где раньше у дяди Лоханя были уши, вытекло лишь несколько капелек крови, и теперь, без ушей, голова стала идеально круглой.

Командующий чертей снова рявкнул. Переводчик перевёл:

— Быстрее спускай с него шкуру!

Сунь Пятый нагнулся, одним ударом отрезал дяде Лоханю половые органы и положил на блюдо, которое японский солдат держал на вытянутых руках на уровне глаз, маршируя перед толпой, словно марионетка. Отец чувствовал, как ледяные бабушкины пальцы буквально впиваются в его плечо.

Солдат поставил блюдо перед овчаркой, собака откусила пару раз и выплюнула.

Дядя Лохань истошно кричал, его худое тело ожесточённо извивалось на коновязи.

Сунь Пятый выронил нож, упал на колени и зарыдал в голос.

Командующий отпустил поводок, собака бросилась к Суню Пятому, поставила передние лапы ему на плечи и оскалилась прямо перед его лицом. Сунь Пятый повалился на землю и закрыл лицо руками.

Офицер свистнул, и овчарка с довольным видом прибежала обратно, таща за собой поводок.

Переводчик велел:

— Быстро спускай с него шкуру!

Сунь Пятый поднялся, взял нож и, прихрамывая, поковылял к дяде Лоханю.

Дядя Лохань разразился бранью, все аж головы вскинули.

Сунь Пятый упрашивал:

— Братец… братец… ты потерпи немножко, пожалуйста.

Дядя Лохань харкнул ему в лицо кровью.

— Сдирай… чтоб твоих предков… давай…

Орудуя ножом, Сунь Пятый начал освежёвывать дядю Лоханя с макушки, раздался треск. Сунь Пятый работал очень аккуратно, когда он снял кожу с головы, стали видны синеватые глаза и куски плоти…

Отец рассказывал мне, что после того, как с лица дяди Лоханя сняли кожу, его бесформенный рот продолжал рычать, а по тёмно-коричневой голове струилась ярко-алая кровь. Сунь Пятый уже был сам не свой, работал мастерски, обрезая кожу целыми кусками. После того как дядя Лохань превратился под ножом в груду мяса, стало видно, как пульсируют в животе внутренности, и вокруг него в небе вились скопища мух нежно-зелёного цвета. Женщины в толпе попадали на колени, и от их плача содрогнулось поле. Той ночью небо ниспослало сильный дождь, смыв все следы крови с пятачка, где держали на привязи мулов и лошадей, труп дяди Лоханя и его содранная кожа бесследно исчезли. Слух об исчезновении тела дяди Лоханя разлетелся по деревни, один поведал десяти, десять — целой сотне, рассказ этот передавался из поколения в поколения и превратился в красивую легенду.

— Если он осмелился со мной в игры играть, так я ему башку откручу и сделаю из неё ночной горшок!

Чем выше поднималось солнце, тем меньше оно становилось, раскаляясь добела. Роса на гаоляновых полях испарялась, одна стая диких уток улетела, прилетела другая. Подразделение Лэна так и не появилось, на шоссе кроме случайного проскакавшего дикого кролика не было ни единого живого существа. Чуть позже воровато прошмыгнула огненно-красная лиса. Обругав Лэна, командир Юй крикнул:

— Эй, поднимайтесь! Похоже, мы попались на удочку этого сукиного сына Рябого Лэна.

Люди уже давно устали лежать и только ждали этого приказа. Все тут же вскочили, кто-то уселся на насыпи покурить, другие встали во весь рост и мочились сильной струёй.

Отец запрыгнул на насыпь, но всё ещё думал о случившемся в прошлом году. Перед его глазами беспрерывно покачивался череп дяди Лоханя с содранной кожей. Внезапное появление целой толпы людей напугало диких уток, они взлетели, потом сели на речной отмели неподалёку и ходили там вперевалочку, в траве поблёскивало их изумрудно-зелёное и жёлто-коричневое оперение.

Немой с кинжалом в одной руке и старенькой винтовкой «ханьян» в другой подошёл к командиру Юю. Его лицо было удручённым, глаза остекленели. Он ткнул пальцем в солнце на юго-востоке, потом в пустынное шоссе, показал на живот, заскулил и помахал в направлении деревни. Юй задумался на минуту, а потом гаркнул тем, кто находился на другой стороне шоссе:

— Все сюда!

Члены отряда перешли через дорогу и собрались на насыпи.

— Братцы, — сказал Юй, — ежели Рябой Лэн осмелился с нами шутки шутить, я ему башку оторву! До полудня ещё есть время, давайте подождём ещё немного. Если до полудня машины не появятся, направимся прямиком в ущелье Таньцзя и поквитаемся с Рябым Лэном! Вы пока передохните в поле, а я отправлю Доугуаня за съестным. Доугуань!

Отец задрал голову и посмотрел на командира.

Тот велел:

— Вернись домой, скажи матери, пусть позовёт кого на подмогу, напечёт кулачей, а после полудня принесёт сюда, только пусть сама приходит.

Отец покивал, подтянул штаны, засунул за пояс браунинг и помчался вниз по насыпи, затем пробежал вдоль небольшого участка шоссе в сторону деревни, нырнул в гаоляновое поле и двинулся в северо-западном направлении среди шуршащих стеблей. В море гаоляна он натолкнулся на несколько продолговатых черепов мулов и коней. Пнул один ногой, и оттуда выпрыгнули две короткохвостые мохнатые полёвки, которые без особого испуга посмотрели на него, а потом снова проскользнули в череп. Отец вспомнил их больших чёрных мулов, вспомнил, как долгое время после того, как строительство шоссе было закончено, каждый раз, когда дул юго-восточный ветер, в деревне чувствовался резкий трупный запах. В прошлом году в Мошуйхэ плавало несколько десятков раздувшихся трупов мулов и лошадей, они застревали у берега на мелководье, где густо росла трава, их животы под действием солнца распирало, они лопались, и оттуда, словно распустившиеся цветы, вываливались великолепные кишки, а потоки тёмно-зелёной жидкости потихоньку утекали вместе с речной водой.

5

Только-только моей бабушке исполнилось шестнадцать, как отец распорядился её судьбой и выдал замуж за единственного сына известного на весь Гаоми богача Шань Тинсю по имени Шань Бяньлан. Семья Шань владела винокурней и гнала из местного дешёвого гаоляна превосходный крепкий напиток, славившийся на сто ли вокруг. Дунбэйский Гаоми — это в основном болотистая равнина, частенько подтопляемая во время осеннего паводка. Бороться с подтоплениями помогают высокие стебли гаоляна, а потому его сажают повсеместно и каждый год собирают богатый урожай. Семейство Шань гнало из дешёвого гаолянового сырья вино, получало огромную прибыль и разбогатело. То, что бабушка вышла замуж за Шань Бяньлана, — крупная удача для моего прадедушки. Тогда многие надеялись породниться с семейством Шань, несмотря на слухи, что Шань Бяньлан давно уже болен проказой. Его отец Шань Тинсю был сухоньким старичком, у которого на затылке торчала торчком тоненькая косичка. Хотя у него дома сундуки ломились от денег, одевался он в рваньё и частенько подпоясывался соломенным жгутом. Бабушка вошла в семью Шань действительно по воле небес. Однажды она играла со своими подружками рядом с качелями. У девчонок были длинные косы и острые «лотосовые ножки».[20] Как раз праздновали Цинмин,[21] персики расцвели алыми цветами, зазеленели ивы, шёл лёгкий дождик, лица красавиц соперничали румянцем с персиком.[22] В этот день девочкам предоставляли свободу. Бабушка тогда была ростом метр шестьдесят и весила шестьдесят килограммов. Она нарядилась в куртку из набивного ситца в мелкий цветочек и зелёные атласные брюки, подвязанные на щиколотках тёмно-красными шёлковыми лентами. Поскольку моросил мелкий дождь, бабушка надела вышитые тапочки, их десятки раз вымачивали в тунговом масле, и при ходьбе они поскрипывали. Блестящие длинные волосы бабушка собрала в косу, а на шее болталось тяжёлое серебряное ожерелье — мой прадед изготавливал различные изделия из серебра. Прабабушка была дочерью разорившегося помещика, и она понимала, насколько важно для женщины иметь маленькие ножки. Бабушке не исполнилось и шести, как ей принялись бинтовать ноги, с каждым днём затягивая всё туже. Для бинтования брали лоскут ткани длиной больше чжана,[23] с его помощью прабабушка ломала бабушке косточки, заправляя все пальцы, кроме больших, под ступню. Боль была дикой! У моей матери тоже были маленькие ножки, и каждый раз, когда я их видел, на душе становилось тяжело. Мне так и хотелось гаркнуть во всю глотку: «Долой феодализм! Свободу ногам!» Испив горькую чашу страданий, бабушка в итоге обрела-таки «золотые лотосы в три цуня».[24] В свои шестнадцать лет она уже расцвела, а когда шла, то размахивала руками и выгибалась в талии, словно ива на ветру. В тот день Шань Тинсю с корзиной для сбора навоза расхаживал по деревне, где жил прадедушка, и с первого взгляда заприметил среди девичьего цветника мою бабушку. А через три месяца свадебный паланкин уже вёз её в дом жениха.

Бабушка сидела в душном паланкине, у неё кружилась голова и рябило в глазах. Она ничего не видела из-за алой накидки, от которой шёл кислый запах плесени. Бабушка подняла руку и убрала с лица накидку — хотя прабабушка строго-настрого запретила её трогать, — тяжёлый витой серебряный браслет соскользнул с запястья, бабушка посмотрела на змеевидный узор на браслете, и в душе всё смешалось. Тёплый юго-восточный ветер колыхал изумрудно-зелёный гаолян по обе стороны от узкой тропинки. С гаоляновых полей

доносилось курлыканье голубей. С только-только засеребрившихся метёлок гаоляна летела лёгкая пыльца. У бабушки перед глазами была шторка паланкина, вышитая драконами и фениксами.[25] Поскольку паланкин сдавался в аренду уже много лет подряд, красная шторка выцвела, а посередине виднелось большое масляное пятно. То был самый конец лета — начало осени, солнце палило нещадно, носильщики шли быстро, и паланкин трясся, бычья кожа на ручках скрипела, шторка паланкина слегка приоткрывалась, пропуская внутрь солнечные лучи и освежающий ветер. Бабушка вспотела, сердце колотилось, как барабан, она прислушивалась к размеренным шагам и тяжёлому дыханию, и на неё то накатывал сильный холод, гладкий, как галька, то жар, обжигающий, словно перец чили.

После того как Шань Тинсю выбрал бабушку, незнамо сколько народу пришло поздравить прадеда и прабабушку с невиданной удачей. Бабушка хоть и не прочь была жить в достатке, как говорится, спать на золоте, есть на серебре, но ещё сильнее ей хотелось обзавестись образованным, симпатичным, внимательным и заботливым супругом. В девичестве она вышивала свадебное одеяние и вышила прекрасный портрет моего будущего деда. Она очень хотела выйти замуж пораньше, но подружки намекнули, что сын этих Шаней прокажённый. У бабушки внутри всё похолодело, она испытала горькое разочарование и высказала свои тревоги родителям. Прадед ушёл от ответа, а прабабушка принялась поносить бабушкиных подружек: дескать, они как та лиса, что не может попробовать виноград и говорит, что он кислый. После этого прадед заявил, что отпрыск Шаней начитан, просто он всё время сидит дома, а потому у него кожа на лице белая-белая, сразу видно, талант. Бабушка растерялась, не понимала, правда это или нет, ей казалось, что в Поднебесной нет таких жестокосердных родителей, может, и правда подружки наврали. Она снова стала с надеждой ждать дня свадьбы. Бабушка на пике молодости излучала яркую тревогу и бесцветное одиночество; вот она и жаждала упасть в объятия сильного мужчины, чтобы эту тревогу смягчить и избавиться от одиночества. Наконец бабушка дождалась дня свадьбы, её усадили в большой паланкин, который тащили четверо носильщиков, перед паланкином и позади трубачи выдували на маленьких и больших трубах такие скорбные мотивы, что бабушка не могла сдержать слёз. Паланкин подняли, и он покачивался, словно бы парил в облаках и плыл в тумане. Стоило процессии покинуть деревню, как ленивые музыканты перестали играть, а носильщики ускорили шаг. Аромат гаоляна проникал в глубь людских сердец. С гаоляновых полей доносилось пение и щебет диковинных птиц. Когда солнечные лучи проникали в полумрак внутри паланкина, в мыслях бабушки образ мужа постепенно обретал чёткость. Её сердце словно бы пронзали шилом, так сильно оно болело.

— Владыка Неба, спаси и помилуй меня! — Бабушка молилась про себя, и её нежные губы трепетали. Над верхней губой рос нежный пушок. Она была в расцвете своей юности, в самом соку. Её тихий шёпот впитывали без остатка стенки и шторки паланкина.

Бабушка сорвала с головы пахнувшее кислятиной покрывало и положила на колени. По традиции, в день свадьбы, несмотря на сильную жару, её обрядили в три слоя новой одежды, в ватную куртку и ватные штаны. Внутри свадебный паланкин был потрёпанным и грязным, словно гроб; неизвестно скольких в нём перевозили невест, уже обратившихся в бренные останки. Атлас на стенках паланкина загрязнился настолько, что казался жирным, из пяти мух, залетевших внутрь, три жужжали над бабушкиной головой, а две сели на шторку и тёрли чёрными лапками, напоминавшими прутики, свои блестящие глаза. Духота стала невыносимой, и бабушка тихонько выставила вперёд крошечную ножку, похожую на молодой побег бамбука, приоткрыла шторку и тайком выглянула наружу. Она увидела

мощные длинные ноги носильщиков, красиво очерченные под чёрными шёлковыми брюками, и их крупные ступни, обутые в туфли из конопляного волокна. При каждом шаге ноги поднимали облачка пыли. Бабушка догадывалась, что у носильщиков должен быть крепкий торс, но, не выдержав, приподняла носок туфельки и подалась вперёд. Она увидела отполированный до блеска фиолетовый шест из софоры и широкие плечи носильщиков. По обе сторон дороги плотной стеной стоял гаолян, словно единый массив, растения теснились друг к дружке, будто бы меряясь ростом, неотличимые серовато-зелёные метёлки ещё не открылись. Гаолян простирался насколько хватало глаз, напоминая журчащую реку. Местами дорога становилась совсем узкой, и листья, влажные от липкой жидкости, оставленной тлёй, шурша задевали боковые стенки паланкина.

От тел носильщиков шёл кисловатый запах пота, бабушка зачарованно вдыхала мужской аромат, а в душе, разумеется, расходилось кругами чувство влюблённости. Когда носильщики несли паланкин по дороге, то обычно шагали широко и слегка косолапили — это называлось «топтать улицу», — чтобы понравиться заказчику и тот побольше заплатил, а ещё они так проявляли свой высокий профессионализм. Когда «топчешь улицу», нельзя сбиваться с ритма и нельзя вцепляться в шесты-ручки. Настоящие профессионалы упирали обе руки в бока и шагали в ногу, паланкин покачивался в том же ритме, что и мелодия, которую играли музыканты, напоминая всем, что за любым счастьем кроется такая же доля страданий. Когда паланкин вынесли на равнину, то носильщики стали безобразничать и раскачивать его: во-первых, спешили к месту назначения, во-вторых, хотели помучить новобрачную. Некоторых невест укачивало так, что их рвало прямо на роскошный наряд и вышитые туфельки; девушек выворачивало наизнанку, а носильщикам эти звуки приносили радость — ведь эти молодые крепкие парни несли жертву в чужие покои для новобрачных, на душе кошки скребли, вот и хотелось помучить невесту.

Из четырёх носильщиков, что тащили мою бабушку, один стал впоследствии моим дедом. То был будущий командир Юй Чжаньао. В ту пору ему было всего двадцать, он был лучшим среди носильщиков гробов и свадебных паланкинов во всём дунбэйском Гаоми. Молодые люди его поколения обладали таким же ярким характером, что и гаолян в этих местах, не сравнить с нами, их хилыми потомками. По тогдашним обычаям носильщики в дороге подтрунивали над новобрачной, так же как работники винокурни пробовали вино своего производства, это незыблемое правило, и они мучили бы даже невесту самого императора.

Листья гаоляна шелестели, задевая о стенки паланкина, и внезапно из глубин гаоляна донёсся жалобный плач, нарушив монотонность происходящего. Плач этот очень напоминал мелодию, которую исполняли музыканты. Бабушка подумала, что и это музыка, и силилась представить, что же за инструмент держат в руках музыканты. Она ножкой отодвигала шторку до тех пор, пока не увидела взмокшую от пота поясницу одного из носильщиков, но куда внимательнее бабушка изучала свои обутые в красные вышитые туфельки ножки — заострённые, худенькие, печальные, в упавшем на них дневном свете они напоминали два лепестка лотоса, а ещё больше — двух крошечных золотых рыбок, спрятавшихся на дне прозрачного пруда. Две розоватые хрустальные слезинки, похожие на зёрнышки гаоляна, скатились с бабушкиных ресниц, побежали по щекам и достигли уголков рта. На сердце у бабушки было тоскливо и горько, нарисованный ею образ статного и элегантного мужа приятной наружности, в высокой шапке и с широким поясом, как обычно изображают героев на сцене, затуманился слезами и исчез, она с ужасом увидела покрытое язвами лицо

больного проказой Шань Бяньлана и похолодела. Бабушка подумала: неужто эти золотые лотосы, нежное, как персик, личико, всё её тепло и очарование достанутся прокажённому? Если так, то лучше уж умереть.

Долгий плач в гаоляновом поле перемежался со словами через запинку: «Небо чистое-е-е, небо сине-е-е, небо пёстрое-е-е, братик мой родной, братик мой дурной, преставился-я-я, небо для сестрёнки обрушилося-я-я».

Должен сказать вам, что у нас в дунбэйском Гаоми женщины голосят по покойникам так же красиво, как поют. В первый год Республики[26] профессиональные плакальщики из Цюйфу, родины Конфуция, приезжали сюда учиться, как правильно оплакивать покойников. Бабушка почувствовала, что в такой радостный день встретить женщину, оплакивающую умершего мужа, — дурной знак. На сердце стало ещё тяжелее. В этот момент один из носильщиков подал голос:

— Эй, девушка в паланкине, поговори с нами! Дорого дальняя, скучно до ужаса!

Бабушка поспешно схватила красное покрывало, накинула на голову и потихоньку убрала ножку, придерживающую шторку. В паланкине снова воцарилась непроглядная тьма.

— Спой-ка нам песенку, мы же тебя несём!

Музыканты словно бы пробудились ото сна и яростно задудели; взвыла большая труба.

— Ту-у-у-у… — Кто-то из носильщиков впереди передразнил трубу, и с обеих сторон от паланкина раздался грубый хохот.

Бабушка истекала потом. Перед тем как она села в паланкин, прабабушка много раз повторила, что в дороге ни в коем случае нельзя болтать с носильщиками, мол, носильщики и музыканты — представители низких профессий, лживые странные типы, которые могут выкинуть любую гадость.

Носильщики с силой раскачивали паланкин, бабушкин зад ёрзал туда-сюда, а обеими руками она крепко держалась за сиденье.

— Даже не пикнешь? Трясите, ребята! Коли не вытрясем из неё ни звука, то хоть мочу выжмем!

Паланкин уже напоминал маленькую лодочку, попавшую в шторм. Бабушка мёртвой хваткой вцепилась в сиденье, в животе бултыхались два яйца, съеденных утром, мухи жужжали под ухом, горло сжалось, тошнотворный яичный запах ударил в нос. Бабушка закусила губу. Нельзя, чтобы тебя вырвало, нельзя! Бабушка приказывала себе: «Нельзя, чтобы тебя стошнило, Фэнлянь, говорят, что, когда невесту рвёт в свадебном паланкине, — это самый дурной знак, тогда всю жизнь счастья не видать…»

Носильщики стали говорить ещё грубее: некоторые поносили моего дедушку, малодушный, мол, человечишка, про каких говорят «при виде денег и у слепого глаза открываются», некоторые намекали, дескать, свежий цветок воткнут в навозную кучу,[27] а третьи заявляли, что Шань Бяньлан — прокажённый, истекающий гноем, мол, даже если просто встать за двором Шаней, то можно учуять смрад гниющей плоти, а во дворе у них толпами вьются зелёные мухи…

— Невестушка, ты не позволяй Шань Бяньлану до себя дотрагиваться, а не то сгниёшь заживо!

Трубы и соны выли и всхлипывали, яичная вонь становилась сильнее, бабушка ещё сильнее закусывала губу, в горло словно кто-то бил кулаком, и она не выдержала, стоило открыть рот, как из него фонтаном вырвалась рвота прямо на шторку паланкина. Пять мух пулей метнулись к рвоте.

— О, затошнило её! Трясите! — заорали носильщики. — Трясите! Рано или поздно растрясём её на разговоры!

— Братцы… пощадите… — горестно вымолвила бабушка в перерыве между рвотными спазмами, а потом заревела в голос. Бабушке было очень обидно, она понимала, что впереди её ждёт нечто опасное и до конца жизни не вырваться ей из моря страданий. Папа, мама… падкий на деньги отец, жестокосердная мать, вы мою жизнь сломали!

От бабушкиного рёва гаолян содрогнулся. Носильщики перестали раскачивать паланкин, музыканты, создававшие своими инструментами бурю и поднимавшие волны, перестали дудеть. Остался лишь бабушкин горестный плач, да вступила одинокая грустная сона, которая рыдает даже красивее, чем любая из женщин. Услыхав эти звуки, бабушка резко прекратила плакать, как будто бы прислушалась к голосу природы, внимая музыке, доносившейся словно с небес. Бабушкино припудренное личико увяло, покрытое жемчужинами слёз, в этой горестной мелодии она уловила звуки смерти, почуяла дыхание смерти, увидела смеющееся лицо божества смерти с такими же тёмно-красными, как гаолян, губами и кожей золотисто-жёлтого цвета зрелой кукурузы.

Носильщики замолчали, шаги их стали тяжёлыми. Завывания жертвы в паланкине под аккомпанемент соны разбередили их души — так весло нарушает покой ряски или дождь бьёт по траурному флагу с заклинаниями, призывающими душу. Процессия, двигавшаяся по узкой тропинке в гаоляновом поле, перестала напоминать свадебную, а походила теперь на похоронную. У носильщика, что был ближе всех к бабушкиным ножкам — моего будущего дедушки Юй Чжаньао, — душа озарилась странным предчувствием, которое вспыхнуло внутри, как пламя, и осветило дорогу впереди. Бабушкин плач пробудил в глубинах его души давно сокрытую там любовь.

Носильщики решили устроить в пути короткую передышку и поставили паланкин на землю. Бабушка от долгого плача была словно в тумане и сама не заметила, как выставила наружу маленькую ножку. При виде этой изящной, бесподобно красивой крошечной ножки носильщики забыли обо всём на свете. Тогда Юй Чжаньао подошёл, наклонился, легонько взял бабушкину ножку, словно неоперившегося птенчика, и осторожно вернул в паланкин. А в паланкине бабушка растрогалась от этого нежного жеста, ей безумно хотелось откинуть шторку и посмотреть, как выглядит носильщик, которому принадлежит эта огромная молодая ласковая рука.

Мне кажется, влюблённые, которым небо уготовило быть вместе, связаны навеки невидимой нитью и через тысячу ли, и это непреложная истина. Когда Юй Чжаньао взял бабушкину ножку, то в его душе пробудилось огромное желание построить новую жизнь, которое в корне изменило его судьбу, как и судьбу моей бабушки.

Паланкин снова подняли, сона издала протяжный звук, похожий на крик обезьяны, а потом умолкла. Подул северо-восточный ветер, на небе скучились облака, заслоняя солнечный свет, внутри паланкина стало ещё темнее. Бабушка слышала, как гаолян шелестел на ветру, шелест этот накатывал волнами и уходил вдаль. Где-то на северо-востоке загрохотал гром. Носильщики ускорили шаг. Сколько ещё оставалось до дома Шаней, бабушка не знала; так чувствует себя связанный ягнёнок: чем ближе смертный час, тем он спокойнее. За пазухой она спрятала острые ножницы, возможно, припасла их для Шань Бяньлана, возможно, и для себя самой.

Важную роль в истории моего рода играет ограбление свадебного паланкина, в котором ехала моя бабушка, в Жабьей яме. Жабья яма — это низина посреди низины, земля там

особенно тучная, воды достаточно, и гаолян растёт особенно густо. Когда паланкин с бабушкой дотащили до Жабьей ямы, на северо-востоке небо пронзила кроваво-красная молния, обломки абрикосовых солнечных лучей с воем устремились к тропинке, пробиваясь сквозь густые облака. Носильщики запыхались и обливались горячим потом. Когда они оказались в Жабьей яме, воздух налился тяжестью, гаолян вдоль обочины потемнел, блестел как вороново крыло, гаоляновое море казалось бездонным, а дорога почти сплошь заросла дикой травой и цветами. Среди травы тянули тонкие длинные стебли васильки, распускались их фиолетовые, синие, розовые и белые цветы. В глубине гаоляна горестно квакали жабы, печально стрекотали кузнечики и жалобно подвывали лисы. Бабушка в паланкине внезапно ощутила порыв холодного воздуха, отчего кожа покрылась мурашками. Она ещё не успела сообразить, что происходит, как услышала громкий окрик снаружи:

— Хотите пройти — откупайтесь!

Бабушкино сердце ёкнуло, она не знала, то ли расстроиться, то ли обрадоваться. О небо! Им повстречался любитель кулачей!

В дунбэйском Гаоми разбойников было как грязи, они шныряли в гаоляновых зарослях, словно рыбы, сбивались в банды, чтобы грабить, похищать людей с целью выкупа, они без конца чинили всякие злодеяния, позабыв о добрых делах. Ежели испытывали голод, то ловили пару человек, одного оставляли в заложниках, а второго отправляли обратно в деревню, чтобы потребовать определённое количество тонких лепёшек по две пяди в длину, в которые заворачивали яйца и зелёный лук. Поскольку разбойники упихивали лепёшку с начинкой в рот обеими кулаками, то такие лепёшки стали именовать кулачами.

— Откупайтесь! — взревел разбойник.

Носильщики остановились и уставились на мужика, который стоял посреди дороги, широко расставив ноги. Он был невысок, лицо вымазано чёрной тушью, на голове широкополая коническая шляпа, сплетённая из стеблей гаоляна, а одет разбойник был в просторный дождевой плащ, распахнутый на груди, под которым виднелась чёрная рубаха с множеством пуговиц и широким поясом, а за поясом торчал какой-то предмет, завёрнутый в красную шёлковую тряпицу, который разбойник придерживал одной рукой.

У бабушки тут же мелькнула мысль, что при любом раскладе пугаться-то нечего, смерть ей не страшна, а чего ещё бояться? Она отдёрнула шторку и посмотрела на любителя кулачей.

Разбойник снова заорал:

— А ну, платите! Иначе я вас мигом расстреляю!

Он похлопал по красному свёртку, заткнутому за пояс.

Музыканты тут же отстегнули с поясов связки медных монет,[28] которые заплатил им прадедушка, и кинули под ноги разбойнику. Носильщики поставили паланкин, достали полученные в награду медяки и сделали то же самое.

Разбойник ногой сдвинул связки монет в кучу, не отрывая взгляда от бабушки, сидящей в паланкине.

— А теперь встаньте позади паланкина, все вы! Не то пальну! — громко прикрикнул он, похлопав по предмету, заткнутому за пояс.

Носильщики медленно отошли. Юй Чжаньао был самым последним, он резко обернулся и уставился на любителя кулачей. Разбойник мгновенно поменялся в лице, крепко сжал красный свёрток и пронзительно заверещал:

— Не оборачиваться! Ещё раз башку повернёшься, и я тебя прикончу!

Придерживая свёрток за поясом, он направился к паланкину, шаркая ногами по земле, протянул руку и сжал бабушкину ножку. Бабушка усмехнулась, и злодей отдёрнул руку, словно бы обжёгся.

— Вылезай из паланкина, пошли со мной! — приказал он.

Бабушка продолжала сидеть, не шелохнувшись, а усмешка словно бы застыла на её личике.

— Вылезай!

Бабушка поднялась, смело перешагнула через шест-ручку паланкина и встала среди ярких васильков. Правым глазом она смотрела на разбойника, но краем левого глаза следила и за носильщиками и музыкантами.

— Иди в гаолян! — велел ей грабитель, всё так же не отпуская красный свёрток.

Бабушка стояла с уверенным видом; тут облака пронзила молния, сопровождавшаяся металлическим дребезжанием, и улыбка на бабушкином лице разбилась вдребезги. Разбойник подталкивал её к гаоляну, не отнимая руки от предмета в красной тряпке. А бабушка горящим взглядом смотрела на Юй Чжаньао.

Юй Чжаньао двинулся прямиком на разбойника, его тонкие губы превратились в волевую линию, один уголок губ слегка приподнялся, второй — опустился.

— Ну-ка, стоять! — слабым голосом скомандовал разбойник. — Ещё шаг, и я пальну!

Он прижимал рукой красный свёрток.

Юй Чжаньао спокойно шёл на злодея, он делал очередной шаг, а любитель кулачей пятился назад. Из глаз разбойника посыпались зелёные искры, а по лицу, на котором застыла паника, побежали ручьями кристальные капли пота. Когда их с Юй Чжаньао разделало всего три шага, разбойник стыдливо крикнул, развернулся и бросился наутёк, но Юй Чжаньао помчался за ним и успел пнуть его прямо в зад. Тело разбойника скользнуло над дикой травой, сбивая васильки, он летел параллельно земле и в воздухе сучил руками и ногами, как невинный младенчик, а потом приземлился в гаоляне.

— Братцы, пощадите! У меня дома мать восьмидесятилетняя, поневоле занялся разбоем! — хорошо поставленным голосом кричал злодей, барахтаясь в руках Юй Чжаньао. Тот схватил его за загривок, подтащил к носильщикам и с силой швырнул на землю, после чего пнул в рот, который ни на минуту не закрывался. Мужик закричал от боли, отплёвываясь и задыхаясь, из носа у него хлынула кровь.

Юй Чжаньао наклонился, рывком вытащил из-за пояса разбойника красный свёрток и развернул красную тряпицу — внутри оказалась небольшая изогнутая коряга. Носильщики и музыканты заохали.

Злодей плюхнулся на колени прямо на землю, без конца отбивал поклоны и молил о пощаде. Юй Чжаньао хмыкнул:

— Все разбойники на дорогах всегда рассказывают про восьмидесятилетнюю мать!

Он отошёл в сторону и смотрел на носильщиков и музыкантов, как вожак собачьей стаи смотрит на остальных псов. Те с дикими криками окружили разбойника плотным концом и принялись осыпать его тумаками и пинками, было видно только, как мелькают руки и ноги. Сначала ещё доносились пронзительные крики и плач разбойника, а потом он затих. Бабушка стояла у дороги, слушая, как с глухим стуком удары обрушиваются на тело злодея; она взглянула на Юй Чжаньао, потом подняла голову, посмотрела на молнию в небе, и на лице её по-прежнему застыла величественная, ослепительная, как золото, улыбка.

Один из музыкантов поднял большую трубу и с размаху ударил разбойника по голове.

Острый край вошёл в кость черепа, да так, что пришлось применить немалую силу, чтобы его вытащить. В животе у разбойника что-то булькнуло, сведённое судорогой тело расслабилось и обмякло, а из глубокой раны потянулась ниточка красноватой жидкости.

— Подох? — спросил музыкант, державший в руках трубу, которой нанёс смертельный удар.

— Забили мы его насмерть, но такую сволочь и убить не жалко!

Лица носильщиков и музыкантов помрачнели, им явно было не по себе.

Юй Чжаньао посмотрел на мертвеца, а потом на своих товарищей, но ни слова не сказал. Охапкой гаоляновых листьев он вытер бабушкину рвоту внутри паланкина, потом поднял ту корягу посмотреть поближе, замотал её снова в красную тряпицу и с силой отшвырнул. В полёте ткань размоталась, коряга упала первой, а следом и тряпица приземлилась на гаолян большой тёмно-красной бабочкой.

Юй Чжаньао усадил бабушку в паланкин:

— Дождь собирается, пора двигаться дальше!

Бабушка сорвала шторку и сунула её под сиденье паланкина. Вдыхая свежий воздух, она смотрела на широкие плечи и тонкую талию Юй Чжаньао. Он был так близко от паланкина, что можно было бы протянуть ножку и дотронуться до его крепкой, побритой налысо головы.

Ветер крепчал, под его порывами по гаоляну бежали волны, а вдоль обочины гаолян кланялся до земли, словно бы выражая своё почтение бабушке. Носильщики рысью помчались вперёд, но паланкин был на удивление устойчив, словно бы маленькая лодочка, стремительно скользящая по гребням волн. Лягушки и жабы возбуждённо квакали в предвкушении надвигавшегося летнего ливня. Низко нависавший небосвод мрачно всматривался в серебристо-серые лики гаоляна, над макушками которого одна за другой сверкали кроваво-красные молнии, раскаты грома становились всё громче, сотрясая барабанные перепонки. Волнение в душе бабушки нарастало, и она бесстрашно наблюдала, как чёрный ветер поднимает зелёные волны. Гром скрежетал как вращающиеся жернова, ветер постоянно менял своё направление, гаолян гнулся во все стороны, и в поле воцарился полный хаос. Первые капли дождя ударили по гаоляну с такой злостью, что он содрогнулся, дикие травы затрепетали, мелкозём под ногами стал собираться в комки, которые тут же трескались. Дождь забарабанил по крыше паланкина, по бабушкиным вышитым туфелькам, по лысой голове Юй Чжаньао, а брызги долетали до бабушкиного лица.

Юй Чжаньао и его товарищи стремительно неслись, как кролики, но не могли укрыться от этой утренней грозы. Дождь приминал бесчисленные стебли гаоляна, бушевал в полях, лягушки прятались под стеблями гаоляна, с шумом раздувая белоснежные грудки, лисицы сидели по тёмным норам, глядя на мелкие капли воды, брызгающие с гаоляна, дорогу очень быстро размыло, трава прижималась к земле, а васильки тянули свои влажные головки.

Широкие брюки носильщиков прилипли к телу, и все они стали стройными и гибкими, как тростинки. Дождь начисто омыл голову Юй Чжаньао, и она напоминала бабушке полную луну. От дождя промокла и бабушкина одежда, она могла бы вернуть на место шторку и укрыться за ней, но не стала, не захотела, вместо этого бабушка через широкий вход в паланкин смотрела на величественный окружающий мир, погрузившийся в хаос.

6

Раздвигая стебли гаоляна, отец быстро шёл в северо-западном направлении, в сторону нашей деревни. Барсук с похожими на человеческие ноги лапами неуклюже метнулся вдоль борозды, но отец не обратил на него внимания. Оказавшись на дороге, где уже нельзя было запутаться в гаоляновых зарослях, он побежал словно дикий заяц. Под тяжестью браунинга матерчатый красный ремень провис, как заходящий месяц. Пистолет больно упирался в бедро, но от этой боли, вызывающей оцепенение, отец ощущал себя настоящим мужчиной. Вдалеке показалась деревня. Покрытое пышной листвой дерево гинкго, которое росло на околице уже почти сто лет, торжественно приветствовало отца. Он вытащил из-за пояса пистолет, поднял руку и на бегу целился в птиц, грациозно скользящих по небу.

Улица была безлюдной, только чей-то хромоногий слепой ишак, привязанный к глинобитной стене с осыпавшейся извёсткой, неподвижно стоял, повесив голову. На каменном катке примостились две тёмно-синих вороны. Все деревенские собрались на площадке перед нашей винокурней. Некогда эта площадка была ярко-алой, поскольку здесь сваливали в кучу красный гаолян, который закупала моя семья. В те дни бабушка, держа в руках метёлку с белым хвостом, неторопливо и нетвёрдо переступая своими крошечными ножками, наблюдала, как наши подвыпившие работники деревянными ковшами мерили закупаемый гаолян, и на её личике играли отблески утренней зари. Сейчас все стояли, повернувшись на юго-восток и прислушиваясь, не раздадутся ли выстрелы. Дети одного с отцом возраста не осмеливались шуметь, хотя едва сдерживались.

Отец и Сунь Пятый, тот самый, что в прошлом году освежевал дядю Лоханя ножом для разделки свиных туш, прибежали на площадку с разных сторон. После того случая Сунь Пятый тронулся умом, руки и ноги у него дёргались, глаза смотрели прямо перед собой, щёки дрожали, он бессвязно бормотал, пускал белую пену изо рта, а то вдруг плюхался на колени и орал дурниной: «Братец, братец, братец… это генерал меня заставил, я не осмелился ослушаться… Ты после смерти поднялся на небеса, ездишь там на белом скакуне, в седле с подвесками, носишь парадный халат, расшитый драконами, и у тебя золотая плеть…»

Односельчане, видя, что с ним сталось, перестали его ненавидеть. Прошло несколько месяцев после того, как Сунь Пятый рехнулся, и у него появились новые симптомы: бывало, он покричит-покричит, а потом внезапно глаза закатываются, из носа начинают ручьём течь сопли, а изо рта — слюни, а дальше ни слова не разобрать. Местные поговаривали, что это небесная кара.

Отец прибежал с браунингом в руке, он запыхался, голова его была припорошена белой пыльцой гаоляна и красной пылью. Сунь Пятый появился на площади в лохмотьях, припадая на правую ногу. Но собравшиеся не обращали на него внимания, поскольку смотрели на моего отважного отца.

Бабушка подошла к отцу. Ей только-только исполнилось тридцать, волосы она завязывала в тугой узел, а чёлка, разделённая на пять прядей, закрывала гладкий лоб, словно занавес, украшенный жемчужинами. Бабушкины глаза всегда были влажными и блестящими, как осенний паводок, — некоторые поговаривали, что это от гаолянового вина. Пятнадцать лет постоянного преодоления трудностей превратили её из юной невинной девушки в яркую молодую женщину.

Бабушка спросила:

— Что случилось?

Отец, задыхаясь, заткнул браунинг обратно за пояс.

— Японцы не появились?

Отец ответил:

— Мы этого гребаного командира Лэна не пощадим!

— Что случилось? — не унималась бабушка.

— Напеки кулачей.

— Я не слышала звуков боя.

— Напеки лепёшек, да заверни побольше яиц и лука.

— Японцы не пришли?!

— Командир Юй велел напечь кулачей да чтоб ты лично принесла!

— Односельчане, расходимся по домам месить тесто и печь лепёшки! — велела бабушка.

Отец повернулся и собрался было бежать, но бабушка схватила его за руку:

— Доугуань, отвечай маме, что там с подразделением Лэна?

Отец выдернул руку и рассерженно сказал:

— От них ни слуху! Командир Юй этого так не оставит!

Отец убежал. Бабушка, глядя на его худенькую спину, вздохнула. На опустевшей площадке всё ещё торчал Сунь Пятый. Он остекленевшими глазами смотрел на бабушку, энергично жестикулировал, а изо рта с бульканьем вытекала слюна.

Бабушка, не обращая внимания на Суня, направилась к девушке с длинным личиком, которая стояла, опершись о стену. Та хихикнула, но стоило бабушке подойти вплотную, как девушка внезапно присела на корточки, обеими руками ухватилась за пояс штанов и визгливо заплакала. В её глазах, похожих на глубокие омуты, вспыхнули искры безумия. Бабушка погладила девушку по лицу, приговаривая:

— Линцзы, хорошая девочка, не бойся!

Семнадцатилетняя Линцзы в то время слыла первой красавицей в нашей деревне. Когда командир Юй впервые набирал солдат под своё знамя, в отряде числилось больше пятидесяти человек, в том числе один бледный худощавый юноша с чёрными как вороново крыло длинными волосами, который одевался во всё чёрное, если не считать пары белых кожаных ботинок. По слухам, Линцзы влюбилась в того парня. Он говорил на красивом пекинском диалекте, никогда не улыбался, вечно хмурил брови, отчего между ними образовались три вертикальные морщинки. Его все называли адъютантом Жэнем. Линцзы чувствовала, что за прекрасной ледяной наружностью адъютанта Жэня полыхает жар, да такой сильный, что она не могла найти себе места. В тот момент солдаты адъютанта Жэня каждое утро маршировали на пустой площадке, где раньше моя семья складировала закупленный гаолян. Горнистом в отряде адъютанта Жэня был наш местный музыкант Лю Сышань, который на своей трубе исполнял все военные сигналы. Каждый раз перед началом строевой подготовки Лю Сышань играл сбор. Линцзы, заслышав звуки трубы, выскакивала из дома и как ветер неслась к плацу, чтобы прижаться к глинобитной стене в ожидании адъютанта Жэня. Адъютант Жэнь отвечал за строевую подготовку, он подпоясывался широким ремнём из бычьей кожи, на которой болтался браунинг.

Адъютант Жэнь, выпятив грудь и втянув живот, выходил перед своим отрядом, командовал «смирно!», и в двух шеренгах солдаты стучали что есть мочи пяткой о пятку.

— Когда дана команда «смирно», — наставлял адъютант Жэнь, — ноги нужно выпрямить, живот втянуть, грудь выпятить и широко открыть глаза, как леопард, готовый напасть на человека. Глянь, как ты стоишь! — Адъютант Жэнь пнул Ван Вэньи. — Что ноги-то расставил, как кобылица, которой по малой нужде приспичило?! И бьёшь тебя, а всё без толку!

Линцзы нравилось смотреть, как адъютант Жэнь бьёт солдат, и нравилось слушать, как он их ругает. Его непринуждённые манеры сводили Линцзы сума. В свободное время адъютант Жэнь прогуливался по импровизированному плацу, заложив руки за спину, а Линцзы из-за стены тайком наблюдала за ним.

Как-то раз он спросил:

— Как тебя звать?

— Линцзы.

— Что ты там прячешься за стеной?

— На вас смотрю.

— Грамотная?

— Неа.

— Хочешь в солдаты?

— Неа.

— Значит, не хочешь.

Линцзы потом жалела, она сказала моему отцу: если адъютант Жэнь снова спросит, она ответит, что хочет в солдаты. Вот только адъютант Жэнь больше не спросил.

Линцзы с моим отцом и другими ребятишками поверх стены наблюдала, как адъютант Жэнь обучал на плацу солдат революционным песням. Отец ростом был маленький, приходилось вставать на горку из трёх камней, чтобы увидеть, что происходит по ту сторону стены. Линцзы клала подбородок на стену и во все глаза смотрела на адъютанта Жэня, утопавшего в утреннем свете. Жэнь учил солдат песне: «Гаолян заалел, гаолян покраснел, псы японские тут как тут, и творят беспредел, и страну они рвут, наши родичи толпами мрут! Ты, товарищ, вставай, будем бить мы врагов, охранять наш родимый край!»

Солдаты в отряде были все сплошь косноязычные, так и не могли нормально выучить песню, а вот дети, выглядывавшие из-за стены, пели без запинки. Отец до конца жизни помнил слова этой песни.

Однажды Линцзы набралась смелости и сама пошла к адъютанту Жэню, вот только по ошибке зашла в комнату ответственного за снабжение войск Зубастого Юя, который приходился командиру Юй Чжаньао родным дядей. Зубастому Юю перевалило за сорок, больше всего на свете он любил спиртное, деньги и женщин. В тот день он надрался в хлам, и тут в комнату ворвалась Линцзы, это всё равно что мотылёк летит к огню, а невинный ягнёнок попадает в логово к тигру…

Адъютант Жэнь приказал нескольким солдатам из своего отряда связать Зубастого Юя, который лишил девственности Линцзы.

Командир Юй тогда был расквартирован у нас дома, и, когда к нему явился с донесением адъютант Жэнь, он спал на кане у моей бабушки. Бабушка уже умылась, расчесалась и собиралась поджарить несколько рыбинок в качестве закуски к вину, тут в комнату влетел разъярённый адъютант Жэнь и напутал бабушку так, что она аж подпрыгнула.

Адъютант Жэнь спросил у бабушки:

— Где командир?

— На кане спит.

— Разбуди его!

Бабушка сделала то, что ей велели.

Вышел заспанный командир Юй, он потягивался и зевал.

— Что случилось?

— Командир Юй, ежели япошка снасильничает одну из наших сестриц, надо ли его убить? — спросил адъютант Жэнь.

— Конечно!

— А ежели это будет китаец!

— Убить!

— Хорошо, товарищ командир, я ждал, что вы так скажете. Зубастый Юй надругался над простой девушкой Цао Линцзы. Я уже велел братьям связать его.

— Да неужто?

— Командир, на какое время назначим расстрел?

Командир Юй икнул и сказал:

— Переспать с бабой — не такое уж великое преступление!

— Товарищ командир, перед законом все равны, даже наследник императора!

— И как ты предлагаешь его покарать? — мрачно поинтересовался командир Юй.

— Расстрелять! — без тени сомнения ответил адъютант Жэнь.

Командир Юй хмыкнул и начал нервно мерить комнату шагами со злой миной. Затем лицо его растянулось в улыбке.

— Адъютант Жэнь, а что, если мы всыплем ему прилюдно пятьдесят ударов плетью, а семье Линцзы выплатим двадцать юаней серебром?

Адъютант Жэнь насмешливо поинтересовался:

— Только потому, что он ваш родной дядя?

— Восемьдесят ударов плетью? А ещё в наказание заставим жениться на Линцзы, я даже буду звать её тётушкой!

Адъютант Жэнь снял с себя ремень и вместе с браунингом кинул командиру Юю в руки, после чего поклонился, сложив руки в почтительном жесте,[29] и со словами «Командир, так будет проще для нас обоих!» стремительно вышел во двор.

Командир Юй с браунингом в руке смотрел вслед уходящему адъютанту Жэню. Потом процедил сквозь зубы:

— Катись ты знаешь куда, ещё будут меня всякие несмышлёныши учить! За те десять лет, что я разбойничал, никто не смел так развязно себя со мной вести!

Бабушка сказала:

— Чжаньао, нельзя отпускать адъютанта Жэня, как говорится, тысячу солдат легко набрать, а одного генерала с трудом сыщешь.

— Бабы в этом не разбираются! — в сердцах огрызнулся командир Юй.

— Я-то считала тебя храбрецом, вот уж не думала, что ты такой слабак! — заявила бабушка.

Командир Юй навёл на неё пистолет.

— Что, жить надоело?

Бабушка рывком разорвала на груди сорочку, обнажив груди, похожие на пончики из рисовой муки.

— Стреляй!

Отец с криком «мамка!» кинулся к ней на грудь.

Неизвестно, сколько воспоминаний промелькнуло у Юй Чжаньао, пока он смотрел на круглую голову моего отца и прекрасное, словно луна, лицо бабушки. Он вздохнул, убрал пистолет и сказал:

— Одежду поправь!

С плетью в руках Юй Чжаньао вышел во двор, отвязал своего жеребчика соловой масти и, не седлая, поскакал на плац.

Солдаты лениво ошивались у стенки, при виде командира Юя все тут же встали по стойке «смирно», никто не проронил ни слова.

Зубастого Юя со связанными руками привязали к дереву.

Командир Юй спешился и подошёл к Зубастому Юю.

— Ты и впрямь такое сотворил?

Зубастый Юй запричитал:

— Чжаньао, развяжи меня, и я уйду.

Все взгляды солдат были прикованы к командиру Юю.

Командир Юй сказал:

— Дядя, мне придётся тебя расстрелять.

Зубастый Юй взревел:

— Ублюдок! Осмелишься родного дядю умертвить?! Вспомни, сколько тебе дядя добра сделал! У тебя отец умер рано, дядя горбатился, зарабатывал, чтоб содержать твою мамку и тебя, если бы не я, то ты давно бы уже собак кормил!

Командир Юй взмахнул плетью, хлестнул Зубастого Юя по лицу и выругался:

— Ах ты, негодяй!

Затем он бухнулся на колени и воскликнул:

— Дядя, я никогда не забуду, что ты меня воспитал! После твоей смерти я надену траурную одежду, а на Новый год и другие праздники буду убираться на твоей могиле и устраивать жертвоприношения.

Командир Юй отвернулся, вскочил на жеребчика, подстегнул его, понёсся в том направлении, куда ушёл адъютант Жэнь, и догнал его. От цокота копыт сотрясался весь мир.

Отец своими глазами видел расстрел Зубастого Юя. Немой вместе с двумя другими солдатами оттащили приговорённого на западную околицу. Местом казни выбрали излучину реки Мошуйхэ в виде полумесяца, где скапливалась чёрная гнилая вода и водился в большом количестве гнус. На берегу росла одинокая ива с темножёлтыми листьями. Здесь прыгали с хлюпаньем жабы, а на куче обрезков волос валялась потрёпанная женская туфелька.

Двое солдат подтащили Зубастого Юя к излучине, поставили там и посмотрели на Немого. Немой снял с плеча винтовку, передёрнул затвор, и пуля со звоном вошла в ствол.

Зубастый Юй повернулся лицом к Немому и улыбнулся. Отец увидел, что улыбка у него добрая и ласковая, словно тусклые лучи заходящего солнца.

— Братец Немой, развяжи меня, не могу я умереть с этими верёвками!

Немой подумал немного, потом, не выпуская винтовки из рук, вытащил из-за пазухи нож и с треском перерезал пеньковые верёвки. Зубастый Юй расслабил руки, повернулся и заорал:

— Стреляй, братец Немой! Цельсь в висок! Чтоб я не страдал!

Отцу казалось, что окружающие испытали благоговение перед человеком, который

находился на грани смерти. В конце концов Зубастый Юй был отпрыском нашего дунбэйского Гаоми. Да, он совершил серьёзное преступление, даже смертью не мог искупить вину, но перед лицом кончины проявил должный героический дух. Отца его поведение тронуло так сильно, что аж пятки загорелись огнём и захотелось прыгать на месте.

Зубастый Юй посмотрел на застойную гнилую воду, где плавали несколько островков зелёных листьев и хилый белый цветок дикого лотоса, потом перевёл взгляд на ослепительный гаолян на противоположном берегу реки, сплюнул и громко запел:

— Гаолян заалел, гаолян покраснел, псы японские тут как тут, и творят беспредел, и страну они рвут, наши родичи толпами мрут…

Немой поднял винтовку, потом опустил и снова поднял.

Два солдата сказали:

— Немой, давай попросим командира Юя о снисхождении! Пощади его!

Крепко сжимая винтовку, Немой слушал, как Зубастый Юй горланит песню, не попадая в ноты.

Зубастый Юй развернулся и, гневно глядя широко распахнутыми глазами, заорал:

— Стреляй, брат! Неужто я сам себя должен убить?

Немой вскинул винтовку, прицелился в выпуклый лоб Зубастого Юя и нажал на курок.

Отец увидел, как лоб Зубастого Юя раскололся, как черепица, и только потом до его ушей долетел глухой звук выстрела. Немой низко опустил голову, а ствол выплюнул струйку белоснежного порохового дыма. Тело Зубастого Юя замерло на пару секунд, словно деревяшка, а потом рухнуло в воду.

Немой ушёл, таща за собой винтовку, двое солдат поковыляли следом.

Отец вместе с толпой ребятишек, охваченный смертельным ужасом, подошёл к краю берега и оттуда посмотрел на Зубастого Юя, лежавшего в грязи на спине. От его лица целым остался только рот, черепную коробку снесло, мозги вытекли и залили уши, один глаз выпал из орбиты и висел рядом с ухом, словно огромная виноградина. Его тело упало в грязь так, что брызги полетели во все стороны, сломав стебель хилого белого лотоса, несколько тонких белых волокон протянулись вдоль руки покойника. Отец учуял нежный аромат лотоса.

Впоследствии адъютант Жэнь раздобыл гроб из кипарисового дерева, обитый жёлтым атласом и покрытый лаком толщиной с медную монету. Зубастого Юя обрядили, положили в гроб и похоронили со всеми церемониями, а могилу вырыли под той маленькой ивой у излучины. В день похорон адъютант Жэнь оделся во всё чёрное. Волосы его блестели, а на левое предплечье он повязал красную шёлковую ленту. Командир Юй облачился в траурные холщовые одежды и в голос рыдал. Когда похоронная процессия вышла за околицу, Юй со всей силы разбил о кирпичи новый глиняный горшок.[30]

В тот день мама повязала отцу белую траурную повязку да и сама оделась в холщовые траурные одежды. Отец с палкой из свежесрубленного ивового колышка шёл следом за командиром Юем и бабушкой. Он видел, как разлетелись черепки глиняного горшка, и это напомнило ему, как раскололся, словно черепица, лоб Зубастого Юя. Отец смутно чувствовал, что две эти похожие картины как-то неразрывно связаны между собой, а столкновение двух этих событий может повлечь за собой и третье.

Отец не проронил ни слезинки, ледяным взглядом наблюдая за похоронной процессией. Её участники окружили иву, и шестнадцать крепких парней играючи опустили тяжёлый гроб в глубокую могилу на восьми пеньковых верёвках толщиной в полпяди, взявшись за оба

конца. Командир Юй зачерпнул пригоршню земли и отстранено бросил на сверкающую крышку гроба. Послышался грохот, от которого содрогнулись сердца. Несколько человек с лопатами начали поддевать большие комья чернозёма и закапывать могилу, гроб возмущённо кряхтел, потихоньку исчезая под слоем земли, который становился всё толще и толще; сначала он поравнялся с краями могилы, потом вырос в холмик в форме пампушки. Командир Юй достал пистолет и, прицелившись в небо над ивой, трижды пальнул. Пули друг за дружкой пролетели через крону дерева, сбив несколько жёлтых листиков, похожих на тонкие брови. Три блестящие словно лёд гильзы со щелчком отскочили в вонючую жижу в излучине, и какой-то мальчишка прыгнул туда же и, чавкая в зелёной грязи, подобрал их. Адъютант Жэнь достал браунинг и тоже дал три выстрела подряд. Пули вылетели из ствола со свистом, пронзительным, как крики петухов, и понеслись над гаоляном. Адъютант Жэнь и командир Юй стояли с дымящимися пистолетами, глядя друг другу в глаза. Адъютант Жэнь покивал:

— Он умер, как герой!

С этими словами он сунул пистолет за пояс и широким шагом двинулся в сторону деревни.

Отец заметил, что рука командира Юя, в которой тот держал пистолет, медленно поднялась, дуло пистолета преследовало спину адъютанта Жэня. Участники похоронной процессии ужасно удивились, но никто не осмеливался и пикнуть. Ни о чём не подозревавший адъютант Жэнь размеренно шагал с гордо поднятой головой к деревне, навстречу солнцу, которое вращалось, словно шестерёнка. Отец видел, что пистолет в руках командира Юя дрогнул. Отец практически не слышал звука выстрела, настолько он был слабым и далёким, лишь увидел, как пуля пролетела совсем низко и практически скользнула по чёрным как вороново крыло волосам адъютанта Жэня. Адъютант Жэнь не повернул головы, продолжив двигаться вперёд всё тем же размеренным шагом. Отец услышал, что адъютант насвистывает до боли знакомый мотив. Это была песня «Гаолян заалел, гаолян покраснел». Глаза отца наполнились горючими слезами. Чем дальше уходил адъютант Жэнь, тем больше казался его силуэт. Командир Юй снова выстрелил. От этого выстрела содрогнулись небо и земля, отец одновременно увидел полёт пули и услышал звук выстрела. Пуля вонзилась в горло гаоляновому стеблю, и тот повалился на землю. Пока колос медленно падал, его сразила ещё одна пуля. Отцу смутно показалось, что адъютант Жэнь наклонился, сорвал у дороги золотисто-жёлтый цветок дикого латука и долго-долго нюхал его.

Отец говорил мне, что адъютант Жэнь почти наверняка был коммунистом. Кроме коммунистов таких чистокровных героев и не сыщешь. Вот только, к сожалению, герою уготована была короткая жизнь. Спустя три месяца после того, как он удалился размашистой походкой, демонстрируя всем свою героическую выдержку, Жэнь чистил тот самый браунинг, и пистолет выстрелил у него в руках. Пуля вошла в левый глаз и вышла из правого уха, половина лица покрылась порошком синего цвета со стальным отливом, а из правого уха вытекала капельками чёрная кровь. Люди, услышав выстрел, подбежали к адъютанту, но тот уже мёртвым лежал на земле.

Командир Юй поднял браунинг адъютанта Жэня и долго молчал.

7

Бабушка несла на коромысле корзины с кулачами, а жена Ван Вэньи тащила на коромысле два ведра похлёбки из золотистой фасоли. Они поспешно продвигались в сторону большого моста через реку Мошуйхэ. Первоначально женщины хотели срезать через гаоляновое поле, напрямую на юго-восток, но с коромыслами пробираться через заросли гаоляна оказалось непросто. Бабушка сказала:

— Сестрица, давай пойдём по дороге. Хоть и длиннее, да выйдет быстрее.

Бабушка с женой Ван Вэньи, словно две больших птицы, прям-таки летели по пустой дороге. Бабушка переоделась в тёмно-красную куртку, а на чёрные волосы нанесла специальное масло для расчёсывания, так что они блестели. Жена Ван Вэньи была очень миниатюрной, но хваткой и проворной. Когда командир Юй начал вербовать солдат, она сама привела мужа к нам домой и попросила бабушку замолвить словечко, чтоб Ван Вэньи забрали в партизаны. Бабушка обещала помочь. Командир Юй оставил Ван Вэньи только из уважения перед бабушкиным авторитетом. Он спросил у Ван Вэньи:

— Ты смерти боишься?

Тот ответил:

— Боюсь.

Жена добавила:

— Товарищ командир, он говорит, что боится, а сам не боится. Во время японской бомбёжки наших трёх сыночков разорвало на кусочки.

Ван Вэньи категорически не годился в солдаты, реакции у него были замедленные, он путал право и лево, а во время строевой подготовки на плацу получал от адъютанта Жэня незнамо сколько раз. Жена предложила ему выход: велела в правой руке сжимать стебель гаоляна, как услышит команду «направо!», так разворачиваться в сторону той руки, которая держит гаолян. Ван Вэньи стал-таки солдатом, но оружия у него не было, и бабушка отдала ему наш дробовик.

Когда они поднялись на извилистый берег Мошуйхэ, не было времени любоваться на жёлтый лилейник, который пышным цветом цвёл по обе стороны насыпи, и заросли кроваво-красного гаоляна, простиравшиеся за насыпью. Женщины спешили на восток. Супруга Ван Вэньи привыкла к трудностям, а моя бабушка — к комфорту, бабушка обливалась потом, а у жены Ван Вэньи и капельки пота не выступило.

Отец давно уже прибежал к началу моста и отчитался перед командиром Юем, сказал, что лепёшки скоро принесут, и командир с довольным видом потрепал его по голове. Большая часть отряда залегла в гаоляновом поле и грелась на солнышке. Отцу скучно было сидеть на месте, он нырнул в гаоляновое поле с западной стороны дороги, чтобы посмотреть, чем там занят Немой и его ребята. Немой увлечённо точил свой кинжал, отец, придерживая браунинг за поясом, встал перед ним с победоносной усмешкой. При виде отца Немой осклабился. Некоторые солдаты спали и громко храпели. Те, кто не спал, тоже лениво валялись, с отцом никто не разговаривал. Отец вновь выскочил на шоссе, где через желтизну проступал белый цвет, поскольку дорога уже совсем притомилась. Её преграждали грабли, лежавшие рядком, их острые зубья тянулись в небо, и отец прямо-таки ощутил, что и грабли изнывали уже от ожидания. Каменный мост припал к воде, как больной, только-только начавший поправляться от тяжёлого недуга. Отец уселся на насыпи, глядя то на

восток, то на запад, то на воду, то на диких уток. Речка была очень красивой, каждая водоросль жила своей жизнью, каждый крошечный гребешок волны скрывал секреты. Отец увидел на дне несколько кучек белых костей, то ли мулов, то ли лошадей, плотно облепленных водорослями, и снова вспомнил тех двух наших больших чёрных мулов. Весной в полях целыми толпами скакали дикие зайцы, бабушка верхом на муле с охотничьим ружьём в руках гонялась за ними. Отец тоже сидел на муле, обнимая бабушку за талию. Зайцы испуганно шарахались, и бабушка их подстреливала, а когда они с отцом возвращались домой, то на шее мула болталось сразу несколько диких зайцев. Один раз, когда бабушка ела зайчатину, у неё между задними зубами застряла дробинка размером с большое гаоляновое зерно и никак не вынималась.

А ещё отец наблюдал за муравьями. Отряд тёмно-красных муравьёв поспешно перетаскивал ил. Отец положил в середину их цепочки ком земли, но те муравьи, которым этот ком преградил путь, не пошли в обход, а принялись энергично карабкаться вверх, тогда отец швырнул ком в реку, по воде пошли круги, но плеска не было. Солнце стояло в зените, над рекой в горячем воздухе поднимался специфический запах, напоминавший рыбный. Всё вокруг сверкало и жужжало. Отцу показалось, что всё пространство между небом и землёй было заполнено красной гаоляновой пыльцой и ароматом гаолянового вина. Он лёг на спину, и в этот момент его сердце подпрыгнуло. Только потом он понял: ожидание оказалось не напрасным, но плоды его были весьма заурядными, простыми и естественными. Отец увидел, как по шоссе среди гаоляна в его сторону беззвучно ползут четыре тёмно-зелёных существа, напоминающие огромных жуков.

— Грузовики! — невнятно проговорил отец, но на него никто не обратил внимания. — Японские черти! — Отец подпрыгнул, в растерянности глядя на машины, которые двигались в его сторону, словно метеоры, за ними тянулся длиннющий тёмно-жёлтый хвост дыма, а из передней части с треском вырывались раскалённые добела лучи. — Грузовики приехали!

Слова отца, как нож, сразили всех наповал, и гаоляновое поле накрыла тревожная тишина.

Командир Юй довольно хмыкнул:

— Приехали всё-таки, сволочи! Братцы, готовимся, по моей команде открывайте огонь!

С западной стороны дороги Немой подпрыгнул, хлопнув себя по заду. Несколько десятков солдат наклонились, похватали оружие и улеглись на пологом склоне.

Стало слышно гудение моторов. Отец улёгся рядом с командиром Юем, вытащив тяжёлый браунинг, запястья затекли и горели огнём, ладони вспотели и стали липкими, мышца между большим и указательным пальцем сначала дёрнулась, а потом её и вовсе свело судорогой.

Отец с изумлением наблюдал, как небольшой участок плоти размером с абрикосовую косточку ритмично трепыхается, словно там спрятан цыплёнок, пытающийся выбраться из скорлупы. Он не хотел, чтобы кисть дрожала, но поскольку сжал пистолет слишком сильно, то следом затряслась вся рука. Командир Юй легонько надавил ему на спину, кисть перестала дрожать, и отец переложил браунинг в левую руку, но пальцы правой скрючило так сильно, что они целую вечность не могли распрямиться.

Грузовики стремительно приближались, увеличиваясь в размерах, из глаз размером с лошадиное копыто на мордах грузовиков лился белый свет. Громкий гул моторов, словно ветер перед внезапным ливнем, принёс с собой незнакомое волнение, которое давило на людские сердца. Отец видел грузовики впервые в жизни и гадал, чем питаются эти чудища,

травой или кормом, пьют воду или кровь, ведь они бегали даже быстрее, чем те два наших молодых сильных мула на тонких ногах. Луноподобные колёса быстро вращались, поднимая облака жёлтой пыли. Вскоре стало видно и что перевозили в грузовиках. На подъезде к каменному мосту автоколонна замедлила ход, жёлтый дым, тянувшийся за машинами, переместился вперёд, скрыв за пеленой два десятка японцев в коричневой форме и блестящих стальных шлемах. Только потом отец узнал, что эти шлемы называются касками. (В одна тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году, когда началась массовая выплавка стали,[31] у нас конфисковали все котелки, и мой старший брат стащил одну такую каску из груды металлолома и подвесил её над очагом, чтобы кипятить воду и готовить еду. Когда отец зачарованно смотрел, как в огне каска меняет свой свет, его глаза обрели торжественно-печальное — как у старого коня — выражение.) На двух грузовиках, что ехали посередине, были свалены небольшой горкой белоснежные мешки, а в последней машине, как и в первой, стояло двадцать с чем-то японцев в стальных касках. Колонна подъехала к насыпи, неспешно крутившиеся колёса казались громоздкими, а квадратными мордами грузовики напомнили отцу голову гигантской саранчи. Жёлтая пыль постепенно оседала, а из задней части машин вырывались клубы тёмно-синего дыма.

Отец вжал голову в плечи, холодок, которого он доселе не испытывал, от ступнёй поднялся в живот, собрался там в комок и давил изнутри. Ему ужасно захотелось по-маленькому, он с силой сжал ягодицы, чтобы не обмочить штаны. Командир Юй строгим голосом прикрикнул:

— Ну-ка не ёрзай тут, пострелёнок!

Отец не мог уже терпеть и попросил у названого отца позволения сходить отлить.

Получив разрешение, он отполз до гаолянового поля и с силой выпустил струю мочи, такой же тёмной, как гаолян, и обжигающе горячей. Он почувствовал неимоверное облегчение. Отец невольно окинул взглядом лица партизан — все они были свирепыми и страшными, как у статуй в храмах. Ван Вэньи высунул язык, глаза его остекленели, как у ящерицы.

Грузовики, как огромные настороженные звери, поползли вперёд, затаив дыхание. Отец уловил исходящий от них запах. В этот момент бабушка в насквозь мокрой от пота красной куртке и пыхтящая от натуги жена Ван Вэньи вышли на извилистую насыпь вдоль реки Мошуйхэ.

Бабушка несла на коромысле лепёшки, а жена Ван Вэньи — вёдра с похлёбкой из золотистой фасоли. Они с облегчением увидели вдали печальный каменный мост через Мошуйхэ. Бабушка радостно сообщила жене Ван Вэньи:

— Тётушка, наконец-то мы дотащились!

После замужества бабушка всегда жила в достатке и роскоши, от тяжёлого коромысла на нежном плече остался глубокий фиолетовый след, который сопровождал её до конца жизни и вместе с ней вознёсся на небо, став славным символом героической борьбы бабушки против японских оккупантов.

Отец увидел её первым. Повинуясь какой-то таинственной силе, он повернул голову на запад, тогда как взгляды остальных были прикованы к неспешно приближавшимся грузовикам. Отец увидел, как бабушка огромной ярко-красной бабочкой медленно летит в его сторону. Он громко крикнул:

— Мама!

Его крик словно бы послужил приказом, и японцы открыли с грузовиков кучный огонь.

На крышах были установлены три ручных пулемёта «Тип 11».[32] Звук выстрелов был мрачным, как лай собак в дождливую ночь. Прямо на глазах отца куртка с треском лопнула на груди матери, и образовались две дырочки. Бабушка радостно вскрикнула, рухнула на землю, а сверху её придавило коромыслом. Две плетёные корзины с лепёшками разлетелись в стороны, одна укатилась на юг от насыпи, а вторая — на север. Белоснежные лепёшки, ярко-зелёный лук и раздавленные яйца для начинки рассыпались по сочной траве на склоне. После того как бабушка упала, из квадратного черепа жены Ван Вэньи прыснула красно-жёлтая жидкость — брызги разлетелись аж до гаоляна под насыпью. Отец увидел, как эта маленькая женщина, сражённая пулей, пошатнулась, потеряла равновесие, накренилась к южному склону насыпи и скатилась к реке. Вёдра, которые она несла на коромысле, опрокинулись, и похлёбка растеклась, словно кровь героев. Одно из железных вёдер, подпрыгивая, докатилось до реки и потихоньку поплыло по тёмной воде, миновало Немого, пару раз ударилось об опору моста, проскользнуло под пролётом и оставило позади командира Юя, моего отца, Ван Вэньи, Седьмого и Шестого братьев Фан.

— Мама-а-а! — в ужасе крикнул отец и метнулся к насыпи.

Командир Юй попытался схватить отца, но не сумел. Он прорычал:

— Вернись!

Отец не слышал приказа, он ничего не слышал. Маленькая худенькая фигурка отца мчалась по узкой насыпи, на ней играли пятна солнечного света. На подходе к насыпи отец выкинул тяжёлый пистолет, и тот приземлился на золотисто-жёлтый цветок латука с поломанными листьями. Раскинув руки, словно крошечный птенчик в полёте, отец нёсся к бабушке. На насыпи было тихо, можно было услышать, как оседает пыль, вода, казалось, лишь светится, но остаётся неподвижной, а гаолян под насыпью стоял безмятежно и торжественно. Маленькая худенькая фигурка бежала, но отец казался величавым и героически-прекрасным. Он пронзительно кричал «мама-мама-мама!», и это слово было насквозь пропитано кровью и слезами, родственной любовью и высоким порывом. Отец добежал до конца восточной части насыпи, перемахнул через заграждение из грабель и начал карабкаться по склону западного отрезка насыпи. Под дамбой промелькнуло окаменевшее лицо Немого. Отец добежал до тела бабушки и позвал её. Она лежала на насыпи, уткнувшись лицом в траву. На спине у неё виднелось два пулевых отверстия с рваными краями, из которых пробивался запах свежего гаолянового вина. Отец потянул бабушку за плечи и перевернул. Лицо бабушки не пострадало, на нём застыло серьёзное выражение, ни одна волосинка не выбилась из причёски, чёлка свисала на лоб пятью прядками, кончики бровей слегка опустились. Глаза бабушки были приоткрыты, губы казались пунцовыми на пепельном лице. Отец схватил тёплую бабушкину ладонь и снова позвал её. Бабушка распахнула глаза, и лицо расплылось в невинной улыбке. Она протянула сыну руку.

Грузовики японских чертей остановились у въезда на мост, гул моторов звучал то громче, то тише.

Какой-то высокий человек метнулся на насыпь и стащил вниз отца и бабушку. Это Немой подоспел как раз вовремя. Отец и опомниться не успел, как ещё одна пулемётная очередь, подобная порыву ветра, сломала и разбила вдребезги бесчисленное количество стеблей гаоляна у него над головой.

Четыре грузовика встали притык друг к другу и не двигались, пули, летевшие из пулемётов, стоявших на первом и втором грузовике, собирались в жёсткие ленты света,

которые пересекались друг с другом, напоминая драный веер. То к востоку, то к западу от шоссе рыдал гаолян. Его поломанные конечности падали на землю или дугой летели по воздуху. От глухих ударов пуль, долетавших до насыпи, рождались пузыри жёлтой пыли.

Партизаны на склоне вжались в траву и чернозём, не шевелясь. Пулемётная очередь продолжалась три минуты, потом внезапно прекратилась; всё пространство вокруг грузовиков было усыпано золотистыми гильзами.

Командир Юй тихо скомандовал:

— Не стрелять!

Японцы молчали. Пороховой дым тонкими струйками плыл вслед за лёгким ветерком на восток.

Отец рассказывал мне, что в этой тишине Ван Вэньи, шатаясь, поднялся на насыпь. Он стоял там с дробовиком в руке, широко распахнув глаза и открыв рот, весь его вид выражал страдание. Ван Вэньи громко крикнул: «Жена-а-а-а!», — но не успел ступить и двух шагов, как несколько десятков пуль пробили в его животе огромную сквозную дыру в форме месяца. Пули с ошмётками кишок с шумом просвистели над головой командира Юя.

Ван Вэньи тут же свалился с насыпи и скатился к реке, по другую сторону моста от своей жены. Его сердце ещё билось, голова осталась целой и невредимой, а душу пронзило необычное чувство полного понимания.

Отец поведал мне, что жена родила Ван Вэньи одного за другим трёх сыновей. На гаоляновой каше детишки росли пухленькими, толстощёкими и очень подвижными. Однажды Ван Вэньи с женой ушли в поле мотыжить гаолян, сыночки остались играть во дворе, а над деревней пролетел со странным жужжанием двукрылый японский самолёт. Самолёт снёс яйцо, которое упало во дворе Ван Вэньи, и все трое сыновей разлетелись на мелкие кусочки, которые попали на конёк крыши, зацепились за ветки деревьев, размазались по стенам… Стоило командиру Юю поднять знамя борьбы с японцами, как жена Ван Вэньи привела к нему мужа…

Командир Юй скрежетал зубами от ярости, не сводя взгляда с Ван Вэньи, голову которого уже наполовину скрывала вода. Он снова тихо прорычал:

— Не двигайтесь!

8

По бабушкиному лицу скакали гаоляновые зёрнышки, вылетающие из колосков, и одно зёрнышко попало прямиком между слегка приоткрытыми губами и лежало на белоснежных губах. Отец смотрел, как ярко-алые губы бабушки постепенно бледнеют, задыхаясь, он звал её, и слёзы в два ручья капали ей на грудь. Под гаоляновым дождём бабушка открыла глаза, они сияли перламутровым блеском. Бабушка сказала:

— Сыночек… а где твой названый отец…

— В бою!

— Он и есть твой родной папа…

Отец покивал.

Бабушка попыталась сесть, её тело дёрнулось, брызнули две струи крови.

— Мам, я схожу за ним, — сказал отец.

Бабушка махнула рукой, потом внезапно села.

— Доугуань… сыночек… помоги мне… давай вернёмся домой… домой…

Отец встал на колени, чтобы бабушка могла обхватить его за шею, потом с усилием поднялся, потащив за собой бабушку. Кровь на её груди быстро испачкала голову и шею отца, он внезапно почувствовал, что свежая кровь бабушки сильно пахнет гаоляновым вином. Бабушкино тяжёлое тело опиралось на отца, на дрожащих ногах нетвёрдой походкой он потащился в заросли гаоляна. Над их головами пули нещадно истребляли гаолян. Отец раздвигал густые стебли, продвигаясь шаг за шагом, пот и слёзы перемешивались с бабушкиной свежей кровью, обезображивая его лицо. Отцу казалось, что бабушкино тело становится всё тяжелее и тяжелее, гаоляновые листья безжалостно резали его. Отец упал на землю, а сверху его всей тяжестью придавила бабушка. Он выкарабкался наружу и уложил бабушку ровно. Лёжа на спине, она издала протяжный вздох и еле заметно улыбнулась. Эта загадочная улыбка словно паяльником выжгла в памяти отца след, похожий на лошадиное копыто.

Бабушка лежала, чувствуя, как обжигающая боль в груди потихоньку стихает. Она внезапно поняла, что сын расстегнул её одежду и закрыл рукой пулевые отверстия, одно над грудью, другое под грудью. Его ладони окрасились бабушкиной кровью в красный и зелёный, бабушкина белоснежная грудь тоже окрасилась кровью в зелёный и красный. Пули прошли навылет через бабушкину высокую грудь, обнажив бледно-красные соты молочной железы. Отцу больно было на это смотреть. Остановить кровь из раны не получалось, кровь вытекала, и бабушка бледнела на глазах, тело обретало лёгкость, словно в любой момент могло подняться на небеса.

Бабушка с довольным видом смотрела на точёное лицо моего отца в тени гаоляна — их совместное с командиром Юем творение, — и яркие картины минувших дней пролетали перед её глазами, словно резвые скакуны.

Она вспомнила, как тогда под проливным дождём, её в паланкине, словно лодке, внесли в деревню, где жила семья Шань Тинсю. По улицам ручьями текла вода, и на её поверхности плавала гаоляновая шелуха. Когда свадебная процессия добралась до ворот нужного дома, встречать их вышел только сухонький старичок с тоненькой косицей, напоминающей стручок фасоли. Ливень стих, но мелкий дождь продолжал накрапывать. Хотя музыканты играли свои мелодии, никто из местных не вышел поглазеть, и бабушка поняла, что дело

плохо. Когда она отбивала поклоны небу и земле, её поддерживали двое мужчин, одному было за пятьдесят, другому за сорок. Тот, что постарше, и был дядя Лю Лохань, а помладше — один из работников винокурни.

Носильщики и музыканты, мокрые до нитки, стояли посреди лужи и серьёзными лицами наблюдали, как два худых мужика уводят мою румяную бабушку в мрачную боковую комнату. Бабушка ощутила, что от её провожатых исходит сильный запах гаолянового вина, словно бы они им пропитались.

Пока бабушка совершала поклонения,[33] её голову всё ещё покрывала та вонючая накидка. Восковые свечи издавали неприятный запах, бабушка ухватилась за мягкую шёлковую ленту, и её куда-то повели. Этот отрезок пути, тёмный, как самая непроглядная тьма, и удушливый, был полон ужаса. Бабушку усадили на кан. Красную накидку так никто и не снял, поэтому она стянула её сама. Она увидела, что на квадратном табурете под каном сидит скрюченный парень с лицом, сведённым судорогой, голова у него была плоской и длинной, а нижние веки сгнили и покраснели. Он встал и протянул к бабушке руку, похожую на куриную лапу. Она заорала, выхватила из-за пазухи ножницы и встала на кане, сердито глядя на парня. Тот снова скрючился на табурете. В ту ночь бабушка так и не выпускала ножниц, а плоскоголовый парень больше не поднимался с табурета.

Спозаранку, уличив момент, когда парень уснул, бабушка соскользнула с кана, выбежала из комнаты, открыла ворота и собралась было сбежать, как её поймали.

Тот высохший старикашка с тонкой косицей схватил бабушку за запястье, свирепо глядя на неё.

Шань Тинсю откашлялся, затем сменил злобное выражение на улыбку и сказал:

— Доченька, тебя выдали в нашу семью замуж, теперь ты нам как родная. У Бяньлана вовсе не та болезнь, ты не слушай сплетен. Хозяйство у нас большое, работы много. Бяньлан — хороший мальчик. Ты к нам приехала, теперь дом на тебе. — Шань Тинсю вручил бабушке большую связку медно-жёлтых ключей, но бабушка её не взяла.

Вторую ночь бабушка просидела до рассвета с ножницами в руках.

На третий день утром мой прадедушка, ведя за поводья ослика, пришёл за моей бабушкой. По традиции нашего дунбэйского Гаоми на третий день после свадьбы новобрачная едет навестить родителей. Прадед и Шань Тинсю пили до самого полудня, только после этого они с бабушкой поехали обратно.

Свесив ноги на одну сторону и покачиваясь, бабушка ехала на ослике, на спину которого накинули тонкое одеяло. После ливня прошло три дня, но дороги оставались влажными, над гаоляновыми полями клубился пар, зелёные стебли, окутанные белыми облаками, напоминали святых. У прадедушки в поясном кошеле позвякивали серебряные монеты. Он так напился, что ноги заплетались, а взгляд затуманился. Ослик морщил лоб и плёлся еле-еле, маленькие копытца оставляли чёткие следы на влажной дороге. Бабушка сидела на ослике, у неё кружилась голова, в глазах рябило, веки покраснели и опухли, волосы растрепались. Гаолян, который за три дня ещё вырос, насмешливо взирал на бабушку.

Она сказала:

— Папа, я к нему не вернусь, хоть умру, но не вернусь…

Прадедушка одёрнул её:

— Доча, тебе такое счастье привалило! Свёкор мне обещал подарить большого чёрного мула, тогда я ослика продам…

Ослик вытянул квадратную голову и щипал придорожную траву, забрызганную грязью.

Бабушка со слезами проговорила:

— Папа, у него проказа…

— Твой свёкор пообещал нам мула… — талдычил прадедушка.

Он напился до того, что потерял человеческое обличье, его без конца выворачивало на обочину, и рвота, воняющая вином и мясом, вызывала у бабушки чувство гадливости. Она возненавидела отца всем сердцем.

Ослик доплёлся до Жабьей ямы, учуял смрадный запах и прижал уши. Бабушка увидела труп того самого разбойника. Живот у покойника вспучило, рой зелёных мух облепил тело. Когда ослик с бабушкой на спине прошёл мимо разлагающегося трупа, мухи раздражённо взмыли в воздух зелёным облаком. Прадедушка шёл за осликом, казалось, его тело стало шире дороги, он то задевал гаолян слева, то наступал на траву справа. Остановившись перед трупом, прадед заохал, а потом дрожащими губами запричитал:

— Бедный ты голодранец… прилёг тут поспать?

Бабушка не могла забыть лицо разбойника, напоминающее тыкву. Когда мухи испуганно взлетели, аристократичное выражение трупа показалось ярким контрастом злой и трусоватой физиономии разбойника при жизни. Они проходили одно ли за другим, день клонился к вечеру, небо стало синим, как горный ручей. Прадед остался далеко позади, ослик знал дорогу и беззаботно вёз бабушку. Дорога делала небольшой поворот, и, когда они добрались до этого места, бабушка накренилась назад и соскользнула со спины ослика, а чья-то сильная рука потащила её в заросли гаоляна.

У бабушки не было ни сил, ни желания бороться, три дня новой жизни она провела в настоящем кошмаре. Некоторые люди могут стать великими вождями за одну минуту, а бабушка за эти три дня познала все откровения человеческой жизни. Она даже подняла руку и обняла похитителя за шею, чтобы ему удобнее было нести её. Гаоляновые листья шуршали. С дороги доносился хриплый крик дедушки:

— Доча, куда ты запропастилась?

От каменного моста донёсся надрывный вой сигнальной трубы и звуки выстрелов, сливавшихся в единое целое. Бабушкина кровь струйками вытекала в такт дыханию. Отец закричал:

— Мам, нельзя, чтоб твоя кровь вытекала, когда она вся вытечет, ты умрёшь!

Он взял ком земли от корней гаоляна и заткнул рану, но кровь быстро просочилась наружу, и отец набрал ещё пригоршню земли. Бабушка довольно улыбалась, глядя в бездонное тёмно-синее небо, глядя на добрый и нежный, как любящая матушка, гаолян. Перед её мысленным взором появилась дорожка в густой зелёной траве, украшенной маленькими белыми цветочками, по этой дорожке бабушка спокойно ехала на ослике в глубь гаоляна. Там рослый крепкий парень пел во весь голос, и песня вырывалась за пределы гаоляновой чащи. Бабушка двигалась на звук, и вот она уже летела, едва касаясь ногами верхушек гаоляна, словно бы поднималась на зелёную тучу…

Человек положил бабушку на землю, она обмякла, словно лапша, и щурилась, как ягнёнок. Похититель сорвал чёрную маску, показав своё лицо. Это был он! Бабушка взмолилась небу и задрожала, ощущение безграничного счастья наполнило её глаза слезами.

Юй Чжаньао снял с себя плащ, притоптал несколько гаоляновых стеблей и расстелил плащ на их трупах, затем заключил бабушку в объятия и уложил на него. У бабушки душа готова была отделиться от тела, когда она смотрела на обнажённый торс Юй Чжаньао; она словно бы видела, как под этой смуглой кожей непрерывным потоком течёт кровь героя. Над

верхушками гаоляна клубилась лёгкая дымка, казалось, было слышно, как он растёт. Ветер стих, по гаоляну больше не шли волны, лишь влажные солнечные лучи пробивались сквозь щели в стене растений. Бабушкино сердце трепетало, страсть, скрывавшаяся внутри шестнадцать лет, внезапно прорвалась. Она извивалась на дождевике. Юй Чжаньао внезапно уменьшился в росте, он со стуком упал на колени рядом с бабушкой. Она дрожала с головы до пят, перед её глазами полыхал жёлтый ароматный шар. Юй Чжаньао резким движением разорвал на ней одежду, открывая льющемуся сверху солнечному свету её затвердевшие от холода груди, усыпанные белыми мурашками. При первом же его сильном движении резкая боль и ощущение счастья отполировали её нервы, бабушка низким хриплым голосом воскликнула «О небо!» — и потеряла сознание.

Бабушка с дедушкой любили друг друга среди колышащего гаоляна, две вольных души, презревшие земные правила, растворялись один в другом даже сильнее, чем тела, даривши друг другу радость. Они в гаоляновом поле «вспахивали облака и сеяли дождь»,[34] чтобы оставить ярко-алый след в и без того богатой истории нашего дунбэйского Гаоми. Можно сказать, что мой отец, зачатый по велению Неба и Земли, стал кристаллом, вобравшим в себя боль и радость. Громкий рёв ослика, просочившийся в заросли гаоляна, вернул бабушку с небес в безжалостный мир людей. Она села, совершенно растерянная, по её щекам потекли слёзы:

— У него и правда проказа!

Дедушка, стоявший на коленях, вдруг незнамо откуда достал небольшой меч длиной чуть больше двух чи[35] и со свистом вынул его из ножен. Лезвие меча было изогнутым, словно перо душистого лука. Дедушка взмахнул рукой, меч скользнул между двух стеблей гаоляна, стебли упали на землю, а на аккуратных срезах выступил тёмно-зелёный сок. Дедушка велел:

— Через три дня возвращайся и не о чем не беспокойся.

Бабушка в недоумении уставилась на него. Дедушка оделся, бабушка тоже привела себя в порядок. Она не поняла, куда он спрятал меч. Дедушка проводил её до дороги, а потом бесследно исчез.

Через три дня ослик привёз бабушку обратно. Как только она въехала в деревню, то узнала, что отца и сына Шань убили, а трупы сбросили в излучину на западном краю деревни.

Бабушка лежала, купаясь в чистом тепле гаолянового поля, она почувствовала себя быстрой, как ласточка, которая вольно порхает над верхушками колосков. Мелькающие портреты чуть замедлились: Шань Бяньлан, Шань Тинсю, прадедушка, прабабушка, дядя Лохань… Столько ненавистных, любимых, злых и добрых лиц появились и исчезли. Она уже написала последний штрих в тридцатилетней истории, всё, что было в её прошлом, словно зрелые ароматные плоды, стрелой упали на землю, а в будущем она могла лишь смутно различить какие-то нечёткие пятна света. Оставалось лишь короткое, клейкое и скользкое настоящее, которое бабушка изо всех сил старалась ухватить, но не могла. Бабушка чувствовала, как маленькие руки отца, похожие на звериные лапки, гладят её, отчаянные крики мальчика высекли несколько искорок желания жить в бабушкином сознании, где уже испарялись любовь и ненависть, исчезали добро и зло. Бабушка силилась поднять руку, чтобы погладить сына по лицу, но рука ни в какую не поднималась. А сама она взлетела вверх, увидела разноцветный свет, лившийся с небес, услышала доносившуюся оттуда торжественную мелодию, которую выдували на сонах и трубах, больших и маленьких.

Она почувствовала ужасную усталость, и скользкая ручка настоящего, мира людей, уже почти выскользнула у неё из рук. Это и есть смерть? Я умру? Я больше не увижу это небо, эту землю, гаолян, своего сына, своего любимого, который сейчас ведёт за собой бойцов? Выстрелы звучали далеко-далеко, за плотной пеленой дыма. Доугуань! Доугуань! Сыночек, помоги маме, удержи маму, мама не хочет умирать! О небо! Небо… небо даровало мне возлюбленного, даровало мне сына, даровало богатство и тридцать лет жизни такой же яркой, как красный гаолян. Небо, раз ты дало мне всё это, то не забирай обратно, помилуй меня, отпусти меня! Небо, ты считаешь, что я провинилась? Ты считаешь, что спать с прокажённым на одной подушке и нарожать паршивых чертят, замарав этот прекрасный мир, было бы правильно? Небо, а что такое чистота? Что такое истинный путь? Что такое доброта? А порок? Ты мне никогда этого не говорило, я поступала так, как считала нужным, я любила счастье, любила силу, любила красоту, моё тело принадлежит тебе, я сама себе хозяйка, я не боюсь вины и не боюсь наказания, я не боюсь пройти восемнадцать уровней ада.[36] Я сделала всё, что должна была сделать, и не боюсь ничего. Но я не хочу умирать, хочу жить, подольше смотреть на этот мир, о Небо…

Бабушкина искренность тронула Небо, её пересохшие глаза увлажнились и заблестели дивным светом, который шёл с небес, она снова увидела золотисто-жёлтые щёки отца и глаза, так похожие на дедушкины. Бабушкины губы зашевелились, она позвала Доугуаня, и тот радостно закричал:

— Мама, тебе лучше! Ты не умрёшь, я заткнул твою рану, кровь уже не льётся! Я сбегаю за отцом, чтобы он на тебя посмотрел. Мамочка, ты не можешь умереть, дождись отца!

Он убежал. Звук его шагов превратился в лёгкий шёпот, в еле слышную музыку, доносившуюся с небес. Бабушка услышала голос Вселенной, исходивший от стеблей гаоляна. Она пристально смотрела на гаолян, перед затуманенным взором его стебли принимали причудливые формы, стонали, перекручивались, подавали сигналы, обвивались друг вокруг друга, то становились похожими на бесов, то на родных и близких, переплетались перед бабушкиными глазами в клубок, словно змеи, а потом с треском распускались, и бабушка была не в состоянии выразить их красоту. Гаолян был красным и зелёным, белым, чёрным, синим, гаолян смеялся, гаолян рыдал, и слёзы, словно дождевые капли, падали на пустынный берег бабушкиного сердца. Просветы между стеблями и метёлками гаоляна были инкрустированы синим небом, одновременно высоким и низким. Бабушке казалось, что небо смешалось с землёй, с людьми, с гаоляном — всё вокруг накрыто куполом, не имеющим себе равных. Белые облака скользили по верхушкам гаоляна и по её лицу. Твёрдые краешки облаков с шорохом чиркали по бабушкиному лицу, а их тени неотрывно следовали за самими облаками, праздно покачиваясь. Стая белоснежных диких голубей спорхнула вниз с неба и уселась на макушки гаоляна. Воркование голубей разбудило бабушку, она чётко разглядела птиц. Голуби тоже смотрели на бабушку маленькими красными глазками размером с гаоляновое зёрнышко. Бабушка искренне улыбнулась им, а голуби широкими улыбками вознаградили ту горячую любовь к жизни, что бабушка испытывала на смертном одре. Она громко крикнула:

— Любимые мои, я не хочу покидать вас!

Голуби клевали гаоляновые зёрна, отвечая на бабушкин беззвучный крик. Они клевали и глотали гаолян, и их грудь потихоньку надувалась, а перья хвоста от напряжения медленно распушались веером, словно лепестки цветов от дождя и ветра.

Под стрехой в нашем доме раньше жило множество голубей. Осенью бабушка во дворе

ставила большую деревянную бадью с чистой водой, голуби прилетали с поля, аккуратно садились на самый краешек бадьи и, глядя на своё перевёрнутое отражение в воде, выплёвывали одно за другим зёрна гаоляна из зоба.[37] Голуби с самодовольным видом расхаживали по двору. Голуби! На мирных гаоляновых верхушках сидела стая голубей, которых выгнали из родного гнезда ужасы войны. Они внимательно смотрели на бабушку и горько оплакивали её.

Бабушкины глаза снова затуманились, голуби, хлопая крыльями, взлетели и в ритме знакомой мелодии кружили в синем небе, похожем на море. От трения о воздух крылья издавали свист. Взмахнув своими новыми крыльями, бабушка плавно поднялась вслед за птицами и грациозно закружилась. Внизу остались чернозём и гаолян. Она с тоской смотрела на свою израненную деревню, на извилистую речку, на сетку дорог, на беспорядочно рассекаемое пулями пространство и множество живых существ, которые замешкались на перекрёстке между жизнью и смертью. Бабушка в последний раз вдохнула аромат гаолянового вина и острых запах горячей крови, и в мозгу её внезапно промелькнула доселе невиданная картина: под ударами десятков тысяч пуль сотни односельчан в лохмотьях пляшут посреди гаолянового поля…

Последняя ниточка, связывавшая её с миром людей, готова была оборваться, все тревоги, страдания, волнения, уныния упали на гаоляновое поле, подобно граду сбивая верхушки растений, пустили в чернозёме корни, распустились цветами, а потом дали в наследство многим последующим поколениям терпкие, кислые плоды. Бабушка завершила своё освобождение, она летела с голубями. Пространство мыслей, сжавшееся до размера кулака, переполняли радость, покой, тепло, нега и гармония. Бабушку охватило всепоглощающее чувство удовлетворения. Она набожно воскликнула:

— О Небо!

9

Пулемёты на крышах грузовиков безостановочно палили, колёса прокручивались, поднимаясь на крепкий каменный мост. Ливень пуль обрушился на дедушкин отряд. Несколько партизан, по неосторожности высунувших голову, уже лежали мёртвыми под насыпью. Пламя гнева заполняло дедушкину грудь. Когда грузовики полностью въехали на мост, пули полетели выше, и тогда дедушка скомандовал:

— Братцы, огонь!

Дедушка выстрелил трижды подряд, два японских солдата улеглись на крыше, и их чёрная кровь потекла на капот. Следом за дедушкиными с обеих стороны дороги за насыпью раздалось несколько десятков нестройных выстрелов, и ещё семь или восемь японцев упали. Двое японцев выпали из машины, их ноги и руки беспорядочно трепыхались из последних сил, и в конце концов они сползли в чёрную воду за мостом. Тут сердито взревела пищаль братьев Фан, изрыгнув широкий язык пламени, страшно сверкнувший у реки, дробь и ядра полетели в белые мешки на втором грузовике. Когда дым рассеялся, стало видно, как из бесчисленных дыр утекает белоснежный рис. Отец по-пластунски дополз от гаолянового поля до края насыпи, ему не терпелось поговорить с дедушкой, а тот поспешно засовывал обойму в свой пистолет. Первый грузовик поддал газу, влетая на мост, и угодил передними колёсами прямо на разложенные зубьями вверх грабли. Камера лопнула, из неё со свистом выходил воздух. Автомобиль зарычал и потащил за собой грабли. Отцу грузовик напоминал огромную змею, которая проглотила ежа и теперь мучительно трясёт головой. Япошки повыскакивали из первой машины. Дедушка скомандовал:

— Старина Лю, давай!

Лю Сышань протрубил в большую трубу, звук получился пронзительным и страшным.

Дедушка закричал:

— Впере-е-ед!

Дедушка выпрыгнул, размахивая пистолетом, он вообще не целился, но японцы стали падать один за другим. Бойцы, сидевшие в засаде с западной стороны, помчались на восток и перемешались с японскими чертями, а те япошки, что ехали в последнем грузовике, теперь палили в воздух. В машине оставались двое. Дедушка увидел, как Немой одним махом взлетел в кузов, а япошки встретили его штыками наперевес. Немой отбил один из штыков тыльной стороной кинжального клинка, затем нанёс ещё один удар, и голова в стальной каске слетела с плеч, издав протяжный вой, а после того, как шлёпнулась на землю, из её рта всё ещё доносились остатки крика. Отец подумал, что кинжал у Немого действительно острый. Он увидел выражение ужаса, застывшее на лице японца до того, как голова отделилась от тела, щёки всё ещё дрожали, а ноздри раздувались, словно бы он собирался чихнуть. Немой отрубил голову ещё одному япошке, труп привалился к борту грузовика, внезапно кожа на шее обвисла, и оттуда с бульканьем забил фонтан крови. В этот момент с последнего грузовика японцы принялись строчить из пулемёта и выпустили невесть сколько пуль, дедушкины товарищи по оружию один за другим падали на трупы японцев. Немой сел на крышу кабины, на его груди проступили пятна крови.

Отец и дедушка прильнули к земле и уползли в гаоляновое поле, и только тогда потихоньку высунули головы. Последний грузовик, кряхтя, сдавал назад. Дедушка закричал:

— Фан Шестой! Пли! Бей эту сволочь!

Братья Фан выкатили уже заряженную пищаль на насыпь, но только Фан Шестой наклонился, чтобы поджечь фитиль, как ему в живот угодила пуля, и из образовавшейся дырки выпала тёмно-зелёная кишка.

Фан Шестой вскрикнул, закрыл живот руками и скатился в гаолян. Грузовик уже почти съехал с моста. Дедушка раздражённо заорал:

— Огонь!

Фан Седьмой взял трут и трясущимися руками поднёс к фитилю, однако никак не мог его поджечь. Тогда дедушка кинулся к нему, выхватил трут, поднёс к губам и начал дуть. Как только трут загорелся, дедушка тут же коснулся им фитиля, тот зашипел и исчез в белом дыму. Пищаль стояла молча, словно уснула. Отец решил, что она не выстрелит. Машина япошек уже съехала с моста, второй и третий грузовики сдавали задом. Рис продолжал высыпаться на мост и в реку, отчего на воде появилось множество белых крапинок. Несколько трупов япошек медленно плыли на восток, и в окровавленной воде крутилась целая армия белых угрей. Пищаль помолчала ещё немного, а потом оглушительно ухнула. Стальной ствол подпрыгнул над насыпью, из него вырвался широкий язык пламени, который попал прямо в тот грузовик, что продолжал посыпать всё вокруг рисом. Нижняя часть машины тут же воспламенилась.

Сдававший назад автомобиль остановился, япошки повыпрыгивали оттуда, залегли на противоположной стороне, установили пулемёты и начали яростно отстреливаться. Фану Шестому пуля раздробила нос, и его кровь брызнула в лицо отцу.

Два япошки из горящего грузовика рывком открыли дверь, выскочили наружу и спрыгнули в реку. Средний грузовик, из которого сыпался рис, не мог двинуться ни вперёд, ни назад, он лишь кряхтел на мосту. Рис журчал, словно дождевая вода.

Внезапно пулемётный огонь со стороны японцев прекратился, лишь время от времени раздавались выстрелы из винтовок «Арисака-38». Больше десяти япошек, прижав к груди винтовки и согнувшись, бежали на север мимо горящего грузовика. Дедушка снова крикнул «Огонь!», однако мало кто откликнулся. Отец обернулся и увидел под насыпью трупы своих бойцов, раненые стонали в гаоляновом поле. Дедушка серией выстрелов уложил несколько япошек. К западу от дороги тоже прозвучало несколько разрозненных выстрелов, и ещё несколько япошек упали. Теперь они отступали. С насыпи к югу от реки прилетела пуля и вонзилась в правую руку дедушки, рука дёрнулась, дедушка выпустил винтовку, и она повисла на шее. Командир Юй отступал в гаоляновое поле с криком:

— Доугуань, помоги мне!

Он оторвал рукав, потом велел сыну вытащить из-за пазухи кусок белой ткани и помочь ему перевязать рану. Мальчик, пользуясь случаем, сказал:

— Отец, тебя мама зовёт.

— Сынок, давай сначала перебьём этих ублюдков!

Дедушка достал из-за пояса выброшенный отцом браунинг и отдал ему. Горнист Лю, подволакивая окровавленную ногу, приполз с края дамбы и спросил:

— Командир, трубить?

— Труби! — велел дедушка.

Лю, встав на колено одной ноги и вытянув вторую, поднёс трубу к губам и начал дуть, запрокинув голову. Из трубы раздался тёмно-красный звук.

— Вперёд, братцы! — заорал дедушка.

С гаолянового поля к западу от дороги донеслись в ответ несколько криков. Дедушка

взял винтовку в левую руку, но только вскочил на ноги, как по щеке чиркнула пуля, и он кубарем укатился обратно в гаолян. На насыпи к западу от дороги раздался истошный крик. Отец понял, что ещё кто-то из их отряда получил пулю.

Горнист Лю продолжал трубить в небо, и тёмно-красные звуки сотрясали гаолян.

Дедушка схватил отца за руку со словами:

— Сынок, пойдём с папой, нам надо соединиться с братцами на западной стороне.

Над грузовиком на мосту клубился дым, полыхало пламя, рис тёк по реке, словно снежная крупа. Дедушка потащил за собой отца, они стремительно пересекли шоссе, пули звонко щёлкали о дорожное покрытие. Два бойца из их отряда с перепачканными копотью лицами и потрескавшейся кожей при виде дедушки и отца скривились и со слезами на глазах запричитали:

— Командир, нам конец!

Дедушка удручённо сел в гаоляновом поле и долго долго не поднимал головы. Японцы с другого берега перестали стрелять. Слышно было, как на мосту потрескивает пламя, в котором горит грузовик, а к востоку от дороги трубит в свою трубу Лю.

Отец уже не испытывал страха, он проскользнул в западном направлении вдоль насыпи, аккуратно выглядывая из-за жухлой травы, и увидел, как из-под тента на втором грузовике, который ещё не успел загореться, выскочил солдат и вытащил из кузова старого япошку. Старикан был очень тощий, в белых перчатках, с длинной саблей на поясе и в чёрных сапогах для верховой езды, доходивших до колена. Они начали пробираться вдоль борта машины, а потом спустились с моста. Отец поднял браунинг, не в силах унять дрожь в руке, впалый зад старика подпрыгивал туда-сюда перед дулом пистолета. Отец стиснул зубы, закрыл глаза и выстрелил. Пуля со свистом вошла прямо в воду, и один белый угорь всплыл кверху брюхом. Японский генерал споткнулся и упал в реку. Отец громко крикнул:

— Пап, тут их начальник!

Сзади кто-то выстрелил, голова старого японца треснула, и по воде расплылась целая лужа крови. Второй япошка, перебирая руками и ногами, спрятался за опору моста.

Японцы снова начали активно стрелять, и дедушка придавил отца к земле. Пули засвистели в гаоляновом поле. Дедушка похвалил:

— Молодец! Моя порода!

Отец с дедушкой не знали, что убитый старик — знаменитый японский генерал-майор Накаока Дзико.

Труба Горниста Лю не замолкала, грузовик горел таким жарки пламенем, что солнце в небе раскалилось, стало красно-зелёным и, казалось, увяло.

Отец сказал:

— Тебя мамка звала.

— Она ещё жива?

— Жива.

Отец потащил дедушку за руку в глубь гаолянового поля.

Бабушка лежала под гаоляном, на её лице играли тени от гаоляна и застыла приготовленная для дедушки улыбка. Её кожа была неестественно белой, а глаза так и не закрылись.

Отец впервые увидел, как по суровому лицу дедушки в два ручья текут слёзы.

Дедушка встал на колени рядом с бабушкой и здоровой левой рукой зарыл ей глаза.

В одна тысяча девятьсот семьдесят шестом году, когда умер дедушка, отец закрыл ему

глаза левой рукой, на которой не хватало двух пальцев. Когда дедушка в пятьдесят восьмом году вернулся с диких гор на японском острове Хоккайдо, ему уже трудно было говорить, каждое слово он выплёвывал, словно тяжёлый камень. Когда дедушка вернулся из Японии, в деревне устроили торжественную церемонию, в которой принял участие даже глава уезда. Мне тогда было два года, я помню, как на околице под деревом гинкго расставили в ряд восемь квадратных столов, на каждый стол поставили кувшин с вином и больше десятка белых чарок. Глава уезда взял кувшин, налил вина и обеими руками поднёс дедушке чарку со словами:

— Подношу эту чарку вам, наш герой! Вы прославили жителей всего нашего уезда!

Дедушка неуклюже поднялся с места, вращая блёклыми глазами, потом выдавил:

— В-в-в-винтовка!

Я увидел, как он поднёс к губам чарку, его морщинистая шея вытянулась, кадык задвигался вверх-вниз, большая часть вина попала не в рот, а стекла по подбородку, а оттуда на грудь.

Помню, как дедушка вёл меня гулять по полю, а я тащил на поводке маленького чёрного пёсика. Дедушке больше всего нравилось смотреть на большой мост через Мошуйхэ, он стоял, держась за опору, и мог так простоять полутра или полдня. Я видел, как дедушка пристально всматривается в выбоины каменного моста. Когда гаолян подрастал, дедушка отводил меня в поле, ему нравилось местечко неподалёку от большого моста через Мошуйхэ. Я догадался, что это то самое место, откуда бабушка вознеслась на небеса, и этот ничем не примечательный клочок чернозёма пропитался её свежей кровью. В ту пору наш старый дом ещё не снесли, и однажды дедушка взял лопату и начал копать под катальпой. Он выкопал несколько личинок цикад и дал мне, я бросил их псу, тот надкусил, но есть не стал.

— Папа, вы что там копаете? — поинтересовалась мама, которая шла в общественную столовую[38] готовить еду.

Дедушка поднял голову и посмотрел на маму невидящим взглядом. Маму ушла, а дедушка продолжил копать. Он выкопал большую яму, обрубил больше десятка толстых и тонких корней, поднял каменную плиту и из маленькой печи для обжига кирпичей извлёк длинную жестяную коробку, изъеденную ржавчиной. При падении на землю коробка рассыпалась, внутри оказалась какая-то рваная тряпка, а в ней железная штуковина, покрасневшая от ржавчины, ростом повыше меня. Я спросил у дедушки, что это такое, а он ответил:

— В-в-в-винтовка!

Дедушка положил винтовку просушиться на солнце, а сам сел перед ней и то открывал глаза, то закрывал, то снова открывал и снова закрывал. Потом он поднялся, нашёл большой топор и начал рубить винтовку, а когда она превратилась в груду железа, стал раскидывать обломки, пока весь двор не был ими усеян.

— Пап, а мамка умерла? — спросил отец у дедушки.

Дедушка покивал.

— Па-а-а-ап!

Дедушка потрепал отца по голове, потом вытащил из-за пазухи короткий кинжал и принялся рубить гаолян, чтобы укрыть тело бабушки.

К югу от насыпи раздались звуки яростной перестрелки и крики «Бей их!». Дедушка потащил отца к мосту.

Из гаолянового поля к югу от моста выскочили больше сотни людей в серой военной

форме. С десяток япошек забежали на насыпь, некоторых сразили пули, других прокололи штыком. Отец увидел, как командир Лэн, подпоясанный широким кожаным ремнём, за который заткнут пистолет, обходит горящий грузовик в окружении здоровенных охранников. При виде Лэна дедушка криво усмехнулся и встал при входе на мост с винтовкой в руках.

Лэн с гордым видом подошёл к нему и сообщил:

— Отличный бой, командир Юй!

— Сукин ты сын!

— Мы с ребятами малость опоздали…

— Сукин ты сын!

— Если бы мы не появились, тебе крышка!

— Сукин ты сын! — в третий раз повторил дедушка.

Дедушка направил винтовку на Лэна. Тот сделал знак глазами, и два дюжих охранника ловким движением выбили оружие из рук дедушки.

Отец поднял браунинг и выстрелил в задницу охранника, скрутившего дедушку.

Второй охранник пнул отца так, что тот повалился на землю, здоровенной ногой наступил ему на запястье, наклонился и забрал пистолет.

Отца и дедушку поставили рядом.

— Рябой Лэн, разуй свои собачьи глаза да посмотри, что сталось с моими братьями!

На насыпи по обе стороны от шоссе в гаоляновом поле лежали вповалку трупы и раненые. Горнист Лю прерывисто дул в трубу, а из уголков его рта и из носа текла кровь.

Командир Лэн сдёрнул с себя фуражку и, глядя на гаоляновое поле с восточной стороны от дороги, поклонился до земли, а потом развернулся в другую сторону и снова поклонился.

— Отпустить командира Юя и его сына! — приказал он.

Охранники отпустили дедушку и отца. Тот, в которого отец стрелял, стоял, прижав ладонь к заднице, и между пальцами у него сочилась кровь.

Лэн забрал у охранника оружие и вернул дедушке и отцу. Бойцы Лэна сплошным потоком пересекали мост. Они бросились к грузовикам и трупам япошек — забрать пулемёты, винтовки, патроны и магазины, а ещё штыки, ножны, кожаные пояса, сапоги, кошельки и бритвы. Несколько человек сиганули в реку, схватили живого япошку, прятавшегося за опорой моста, и выловили из воды труп того японского старика.

— Товарищ начальник, тут японский генерал! — крикнул один из офицеров.

Лэн обрадованно посмотрел и велел:

— Снимите с него форму и заберите все вещи!

Затем он обратился к дедушке:

— Командир Юй, до новых встреч!

Группа охранников окружила Лэна, и все они двинулись на юг.

Дедушка взревел:

— Стой, где стоишь, Лэн!

Лэн обернулся и насмешливо произнёс:

— Командир Юй, ты же не станешь стрелять мне в спину?

Дедушка процедил:

— Пощады не жди!

Лэн велел:

— Ван Ху, оставь командиру Юю один пулемёт.

Несколько солдат поставили пулемёт у ног дедушки.

— Грузовики и рис в них тоже ваши.

Солдаты Лэна перешли через мост, выстроилось на насыпи и двинулись вдоль неё на восток.

Солнце село. Грузовик догорел дотла, остался лишь чёрный остов, а от запаха сгоревшей резины можно было задохнуться. Чёрная речная вода стала красной, как кровь, а по всему полю рос красный, словно кровь, гаолян.

Отец подобрал с насыпи лепёшку, которая не развалилась, и дал отцу:

— Пап, съешь. Это мамка приготовила.

Дедушка сказал:

— Ты ешь!

Отец сунул лепёшку дедушке в руку.

— Я ещё найду.

Он подобрал ещё одну лепёшку и яростно откусил от неё кусок.

ЧАСТЬ II ГАОЛЯНОВОЕ ВИНО

1

Как гаолян дунбэйского Гаоми превращается в ароматное, дурманящее, сладкое, как мёд, но не вызывающее похмелья вино? Мама мне рассказывала. Она без конца наставляла меня, что это наш семейный секрет, который нельзя разбалтывать, и если я его выдам, то, во-первых, пострадает репутация нашей семьи, а во-вторых, если в один прекрасный день кто-то из потомков решит начать производство вина, то потеряет своё исключительное преимущество. В наших краях все ремесленники, обладающие особыми секретами, передают их своим невесткам, а не дочерям, это правило такое же незыблемое, как закон в некоторых странах.

Мать рассказывала: когда нашей семейной винокурней управляли отец и сын Шань, производство уже достигло определённого масштаба; тогдашнее вино хоть и было неплохим на вкус, однако далеко не таким ароматным, каким стало потом, и не обладало медовым послевкусием. Наше вино приобрело поистине особенный вкус и начало выделяться на фоне продукции десятков местных винокурен, когда дедушка убил отца и сына Шань, а бабушка после непродолжительного периода смятения, гордо распрямила спину, продемонстрировала свои таланты и подняла семейное дело на новый уровень. Многие великие открытия совершаются случайно или становятся результатом чьей-то злой шутки, вот и наше гаоляновое вино приобрело уникальный вкус благодаря тому, что дедушка помочился в кувшин. Каким образом небольшая порция мочи вдруг смогла превратить целый кувшин обычного гаолянового вина в первоклассное вино с яркими отличительными особенностями? Это целая наука, я не осмелюсь нести отсебятину, а потому доверим исследовать этот вопрос учёным, изучающим процессы перегонки спирта. Впоследствии бабушка и дядя Лохань продолжили экспериментировать и, после бесконечных блужданий впотьмах и обобщения полученных знаний, создали простую, понятную и точную технологию купажирования, заменив свежую мочу на щёлочи, оседавшие на стенках старого ночного горшка. Способ хранили в строжайшем секрете, о нём знали тогда лишь моя бабушка, дедушка и дядя Лохань. По слухам, замешивание происходило глубокой ночью в третью стражу,[39] когда стихали человеческие шаги, бабушка во дворе воскуривала ароматическую свечу, сжигала три сотни бумажных денег,[40] а затем наливала в чан с вином жидкость из тыквы-горлянки. Бабушка говорила, что специально делала всё с помпой, окружая процесс мистикой, чтобы у тех, кто решил подсмотреть, волосы вставали дыбом, и люди считали, что моя семья обращается за помощью к духам, и в торговле нам помогает Небо. Вот так гаоляновое вино нашего производства затмило собой все остальные и практически единолично захватило рынок.

2

После того как бабушка вернулась в родительский дом, незаметно промелькнуло три дня. Пора было отправляться в дом мужа. Все эти три дня она не ела, не пила и ходила как пришибленная. Прабабушка наготовила вкусной еды и ласково уговаривала дочку поесть, но та не реагировала на уговоры, словно обратившись в деревянную статую. Хотя бабушка почти ничего не ела, цвет лица у неё оставался прекрасным: белоснежный лоб, румяные щёки, вот только вокруг глаз тёмные круги, отчего глаза напоминали полную луну в тумане. Прабабушка ворчала:

— Непослушная ты девчонка, не ешь, не пьёшь, бессмертной, что ли, стала или в Будду превратилась? Ты меня в могилу сведёшь!

Она смотрела на бабушку, которая сидела тихо, как Гуаньинь,[41] — лишь две хрустальные слезинки брызнули из уголков глаз. Через полуприкрытые веки сквозило замешательство, бабушка смотрела на свою мать так, словно с высокой насыпи оценивала размеры чёрной старой рыбины, притаившейся в воде.

Только на второй день бабушкиного пребывания дома прадедушка наконец вернулся из царства пьяных грёз и первым делом вспомнил, что Шань Тинсю пообещал подарить ему большого чёрного мула. В его ушах словно бы постоянно звучал ритмичный цокот копыт этого мула, мчавшегося на всех парах. Мул был чёрным, глаза его горели, как фонари, а копыта напоминали кубки для вина. Прабабушка взволнованно спросила:

— Старый ты хрыч, дочка ничего не ест, что делать?

Прадедушка прищурил пьяные глаза и буркнул:

— Какая муха её укусила?! Чего она там себе удумала?

Прадедушка встал перед бабушкой и раздражённо сказал:

— Дочка, ты чего это? Супруги связаны нитью даже на расстоянии в десять тысяч ли. Между мужем и женой всякое бывает, и любовь, и вражда, но, как говорится, коли вышла за петуха, то дели с ним курятник, а коли выбрала пса, то живи в будке. Жена следует за мужем и должна ему подчиняться. Я не высокопоставленный чиновник, да и ты у нас не золотая ветвь с нефритовыми листьями,[42] найти такого богача — счастье для тебя и для меня, твой свёкор с первого же слова пообещал подарить мне большого чёрного мула, такой щедрый…

Бабушка сидела неподвижно, закрыв глаза. Её мокрые ресницы были словно мёдом намазаны, толстые и слипшиеся, они цеплялись друг за дружку и топорщились, как ласточкины хвосты. Прадедушка, глядя на бабушкины ресницы, раздражённо рявкнул:

— Нечего тут моргать и притворяться слепой и немой, даже если помрёшь, то станешь духом семейства Шань, а на нашем семейном кладбище тебе не найдётся места!

Бабушка хмыкнула.

Прадедушка замахнулся веером и влепил ей затрещину.

Румянец разом схлынул со щёк бабушки, лицо приобрело голубоватый оттенок, потом цвет постепенно вернулся, и лицо стало напоминать восходящее красное солнце.

Бабушка сверкнула газами, стиснула зубы, холодно усмехнулась и с ненавистью глянула на отца.

— Только боюсь, в таком случае ты и волосинки мула не увидишь! — сказала она.

Бабушка наклонила голову, взяла палочки и стремительно смела ещё дымившуюся еду с нескольких чашек, а потом подкинула одну из них в воздух, и та несколько раз

перевернулась в полёте, посверкивая блестящим фарфоровым боком, затем перелетела через балку, задев её и смазав два пятна давнишней сажи, медленно упала, покатилась по полу и, сделав полукруг, улеглась на полу кверху дном. Вторую чашку бабушка швырнула в стену, и при падении она раскололась на две части. Прадедушка от удивления разинул рот, кончики его усов подрагивали, он долго не мог найти слов, а прабабушка воскликнула:

— Деточка, наконец-то ты поела!

Раскидав чашки, бабушка зарыдала, плач был таким громким и горьким, что не вмещался в комнату, перелился через край и выплеснулся аж в поле, чтобы слиться с шелестом гаоляна, уже опылённого к концу лета. Во время этого бесконечного пронзительного плача в её голове промелькнуло множество мыслей, бабушка раз за разом вспоминала три дня, прошедшие с того момента, как она села в свадебный паланкин, и до тех пор, как на ослике вернулась в родительский дом. Все картины этих дней, все звуки и запахи вновь нахлынули на неё… Трубы и сона… короткие мелодии и громкие напевы… Музыканты играли так, что гаолян из зелёного стал красным. Ясное небо подёрнулось тучами, громыхнуло раз, потом второй, сверкнула молния, струи дождя были спутанными, как пряжа, и такими же спутанными были чувства… дождь шёл то наискось, то снова вертикально…

Бабушка вспомнила разбойника в Жабьей яме и мужественный поступок молодого носильщика, который верховодил другими, как вожак собачьей стаи. На вид ему было не больше двадцати четырёх, на суровом лице ни единой морщинки. Бабушка вспомнила, как это лицо нависало над ней совсем близко, а твёрдые, как раковина беззубки, губы впивались в её рот. Кровь в сердце бабушки на мгновение застыла, а потом снова забила ключом, будто прорвала плотину, да так, что каждый даже самый крошечный сосуд в теле затрепетал. Ноги свело судорогой, мышцы живота дрожали и никак не могли остановиться. В тот момент их мятеж одобрил своей бьющей через край энергией гаолян. Пыльца, что сыпалась с метёлок, почти невидимая, заполнила всё пространство между их телами.

Бабушка множество раз пыталась задержать в памяти картину их юной страсти, но не получалось, воспоминания мелькали и исчезали, зато снова и снова появлялось лицо прокажённого, напоминавшее морковь, сгнившую в подвале, и его крючковатые пальцы, похожие на куриную лапу, а ещё старик с тоненькой косичкой и связка блестящих медных ключей, болтавшаяся у него на поясе. Бабушка спокойно сидела и, хотя находилась в десятках ли оттуда, словно бы ощущала на губах терпкий запах гаолянового вина и кисловатый запах барды. Она вспомнила двух мужчин, что взяли на себя роль служанок и напоминали цыплят, замаринованных в вине, — из каждой их поры сочился аромат вина… А тот носильщик срубил множество стеблей гаоляна своим мечом с закруглённым лезвием, на срезах, имеющих форму подковы, проступал тёмно-зелёный сок — кровь гаоляна. Бабушка вспомнила, как он велел через три дня возвращаться и ни о чём не беспокоиться. Когда он произносил эти слова, чёрные узкие глаза блеснули светом, похожим на лезвие меча. Бабушка уже предчувствовала, что жизнь вот-вот переменится самым необычным образом.

В некотором смысле героями рождаются, а не становятся, героизм скрыт, словно подземные воды, и, когда человек сталкивается с внешней причиной, он превращается в героя. В ту пору бабушке было всего шестнадцать, она с детства проводила время за вышиванием, рукоделием, её верными спутниками стали иголка, ножницы для вырезания цветов, длинные лоскуты для бинтования ног, лавровое масло для расчёсывания волос и

другие девчачьи штучки. Общалась она исключительно с соседскими девочками. Откуда же взялись способности и смелость справиться с ожидавшими её переменами? Как она смогла выковать героический характер, благодаря которому в минуту опасности, сжав зубы, держалась вопреки страху? Трудно сказать.

Во время этого долгого и горького плача бабушка не испытывала особых мук, напротив, изливала радость, теснившую грудь. Она рыдала, но при этом вспоминала былые счастье и веселье, страдание и тоску, плач словно бы не вырывался изо рта, а был музыкой, которая доносилась издалека и сопровождала громоздившиеся друг на друга прекрасные и уродливые образы. В конце бабушке подумалось, что век человеческий так же короток, как у осенней травы, а потому чего уж тут бояться рисковать жизнью?

— Надо ехать, Девяточка! — Прабабушка назвала бабушку молочным[43] именем.

Поехали-поехали-поехали!

Бабушка попросила принести таз с водой, умылась, напудрилась и нанесла красные румяна, сняла перед зеркалом сетку для волос, тяжёлый пучок с шелестом рассыпался, закрыв бабушкину спину. Она встала на кане, шёлковые волосы ниспадали до колен. В правой руке она держала расчёску из грушевого дерева, а левой закинула волосы на плечо, собрала перед грудью и начала расчёсывать прядь за прядью.

Волосы у бабушки были необычайно густые, чёрные и блестящие, только ближе к кончикам слегка выцветшие. Расчёсанные волосы она скрутила в жгут, завернула в тугой узел в виде большого цветка, убрала под плотную сетку из чёрных шёлковых нитей и закрепила четырьмя серебряными шпильками. Бабушка подровняла ножницами чёлку, чтобы она доходила до бровей, затем заново перебинтовала ноги, надела белые хлопковые носки, туго подвязала нижний конец штанин и, наконец, обула вышитые туфельки, в которых особенно выделялись её крошечные ножки.

Первым делом Шань Тинсю в бабушке привлекли именно ножки, и у носильщика паланкина Юй Чжаньао страсть вызывали сначала они же. Бабушка гордилась своими ножками. Обладательнице миниатюрных ступнёй не приходилось печалиться о замужестве, даже если её лицо изрыто оспой, зато большеногую никто замуж не брал, пусть даже она была прекрасна, как небожительница. А у бабушки и ножки были маленькими, и лицо прекрасным, она считалась образцом красоты своего времени. Мне кажется, что за долгую историю женские ножки стали своеобразным сексуальным органом, изящные заострённые ступни дарили мужчинам того времени эстетическое наслаждение с немалой долей страсти.

Бабушка привела себя в порядок и, цокая каблучками, вышла из комнаты. Прадедушка вывел ослика и набросил ему на спину одеяло. В выразительных глазах животного отражалась бабушкина точёная фигурка. Бабушка увидела, что ослик внимательно смотрит на неё и в этом взгляде светится понимание. Она села на ослика, но не боком, как полагалось ездить женщинам, а оседлала, перекинув ногу через спину. Прабабушка пыталась уговорить бабушку сесть боком, но бабушка ударила ослика пятками в живот, и он потрусил, высоко поднимая копыта. Бабушка ехала, выпятив грудь, высоко подняв голову и устремив взгляд вперёд.

Бабушка не обернулась, поводья сначала держал прадедушка, а когда они вышли из деревни, она отняла поводья, и ему оставалось лишь плестись позади ослика.

За эти три дня прошла ещё одна гроза, бабушка увидела справа от дороги участок размером с мельничный жёрнов, где гаолян завял и выделялся белым пятном посреди тёмной зелени. Бабушка поняла, что сюда ударила шаровая молния. Она помнила, как в

прошлом году от удара молнии погибла её семнадцатилетняя подружка Красотка, волосы у неё тогда обгорели, одежда была разорвана в клочья, на спине остался рисунок из продольных и поперечных линий, некоторые поговаривали, что это небесное головастиковое письмо.[44] По слухам, Красотка угробила ребёнка из-за своей жадности. Описывали это вс всех подробностях. Якобы Красотка поехала на рынок, на перекрёстке услыхала детский плач, подошла и увидела свёрток, а внутри него — розового новорождённого мальчика и записку, в которой говорилось: «Отцу восемнадцать, матери тоже, когда луна висела прямо над головой, родился наш сынок по имени Луси,[45] только вот отец уже женат на большеногой Второй сестрице Чжан из Западной деревни, а мать должна вот-вот выйти за парня в шрамах из Восточной деревни. Они скрепя сердце вынуждены бросить свою кровиночку, отец рыдает, да и мать утирает слёзы, затыкает рот, чтобы не расплакаться, боится, что прохожие услышат. Ах, Луси, Луси, радость придорожная, кто тебя подберёт, тому ты и станешь сыном. В пелёнки завернули один чжан узорного шёлка и положили двадцать серебряных долларов. Простим доброго путника спасти жизнь нашего сына, приумножив добродетель». Поговаривали, что Красотка забрала шёлк и серебряные доллары, а младенца выбросила в гаоляновое поле, вот потому-то её и поразила молния. Бабушка близко дружила с Красоткой и, разумеется, не верила в подобные сплетни, но, когда она размышляла о человеческой жизни, о том, что не угадаешь, жив будешь или помрёшь, её сердце неизменно сжималось от тоски.

После грозы с ливнем дорога всё ещё была влажной, от яростных дождевых капель на ней образовались выбоины, заполнившиеся жидкой грязью. Ослик снова оставлял за собой чёткие следы. Похожие на звёздочки васильки казались уже немного поблекшими, листья и цветы забрызгала грязь. В траве и на листьях гаоляна прятались кузнечики, ниточки их усиков подрагивали, прозрачные крылышки раскрывались, как ножницы, издавая жалобный стрёкот. Длинное лето подходило к концу, и в воздухе уже витал торжественный запах осени, орды саранчи, предчувствующие её дыхание, выбирались на дорогу с набитыми семенами животами, чтобы вонзить зады в твёрдую поверхность и отложить яйца.

Прадедушка отломал стебель гаоляна и хлестнул по крупу уже изрядно притомившегося ослика, тот поджал хвост и на несколько шагов перешёл на рысцу, а потом снова вернулся к неторопливому темпу. Явно довольный собой, дедушка мурлыкал под нос популярную в дунбэйском Гаоми ханчжоускую оперу, не попадая в ноты: «У Далан[46] выпил яд, худо ему стало… кишки сразу затряслись, всё внутри дрожало… взял урод себе красавицу жену и накликал страшную беду-у-у-у… помирает У Далан от боли в кишках, только ждёт, когда же явится братишка… Младший брат домой примчит, за убийство отомстит…»

Слушая нескладное пение прадедушки, бабушка чувствовала, как трепещет сердце, как изнутри её пробирает ледяная дрожь. Перед глазами тут же ярко предстал образ того свирепого юноши с мечом в руках. Что он за человек? Что собирается делать? Ведь она этого смельчака и не знает толком, думала бабушка, а они уже близки, как рыба и вода. Их единственный «встречный бой» вышел поспешным, не разобрать, то ли сон, то ли явь, и вызвал у бабушки замешательство, словно бы она встретилась с призраком. Решив, что нужно покориться судьбе, бабушка тяжело вздохнула.

Она доверила ослику идти без поводьев, а сама слушала, как отец, перевирая ноты, исполняет арию У Далана. Так незаметно они доехали до Жабьей ямы. Ослик опустил голову, потом поднял, втянул ноздри, стал бить копытами по земле и ни в какую не хотел идти вперёд. Прадед стеблем гаоляна хлестал его по заду и задним ногам, приговаривая:

— Ну-ка, ублюдок, шагай! Мерзкий ты осёл!

Гаоляновый стебель свистел и хлестал ослика, но тот не просто отказывался идти вперёд, но ещё и пятился назад. В этот момент бабушка учуяла омерзительную вонь, от которой волосы вставали дыбом. Она спрыгнула на землю, рукавом прикрыла нос и потянула ослика за поводья. Ослик вскинул голову, открыл пасть, и его глаза наполнились слезами. Бабушка уговаривала его:

— Ослик, миленький, сожми зубы и иди, нет таких гор, на которые нельзя подняться, и таких рек, которые нельзя пересечь.

Ослика бабушкины слова тронули, он тихонько заржал, поднял голову, а потом помчался вперёд и потащил бабушку за собой, да так, что её ноги едва касались земли, а полы одежды развевались, словно красные облака, летящие по небу. Проносясь мимо трупа разбойника, бабушка искоса глянула на него. В глаза бросилась отвратительная сцена: туча жирных опарышей объела плоть покойника так, что остались лишь ошмётки.

Бабушка довела ослика до Жабьей ямы и там опять его оседлала. Постепенно она снова стала ощущать аромат гаолянового вина, который принёс с собой северо-восточный ветер. Она снова и снова пыталась храбриться, но чем ближе к развязке, тем сильнее ужас сковывал её душу. Солнце поднялось высоко и припекало так сильно, что над землёй клубился белый пар, но по бабушкиной спине пробегал холодок. Вдалеке показалась деревня, в которой жило семейство Шань, и окутанная ароматом гаолянового вина, который становился всё сильнее, бабушка ощутила, что её позвоночник словно заледенел. В гаоляновом поле к западу от дороги какой-то парень горланил песню:

Сестрёнка, не бойся, смело ступай вперёд!
Зубы мои железные, кости — сталь!
К небу дорога в девять тысяч ли ведёт.
Ты не бойся, смело шагай вдаль!
Из высокого алого терема,
Вышитый красный мяч бросай,
Прямо в голову цельсь мне,
И тогда мы с тобой растворимся
В гаоляновом алом вине![47]

— Эй, горе-певец, выходи! Что ты поёшь? На маоцян[48] непохоже, но и на театр люй[49] не тянет! Все мотивы переврал! — крикнул прадедушка в гаоляновое поле.

3

Доев кулач, отец по жухлой траве, кроваво-красной в лучах заходящего солнца, спустился с насыпи, осторожно подошёл к кромке воды по рыхлому песку, устланному ковром из водорослей, и остановился. На большом каменном мосту через Мошуйхэ стояли четыре грузовика, первый, тот, что наехал на грабли и проткнул шины, припал к земле перед остальными тремя, на его кузове виднелись тёмно-синие пятна крови и нежно-зелёные кляксы мозгов. Верхняя часть туловища японского солдата перевешивалась через борт, каска слетела с головы и болталась на шее. С кончика носа в каску капала тёмная кровь. Вода в реке всхлипывала. Шелестел дозревающий гаолян. Тяжёлые солнечные лучи разбивались мелкой рябью на поверхности реки. Под корнями водорослей, во влажном песке, жалобно стрекотали осенние насекомые. Громко потрескивали тёмные обгоревшие остовы третьего и четвёртого грузовиков. В этом обилии красок и нескладном хоре звуков отец увидел и услышал, как кровь с кончика носа японского солдата падает в каску со звонким бульканьем, словно кто-то ударяет в каменный гонг, и по поверхности лужицы расходятся круги. Отцу тогда шёл шестнадцатый год. Когда девятого числа восьмого лунного месяца одна тысяча девятьсот тридцать девятого года солнце кренилось к закату и его угасающие лучи окрасили мир вокруг красным цветом, на лице моего отца, казавшемся ещё худощавее после целого дня ожесточённой борьбы, застыла плотным слоем фиолетовая глина. Он присел на корточки возле трупа жены Ван Вэньи, набрал пригоршню воды и выпил, липкие капли просачивались сквозь пальцы и беззвучно падали. Потрескавшиеся опухшие губы коснулись воды, отец испытал резкую боль, между зубами в рот проник едкий привкус крови — он ощущался и в горле, отчего оно сжалось так, что окаменело, и отцу пришлось несколько раз кашлянуть, чтобы спазм прошёл. Тёплая речная вода лилась в горло, избавляя от сухости и доставляя мучительное удовольствие. Хотя от привкуса крови в животе забурлило, он продолжал зачерпывать воду снова и снова, пока она не размочила сухую потрескавшуюся лепёшку у него в животе. Только тогда отец распрямился и с облегчением выдохнул. Почти стемнело, от солнца остался лишь красный ободок на самом краю небосвода. Запах гари, который шёл от третьего и четвёртого грузовиков на большом каменном мосту, стал слабее. От громкого хлопка отец вздрогнул, вскинул голову и увидел, как ошмётки лопнувших шин, словно чёрные бабочки, парят в воздухе над рекой и падают вниз, а на ровную, как доска, поверхность воды с шуршанием сыплется чёрно-белый японский рис, взметнувшийся от взрыва верх. Повернувшись, отец увидел маленькую жену Ван Вэньи, которая лежала на берегу, а по воде растекалась её кровь. Он вскарабкался на насыпь и громко крикнул:

— Пап!

Дедушка стоял на насыпи, выпрямившись. Он явно осунулся за день, прошедший в бою, под потемневшей кожей чётко проступали скулы. В тёмно-зелёных вечерних сумерках отец увидел, что короткие жёсткие волосы дедушки побелели целыми островками. С болью и страхом в сердце он бросился к дедушке и принялся теребить его:

— Пап! Пап! Что с тобой?

По дедушкиному лицу текли слёзы, в горле клокотало. У его ног стоял, словно старый волк, японский пулемёт, оставленный от щедрот командиром Лэном, а его ствол, похожий на сону, напоминал увеличенный собачий глаз.

— Пап, скажи что-нибудь, пап, скушай лепёшку, только потом водички попей… если не

будешь есть и пить, то помрёшь от жажды и голода…

Дедушка согнул шею, голова упала на грудь. Его тело, словно бы не выдержав тяжести черепной коробки, потихоньку оседало. Он опустился на корточки на насыпи, обхватил обеими руками голову, всхлипнул, а потом вдруг воскликнул:

— Доугуань, сынок! Неужто нам с тобой конец?

Отец остолбенело смотрел на дедушку, в зрачках его широко распахнутых глаз, похожих на два бриллианта, светился тот самый мужественный, неистребимый бунтарский дух, которым изначально славилась моя бабушка, и этот луч надежды во мраке осветил душу дедушки.

— Пап, — сказал отец, — не печалься, я научусь стрелять из пистолета, буду тренироваться, как ты, в излучине реки стрелять по рыбе, а ещё по семи монетам, разложенным в форме цветка сливы, и тогда поквитаюсь с этим ублюдком Рябым Лэном!

Отец резко вскочил на ноги, трижды взревел — то ли горько заплакал, то ли дико захохотал, — из его рта потекла ручейком тёмно-фиолетовая кровь.

— И то правда! Сынок, верно сказано!

Дедушка подобрал с чёрной земли лепёшку, приготовленную собственноручно моей бабушкой, и принялся жадно глотать большими кусками; тёмно-жёлтые зубы с прилипшими крошками окрасились кровавой пеной. Отец услышал, как дедушка вскрикнул, подавившись лепёшкой, и словно увидел, как лепёшка с острыми краями медленно ползёт в горле отца.

— Пап, спустись к речке, выпей воды, чтобы размочить лепёшку в животе, — сказал он.

Дедушка нетвёрдой походкой спустился по насыпи, опустился на колени на водоросли, вытянул шею, словно мул или конь на водопое. Отец увидел, что дедушка, напившись, опёрся обеими руками о землю и окунул в воду голову и половину шеи, речная вода, наталкиваясь на неожиданное препятствие, разбегалась множеством пенистых волн. Дедушка держал голову под водой так долго, что хватило бы времени выкурить половину трубки. Отец с насыпи смотрел на своего отца, похожего на огромную отлитую из меди лягушку, а сердце снова и снова сжималось. Наконец дедушка рывком вытащил из воды мокрую голову, хватая ртом воздух, поднялся на насыпь и встал перед отцом. Отец видел, как с него стекает вода. Дедушка потряс головой, смахнув с себя сорок девять капель разного размера, словно множество жемчужин.

— Доугуань, — сказал дедушка. — Пойдём с папой, посмотрим, как там братцы!

Он шатаясь побрёл через гаоляновое поле с западной стороны дороги, а отец двинулся за ним. Они наступали на поломанный гаолян и использованные гильзы, светившиеся слабым жёлтым светом, то и дело наклоняясь и опуская головы, чтобы посмотреть на своих товарищей, лежавших вдоль и поперёк поля с оскаленными зубами. Все они были мертвы. Дедушка с отцом переворачивали их в надежде найти хоть одного живого, но увы. Руки стали липкими от крови. На самом западном краю отец увидел ещё двух человек, у одного изо рта торчал самопал, а задняя часть шеи была развороченa так, что превратилась в месиво, словно разорённое осиное гнездо; второй лежал на боку, из его груди торчал острый нож. Дедушка перевернул их, чтобы посмотреть, и отец увидел, что у обоих переломаны ноги и вспороты животы. Дедушка тяжело вздохнул, вытащил самопал изо рта одного своего бойца и нож из груди другого.

Отец следом за дедушкой перешёл через шоссе, казавшееся в темноте блестящим, в гаоляновое поле с восточной стороны дороги, которое точно так же выкосило пулемётной очередью. Они переворачивали и осматривали тела своих братьев, лежавшие то тут, то там.

Горнист Лю так и остался стоять на коленях с трубой в руках, замерев в этой позе. Дедушка взволнованно закричал:

— Горнист Лю!

Но тот не отозвался. Отец тряхнул Лю за плечо и позвал:

— Дядя Лю!

Тут труба упала на землю, и они увидели, что лицо трубача уже окаменело.

В нескольких десятках шагов от насыпи, на том участке поля, что пострадало не столь серьёзно, они нашли Фана Седьмого с вывороченными наружу кишками и ещё одного бойца по прозвищу Четвёртый Чахоточник (он был четвёртым ребёнком в семье и в детстве переболел чахоткой). Четвёртого Чахоточника ранило выстрелом в ногу, и из-за большой кровопотери он потерял сознание. Дедушка положил ему на рот перепачканную кровью ладонь и уловил идущее из ноздрей жаркое сухое дыхание. Фан Седьмой уже заправил кишки обратно в живот и заткнул рану гаоляновыми листьями. Он ещё был в сознании и при виде отца забормотал судорожно подёргивающимися губами:

— Командир… мне конец… ты моей жене… дай немного денег… только чтоб она не выходила снова замуж… у брата детей не осталось… если она уйдёт… то предкам рода Фан… некому будет воскурить благовония…[50]

Отец знал, что у Фана Седьмого есть годовалый сынишка, а у его жены груди налитые, словно тыквы, молока так много, что ребёнок растёт упитанным и румяным.

Дедушка сказал:

— Братец, я тебя отнесу домой.

Он присел на корточки и потянул за руку Фана Седьмого, чтобы взвалить его себе на спину, но тот заорал от боли, и на глазах у отца комок гаоляновых листьев, которым была заткнута рана, выпал, из раны показались белые кишки, а вместе с ними вырвался горячий запах крови. Дедушка положил Фана Седьмого на землю. Тот без конца стонал:

— Брат… будь добр… не мучай меня… пристрели…

Дедушка снова присел и стиснул руку Фана Седьмого со словами:

— Я тебя на себе дотащу до Чжан Синьи, доктора Чжана, он вылечит твою рану…

— Брат… скорее… не заставляй меня терпеть… я уже ни на что не сгожусь…

Дедушка, прищурившись, посмотрел на хмурое августовское небо, украшенное яркими звёздочками, протяжно вздохнул и спросил у отца:

— Доугуань, у тебя в пистолете патроны остались?

— Да.

Дедушка забрал у отца браунинг, взвёл затвор, а потом посмотрел в тёмное небо и сказал:

— Седьмой братец, уходи со спокойным сердцем, пока у меня, Юй Чжаньао, будет что есть, твоя жена и сын не помрут с голоду.

Фан Седьмой покивал и закрыл глаза.

Дедушка поднял пистолет, словно каменную глыбу весом в тысячу цзиней;[51] он весь содрогался от этой тяжести. Фан Седьмой открыл глаза и взмолился:

— Брат…

Дедушка резко отвернулся, из дула вылетел огненный шар, осветивший кожу на голове Фана Седьмого, отливавшую синевой. Фан Седьмой, стоявший до этого на коленях, быстро повалился вперёд, поверх своих вывалившихся внутренностей. Отец не мог поверить, что в животе одного человека помещается столько кишок.

— Чахоточник, тебе тоже пора в путь, раньше умрёшь — быстрее переродишься, возвращайся, снова будем бить японских ублюдков! — Дедушка выпустил оставшийся в браунинге патрон прямо в сердце Чахоточника, жизнь которого и так висела на волоске.

Хотя дедушка привык, как говорится, косить людей как коноплю, но после убийства Чахоточника он кинул на землю пистолет, а рука повисла вдоль тела, словно дохлая змея, и у него не осталось сил её поднять.

Отец поднял браунинг, сунул за пояс и потащил дедушку, как пьяного, со словами:

— Пап, пошли домой. Пап, пошли домой…

— Домой? Домой! Домой…

Отец, ведя за руку дедушку, поднялся на насыпь, и они неуклюже побрели на запад. В небе уже взошла луна, успевшая стать почти полной к девятому числу восьмого лунного месяца,[52] и холодный свет лился на спины дедушки и отца, освещая величавую, словно грандиозная, но неповоротливая китайская культура, реку Мошуйхэ. Кровавая вода раздразнила белых угрей до исступления, они резвились и кружили в реке, то и дело мелькая на поверхности серебристыми дугами. Синяя прохлада, парящая над рекой, вступала в схватку и сливалась с красным теплом, поднимавшимся над гаоляновым полем, сплавляясь в прозрачную дымку. Отец вспомнил густой подвижный туман в это утро, когда они выступали в поход; день казался таким долгим, будто минуло десять лет, но при этом очень коротким, будто он успел лишь раз моргнуть. Он вспомнил, как мама в бескрайнем тумане стояла на околице, провожая его, эта сцена была далеко, словно на краю неба, но близко, перед глазами. Он вспомнил все трудности, с которыми столкнулся отряд в гаоляновом поле, вспомнил, как пуля угодила в ухо Ван Вэньи, как пятьдесят с лишним бойцов рассеялись по шоссе на подходе к большому мосту, словно овечий помёт. А ещё острый меч Немого, злой взгляд, голову японского чёрта, летящую по воздуху, сморщенный зад японского старикана, маму, которая упала на насыпь, словно феникс, раскинувший крылья… лепёшки-кулачи, рассыпавшиеся по земле… падающие друг за другом стебли красного гаоляна… гаолян, падающий, как герои…

Дедушка взвалил заснувшего отца себе на спину, придерживая под колени руками, раненой и здоровой. Браунинг за поясом у отца впивался дедушке в спину, вызывая сильную душевную боль. Браунинг принадлежал чёрному, худому, талантливому и образованному адъютанту Жэню. Дедушка вспомнил, что это оружие лишило жизни самого Жэня, а ещё Фана Седьмого и Четвёртого Чахоточника, и ему нестерпимо захотелось выкинуть несчастливый пистолет в реку Мошуйхэ. Но он ограничился лишь размышлениями, а сам выгнул спину дугой и подкинул повыше спящего сына, чтобы утихомирить эту свербящую боль.

Дедушка шёл, уже не чувствуя ног, помогала лишь решимость двигаться вперёд, бороться из последних сил в волнах окоченевшего воздуха. В полузабытьи дедушка услышал какой-то шум, наплывавший спереди. Он поднял голову и вдалеке на насыпи увидел извивающегося огненного дракона.

Дедушка уставился вперёд, перед глазами то повисала пелена, то картинка снова обретала чёткость. Когда взгляд затуманивался, дракон, оскаливая зубы и выпуская когти, возносился в небо, с шорохом ощетинивая золотую чешую по всему телу, ветер ревел, облака свистели, сверкала молния и гремел гром, звуки собирались в единое целое, как будто бы воинственный мужественный ветер сотрясал беспомощный женственный мир. Когда зрение прояснилось, он различил, что это девяносто девять факелов и несколько сотен людей,

напирая друг на друга, бегут в их сторону. Танцующие языки пламени освещали гаолян по обе стороны реки. Передние факелы освещали тех, что бежал позади, а задние — тех, кто был впереди. Дедушка сбросил отца со спины, с силой потряс и заорал:

— Доугуань! Доугуань! Просыпайся! Односельчане вышли нас встретить, односельчане…

Отец услышал хриплый голос дедушки и увидел, как две довольно крупных слезы брызнули из его глаз.

4

Когда дедушка убил отца и сына Шаней, ему было всего двадцать четыре года. Они с моей бабушкой уже успели помиловаться в гаоляновом поле, как самец и самка феникса, и в этой торжественной смеси горя и радости бабушка уже забеременела моим отцом, в жизни которого тоже смешались достижения и преступления, пусть в дунбэйском Гаоми земляки его и признавали-таки выдающимся человеком своего поколения. Однако в тот момент бабушка была законной женой Шаня. Они с дедушкой как ни крути встречались тайно, что называется, «в зарослях тутовника на речном берегу»,[53] их отношения были спонтанными и непостоянными, да и отец мой ещё не появился на свет, а потому, описывая события того периода, я ради достоверности буду именовать дедушку Юй Чжаньао.

Бабушка тогда в отчаянии призналась Юй Чжаньао, что её законный супруг Шань Бяньлан болен проказой, и Юй Чжаньао острым коротким мечом срубил пару стеблей гаоляна и велел бабушке через три дня ни о чём не волноваться и возвращаться к мужу, до неё не дошёл скрытый смысл этих слов, бабушку одурманила волна любви. А Юй Чжаньао тогда уже замыслил убийство. Он проводил взглядом бабушку, пока та выбиралась из зарослей гаоляна, и сквозь просветы между стеблями растений увидел, как она подозвала умного и сообразительного ослика и распинала пьяного в хлам прадеда. Юй Чжаньао услышал, как дедушка заплетающимся языком пробормотал:

— Доча… долго ж ты ходила по-маленькому… твой свёкор… хочет подарить мне большого чёрного мула…

Бабушка, не обращая внимания на его болтовню, оседлала ослика и повернула напудренное личико, обдуваемое весенним ветерком, в сторону гаолянового поля к югу от тропинки. Она знала, что в этот самый момент за ней пристально наблюдает молодой носильщик паланкина. Бабушка изо всех сил старалась освободиться от раздиравшего нутро возбуждения и смутно увидела перед собой новую и незнакомую широкую дорогу, усыпанную рубиновыми зёрнышками гаоляна, а в канавах вдоль дороги скопилось прозрачное, как воздух, гаоляновое вино. По обе стороны, как и раньше, колосился скромный, но мудрый красный гаолян, в итоге реальный гаолян и гаолян из видений бабушки слились воедино, и уже не понятно было, где действительность, а где иллюзия. Бабушка испытывала одновременно ощущение зыбкости и стабильности, чёткости и расплывчатости, и погружалась в него всё глубже.

Юй Чжаньао, придерживаясь за гаолян, смотрел вслед бабушке, пока она не скрылась за поворотом. На него разом навалилась усталость, и он с трудом доплёлся до места, которое только что стало священным алтарём, повалился на землю, словно упавшая стена, и захрапел. Юй Чжаньао проспал, пока красное солнце не начало садиться на западе, а открыв глаза, первым делом увидел листья и колоски гаоляна, словно бы покрытые слоем багровой краски. Он накинул соломенный дождевой плащ и вышел из гаоляна. Вдоль дороги как угорелый носился ветерок, шуршал гаолян. Юй Чжаньао ощутил прохладу и посильнее закутался в плащ, мимоходом задел живот и почувствовал нестерпимый голод. Он смутно припомнил, что когда три дня назад они заносили паланкин с той девушкой в деревню, то на околице он приметил три хибарки, где под стрехой развевался на ветру драный флаг харчевни. От голода Юй Чжаньао не мог уже ни сидеть, ни идти толком, поэтому он собрался с духом, вышел из гаолянового поля и широкими шагами направился в сторону

харчевни. Он решил, что работает по найму на местную контору «Помощь в организации свадеб и похорон» меньше двух лет и в округе его никто не знает. Пойти, наесться досыта да напиться вдоволь, при случае выполнить задуманное, а потом пуститься наутёк, спрятаться в гаоляне, как рыба в море, и уплыть прочь. Обдумывая всё это, Юй Чжаньао двинулся на запад, навстречу солнечному свету, глядя, как над заходящим солнцем собираются багровые облака, словно распускаются пионы, края облаков окаймляло пугающе яркое, ослепительное золото. Пройдя немного, он повернул на север и направился прямиком в ту деревню, где жил номинальный муж моей бабушки Шань Бяньлан. В поле давно уже никого не было, в те годы все крестьяне, кто мог худо-бедно прокормиться, пораньше возвращались домой, не осмеливаясь шастать по вечерам — к ночи гаоляновые поля становились прибежищем разбойников. В тот день Юй Чжаньао повезло: он не встретил любителя лёгкой наживы и не напоролся на неприятности. В деревне над домами уже поднимался дым, на улице появился красивый парень. Он нёс с колодца на коромысле два глиняных кувшина, с которых капала вода. Юй Чжаньао юркнул в хибарку, украшенную флагом с иероглифом «вино». Внутри оказалось только одно помещение, без перегородок, но его делил на две половины прилавок, сложенный из необожжённых кирпичей, а за прилавком Юй увидел огромный кан, печь и большой котёл. Внешнюю половину комнаты занимали два потрескавшихся хромоногих стола, рассчитанных на восемь человек, а вокруг них наспех расставили несколько узких деревянных лавок. На прилавке стоял зеленоватый селадоновый[54] кувшин для вина, с его горлышка свисал черпак. На верхней половине кана, глядя в потолок, лежал тучный старик. Юй Чжаньао узнал его с первого взгляда. Старик этот носил прозвище Корейская Дубина[55] и занимался умерщвлением собак. Юй Чжаньао вспомнил, что однажды видел на ярмарке, как он за каких-то полминуты лишил жизни собаку; после этого случая у сотни собак на ярмарке при виде старика шерсть вставала дыбом, они рычали без остановки, но ни в какую не отваживались подойти.

— Эй, хозяин, подай мне цзинь вина! — Юй Чжаньао плюхнулся на лавку.

Тучный старик даже головы не повернул, лишь завращал серыми глазами.

— Хозяин! — крикнул Юй Чжаньао.

Толстяк откинул собачью шкуру и слез с кана. Накрывался он чёрной шкурой, а подстелил белую. Юй Чжаньао приметил, что на стене прибиты ещё три собачьих шкуры: зелёная, синяя и пятнистая.

Старик нащупал в углублении в прилавке большую тёмно-красную пиалу и черпаком плеснул туда вина.

— А что на закуску? — спросил Юй Чжаньао.

— Собачья голова! — огрызнулся старик.

— А я хочу собачьего мяса!

— Есть только собачья голова!

— Голова так голова! — согласился Юй Чжаньао.

Старик открыл крышку котла, и Юй Чжаньао увидел, что там варится целая тушка.

— Я хочу мяса! — крикнул он.

Старик пропустил его слова мимо ушей, нашёл кухонный нож и с треском начал рубить шею так, что брызги полетели во все стороны. Отрезав голову, он подцепил её на железный вертел и протянул Юй Чжаньао, а тот разозлился и заорал:

— Я хочу мяса!

Старик швырнул голову на прилавок и сердито буркнул:

— Хочешь — ешь, не хочешь — катись!

— Ты ещё ругаться?!

— Сиди спокойно, мальчишка! — воскликнул старик. — Мясо для Пестрошея. Составишь ему компанию?

Пестрошей был известным на весь дунбэйский Гаоми главарём разбойников. Услыхав его имя, Юй Чжаньао перепугался. Ходили слухи, что Пестрошей — отменный стрелок и у него есть ещё одно прозвище — Три Поклона Феникса. Сведущие люди по одному звуку выстрела понимали, что пришёл Пестрошей. Юй Чжаньао в душе был не согласен, но пришлось молча снести обиду. Он взял в одну руку пиалу с вином, в другую — собачью голову и, сделав глоток вина, посмотрел на всё ещё свирепые, даже в варёном виде, собачьи глаза, сердито разинул рот, прицелился в собачий нос и откусил. Голова оказалась на удивление вкусной. Юй Чжаньао был действительно голоден, а потому ему было не до тонкостей, он проглотил собачий глаз, высосал мозг, разжевал язык, обгрыз щёки и выпил до дна пиалу вина, затем посмотрел на тонкие собачьи косточки, встал и громко рыгнул.

— Один серебряный юань, — сообщил тучный старик.

— У меня только семь медяков. — Юй Чжаньао вынул монеты и кинул их на стол.

— Один серебряный юань, — повторил толстяк.

— У меня только семь медяков!

— Недоносок, ты что, пришёл сюда задарма пожрать?

— У меня только семь медяков!

Юй Чжаньао поднялся и хотел уходить, но толстяк выбежал из-за прилавка и вцепился в него. Тут в харчевню ввалился высокий здоровый парень.

— Корейская дубина, чего свет не зажжёшь? — спросил он.

— Да пришёл тут один задарма пожрать!

— Отрежь ему язык! И свет зажги! — мрачно велел здоровяк.

Толстяк отпустил Юй Чжаньао, пошёл за прилавок, высек огонь и зажёг светильник на соевом масле. Яркое пламя осветило тёмно-синее лицо незнакомца. Юй Чжаньао увидел, что тот с головы до пят одет в чёрный атлас: куртка с целым рядом пуговиц, пришитых вплотную друг к дружке, широкие шаровары, подвязанные внизу узкими чёрными лентами, а на ногах — чёрные матерчатые туфли. На длинной и толстой шее белело пятно размером с ладонь. Юй Чжаньао догадался, что перед ним Пестрошей.

Пестрошей смерил взглядом Юй Чжаньао, потом внезапно вытянул три пальца левой руки и коснулся лба. Юй Чжаньао удивлённо наблюдал за происходящим.

Пестрошей разочарованно покачал головой:

— Не из наших?

— Я носильщик паланкина.

Пестрошей презрительно хмыкнул:

— Зарабатываешь тем, что тягаешь паланкин. А не хочешь вместе со мной кулачи есть?

— Нет.

— Катись отсюда! Раз ты молодой такой, оставлю тебе язык, чтоб с бабами удобней было целоваться. Иди и поменьше болтай.

Пятясь, Юй Чжаньао вышел из харчевни. Он не мог понять, что испытывает — гнев или страх. Хотя он и обладал всеми качествами, свойственными разбойнику, до настоящего разбойника ему было довольно далеко. Он по многим причинам откладывал вступление в «зелёный лес». Главных причин было три. Во-первых, его сдерживали нормы морали и

культуры, он считал, что разбойники нарушают небесные принципы. Он в определённой степени преклонялся перед чиновниками и не утратил до конца веру в то, что богатство и женщин можно получить честным путём. Во-вторых, ему ещё не довелось испытывать на себе такого давления, что загнало бы его в горы Ляншань[56] — пока он ещё трепыхался, боролся за выживание и жил не так уж плохо. В-третьих, его мировоззрение всё ещё находилось в зачаточном состоянии, на этапе формирования, его понимание жизни и общественных укладов пока не достигло вольнодумства, свойственного разбойникам. Хотя шесть дней назад ему хватило смелости и отваги вступить в отчаянный бой с тем недоразбойником и даже убить его, однако двигали им чувства справедливости и сострадания, а разбойничий дух был достаточно слабым. Когда три дня назад он утащил мою бабушку в заросли гаоляна, этот дух тоже был вторичен, а главным оставалось возвышенное чувство любви к прекрасной девушке. В дунбэйском Гаоми бесчинствовали разбойники, и состав банд был довольно неоднородным. У меня есть грандиозный замысел написать большую книгу о разбойниках дунбэйского Гаоми, и я уже приложил немало усилий в этом направлении. Но это всё пока на словах — может, и запугаю тем самым несколько человек.

Юй Чжаньао испытывал смутное восхищение главарём разбойников Пестрошеем, но в то же время ненавидел его.

Юй родился в нищете, отец его рано умер, а они с матерью возделывали три му[57] бесплодной земли, тем и жили. Его дядя Зубастый Юй занимался торговлей мулами и лошадьми и время от времени помогал им с матерью, но денег давал немного. Когда Юй Чжаньао было лет тринадцать-четырнадцать, мать сошлась с монахом из местного монастыря Тяньци. Монах жил в довольстве и сытости и частенько приносил им рис и муку. Каждый раз, когда он заявлялся в дом, мать выставляла Юй Чжаньао на улицу и закрывал дверь. Он слышал доносившийся из дома смех и, как говорится, огонь гнева вздымался на десять тысяч чжан, ему даже хотелось спалить хижину. Когда Юй Чжаньао исполнилось шестнадцать, встречи матери с монахом стали такими частыми, что по деревне поползли слухи. Его друг и односельчанин кузнец Чэнь подарил ему короткий меч, и однажды дождливой ночью Юй Чжаньао заколол того монаха у Грушевого ручья. Вдоль ручья росло множество грушевых деревьев, тогда как раз был сезон цветения, и в плотной пелене дождя разливался нежный аромат. После убийства монаха Юй Чжаньао сбежал из деревни, прибивался к разным компаниям и в итоге пристрастился к азартным играм, играл днями и ночами, совершенствуясь с каждым днём, и его руки позеленели от постоянного соприкосновения с покрытыми патиной медяками. Новый глава уезда Цао Мэнцзю принялся ловить тех, кто играл на деньги, и Юй Чжаньао схватили, когда он играл на кладбище. Ему присудили двести ударов подошвой, заставили надеть штаны с одной чёрной и одной красной штаниной и в качестве штрафа поручили два месяца мести улицы уездного центра. Отбыв наказание, Юй Чжаньао бродяжничал, оказался в дунбэйском Гаоми и пошёл работать в контору по обслуживанию свадеб и похорон. Он узнал, что после убийства монаха его мать повесилась на дверях, и как-то ночью вернулся домой, чтобы посмотреть, что там. А через некоторое время произошла та история с моей бабушкой в гаоляновом поле.

Юй Чжаньао вернулся в гаоляновое поле и издалека смотрел на тусклый свет масляной лампы в окнах харчевни. Так он ждал, пока молодой месяц не поднялся, а потом снова не опустился. В небе светили звёзды, с гаоляна капала прохладная роса, а над землёй поднимался холодный пар. Глухой ночью Юй Чжаньао услышал, как скрипнула дверь

харчевни, оттуда полился свет, а потом в полосе этого света показалась огромная чёрная тень. Человек огляделся по сторонам и снова скрылся в доме. Юй Чжаньао узнал старого толстяка. Только после того, как старик вошёл, из харчевни стремительно выскочил тот высокий разбойник, мелькнул и скрылся во тьме. Старик закрыл дверь и потушил лампу, а в свете звёзд потрёпанный флаг на харчевне трепетал, как траурный флажок в похоронной процессии, призывающей души усопших. Пестрошей двинулся вдоль дороги в его направлении, Юй Чжаньао задержал дыхание и не смел даже пошевелиться. Пестрошей решил помочиться прямо рядом с тем местом, где сидел Юй Чжаньао. Запах мочи ударил ему в ноздри. Юй Чжаньао сжал короткий меч и подумал: стоит только кинуться вперёд и можно обезглавить этого прославленного разбойника. Мышцы напряглись. Потом он подумал, что между ним и Пестрошеем нет никакой вражды. Пестрошей не ладит с начальником уезда Цао Мэнцзю, а по его милости Юй Чжаньао всыпали двести ударов, так что убивать Пестрошея нет никакой причины. Однако он подумал: «Я бы вполне мог убить этого знаменитого разбойника, я намеренно не стал этого делать!»

Разумеется, Пестрошей и не подозревал об опасности и уж тем более не знал, что спустя два года его убьёт у реки Мошуйхэ этот самый парень. Он помочился, подтянул штаны и ушёл.

Юй Чжаньао выскочил из гаоляна и направился в спящую деревню. Шёл крадучись, чтобы не потревожить деревенских собак. Дойдя до двора семьи Шаней, Юй Чжаньао перевёл дыхание, успокоился, а потом внимательно исследовал территорию. Главное здание усадьбы Шаней имело двадцать помещений, расположенных в ряд, посередине стена делила двор на две части, а кроме того, двор был огорожен по периметру ещё одной стеной с двумя воротами. В восточной части располагалась винокурня, в западной жили хозяева. В западном дворе были три флигеля, а в восточном — ещё три, где жили рабочие с винокурни. Ещё в восточном дворе построили огромный сарай, где установили большой каменный жёрнов и держали двух крупных чёрных мулов. Ещё в восточном дворе, с южной его стороны, имелось три помещения с маленькими дверцами, открывавшимися на юг, — там продавали гаоляновое вино. Что происходит во дворе, Юй Чжаньао не видел — стены были слишком высокими, до верхнего края не получалось достать, даже если вытянуть руку и встать на цыпочки. Он попробовал подпрыгнуть, стена зашуршала, и во дворе громко залаяли собаки. Юй Чжаньао отошёл на небольшое расстояние и присел на корточки на площадке, где сох купленный Шанями гаолян. Он думал, что же делать дальше. Гаоляновые стебли были сложены в одну кучу, а листья в другую. Листья только-только срезали и положили сушиться, и от них исходил очень приятный нежный аромат. Он присел рядом с кучей стеблей, достал кремень и кресало, высек искру и поджёг гаоляновые стебли, но только огонь начал разгораться, как Юй Чжаньао словно бы что-то вспомнил и рукой загасил пламя. Затем он отошёл на двадцать шагов и подпалил кучу гаоляновых листьев. Эта куча не такая плотная, листья загораются и горят быстрее. В тот день ветра не было, в небе тянулся Млечный Путь, сверкали звёзды, высокое пламя осветило половину деревни — стало светло как средь бела дня.

Юй Чжаньао несколько раз громко крикнул:

— Пожар! Пожар!

После этого он метнулся в тень от западной стены усадьбы Шаней и притаился там. Языки пламени лизали небо, костёр громко трещал, по всей деревне дружно залаяли собаки. В восточном дворе проснулись работники винокурни и разом принялись кричать. Ворота с

лязгом распахнулись, из них высыпали больше десятка наспех одетых работников. Ворота западного двора тоже открылись, оттуда выскочил сухой старичок с косичкой, который без конца ахал и охал, а за ним выбежали два больших рыжих пса и принялись бешено лаять, носясь вокруг горящей кучи.

— Пожар! Пожар! — плаксивым голосом причитал старик. Работники винокурни поспешно убежали обратно, схватили вёдра и коромысла и помчались к колодцу.

Юй Чжаньао скинул соломенный плащ, проскользнул вдоль стены и шмыгнул в западный двор. Он спрятался за каменным экраном,[58] глядя, как люди мечутся туда-сюда. Один из работников принёс ведро воды и плеснул на огонь. Струя воды в языках пламени напоминала кусок блестящего белого шёлка, извивающийся от жара. Работники один за другим выплёскивали воду, она лилась то широкой дугой, то тоненькой ниточкой, являя поистине прекрасное зрелище.

Какой-то мудрый человек заметил:

— Хозяин, не гасите, пусть себе горит.

— Гасите… гасите… — причитал старик. — Да поскорее… Это запас мулам на целую зиму…

Юй Чжаньао некогда было смотреть, как разворачиваются события снаружи, он тихонько вошёл в комнату и с порога почувствовал такую ужасную сырость и затхлость, что волосы встали дыбом. Из западной комнаты раздался заплесневелый голос:

— Пап… что сгорело?

Юй Чжаньао только что смотрел на яркое пламя, а потому сначала ничего не видел, он подождал, не двигаясь, пока глаза привыкнут к темноте. Голос снова повторил вопрос, и Юй Чжаньао двинулся на звук, вошёл в комнату, залитую светом пожара, проникающим через оконную бумагу, и увидел на подушке плоскую длинную голову. Он протянул руку и прижал её, под его ладонью голова в испуге воскликнула:

— Ты кто такой?

В тыльную сторону ладони вцепились две скрюченные лапы. Юй Чжаньао выхватил короткий меч и чиркнул по тонкой белой шее. Прохладный воздух из рассечённой шеи ударил ему прямо в запястье, и тут же руки Юя обагрила горячая липкая кровь. К горлу подступила тошнота, и он в ужасе разжал хватку. Покрытая струпьями плоская голова всё ещё дёргалась на подушке. Из неё били струи золотисто-жёлтой крови. Юй Чжаньао начал вытирать руки об одеяло, но чем дальше вытирал, тем более липкими и омерзительными они становились. Сжимая короткий меч, он выскочил в соседнюю комнату, зачерпнул из очага пригоршню золы и вытер ей руки и меч — тот сразу ярко заблестел, будто бы ожил…

Получив от друга-кузнеца меч, Юй Чжаньао каждый день тайком им баловался. Каждый раз, когда мать начинала ворковать с монахом, он вытаскивал меч из ножен и снова вставлял обратно. В деревне незнамо сколько людей прямо в глаза в шутку называли его «младшим монашком», и Юй Чжаньао бросал на шутников гневные взгляды налитых кровью глаз. Потом он хранил меч под подушкой, и почти каждую ночь меч издавал свист, мешая спать. Наконец Юй Чжаньао понял, что час пробил. В ту ночь должна была взойти полная луна, однако её закрыли толстые свинцовые тучи. Односельчане заснули, и тут зашелестел дождь. Капли дождя были светлыми и очень мелкими, постепенно они смочили верхний слой почвы и заполнили ямки серебристой водой. Монах толкнул дверь и вошёл, держа в руках зонтик из промасленной ткани. Юй Чжаньао лежал в своей каморке и видел, как монах складывал зонтик и как в темноте поблёскивала его лысая голова. Монах неспешно очистил

об порог глину с подошв. Юй услышал, как мать спросила:

— Ты чего так поздно?

— В Западном селе минуло семь дней со смерти матушки одного из местных жителей, я на могиле прочёл несколько молитв.

— Я спрашиваю, почему так поздно? Я уж думала, ты вообще не придёшь!

— Как я мог не прийти?

— Дождь полил.

— Если бы с неба ножи посыпались, я бы надел на голову кастрюлю и пришёл.

— Заходи быстрее!

Монах прошёл в комнату и шёпотом спросил:

— Живот так и болит?

— Да вроде нет…

— Что тебя печалит?

— Его отец уже десять лет в могиле, посмотри, во что я превратилась. Даже и не знаю, ходить на могилу трудно, но и не ходить не могу…

— Сходи, а я молитву прочитаю…

В ту ночь Юй Чжаньао лежал с широко открытыми глазами, слушал голос короткого меча, доносившийся из-под подушки, и шум дождя за окном, а ещё монотонный храп монаха, когда тот уснул, и бормотание матери во сне. На дереве поблизости странным смехом зашлась сова. Юй Чжаньао испугался и сел, потом оделся, взял меч, постоял пару минут у дверей комнаты матери и монаха, прислушиваясь. В сердце разливалась пустота, похожая на безбрежно-белую пустыню. Он тихонько толкнул дверь, вышел во двор, посмотрел на небо. Свинцовые тучи слегка поредели, сквозь них пробивались слабые проблески рассвета. Неспешный весенний дождь был таким же, как накануне: негромко шелестел, капли беззвучно касались земли или с еле слышным плеском падали в лужу. Юй Чжаньао пошёл по извилистой тропинке в монастырь Тяньци, тропинка тянулась три ли и пересекала небольшой звонкий ручей, перейти который можно было по нескольким чёрным камням, специально положенным в воду. Днём вода в ручье оставалась необыкновенно прозрачной, можно было пересчитать каждую рыбку или креветку на песчаном дне. Сейчас ручей казался мутно-серым, его накрыла пелена редкого тумана, а звуки дождевых капель, падающих в воду, навевали на него уныние. Чёрные камни промокли, уровень воды сильно поднялся. Юй Чжаньао встал на камень и, опустив голову, долго-долго смотрел, как вода разбивается о камни, образуя волны. На берегах ручья ровную песчаную землю засадили грушевыми деревьями, которые тогда как раз расцвели. Юй Чжаньао перемахнул через ручей и оказался в грушевой роще. Песок под деревьями был твёрдым, но при этом немного пружинил, иногда на него падали большие капли воды. В тумане цветы казались такими белыми, что резало глаз, но в кристально чистом воздухе их аромат не чувствовался.

В глубине грушевой рощи он нашёл могилу отца. Могила поросла сорной травой, среди которой мыши прокопали больше десятка нор. Юй Чжаньао силился припомнить, как выглядел отец, перед ним смутно представал высокий худой человек с жёлтой кожей и сухими выцветшими усами.

Юй Чжаньао вернулся на тропинку, что вела через ручей, и спрятался под одним из деревьев, во все глаза глядя на белоснежную пену, которая скапливалась у чёрных камней. Небо всё больше и больше светлело, тучи рассеивались, очертания тропинки обрели чёткость. Он заприметил монаха, спешившего по тропинке под жёлтым зонтиком из

промасленной ткани, но не видел его голову, поскольку зонтик её закрывал. На тёмно-синем монашеском одеянии с обнажённым правым плечом виднелось множество мокрых следов от дождевых капель. Когда он переходил через ручей, то приподнял длинную полу своего балахона и высоко воздел над головой зонтик, нагнув полноватое тело. В этот момент Юй Чжаньао увидел белоснежное слегка одутловатое лицо монаха, стиснул короткий меч и снова услышал его свист. Запястья онемели, пальцы свело судорогой. Монах перешёл через ручей, отпустил полу, топнул ногой, в этот момент две капли грязи брызнули на материю. Монах подтянул полу на себя, зажал ткань пальцами и счистил грязь. Этот белолицый монах всегда выглядел очень чистым и опрятным, от него исходил приятный запах мыла.

Юй Чжаньао вдыхал этот запах и наблюдал, как монах сложил зонтик, несколько раз раскрыв и снова закрыв его, чтобы стряхнуть капли воды, после чего сунул под мышку. Голова монаха была мертвенно-бледной, и на ней поблёскивали двенадцать круглых рубцов.[59] Он вспомнил, как мать обеими руками гладила голову монаха, словно буддийскую драгоценность, а тот клал голову на её колени, как спокойный ребёнок. Монах приблизился, и Юй Чжаньао услышал его прерывистое дыхание. Меч в руке напоминал скользкую рыбу, он с трудом его удерживал, ладони вспотели, перед глазами рябило, он едва не падал. Монах прошёл мимо. Он откашлялся, выплюнул комок мокроты, и тот повис на травинке липкой каплей, вызывая омерзительные ассоциации. Юй Чжаньао выскочил из засады, его голова опухла, словно кожа, натянутая на барабан, а в висках звучала барабанная дробь. Казалось, что короткий меч сам вошёл между рёбер монаха. Тот прошёл, покачиваясь, ещё пару шагов, опёрся рукой о грушевое дерево и остановился, а потом обернулся посмотреть на своего обидчика. В его взгляде было столько боли и страдания, что Юй Чжаньао тут же пожалел о содеянном. Монах ничего не сказал, он медленно сполз вдоль ствола груши и упал на землю.

Юй вытащил из бока монаха меч, кровь убитого была приятно тёплой, мягкой и гладкой, словно птичьи перья… Крупные дождевые капли, собравшиеся на листьях грушевого дерева, наконец не выдержали и покатились вниз, ударяясь о землю. Заодно с дерева слетело и несколько десятков лепестков. В сердце грушевой рощи поднялся небольшой холодный вихрь. Юй Чжаньао помнил, что тогда он учуял аромат грушевых цветов…

Убив Шань Бяньлана, Юй Чжаньао не испытал не сожаления, ни страха, только нестерпимое омерзение. Пожар потихоньку ослабевал, но всё ещё было светло. Чёрные тени от стен подрагивали на земле. Деревню волной накрыл собачий лай. Громко звякали металлические дужки вёдер, вода шипела, когда её выплёскивали на огонь.

Шесть дней назад во время проливного дождя он и другие носильщики вымокли до нитки, та девушка в паланкине тоже промокла спереди, хотя спина осталась сухой. Он вместе с носильщиками и музыкантами стоял в этом самом дворе, перетаптываясь в мутной луже дождевой воды и глядя, как два неряшливых старика уводили девушку во внутренние покои. В такой огромной деревне никто не захотел поглазеть на происходящее, да и жених так и не показался. Из комнаты доносился неприятный запах ржавчины. Их с товарищами внезапно осенило: жених, который прячется от чужих глаз, и впрямь прокажённый. Музыканты, поняв, что никто не пришёл их послушать, схалтурили и сыграли всего одну мелодию. Высохший старик вынес корзинку с медяками и начал кидать пригоршни денег на землю с криками:

— Вот ваша награда! Вот она!

Носильщики и музыканты смотрели, как медяки с бульканьем падают в лужу, но никто их не поднимал. Старик глянул на толпу, потом нагнулся и начал по одной подбирать монетки из лужи. У Юй Чжаньао тогда уже зародилась мысль воткнуть меч в тощую шею старика. Теперь пожар освещал двор, в том числе и парные надписи,[60] наклеенные на дверях комнаты для новобрачных. Он знал несколько иероглифов, прочитал их, и вспышка ярости изгнала начисто весь холод из сердца. Юй Чжаньао искал себе оправдания. Он думал: если множить добрые дела, то плохо кончишь, а вот если убивать и поджигать, то, напротив, можно разбогатеть и получить повышение. Он дал той девушке обещание, более того, убил сына, а если не тронуть отца, то он будет горевать над трупом сына, так что раз уж начал, то надо довести дело до конца, он перевернул уже тыкву-горлянку и вылил всё масло до капли, тем самым сотворив для той девушки новый мир. Юй Чжаньао тихонько пробормотал себе под нос:

— Старый Шань, через год в этот же день будут отмечать годовщину твоей смерти!

Огонь догорел, снова стемнело и стало видно небо, усыпанное звёздами. На пепелище ещё краснели угольки. Работники винокурни продолжали поливать золу, столп пара с искрами поднимался на десяток метров и только там рассеивался. Люди стояли с вёдрами в руках, слегка покачиваясь и отбрасывая на землю большие мутные тени.

— Хозяин, не расстраивайтесь — как говорится, потерял деньги да отвёл беду! — снова раздался голос разума.

— О Небо милосердное… Небо милосердное… — монотонно бубнил Шань Тинсю.

— Хозяин, позвольте работникам вернуться и немного отдохнуть, им ещё завтра работать.

— Небо милосердное… Небо милосердное…

Работники, спотыкаясь, вошли в восточный двор. Юй Чжаньао спрятался за каменным экраном и слушал, как стучали вёдра на коромыслах, а потом на западном дворе воцарилась полная тишина. Шань Тинсю долго поминал за воротами милосердное Небо, наконец ему это наскучило, и он вошёл во двор с глиняным кувшином в руках. Два здоровых пса забежали во двор впереди него, но, возможно, от чрезмерной усталости, при виде непрошеного гостя тявкнули пару раз, а потом забрались в конуру и не издавали больше ни звука. Юй Чжаньао слышал, как на западном дворе мулы скрипят зубами и бьют копытом. Три звезды склонились к западу, ночь перевалила за половину. Юй Чжаньао собрался с духом, крепко сжал короткий меч, дождался, когда Шань Тинсю отойдёт от ворот шагов на пять, и выскочил ему навстречу. Он не рассчитал силы, и даже рукоятка ушла в грудь старика. Тот взмахнул руками, словно собирался взлететь, кувшин упал на землю и с грохотом разбился, а старик повалился на землю лицом вверх. Собаки снова пару раз тявкнули и отвернулись. Юй Чжаньао вытащил меч, вытер об одежду старика, собрался было уходить, но передумал.

Он вытащил труп Шань Бяньлана во двор, нашёл под стеной верёвку для коромысла, связал покойников за пояса, взвалил на себя и вышел на улицу. Тащить обмякшие трупы было тяжело, их ноги чиркали по земле, оставляя белые следы, из ран текла кровь, рисуя красные узоры. Юй Чжаньао дотащил отца и сына Шаней до излучины на западном краю деревни. В тот момент гладь воды в излучине была ровной, как зеркало, в ней отражалось полнеба звёзд и грациозно стояли белые лотосы, как создания из потустороннего мира. Через тринадцать лет, когда Немой расстрелял здесь Зубастого Юя, родного дядю Юй Чжаньао, в излучине уже почти не осталось воды, а вот лотосы никуда не делись. Юй Чжаньао сбросил оба трупа в излучину, раздался громкий плеск. Тела опустились на дно, по

воде пошла рябь, а потом в ней снова отразился купол неба. Юй Чжаньао вымыл в излучине руки, лицо, меч, но, как ни старался, не смог отмыть запах крови и гнили. Он забыл снаружи у стены дома Шаней свой соломенный плащ и двинулся по дороге на запад. Отойдя от деревни примерно на половину ли, он нырнул в гаоляновое поле, слегка запутался в стеблях и упал. В этот момент он ощутил сильнейшую усталость и, не обращая внимания на влажную землю, росу и холод, повернулся, посмотрел сквозь просветы в гаоляне на звёзды и тут же уснул.

5

Деревенский староста Шань по прозвищу Пять Обезьян почувствовал, что с этим ночным пожаром что-то нечисто, он даже хотел встать и помочь тушить пламя, чтобы до конца исполнить свой долг старосты, но Белая Овечка, девица, занимавшаяся торговлей опиумом-сырцом, крепко прижала его к себе и не отпускала. Белая Овечка была пухлой, белокожей, она постоянно зажмуривала глаза и скашивала их, и от этого выразительного взгляда мужики просто сходили с ума. За неё началась перестрелка между двумя бандами, то, что на жаргоне называлось «битва за гнёздышко».

В одна тысяча девятьсот двадцать третьем году, когда член Бэйянской милитаристской клики[61] Цао Мэнцзю занимал пост главы уезда меньше трёх лет, ему массу хлопот доставляли «три факела».

Цао Мэнцзю — известная личность в истории уезда Гаоми, и хотя его заслуги не сравнятся с достижениями таких великих выходцев из Гаоми, как Янь Ин (министр княжества Ци) или Чжэнь Сюань (выдающийся учёный эпохи Восточная Хань), но по сравнению с важными шишками, заправлявшими в Гаоми в период Культурной революции, это человек действительно незаурядный. Поскольку Цао очень любил назначать наказание в виде ударов подошвой, его прозвали Цао Вторая Подошва. Он пять лет отучился в частной школе и несколько лет прослужил в армии. Источником всех беспорядков Цао считал разбойников, опиум и азартные игры и заявлял, что намерен бороться с беспорядками, а для этого очистит местность от бандитов, запретит наркотики и игры на деньги. За ним числилось много грешков и абсурдных идей, которые никто не мог понять. Про Цао Мэнцзю ходило множество сплетен, жители Гаоми передавали их из уст в уста, и они сохранились до сей поры. Цао — персонаж совсем не простой, его трудно оценить одними только словами «хороший» или «плохой». Поскольку он был тесно связан с моей семьёй, я специально посвятил ему целый абзац, который будет являться завязкой для дальнейшего повествования.

Итак, «тремя факелами» для Цао Мэнцзю стала борьба с азартными играми, употреблением опиума и разбойниками. За два года исполнения своих обязанностей он добился немалых успехов. Однако дунбэйский Гаоми расположен далеко от уездного центра, и, несмотря на суровые наказания, три этих зла ослабли лишь на первый взгляд, а в тайне они продолжали цвести буйным цветом. Деревенский староста Пять Обезьян проспал в объятиях Белой Овечки до рассвета. Белая Овечка проснулась первой, зажгла фонарь на соевом масле, потом шарик опиума на серебряной палочке поднесла к огню, нагрела до нужной температуры, поместила его в серебряную трубку и передала старосте. Тот, свернувшись калачиком, минуту затягивался дымом, а когда опиумный шарик в трубке превратился в белую точку, задержал дыхание и выпустил через нос струю бело-синего дыма. В этот момент в дверь постучали работники с винокурни Шаней:

— Староста! Староста! Беда! Убийство!

Пять Обезьян пошёл вместе с одним из работников на двор усадьбы Шаней, а за ними последовали и остальные.

По кровавым следам староста добрался до излучины к западу от деревни, за ним по пятам шла целая толпа. Пять Обезьян сообщил:

— Наверняка тела в излучине.

Все молчали.

— Кто отважится прыгнуть в воду и достать их? — громко спросил староста.

Народ переглядывался, но никто не подавал голоса.

Вода в излучине была бледно-зелёной, словно жадеит, лотосы безмятежно стояли, а на их листьях, плотно прилегавших к совершенно гладкой поверхности воды, скопились капли росы, напоминавшие круглые гладкие жемчужины.

— Тому, кто прыгнет, даю серебряный юань.

Все снова промолчали.

Над излучиной поднималось зловоние, красноватый блеск гаолянового поля высветил лужу фиолетовой крови на водорослях у кромки воды, и зрелище это вызывало омерзение. Показалось солнце, широкое сверху и сужающееся книзу, как корзина для гаоляна, сверху оно было белым, а внизу — зелёным и переливалось, как не до конца выплавленная сталь. Вдоль линии горизонта, где гаолян сливался с небом, тёмные тучи уходили вдаль, выстроившись в такую чёткую линию, что в сердце закрадывались подозрения, уж не мерещится ли это. Вода в излучине ослепительно сверкала, и белые цветки лотоса стояли в этом золотистом сиянии, словно существа из потустороннего мира.

— Кто полезет их вытащить? Даю серебряный юань! — громко крикнул Пять Обезьян.

Та девяностодвухлетняя старуха из нашего села сказала мне: «Мама дорогая, а кто бы осмелился полезть?! Вся излучина наполнилась кровью прокажённого. Один полезет — заразится, двое полезут — вот уже и пара прокажённых. Ни за какие деньги народ не осмеливался лезть в воду… А всё это твои бабка с дедом натворили!» Мне очень не понравилось, что старуха переложила ответственность на моих бабушку с дедушкой, но, глядя на её голову, напоминавшую глиняный горшок, я смог лишь холодно усмехнуться.

— Никто не хочет? Раз так, мать вашу, то пусть отец и сын пока в воде прохлаждаются. Лао Лю,[62] Лю Лохань, раз ты за главного, отправляйся в уездный город, доложи о случившемся Цао Второй Подошве!

Дядя Лохань наспех перекусил, зачерпнул полковша из чана с вином и залпом выпил, затем вывел из стойла чёрного мула, привязал ему на спину холщовый мешок, обнял мула за шею, оседлал и поехал на запад вдоль дороги, ведущей в уездный город.

Выражение лица дяди Лоханя в то утро было серьёзным, но гнев это был или обида — непонятно. Он первым заподозрил, что с хозяевами что-то случилось. Пожар накануне ночью показался странным, с утра пораньше Лю Лохань встал и решил повнимательнее осмотреть место пожара. Неожиданно оказалось, что ворота усадьбы открыты. Он удивился, вошёл во двор и увидел кровь, а в комнате крови было ещё больше. Лю Лохань остолбенел от ужаса, но даже в этом оцепенении понял, что убийство и пожар — звенья одной цепи.

Лю Лохань и другие работники винокурни знали, что молодой господин болен проказой, и редко заходили в хозяйский двор, а только в случае крайней необходимости, и тогда сначала обрызгивали себя гаоляновым вином. Дядя Лохань говорил, что гаоляновое вино помогает от тысячи видов всякой заразы. Когда Шань Бяньлан женился, во всей деревне не нашлось желающих подсобить, и Лю Лохань с ещё одним работником винокурни помогали бабушке выйти из паланкина. Лю Лохань придерживал бабушку за руку и краешком глаза увидел её крошечные ножки-лотосы и пухлые, словно лотосовый корень, запястья. Он не переставал вздыхать. Когда хозяев убили, Лю Лохань испытал сильнейшее потрясение, но в его памяти без конца возникали крошечные ножки и пухлые запястья бабушки. Глядя на всю эту кровь, он не знал, грустить или радоваться.

Дядя Лохань без конца подстёгивал чёрного мула — ему хотелось, чтобы тот мчался в

город как на крыльях. Он знал, что завтра их ждёт ещё одна эффектная сцена: ведь утром должна была вернуться на своём ослике молодая жена, подобная в своей прелести цветку и яшме. Так кому же достанутся все богатства семьи Шань? Дядя Лохань решил, что всё будет так, как решит глава уезда. Цао Мэнцзю заправлял в Гаоми почти три года, его прозвали в народе Неподкупным, по слухам Цао вершил правосудие как воплощение справедливости, действовал быстро и решительно, честно и справедливо, не признавал кумовства и мог убить, не моргнув глазом. Дядя Лохань снова ударил чёрного мула по заду.

Круп мула блестел. Он мчался на запад по дороге, что вела к уездному центру, рывками подавая тело вперёд; когда передние ноги сгибались, задние выпрямлялись и ударялись о землю, когда сгибались задние, то выпрямлялись передние. В целом все четыре копыта барабанили по земле с чётким ритмом, однако казалось, что движения хаотичны. Под блестящими копытами мула распускались пыльные цветы. Солнце ещё было на юго-востоке, когда дядя Лохань доехал до железной дороги Цзяонань-Цзинань. Большой чёрный мул отказывался переходить через железнодорожные пути, дядя Лохань спрыгнул на землю и изо всех сил потянул его, но мул упрямо пятился назад. Дяде с мулом было не тягаться, он присел и, запыхавшись, стал обдумывать, что же делать. Рельсы тянулись с востока, на солнце они блестели так, что резало глаза. Дядя Лохань снял себя куртку, накинул мулу на глаза, несколько раз покрутил его на месте, а потом перевёл через пути.

У северных ворот уездного центра стояли двое полицейских в чёрной форме, каждый опирался на винтовку «ханьян». В тот день как раз устраивали большую ярмарку в Гаоми, так что в городские ворота непрерывным потоком текли людские толпы, кто толкал перед собой тачку, кто нёс коромысла, некоторые ехали на ослах, иные шли пешком. Полицейские никого не останавливали и не спрашивали, лишь пялились на симпатичных женщин.

Дядя Лохань с трудом протиснулся через ворота, поднялся на высокий склон, потом спустился и вывел мула за поводья на главную улицу, вымощенную голубовато-серыми плитами. Копыта мула стучали о плиты так звонко, будто кто-то ударял в гонг. Сначала мул шёл стыдливо. Прохожие попадались редко и все сплошь с каменными лицами. Но на площади к югу от главной улицы народу было видимо-невидимо. Толпа собралась разношёрстная, все слои общества разных занятий и разных мастей, все горланили наперебой, торговались, покупали и продавали. У дяди Лоханя не было настроения глазеть по сторонам, он, ведя за собой мула, подошёл к воротам уездной управы. Управа к его удивлению выглядела как разорённый храм: несколько рядов крытых черепицей старых домиков, между черепицами торчала пожухлая и свежая трава, красная краска на воротах облупилась и пошла пятнами. Слева от ворот стоял солдат с винтовкой, а справа сгорбился голый по пояс парень, который опирался обеими руками о палку, воткнутую в вонючий ночной горшок.

Дядя Лохань, ведя мула, подошёл к солдату, поклонился в пояс и сказал:

— Господин служивый, я пришёл с донесением к начальнику уезда господину Цао.

— Господин Цао и господин Янь пошли на ярмарку.

— А когда он вернётся? — спросил дядя Лохань.

— Я-то почём знаю? Если у тебя срочное дело, то ищи его на ярмарке.

Лю Лохань снова в пояс поклонился и поблагодарил:

— Премного благодарен за совет.

Увидев, что дядя Лохань собирается уходить, странный парень с правой стороны от ворот внезапно начал обеими руками орудовать палкой и взбивать содержимое ночного

горшка, припевая:

— Посмотри, посмотри, что в горшке лежит внутри. Звать меня Ван Хаошань, я подделал договор, объявили, что я вор, а за это приговор. Велено дерьмо мешать, никуда не поспешать…

Дядя Лохань протиснулся на ярмарку, где продавали хлеб только из печи, лепёшки, соломенные сандалии. Тут же предлагали свои услуги переписчики, гадатели, рядом побирались нищие, продавали снадобья для поддержания мужской силы, водили дрессированных обезьянок, били в малый гонг торговцы солодовым сахаром, можно было купить фигурные леденцы, глиняных кукол, тут же рассказывали историю про У Суна под аккомпанемент трещоток в форме уток-мандаринок, торговали душистым луком, огурцами и чесноком, частыми гребнями для волос, мундштуками для трубок, вермишелью из бобового крахмала, крысиным ядом, персиками и даже детьми — имелась специальная «детская ярмарка», где у детей, выставленных на продажу, в воротник вставлены были пучки соломы. Чёрный мул то и дело вскидывал голову, звеня железными удилами. Дядя Лохань беспокоился, чтобы мул не наступил ни на кого и предупреждал всех криком. Время близилось к полудню, солнце припекало нещадно, он вспотел, нанковая куртка промокла насквозь.

Лю Лохань увидел начальника уезда Цао на курином рынке.

У Цао было красное лицо, глаза навыкате и квадратный рот, над которым росли тонкие усики. Он был одет в тёмно-синюю суньятсеновку,[63] на голове шляпа европейского кроя кофейного цвета, в руках трость. Цао как раз разрешал спор, кругом собралась толпа зевак, и Лю Лохань не рискнул подойти, а вместе с мулом встал позади толпы. Множество голов загораживали обзор и не давали увидеть, что же происходит. Тут дядю Лоханя осенила блестящая идея, он запрыгнул на мула, заняв тем самым выгодную позицию, и теперь ему было отлично всё видно.

Начальник уезда Цао был высокого роста, рядом с ним стоял какой-то низенький нахал. Дядя Лохань догадался, что это и есть тот самый господин Янь, о котором говорил солдат. Перед Цао Мэнцзю, обливаясь потом, стояли два мужчины и одна женщина. У женщины по лицу тёк не только пот, но и слёзы, а у её ног сидела жирная старая курица.

— Господин Неподкупный, — обливалась слезами женщина, — у моей свекрови маточное кровотечение, денег на лекарства нет, хотели продать эту старую несушку… А он говорит, что курица его…

— Курица моя! Эта женщина врёт! Если господин начальник мне не верит, то мой сосед подтвердит.

Глава уезда Цао ткнул пальцем в мужика в круглой шапочке:

— Можешь подтвердить?

— Господин начальник уезда, я — сосед У Третьего, эта курица каждый день забегала к нам во двор и клевала зерно, которое мы давали своим курам. Жена была недовольна!

У женщины задёргалось лицо, она не могла вымолвить ни слова, закрыла лицо руками и громко разрыдалась.

Глава уезда Цао снял шляпу, покрутил на среднем пальце и снова надел, затем спросил У Третьего:

— Чем ты сегодня кормил своих кур?

У Третий повращал глазами и ответил:

— Мякиной и отрубями.

Его низкорослый сосед закивал:

— Это правда, я заходил к нему одолжить топор и лично видел, как его жена мешала корм для кур.

Глава уезда Цао спросил плачущую женщину:

— Не реви, лучше ответь, чем ты сегодня кормила свою курицу?

Женщина, всхлипывая, ответила:

— Гаоляном.

Цао Мэнцзю приказал:

— Сяо[64] Ян, убей курицу!

Сяо Ян ловким движением разрезал курице зоб, надавил пальцами, и оттуда посыпались липкие семена гаоляна.

Глава уезда Цао хохотнул и сказал:

— Ну что, ловкач У Третий, курицу убили из-за тебя, плати! Три серебряных!

У Третий смертельно перепугался, вытащил два серебряных юаня и двадцать медяков.

— Господин глава уезда, у меня с собой больше нет!

— Сделаем тебе скидку!

Цао Мэнцзю отдал серебряные юани и медяки женщине. Та сказала:

— Господин начальник, курица столько не стоила, мне лишнего не нужно!

Цао Мэнцзю прижал руки ко лбу в знак благодарности.

— Добрая великодушная женщина, Цао Мэнцзю перед тобой преклоняется!

Он соединил ноги вместе, снял шляпу и поклонился женщине в пояс.

Женщина остолбенела, беспомощно глядя на Цао Мэнцзю полными слёз глазами, а потом опомнилась и упала на колени, без конца повторяя:

— Неподкупный! Неподкупный!

Цао Мэнцзю дотронулся тростью до плеча женщины.

— Вставай, вставай!

Женщина встала, а Цао Мэнцзю сказал:

— Ты сама в лохмотьях и, судя по виду, недоедаешь, но пришла в город продать курицу, чтобы купить лекарства для свекрови. Определённо ты почтительная к старшим сноха, а я больше всего уважаю это качество и чётко понимаю, за что награждать, а за что карать. Быстрее бери деньги и возвращайся домой лечить свекровь, курицу тоже забирай, ощипай, выпотроши и свари свекрови.

Женщина взяла деньги и курицу и ушла, рассыпаясь в благодарностях.

У Третий, который собирался обманом заполучить курицу, и его лжесвидетельствовавший сосед в круглой шапочке дрожали на солнцепёке мелкой дрожью.

Цао Мэнцзю велел:

— Ну что, хитрец, снимай-ка штаны!

У Третий устыдился и не подчинился.

Цао Мэнцзю сказал:

— А посреди бела дня грабить честную женщину не стыдно? Ты знаешь, сколько стоит один цзинь стыда? Снимай штаны!

У Третий послушался.

Цао Мэнцзю снял одну туфлю и кинул её Сяо Яню со словами:

— Двести ударов, распредели поровну, по заду и по лицу!

Сяо Янь подобрал матерчатую туфлю с толстой подошвой, потом пнул У Третьего так,

что тот упал, прицелился в его поднятый к небу зад, всыпал пятьдесят ударов по левой стороне, потом столько же по правой, У Третий плакал от боли, звал отца и мать, молил о пощаде, зад опух прямо на глазах. Затем пришла очередь бить по лицу: пятьдесят ударов по левой щеке, потом пятьдесят по правой. У Третий даже кричать перестал.

Цао Мэнцзю ткнул тростью У Третьего в лоб и спросил:

— Ну что, хитрец, будешь ещё безобразничать?

У виновника щёки опухли так, что рот открывался с трудом, он просто без конца кланялся начальнику уезда в ноги.

— Теперь ты! — Цао Мэнцзю ткнул пальцем в лжесвидетеля. — Ты обманываешь, подхалимничаешь и подлизываешься. Такие люди самые бесстыжие на всём белом свете, я тебя вообще-то бить не хочу, боюсь об твой зад испачкать свою подошву. Устроим тебе сладкую жизнь! Придётся тебе ещё раз вылизать зад богача. Сяо Янь, сходи-ка купи мёду.

Сяо Янь собрался протиснуться сквозь толпу, но зеваки в тот же момент расступились. Лжесвидетель упал на колена и так рьяно отбивал поклоны, что маленькая круглая шапочка слетела.

Цао Мэнцзю приказал:

— Вставай, вставай, вставай! Я тебя не бью, не штрафую, мёд тебе покупаю, а ты ещё пощады просишь?

Вернулся Сяо Янь с мёдом. Цао Мэнцзю показал на У Третьего:

— Намажь ему зад!

Сяо Янь перевернул У Третьего, нашёл какой-то обломок деревянной доски и равномерным слоем намазал мёд на опухшую задницу.

Цао Мэнцзю приказал лжесвидетелю:

— Лижи! Ты же хотел подлизаться! Давай!

Лжесвидетель, с шумом отбивая поклоны, закричал:

— Господин начальник уезда, я больше не буду…

Цао Мэнцзю велел:

— Ну-ка, Сяо Янь приготовь подошву, всыпь-ка ему что есть мочи.

Лжесвидетель запричитал:

— Не бейте, не бейте, я буду лизать!

Он встал на колени рядом с задом У Третьего, высунул язык и начал слизывать клейкий мёд, который тянулся за языком тоненькими прозрачными нитями.

На лицах окружающих проступил горячий пот, а выражения их не поддаются описанию.

Лжесвидетель облизывал зад У Третьего, то быстрее, то медленнее, прерываясь, поскольку его тошнило, и в итоге вылизал начисто. Цао Мэнцзю, увидев это, гаркнул:

— Хватит, скотина!

Лжесвидетель натянул себе куртку на голову, лёг ничком и не поднимался.

Цао Мэнцзю вместе с Сяо Янем собрались было уходить, но дядя Лохань, воспользовавшись случаем, спрыгнул с мула и громок крикнул:

— Господин Неподкупный! Я пришёл с жалобой…

6

Только бабушка собиралась спешиться, как её остановил крик деревенского старосты Шаня Пять Обезьян:

— Молодая госпожа, не слезайте с осла, вас хочет видеть глава уезда!

Два солдата с винтовками — один справа, другой слева — повели бабушку под конвоем до излучины на западном краю деревни. У прадеда от страха свело судорогой икры, он сначала даже идти не мог. Тогда один из солдат ткнул его в спину прикладом винтовки, судорога в икрах прошла, и он потрусил за осликом.

Бабушка увидела, что к деревцу у края воды привязана маленькая вороная лошадка с ярким седлом, а на лоб у неё свешивалась ярко-красная бахрома. В нескольких чжанах от коня поставили квадратный стол, на котором стояли чайник и чайные чашки. За столом сидел какой-то человек, но бабушка и знать не знала, что это знаменитый глава уезда Цао. Рядом стоял ещё какой-то человек, но бабушка не знала, что это помощник Цао Мэнцзю, опытный сыщик по имени Янь Логу. Перед ними собрались все деревенские жители, они жались друг к дружке так, словно боялись холода. Вокруг толпы, словно звёзды, были рассеяны двадцать с лишним солдат.

Дядя Лохань стоял перед квадратным столом весь мокрый от пота.

Трупы отца и сына Шаней лежали на двух дверных створках под ивой неподалёку от той вороной лошадки. Тела уже издавали зловоние, а с краёв створок стекала жёлтая жижа. Стая ворон прыгала по иве туда-сюда, от чего крона дерева напоминала котёл, в котором бурлит суп.

Только теперь дядя Лохань чётко рассмотрел бабушкино круглое полное личико. У неё были миндалевидные глаза, заострённые кончики бровей, шея белая и длинная, густые волосы собраны под сеткой на затылке в тяжёлый узел. Ослик остановился перед столом, бабушка осталась сидеть верхом, горделиво выпрямив спину и выпятив грудь. Дядя Лохань заметил, что взгляд больших чёрных глаз сурового начальника уезда Цао скользит от бабушкиного лица по её груди. Внезапно в мозгу дяди Лоханя, словно молния, сверкнула мысль: «Хозяева сгинули из-за этой женщины! Наверняка любовник, с которым она вступила в сговор, устроил пожар, чтобы “выманить тигра с гор”,[65] убить отца и сына Шаней, чтобы расчистить место, — как говорится, морковка собрана, и поле освободилось, теперь она может творить всё, что угодно…»

Дядя Лохань бросил взгляд на бабушку, сидевшую на ослике, и усомнился в своих догадках. Убийца, как ни пытайся он скрыть своё истинное лицо, всё равно преступное обличив не спрячет, но девушка на ослике… Бабушка сидела верхом, словно красивая восковая кукла, вызывающе свесив свои крошечные ножки, а на лице её застыло торжественно-печальное выражение — как говорится, непохоже на бодхисаттву, но превосходит бодхисаттву. Дедушка, который трясся рядом с осликом, подчёркивал бабушкину красоту: мельтешение на фоне спокойствия, старость рядом с молодостью, темнота против яркости.

Начальник уезда Цао велел:

— Женщина, слезай с осла и отвечай на вопросы.

Бабушка продолжала сидеть, не двигаясь, тогда деревенский староста подскочил к ней и громко заорал:

— Ну-ка слезай! Господин начальник уезда велел тебе слезть!

Цао Мэнцзю махнул рукой, чтобы тот утихомирился, потом встал и ласково произнёс:

— Слезай, слезай, я хочу тебя кое о чём расспросить.

Прадедушка стащил бабушку с ослика.

— Как тебя зовут?

Бабушка стояла как столб, прикрыв глаза, и молчала.

Прадедушка, трясясь всем телом, ответил за неё:

— Господин, фамилия моей дочки Дай, имя Фэнлянь, молочное имя Девяточка, потому что родилась в девятый день шестого лунного месяца.

— Умолкни! — прикрикнул начальник уезда Цао.

— Кто тебя просил рот открывать? — напустился на прадедушку староста.

Цао Мэнцзю чертыхнулся и с силой ударил рукой по столу. Староста и прадедушка перепугались так, что оба, казалось, уменьшились в росте. Лицо начальника уезда приобрело суровое выражение, он ткнул пальцем в трупы отца и сына Шаней, лежавшие под ивой, и спросил:

— Женщина, тебе знакомы эти двое?

Бабушка скосила глаза и с ледяным выражением лица молча покачала головой.

— Это твой муж и свёкор! Их убили! — свирепо крикнул Цао Мэнцзю.

Бабушка несколько раз качнулась и рухнула на землю. Люди кинулись к ней, распихивая друг друга, чтобы помочь подняться, кто-то в спешке задел серебряную шпильку, и чёрные волосы дождём пролились вниз. Бабушкино лицо стало золотисто-жёлтым, она то всхлипывала, то смеялась, а из нижней губы потекла струйка крови.

Начальник уезда Цао хлопнул по столу и сказал:

— Слушайте все, я вынес решение: эта женщина по фамилии Дай слаба, словно ветка ивы на ветру, она сдержанна, держится с достоинством, без высокомерия и заискивания, но, когда услышала, что супруг убит, страшная боль пронзила её сердце, она закусила губу до крови, и её чёрные волосы рассыпались по плечам — тем самым она выражает почтение перед покойным свёкром. Как такая добродетельная женщина могла завести себе любовника и подговорить его убить мужа? Пять Обезьян, судя по твоей бледности, ты заядлый курильщик опиума и увлекаешься азартными играми. Ты деревенский староста, а сам первым нарушаешь закон, за такое нет помилования, говоришь всякие непристойности, клевещешь на невиновных, преступление на преступлении. Я досконально рассмотрел дело и принял решение: никто из злодеев не уйдёт от наказания. Убийство Шань Тинсю и его сына наверняка твоих рук дело. Ты позарился на богатство Шаней и возжелал красавицу Дай, поэтому придумал хитрый план и решил обдурить меня. Всё равно что размахивать топором перед воротами Лу Баня, играть с ножом перед носом Гуань Юя, цитировать перед домом Конфуция «Троесловие» или читать на ухо Ли Шичжэню[66] «Рифмованные строки о действии лекарств»! Взять его под стражу!

Подоспели несколько солдат и связали старосте руки за спиной. Староста неистово кричал:

— Господин Неподкупный! Я невиновен, я невиновен…

— Дайте ему по губам подошвой!

Сяо Янь вытащил из-за пояса изготовленный на заказ большой шлёпанец и трижды ударил старосту по губам.

— Это ты убил их?

— Я не убивал, я не убивал…

— Если не ты, тогда кто?

— Это… ой, я не знаю, не знаю…

— Только что так убедительно говорил, а сейчас уже твердишь, что не знаешь?! Дать ему подошвой по губам!

Сяо Янь дал старосте с десяток раз по губам, от ударов губы у старосты растрескались, пошла кровь, Пять Обезьян, булькая, забормотал:

— Я скажу… скажу…

— Ну и кто же убил?

— Это… это… это… разбойник! Пестрошей?

— А ты приказал?

— Нет же… господин, родненький, не бейте меня!

— Слушайте все! — заявил Цао Мэнцзю. — Заняв свой пост, я отдал все силы трём важным делам: запрету опиума, запрету азартных игр и искоренению разбойников. Борьба с курением опиума и азартными играми уже дала немалые плоды, вот только в борьбе с разбойниками похвастаться особо нечем. Разбойники бесчинствуют в дунбэйском Гаоми. Призываю честных людей объединить усилия с органами власти, доносить, изобличать виновных, чтобы здесь воцарился мир! Женщина по фамилии Дай сочеталась законным браком с Шанем, а потому наследует всё имущество семьи Шаней, а ежели кто будет обижать слабую женщину и замыслит какую-то подлость, то мы будем обращаться с ним, как с разбойником!

Бабушка сделала три шага вперёд, упала на колени перед Цао Мэнцзю, подняла на него напудренное личико и заголосила:

— Отец родной!

— Я тебе не отец, — ответил начальник уезда. — Вон твой отец ослика ведёт.

Бабушка на коленях подползла и обняла начальника за ноги, не переставая твердить:

— Отец, отец родной… Как стал начальником уезда, так и родную дочь не признаёшь? Десять лет назад ты бежал из родных голодающих мест с дочерью, побирался, потом дочку продал и не признал, а я-то тебя признала…

— Эй, ты что такое несёшь? Сплошная выдумка!

— Отец! Как здоровье матушки? Братику моему уже тринадцать? Он уже читать умеет и иероглифы знает? Ты меня продал за два доу[67] красного гаоляна, а я не хотела отпускать твою руку. Ты тогда сказал: «Девяточка, когда у меня всё образуется, я вернусь за тобой». А теперь стал начальником уезда и не признаёшь родную дочь…

— Женщина, ты сума сошла! Обозналась!

— Нет, не обозналась! Не обозналась! Отец, родной отец! — Бабушка раскачивалась из стороны в сторону, обняв Цао Мэнцзю за ноги, лицо её было залито прозрачными слезами, белоснежные зубы ярко блестели.

Начальник уезда Цао поднял бабушку и сказал:

— Я могу стать твоим названым отцом!

— Отец! — Бабушка собиралась было снова упасть на колени, но Цао Мэнцзю удержал её. Она стиснула его руки и лепетала, как дитё малое: — Когда ты отведёшь меня к маме?

— Сейчас прямо и пойдём, прямо сейчас, только руку отпусти…

Бабушка отпустила руку начальника уезда, тот вытащил платок и утёр пот с лица. Толпа ошарашенно наблюдала за происходящим во все глаза.

Цао Мэнцзю снял с себя шляпу, раскрутил на среднем пальце и, запинаясь, проговорил:

— Земляки, как начальник уезда я твёрдо нацелен запретить курение опиума и азартные игры и искоренить разбойников…

Не успел он договорить, как раздались три выстрела — пах-пах-пах! Три пули, вылетевшие из гаоляново го поля позади низины, пробили его шляпу кофейного цвета в трёх местах, из дырок пошёл синий дым. Головной убор взлетел с пальца начальника уезда Цао, будто в него вселился злой дух, и приземлился, не переставая вращаться.

Следом за выстрелами в толпе раздался свист, и кто-то громко крикнул:

— Это Пестрошей! Три поклона Феникса!

Начальник уезда спрятался под стол и оттуда крикнул:

— Спокойствие!

Люди с громкими криками в панике бросились врассыпную, как дикие звери.

Сяо Янь отвязал вороную лошадку от ивы, вытащил из-под стола начальника уезда, усадил в седло и с силой поддал лошади подошвой по заду. Вороная лошадка распушила гриву, оттопырила хвост и умчалась прочь, словно струйка дыма, увозя с собой Цао Мэнцзю. Солдаты беспорядочно палили по гаоляновому полю, а потом словно пчелиный роль бросились вдогонку за своим начальником.

В излучине повисла странная тишина.

Бабушка с серьёзным лицом, опираясь рукой о голову ослика, развернулась в том направлении, откуда прилетели пули. Прадедушка забрался под ослика, закрыл руками уши и сидел, не шелохнувшись, а дядя Лохань замер на месте. От его одежды валил белый пар.

Поверхность воды в излучине была ровной, как точильный камень, белые лотосы раскрыли белые лепестки, словно вырезанные из слоновой кости.

Деревенский староста, у которого лицо после ударов подошвой опухло и превратилось в сплошной синяк, пронзительно заверещал:

— Отпусти меня, Пестрошей! Отпусти! Спаси меня!

Вслед за криком старосты снова раздались друг за другом три выстрела. Прямо у бабушки на глазах пули вонзились в затылок Шаня Пять Обезьян. Три клока волос встали дыбом, и староста повалился лицом вперёд, зачерпнув открытым ртом землю, а из затылка потекла сероватая жидкость.

Бабушка, не изменившись в лице, продолжала всматриваться в гаоляновое поле, откуда стреляли, словно бы чего-то ждала. Налетел порыв вера, лотосы легонько раскачивались, вода в излучине пошла рябью, солнечные лучи преломлялись в ней. Половина ворон, сидевших на иве, слетела вниз на трупы отца и сына Шаней, вторая осталась на дереве, громко каркая. Ветер раздувал птичьи хвосты, мелькала синеватая кожа на гузках.

Из гаолянового поля вышел высокий здоровый парень, он обогнул кромку воду и приблизился. Одет здоровяк был в соломенный плащ до колена, на голове красовалась широкая коническая шляпа, сплетённая из стеблей гаоляна, покрытых слоем оранжевого тунгового масла. Завязки шляпы были изготовлены из зелёных стеклянных бусин. На шее был повязан чёрный шёлковый шарф. Он приблизился к трупу старосты, посмотрел на него, а потом подошёл к шляпе начальника уезда Цао, подобрал её, повертел пару раз на стволе пистолета, а потом что есть сил подбросил, и шляпа, описав дугу, улетела в излучину.

Потом здоровяк уставился на мою бабушку, и та не отвела глаз.

— Шань Бяньлан спал с тобой? — спросил он.

— Спал, — ответила она.

— Чёрт побери… — выругался здоровяк, отвернулся и зашагал в гаолян.

У дяди Лоханя перед глазами всё поплыло, на минуту он вообще перестал понимать, где находится.

На трупах хозяев сидели вороны, выклёвывая глаза твёрдыми клювами стального цвета.

Дядя Лохань вспомнил, как вчера на ярмарке в Гаоми обратился с жалобой. Начальник уезда Цао проводил его в управу, там в зале горели свечи, царила сутолока и гомон. Присутствующие с хрустом грызли зелёную редьку. А с утра пораньше дядя Лохань на чёрном муле поехал обратно. Начальник уезда Цао оседлал вороную лошадку. За ним следовал Янь с двадцатью солдатами. До деревни они добрались уже после девяти часов. Начальник уезда осмотрел место происшествия, а потом велел деревенскому старосте собрать местных жителей и организовал людей, чтобы выловили тела.

Вода в излучине блестела, словно отполированная, и казалась такой глубокой, что дна не видать. Начальник уезда приказал Шаню Пять Обезьян лезть в воду за трупами, но тот отбрехался, сказал, мол, плавать не умеет, а сам назад попятился. Дядя Лохань набрался смелости и вызвался:

— Господин начальник, это мои хозяева, давайте я их вытащу!

Дядя Лохань велел одному из работников винокурни сбегать и принести полбутылки гаолянового вина, чтобы натереться им перед тем, как сигануть в излучину. Вода была такой глубокой, что шест уходил целиком. Дядя Лохань задержал дыхание и прыгнул. Ноги погрузились в рыхлую тёплую тину на дне. Он вслепую пошарил вокруг, но ничего не нашёл, а потому всплыл, набрал полные лёгкие воздуха и нырнул поглубже, туда, где вода была прохладнее. Дядя Лохань открыл глаза, но перед ним была лишь жёлтая муть, а в ушах гудело. К нему в мутной воде подплыл какой-то большой предмет, дядя Лохань протянул руки и почувствовал боль, словно в пальцы ужалила пчела. Он вскрикнул и наглотался воды, пропахшей кровью. Дядя Лохань наплевал на всё на свете, начал что есть силы бить руками и ногами, всплыл на поверхность, добрался до берега и уселся на землю, пытаясь отдышаться.

— Нашёл? — спросил начальник уезда.

— Н-н-нет… — Лицо Лю Лоханя потемнело. — В излучине… что-то странное…

Цао посмотрел на воду, снял с себя шляпу дважды крутанул на среднем пальце, снова надел, повернулся, подозвал двух солдат и велел:

— Киньте в воду гранату!

Сяо Янь велел деревенским отойти от кромки воды на двадцать шагов.

Начальник уезда отошёл к столу и уселся.

Два солдата легли на живот на берегу, положили винтовки позади себя, потом каждый вытащил из-за пояса маленькую чёрную гранату, похожую на дыню, выдернул чеку, ударил гранату о корпус винтовки и бросил в излучину. Чёрные гранаты, перевернувшись, упали в воду, и по ней разошлись круги. Солдаты тут же пригнули головы. Повисло гробовое молчание — как говорится, не слышно ни вороны, ни воробья. Какое-то время ничего не происходило. Концентрические круги, которые пошли по воде от гранат, достигли берега, поверхность воды была мутной, как у медного зеркала.

Начальник уезда Цао, стиснув зубы, приказал:

— Бросайте ещё!

Солдаты снова ощупью нашли гранаты, повторили всё то же, что и в прошлый раз, и бросили их в воду. Гранаты пролетели по воздуху, за ними тянулся хвост белоснежного

порохового дыма. Когда они упали в воду, со дна донеслись два приглушённых взрыва, вверх взметнулись два столпа воды метра три высотой с пышными макушками, напоминавшие заснеженные деревья. Столпы на миг замерли, а потом с шумом обрушились.

Начальник уезда подбежал к кромке воды, а за ним и все деревенские. Вода в низине ещё долго бурлила. Пузыри с треском лопались, десяток толстолобиков с тёмно-синими спинами длиной с пядь всплыли кверху брюшками. Постепенно волны утихли, над излучиной поднялся трупный запах. Солнечный свет снова выплеснулся на поверхность воды, стебли и листья белых лотосов слегка подрагивали, но цветы стояли всё так же ровно. Солнце осветило толпу собравшихся, лицо начальника уезда Цао тоже заблестело. Все с каменным выражением лица ждали, вытянув шеи и глядя на воду, которая всё больше успокаивалась.

Внезапно в центре излучины что-то забулькало, и на поверхность поднялись две цепочки розовых пузырей. Все задержали дыхание, слушая, как пузыри лопаются один за другим. В ярком солнечном свете поверхность воды казалась твёрдой золотистой оболочкой, при взгляде на которую рябило в глазах. К счастью, в этот момент набежала тёмная туча, закрыла собой солнце, золотистый цвет померк, и вода в излучине стала изумрудно зелёной. На том месте, где только что лопались пузыри, потихоньку всплыли два больших чёрных предмета. Ближе к поверхности подъём внезапно ускорился, из воды вынырнули две задницы, потом тела перевернулись, и вот уже над водой появились раздутые животы отца и сына Шаней — но их лица так и не показывались, словно бы от стыда.

Начальник уезда Цао приказал выловить трупы. Работники винокурни сбегали за длинным шестом, на который прикрепили железный крюк. Дядя Лохань крюком цеплял трупы за ляжки — когда крюк вошёл в тело, раздался такой неприятный звук, что присутствующие аж скривились, словно съели кислый абрикос, — и аккуратно подтаскивал к берегу.

Ослик поднял голову и заревел.

Дядя Лохань спросил:

— Госпожа, что теперь делать?

Бабушка немного подумала и сказала:

— Отправь работников винокурни в лавку купить два дешёвых деревянных гроба, чтоб побыстрее их похоронить. Выберите место для могилы, чем быстрее, тем лучше. Когда закончишь, приходи на западный двор, мне нужно с тобой кое о чём поговорить.

— Слушаюсь, госпожа, — почтительно ответил дядя Лохань.

Он же уложил хозяев в гробы и с десятком работников похоронил их в гаоляновом поле. Все трудились споро, но молча. Когда они закончили, солнце уже было на западе. Вороны кружили в небе над могилой, их крылья отливали фиолетовым. Дядя Лохань сказал:

— Братья, вернёмся — ждите от меня сигнала и поменьше болтайте.

Дядя Лохань прошёл через двор, чтобы выслушать указания моей бабушки. Она сидела, скрестив ноги, на одеяле, которое сняла со спины ослика. Прадедушка принёс охапку соломы и кормил его.

Дядя Лохань сообщил:

— Госпожа, мы закончили. Это ключи, которые носил при себе старый хозяин.

Бабушка сказала:

— Оставь их пока у себя. Скажи мне, а в этой деревне продают баоцзы?[68]

— Продают.

— Тогда сходи и купи две решётки баоцзы, раздай работникам, а когда поедят, то приведи их сюда. И принеси ещё двадцать баоцзы.

Дядя Лохань принёс двадцать баоцзы, завёрнутых в лотосовые листья. Бабушка забрала их у него и сказала:

— Иди в восточный двор и вели побыстрее покончить с едой.

Дядя Лохань, поддакивая, попятился задом.

Бабушка положила баоцзы перед прадедушкой и велела:

— Съешь в дороге!

— Девяточка, ты ж моя родная доченька!

— Убирайся и хватит болтать!

Прадед разозлился:

— Я твой родной отец!

— Не отец ты мне, с сегодняшнего дня чтоб ноги твоей здесь не было!

— Я твой отец!

— Мой отец — начальник уезда Цао, ты не слышал?

— Так не бывает, чтоб ради нового отца забыть старого! Нам с твоей матерью нелегко было тебя растить!

Бабушка швырнула завёрнутые в лотосовые листья баоцзы ему в лицо. Горячие пирожки ударили по лбу и щекам словно осколки разорвавшейся гранаты.

Прадед вышел за ворота, таща за собой ослика и ругаясь на чём свет стоит:

— Ах ты, девка ублюдочная! Родства не признающая! Я пойду в управу на тебя жаловаться, скажу, что ты забыла о верности и дочерней почтительности! Сообщу, что ты спуталась с разбойником и убила собственного мужа…

Под звуки его ругани, которые постепенно затихали вдали, дядя Лохань привёл во двор тринадцать работников.

Бабушка подняла руку, поправила чёлку, потом одёрнула подол и без увёрток сказала:

— Вам пришлось потрудиться! Я молода, только-только начинаю сама вести хозяйство, ещё пока плохо во всём разбираюсь, мне потребуется ваша помощь. Дядя Лохань, ты служил нашей семье верой и правдой больше десяти лет, с сегодняшнего дня ты будешь заведовать винокурней. Теперь, когда старый и молодой хозяева покинули нас, надо очистить стол и накрыть по-новому. В управе мой названый отец, мы не станем обижать наших братьев из зелёного леса, с односельчанами и заезжими торговцами тоже будем обращаться справедливо, так что с уверенностью заявляю, что торговля будет продолжаться. Завтра, послезавтра и послепослезавтра гасим огонь под котлами, помогите мне прибраться в доме, все вещи, которыми пользовались старый и молодой хозяева, сжечь, а что нельзя сжечь — закопать. Сегодня вечером пораньше ложитесь спать. Дядя Лохань, как ты считаешь, можно так сделать?

Дядя Лохань ответил:

— Сделаем всё, как ты скажешь, госпожа.

— Может, кто не хочет тут работать? Держать не буду. Ежели кто считает, что я, женщина, ни на что не гожусь, то пусть ищет себе другого хозяина.

Работники переглянулись и ответили:

— Готовы трудиться на госпожу.

— Тогда расходимся.

Работники собрались во флигеле в восточном дворе и шушукались, обсуждая произошедшее, а дядя Лохань утихомирил их:

— Спать ложитесь! Завтра рано вставать!

Посреди ночи дядя Лохань встал, чтобы добавить мулам травы, и услышал, как бабушка плачет на западном дворе.

На утро дядя Лохань встал пораньше и вышел за ворота, чтобы обойти усадьбу по кругу. Ворота западного двора были плотно закрыты, а во дворе тихо. Он вернулся в восточный двор, встал на высокую лавку и заглянул в западный двор: бабушка спала, сидя на ковре, прислонившись спиной к стене.

В следующие три дня всё в доме Шаней перевернули вверх дном. Дядя Лохань и работники винокурни натёрлись вином, вытащили во двор одеяла, постельные принадлежности, циновки с канов, кухонную утварь и всякую мелочёвку, облили гаоляновым вином и подожгли, а золу закопали поглубже.

Когда освободили помещения, дядя Лохань поднёс бабушке пиалу с гаоляновым вином, на дне которой лежали те самые медные ключи. Он сказал:

— Госпожа, ключи уже трижды прокипятили в вине.

Бабушка ответила:

— Дядюшка, пусть ключи останутся у тебя. Моё имущество — твоё имущество.

Дядя Лохань так перепугался, что дар речи потерял, а бабушка продолжила:

— Дядюшка, сейчас не время отказываться. Сходи, купи материи, надо всё тут обустроить, найми людей, чтоб пошили постельное бельё и сетки против насекомых. Не бойся тратить деньги. А ещё вели работникам принести вина и облить всё внутри и снаружи, каждый угол.

— Это сколько же вина нужно? — спросил дядя Лохань.

— Сколько нужно, столько и используйте.

Работники принесли на коромыслах несколько вёдер вина и облили всё вокруг. Бабушка стояла в винных парах, растянув губы в улыбке.

На эту масштабную дезинфекцию ушло девять чанов вина. Когда всё облили, бабушка велела работникам взять новые тряпки, вымочить в вине и протереть всё, что можно протереть, по нескольку раз. После этого стены побелили известью, окна и двери покрасили, на кан постелили свежую солому, поверх новую циновку, обустроив новый мир.

По окончании работ бабушка выдала каждому из работников по три серебряных юаня.

Торговля вином под руководством бабушки и дяди Лоханя набирала обороты.

На десятый день после «большой дезинфекции» пары вина рассеялись, и приятно пахло свежей побелкой. Бабушка с лёгким сердцем отправилась в деревню и купила ножницы, красную бумагу, серебряные иголки, золотые нити и ещё кучу женских штучек. Вернувшись домой, она забралась на кан и, повернувшись лицом к окнам, оклеенным новой белой бумагой, взяла ножницы и принялась вырезать бумажные узоры, чтобы наклеить на окна. У бабушки были золотые руки, в девичестве в родительском доме она очень часто занималась вырезанием из бумаги и вышиванием в компании девочек-соседок и зачастую превосходила их в мастерстве. Бабушка была видной мастерицей и внесла значительный вклад в развитие искусства вырезания из бумаги в нашем дунбэйском Гаоми.

В Гаоми рисунки из бумаги получаются ажурными, но без излишеств, в них воплощается полёт фантазии и самобытный стиль.

Бабушка взяла ножницы и для начала вырезала из красной бумаги квадрат, а затем её

душу внезапно словно молния поразила тревога, и, хотя она продолжала сидеть на кане, душа её давно уже вылетела за окно и кружила над морем гаоляна, словно голубь… Бабушка с детства редко выходила за ворота и почти ни с кем не общалась, сидела взаперти, практически в изоляции. Когда она более или менее подросла, то по воле родителей второпях вышла замуж — как говорится, «родители решили, сваха познакомила». Но за последние десять с лишним дней всё перевернулось с ног на голову, словно ветер поменял направление, дождь переворошил ряску, и на озере сплошь плавали поломанные листья лотоса да пара уточек-мандаринок. За эти десять с небольшим дней бабушкино сердце то купалось в меду, то погружалось в ледяную воду, то варилось в крутом кипятке, то вымачивалось в гаоляновом вине — оно обрело тысячу разных вкусов и покрылось десятью тысячами шрамов. Бабушка ждала чего-то, но сама не понимала чего. Она взяла ножницы, не зная, что бы вырезать, все её оригинальные задумки рассыпались из-за хаоса произошедших событий. Мысли прыгали с одного на другое, бабушка услышала, как с осенних равнин и гаоляновых полей, источавших запах вина, донёсся жалобный стрёкот кузнечика. Бабушка словно бы увидела перед собой это маленькое ярко-зелёное насекомое, сидевшее на светло-красном гаоляне и крошечными тонкими усиками задевавшее крылья. Бабушке на ум внезапно пришла смелая и оригинальная идея: вырезать кузнечика, который выпрыгнул из прекрасной клетки, сидит теперь на покрывале и стрекочет.

Бабушка вырезала кузнечика, сбежавшего из клетки, а потом ещё оленёнка, у которого из спины росла дикая слива, — оленёнок, гордо вскинув голову и выпятив грудь, гулял на воле в поисках прекрасной новой жизни, беззаботной, ничем не стеснённой.

Моя бабушка всю жизнь прожила под девизом «великие деяния не требуют точного соблюдения этикета, а важным обрядам не чужды маленькие уступки». В своих устремлениях она поднималась выше неба, а судьба оказалась тонкой, как бумага; она осмелилась сопротивляться, осмелилась бороться, и привыкла к такой жизни. Так называемое становление человеческого характера для своего завершения, несомненно, требует объективных условий, но если нет внутренних условий, то все объективные насмарку. Правильно сказал председатель Мао Цзэдун, что под воздействием тепла из яйца может вылупиться цыплёнок, но из камня цыплёнок не вылупится. А Конфуций говорил: «Из гнилого дерева хорошей вещи не вырежешь, а к стене из сухого навоза штукатурка не пристанет».[69] Я думаю, так и есть.

Оригинальные идеи узоров на бумаге в полной мере отражают то обстоятельство, что она была выдающейся женщиной. Только она осмелилась бы поместить ветку сливы на спине оленя. Всякий раз, когда вижу рисунки, вырезанные бабушкой из бумаги, я испытываю благоговение. Если бы бабушка выбрала литературную стезю, то посрамила бы целую толпу писателей. Она была творцом, знающим цену своим словам, и раз она решила, что кузнечик вырвался из клетки, значит, он вырвался, раз сказала, что у оленя на спине растёт дерево, значит, так и будет.

Бабушка, твой внук по сравнению с тобой так же хил и слаб, как вошь, голодавшая три года.

Она вырезала рисунок из бумаги и тут внезапно услыхала, как ворота со скрипом открылись, и знакомый и в то же время незнакомый голос громко крикнул со двора:

— Хозяева, нанимаете работников?

Ножницы выпали из её рук на кан.

7

Дедушка разбудил отца, и тот увидел длинного извилистого дракона, который стремительно приближался к ним. Из-под горящих факелов раздавался воодушевляющий рёв. Отец не понимал, почему дедушка, который убивал, не моргнув глазом, так сильно растрогался при виде этой петляющей огненной дорожки из факелов. Дедушка тихонько плакал и, всхлипывая, бормотал:

— Доугуань… сынок… односельчане пришли… Односельчане окружили их плотным кольцом: молодые и старые, мужчины и женщины, несколько сот человек. Те, у кого не было факела, держали в руках тесаки, лопаты и дубинки. Вперёд протиснулись хорошие друзья отца с факелами из гаоляновых стеблей, на концах которых была привязана вата, вымоченная в соевом масле.

— Командир Юй, с победой!

— Командир Юй, односельчане забили корову, свинью и барана, чтобы устроить пир, все ждут, когда вы с братьями вернётесь.

Дедушка повернулся лицом к факелам, которые торжественно освещали извилистую речку и огромное гаоляновое поле, упал на колени и сквозь слёзы сказал:

— Односельчане, я, Юй Чжаньао, совершил злодеяние, которое вовек не забудут… попался на уловку Рябого Лэна… братья все… пали в бою!

Факелы собрались ещё кучнее, чёрный дым поднимался в небо, языки пламени тревожно подрагивали, капли масла, сгорая, с шипением падали вниз, прочерчивая в воздухе красные вертикальные линии, и продолжали догорать на земле. На насыпи, под ногами толпившихся вокруг людей, повсюду распустились маленькие огненные цветы. Из гаолянового поля доносилось тявканье лисиц. Рыба в реке косяками плыла на свет и резвилась в воде. Все потеряли дар речи. Сквозь треск пламени откуда-то издалека, с гаолянового поля, докатился мощный глухой звук.

В толпе был старик с лицом чёрным, как лак, и белоснежной бородой, один глаз у него был большой, а второй маленький. Он передал свой факел стоявшему рядом человеку, а сам наклонился, обеими руками подхватил командира Юя под мышками и сказал:

— Командир Юй, поднимайся, поднимайся, поднимайся!

Все хором закричали:

— Командир Юй, поднимайся, поднимайся, поднимайся!

Дедушка медленно встал. От рук старца по его плечам разливалось тепло. Дедушка сказал:

— Односельчане, давайте сходим на мост, посмотрим!

Дедушка и отец показывали дорогу, сзади напирали факелы. Горячее пламя освещало мутную речку и гаоляновое поле, пока они не достигли места сражения перед большим мостом. Торжественно-печальный багряный месяц в девятый день восьмого лунного месяца охраняли по краям несколько зелёных туч. Факелы осветили мост, зловещие тени останков сгоревших грузовиков подрагивали. На поле боя, усеянном трупами, в нос бил запах крови, он смешивался с запахами гари, плотной стены гаоляна, на фоне которого всё происходило, и речки, исток которой находился очень далеко от этих мест.

Несколько десятков женщин хором взвыли, капли горящего масла падали с гаоляновых факелов прямо на руки и ноги. Лица мужчин в свете факелов напоминали раскалённое

железа. Белый каменный мост окрасился в багряный, словно выпрямленная радуга.

Тот же смуглолицый белобородый старик громко воскликнул:

— Что вы плачете?! Это же великая победа! В Китае четыреста миллионов человек, если каждый китаец встанет против японцев один на один, сколько эта мелкая Япония с её клочком земли продержится против нас? Даже если вы выставим сто миллионов, чтобы стереть японцев с лица земли, нас ещё останется триста миллионов, разве же это не победа? Командир Юй, это великая победа!

Дедушка возразил:

— Отец, ты специально льёшь мёд, чтобы меня успокоить.

Старик ответил:

— Вовсе нет, командир Юй, это железная победа! Скорее отдай нам приказ, как скажешь, так мы и сделаем! В Китае нет ничего, зато людей много.

Дедушка выпрямился и велел:

— Заберите тела наших братьев!

Толпа рассредоточилась. Люди начали переносить тела павших бойцов с гаоляновых полей по обе стороны от шоссе и складывать на насыпи к западу от моста в ряд, головой на юг, ногами на север. Отец вёл дедушку, пересчитывая погибших. Он увидел Ван Вэньи, его жену, Фана Шестого и Фана Седьмого, Горниста Лю, Четвёртого Чахоточного… множество знакомых и незнакомых. Лицо дедушки без конца сводило судорогой от боли, его вдоль и поперёк изрезали морщины, а из глаз текли слёзы, которые при свете факелов напоминали струи раскалённого чугуна.

Дедушка спросил:

— А где Немой? Доугуань, ты видел дядю Немого?

Отец тут же вспомнил, как Немой острым кинжалом отрубил япошке голову, и голова с криком полетела по воздуху. Он сказал:

— На грузовике.

Несколько факелов приблизились к автомобилю, трое мужчин запрыгнули в кузов и спустили Немого. Дедушка подбежал и подставил плечо под спину Немого, тут же подоспели ещё двое, один поддерживал Немого за голову, а второй — за ноги, так они втроём, спотыкаясь, выбрались на насыпь. Тело Немого уложили на западном краю насыпи рядом с другими. Немой согнулся в поясе, а в руке всё ещё сжимал окровавленный длинный кинжал. Глаза были широко распахнуты, а рот зиял, словно дыра, как будто Немой собирался закричать.

Дедушка опустился рядом с Немым, с силой надавил на колени и грудную клетку. Отец услышал, как хрустнули позвонки, и тело Немого распрямились. Дедушка потянул кинжал, но никак не мог вытащить, пришлось согнуть руку в локте, чтобы кинжал лежал на бедре. Какая-то женщина встала на колени и начала тереть открытые глаза Немого, приговаривая:

— Братец, закрой глаза, закрой. Командир Юй за тебя отомстит…

— Пап, мама всё ещё в гаоляновом поле… — с плачем сказал отец.

Дедушка махнул рукой:

— Ты иди… отведи односельчан, чтобы они принесли…

Отец вошёл в гаоляновое поле, за ним следовало несколько человек с факелами. Когда стоявшие вплотную стебли гаоляна соприкасались с факелами, во все стороны летели брызги масла, влажные листья загорались и обиженно сворачивались в трубочку. Стебли гаоляна в огне опускали тяжёлые головы и издавали хриплый стон.

Отец раздвинул гаолян и показал на бабушку, которая лежала ровно, лицом в сторону далёкого, усыпанного звёздами, такого особенного неба над дунбэйским Гаоми. Перед кончиной она из глубин души призывала Небо, и Небо ответило тяжёлыми вздохами. Бабушкино лицо и после смерти осталось прекрасным, как яшма, в щели между слегка приоткрытыми губами на белоснежных зубах лежали зёрнышки гаоляна, похожие на жемчужины, которые поднесли в своих зелёных клювах белые голуби. Её грудь, пробитая насквозь пулями, стояла торчком, презрев моральные устои и нравоучения, выражая своим видом силу и свободу, величие жизни и славу любви. Вечная память моей бабушке!

Дедушка тоже подошёл. Бабушкино тело окружили несколько десятков факелов, подпалённые гаоляновые листья со свистом подрагивали. А по полю метались огненные змеи, страдающие гаоляновые колосья не в силах были смотреть на мёртвых.

— Унесите её, — сказал дедушка.

Несколько молодых женщин сгрудились вокруг тела бабушки, впереди несли факел, слева и справа факелы освещали всё вокруг, гаоляновое поле напоминало царство небожителей, а фигуры людей окружало изумительное сияние.

Бабушку перенесли на насыпь и положили с западного края.

Смуглолицый белобородый старец спросил дедушку:

— Командир Юй, а где мы возьмём столько гробов?

Дедушка подумал немного и ответил:

— Мы не понесём их обратно, гробы не потребуются. Сначала похороним их прямо в гаоляновом поле, а когда я снова соберу силы, мы устроим братьям пышные проводы.

Старик кивнул в знак согласия, потом наказал вернуться в деревню и принести ещё факелов, чтобы всю ночь копать могилы. Дедушка велел:

— Заодно приведите тягловый скот, чтобы оттащить этот грузовик.

Люди при свете факелов рыли могилы, закончили только за полночь. Ещё дедушка распорядился срубить гаоляновых стеблей, выстелить ими могилы, уложить тела, снова закрыть гаоляном и потом уже засыпать землёй и сделать могильные холмы.

Бабушку предали земле самой последней. Гаолян ещё раз плотно окутал её тело. Отец видел, как последний стебель закрыл бабушкино лицо. Душа его всхлипнула, а на израненном сердце словно образовалась глубокая трещина, и эта трещина до конца его долгой жизни так и не зарубцевалась. Первую лопату земли кинул дедушка. Крупные частицы чернозёма ударились о стебли гаоляна и с грохотом отскочили, но тут же начали одна за другой с шорохом просачиваться меж стеблей. Словно тишину нарушили осколки снаряда, разлетевшиеся во все стороны. Сердце отца на миг сжалось, из той, словно и впрямь существовавшей трещины, брызнула кровь. Его острые резцы вонзились в худенькую нижнюю губу.

Выросла бабушкина могила. В гаоляновом поле появилось больше пятидесяти островерхих могильных холмов. Белобородый старик крикнул:

— Односельчане, встанем на колени!

Вся деревня разом упала на колени перед свежими могилами, и необъятное поле содрогнулось от плача. Факелы едва горели, вот-вот погаснут. С южного края неба упал гигантский метеорит и исчез, лишь коснувшись верхушек гаоляна.

Потом ещё раз заменили факелы. Это случилось уже на рассвете, и сквозь туман над рекой можно было видеть проблески воды молочного цвета. Среди ночи пригнали больше десятка лошадей, мулов, ослов и быков, они топтались все вместе в поле, с хрустом

пережёвывали стебли гаоляна и хрумкали гаоляновыми колосьями.

Дедушка велел забрать железные грабли, вытолкать первый грузовик с пробитыми колёсами на дорогу и скинуть в канаву к востоку от дороги. Он нашёл пищаль, прицелился в топливный бак и выстрелил, несколько сот дробинок размером с гаоляновое зёрнышко воздушной волной отнесло к грузовику, и они вонзились в топливный бак, пробив множество отверстий, из которых с журчанием забил бензин. Дедушка взял у одного из деревенских факел, отошёл на несколько шагов, размахнулся и бросил. Взметнулось белое пламя, похожее на огромное дерево, огонь охватил остов машины, металлические детали скрючивались, меняли форму.

Дедушка подозвал людей, чтобы второй, не пострадавший, грузовик, гружённый рисом, вытолкать на мост, а оттуда на шоссе. Обгорелый остов ещё одной машины скинули в реку. Что до четвёртого грузовика, который съехал задом на шоссе к югу от моста, то ему тоже пробили из пищали топливный бак. Машина превратилась в огромный костёр, языки пламени рвались к небу. На мосту остались лишь кучки золы. К югу и к северу от реки полыхали два больших костра, время от времени раздавались взрывы снарядов. Из трупов япошек с шипением вытапливался жир, и сквозь запах гари пробивался аромат жареного мяса, от которого у присутствующих разыгрался аппетит.

Старик спросил дедушку:

— Командир Юй, а что делать с трупами япошек?

Дедушка ответил:

— Закопать? Так они провоняют нашу землю! Кинуть в огонь? Они замарают наше небо! Давайте скинем их в реку, пусть плывут в свою Японию!

Жители деревни железными крюками вытащили на мост больше тридцати трупов япошек, даже того старикана, с которого солдаты Лэна сняли генеральскую форму.

Дедушка велел:

— Женщины, отвернитесь!

Дедушка вытащил свой меч и через ширинки на штанах японцев отрезал им всем детородные органы. Потом подозвал двух здоровяков и велел засунуть каждому японцу отрезанные органы в рот. После чего больше десятка парней разбились на пары, стали поднимать японских солдат, возможно, даже добрых, красивых, молодых и сильных, раскачивать их и на счёт «три!» кидать в реку с криком: «Японские псы, валите домой!» Со своими «фамильными ценностями» во рту, раскинув руки, японцы летели в воду и уплывали на восток, как стая рыб.

Когда стали пробиваться первый лучи солнца, все уже обессилели. Костры на обоих берегах догорали, на высоком чёрном небе в тех местах, которые не освещало пламя, проступал густой ярко-синий цвет. Дедушка распорядился впрячь животных, привязав длинные верёвки к бамперу машины с рисом, и велел мужикам подгонять их. Верёвки натянулись, ось под днищем грузовика взвизгнула, и он медленно пополз вперёд, как неуклюжий огромный жук. Колёса вихляли и отказывались ехать прямо. Дедушка велел остановить скотину, а сам открыл дверцу, залез в кабину и прямо как настоящий водитель принялся крутить рулевое колесо. Животные снова напряглись, верёвки натянулись, дедушка выровнял руль и понял, что в управлении грузовиком нет ничего сложного. Грузовик поехал прямо, односельчане осторожно двинулись следом. Дедушка одной рукой придерживал руль, а второй нащупал рычажок на приборной панели, и перед машиной протянулись две белые дорожки света.

— Глаза открылись! Глаза открылись! — закричали люди позади грузовика.

Свет фар осветил участок дороги впереди, можно было разглядеть каждую волосинку на спинах животных. Дедушка обрадовался и начал давить на все кнопки и дёргать за все рычажки в кабине. Внезапно машина пронзительно просигналила, мулы и лошади перепугались так, что уши встали торчком, и рванули вперёд. Дедушка подумал: «Ах, ты ещё не разучился кричать!» Он в шутку начал крутить всё, что попало, и тут у грузовика в чреве громко заурчало, и он помчался вперёд, как обезумевший, сбивая ослов и быков, расшвыривая мулов и лошадей. От ужаса дедушка взмок, но, как говорится, если скачешь верхом на тигре — слезть трудно.

Народ остолбенел, видя, как грузовик сбивал животных. Машина промчалась несколько десятков метров, потом с разгона съехала в кювет с западной стороны, тяжело дыша, замычала, колёса с одной стороны повисли в воздухе и прокручивались, словно крылья ветряной мельницы. Дедушка разбил стекло и выбрался наружу, руки и лицо его были в крови.

Он растерянно уставился на это чудовище, а потом вдруг горько усмехнулся.

Односельчане забрали из кузова рис, а дедушка снова выстрелил из пищали по топливному баку, кинул туда факел, и вот уже новый костёр взвился до небес.

8

Четырнадцать лет назад Юй Чжаньао со скрученным в рулон матрасом за спиной, одетый в накрахмаленные до жёсткости брюки и рубаху, стоял во дворе и кричал:

— Хозяева, нанимаете работников?

На бабушку нахлынули разные чувства, она на миг утратила природную собранность, выронила ножницы на циновку, лежащую на кане, тело её обмякло, и бабушка рухнула навзничь на новое мягкое нанковое одеяло.

Юй Чжаньао учуял свежий запах извёстки и нежный аромат женщины и смело отворил дверь в комнату.

— Хозяева, нанимаете работников?

Бабушка лежала на одеяле с затуманенным взором.

Юй Чжаньао бросил на пол матрас, медленно подошёл к кану и наклонился к бабушке. В этот момент его сердце превратилось в тёплый пруд с резвящимися лягушками, над которым летали, чиркая по воде крылышками, стрижи. Когда его смуглый подбородок приблизился к бабушкиному лицу так, что между ними можно было просунуть лишь лист бумаги, бабушка подняла руку и влепила ему звонкую затрещину — удар пришёлся по белой бритой голове. Она резко села, схватила ножницы и напустилась на Юя:

— Ты кто такой? Что ты себе позволяешь? Врываешься в дом к незнакомой женщине и так дерзко себя ведёшь!

Юй Чжаньао очень удивился, отошёл на несколько шагов и спросил:

— Ты… правда меня не узнаёшь?

Бабушка отвечала:

— Ты что такое болтаешь? Я с детства сидела взаперти, почти никуда не выходила и ни с кем не общалась, замуж вышла всего десять дней назад, откуда мне тебя знать?

Юй Чжаньао усмехнулся:

— Ну, не знаешь и ладно, говорят, что на вашей винокурне не хватает рук, хотел устроиться на работу, чтобы прокормиться!

Бабушка кивнула:

— Хорошо, если тяжёлого труда не боишься. Как твоя фамилия? Как звать? Сколько тебе лет?

— Фамилия моя Юй, звать Чжаньао. Мне двадцать четыре года.

— Забирай свои манатки и выйди!

Юй Чжаньао послушно вышел за ворота и стал ждать. Ослепительное солнце заливало бескрайние просторы, дорогу, ведущую на запад в уездный город, с обеих сторон заключил в тиски гаолян, и она казалась очень узкой. Остатки сгоревшей кучи листьев так и не убрали, и недавние события возникли перед его глазами. Юй Чжаньао прождал за воротами целых полчаса, сердце сдавливала безотчётная тревога, хотелось ворваться внутрь и поговорить с этой бабой серьёзно, но он продолжал топтаться в нерешительности. После убийства отца и сына Шаней Юй Чжаньао не стал убегать, а спрятался в гаоляне и оттуда наблюдал за интересным представлением в излучине. Бабушкин выдающийся актёрский талант потряс его. Он понял, что хоть бабушка и юна, палец ей в рот не клади, и она очень расчётливая, а вовсе не безропотная. Возможно, она сегодня оказала ему такой приём, потому что вокруг глаза и уши. Юй Чжаньао ждал уже довольно долго, но бабушка так и не вышла, на дворе

было тихо, лишь сорока кричала на коньке крыши. Юй Чжаньао рассвирепел. О в сердцах ворвался во двор и хотел было закатить сцену, но тут услышал бабушкин голос из-за оконной бумаги:

— Сходи-ка в лавку на восточном дворе!

Юй Чжаньао резко очнулся, понял, что не следует нарушать иерархию, а потому унял свой гнев и, взвалив на спину матрас, направился на восточный двор и увидел там множество чанов для вина и целую кучу гаоляна. Из винокурни валил горячий пар, все работники были заняты делом. Он вошёл в сарай и спросил работника, который стоял на высоком табурете и насыпал гаолян в большой ковш над жёрновом:

— Эй, а где главный?

Работник покосился на него, закончил сыпать гаолян, спрыгнул с табурета, потом, держа в одной руке черпак, другой оттащил табурет в сторону, крикнул, и мул с чёрной повязкой на глазах, услышав крик, зарысил по кругу. Дорожка, по которой он тягал жёрнов, была вытоптана копытами так, что образовалась колея. Жернова загрохотали, и гаоляновые отруби, словно внезапно разразившийся ливень, с шумом хлынул из щели между ними прямо в деревянный поддон.

— Главный в лавке! — сказал работник и, надув губы, мотнул головой в сторону трёх каморок с западной стороны от ворот.

Юй Чжаньао взял свой матрас и вошёл в лавку с чёрного входа. Знакомый старик сидел за прилавком и щёлкал счётами. Рядом со счётами стоял маленький светло-синий чайник с вином, и старик время от времени подносил чайник ко рту и делал глоток.

Юй Чжаньао сказал:

— Господин, работники нужны?

Лю Лохань кинул на него взгляд и задумчиво поинтересовался:

— На постоянную работу или на короткий срок?

— Как господину будет угодно, я хочу поработать подольше.

Дядя Лохань:

— Если хочешь получить временную работу, то я принимаю решения, а если хочешь устроиться на долгий срок, то нужно получить одобрение хозяйки.

— Так сходите спросите у неё.

Юй Чжаньао подошёл к прилавку и плюхнулся на лавку. Дядя Лохань опустил доску прилавка, вышел, но снова вернулся, достал большую фаянсовую пиалу, наполнил гаоляновым вином и поставил на прилавок:

— Выпей вина, утоли жажду.

Юй Чжаньао пил вино и думал о хитром плане той женщины, восхищался ей. Тут вошёл дядя Лохань и сообщил:

— Хозяйка хочет тебя увидеть.

В западном дворе дядя Лохань остановился:

— Подожди немного.

Бабушка вышла на улицу, держась с достоинством. Она расспросила Юй Чжаньао обо всём на свете, затем махнула рукой:

— Уведи его, пока возьмём на месяц, попробуем. Жалованье будет начисляться с завтрашнего дня.

Так Юй Чжаньао нанялся на нашу винокурню. Он был крепким, с ловкими руками, с работой справлялся отлично, и дядя Лохань много раз хвалил его в присутствии бабушки.

Через месяц дядя Лохань вызвал его в лавку и сказал:

— Хозяйка тобой очень довольна. Мы тебя оставляем. — И дядя Лохань передал ему свёрток. — Это хозяйка велела тебе передать в награду.

Юй Чжаньао развернул свёрток и обнаружил внутри пару новых матерчатых туфель.

— Господин начальник, передайте хозяйке от меня благодарность.

— Иди да работай хорошенько.

Юй Чжаньао кивнул.

Минуло ещё полмесяца. Юй Чжаньао постепенно терял терпение. Хозяйка ежедневно обходила восточный двор, но только расспрашивала дядю Лоханя о том о сём, редко обращая внимание на обливавшихся потом работников. Юй Чжаньао было очень обидно.

Пока торговлю вели отец и сын Шань, еду для работников винокурни покупали в местной маленькой харчевне. Когда винокурня перешла к бабушке, она наняла женщину за сорок, которую местные звали Тёткой Лю, и девушку-подростка тринадцати-четырнадцати лет по прозвищу Ласка. Они обе жили в западном дворе и отвечали за готовку. Вдобавок к двум имевшимся собакам бабушка купила ещё трёх поменьше: чёрную, зелёную и красную. В западном дворе теперь жили три женщины и пять собак, и в этом отдельном маленьком мире царило оживление. По ночам, даже если просто ветер шелестел травой, собаки заливались лаем да так, что, казалось, если не загрызут, то напугают до смерти.

Юй Чжаньао проработал в винокурне два месяца. Уже наступил девятый лунный месяц, созрел гаолян. Бабушка велела дяде Лю нанять ещё несколько временных работников, чтобы привести в порядок гумно и открытое зернохранилище и подготовиться закупать гаолян. Погода стояла отличная, солнечная и ясная. Бабушка надела белоснежную шёлковую рубаху, на ногах у неё красовались красные атласные туфельки, а в руках она держала обструганные ивовые прутья толщиной с палец. За её спиной резвилась целая свора собак. Бабушка прошлась туда-сюда по двору, глядя на неё деревенские жители подмигивали друг другу и кривлялись, но в её присутствии никто не осмеливался и воздух-то испортить. Юй Чжаньао несколько раз пытался приблизиться к ней, но бабушкино лицо сохраняло серьёзное выражение, она с Юем и словом лишним не обмолвилась.

В тот день Юй Чжаньао перепил вина, однако не чувствовал себя пьяным. Он улёгся на кан в проходной комнате, но ворочался и не мог уснуть. Через два окна в комнату пробивались дорожки лунного света. Двое работников при свете масляной лампы штопали рваную одежду.

Затем Лао Ду, который умел играть на баньху,[70] завёл такую жалобную мелодию, что сердце дрожало как струна. У одного из парней, штопавших одежду, от этой грустной мелодии засвербило в горле, и он хриплым голосом запел: «Тяжело холостяку, очень ему тяжко, некому холостяку починить рубашку…»

— Пусть тебе хозяйка залатает…

— Хозяйка? Вот уж не знаю, какой молодой ястреб отведает лебединого мяса…

— Молодой и старый хозяева позарились на лебединое мясо да поплатились жизнью.

— Я слыхал, что она ещё в девичестве сговорилась с Пестрошеем.

— То есть отца и сына Шаней и впрямь убил Пестрошей?

— Поменьше болтай, поменьше болтай. Как говорится, сболтнёшь у дороги, а в траве кто-нибудь подслушает.

Юй Чжаньао, лёжа на кане, холодно усмехнулся.

— Сяо Юй, что смеёшься?

Вино придало ему смелости, и он выпалил:

— Это я их убил!

— Да ты пьяный!

— Пьяный? Это ты пьяный. Хозяев я убил! — Он потянулся, достал из тюка с одеждой, висевшего на стене, короткий меч и вытянул из ножен. Меч в лунном свете напоминал серебряную рыбу. Запинаясь, Юй Чжаньао проговорил: — Расскажу вам, ребята… я ж с хозяйкой того… давно уже переспал… в гаоляновом поле… ночью устроил пожар… раз удар… два удар…

Все молчали. Один из работников задул масляную лампу. Комната погрузилась во тьму, меч в лунном свете заблестел ещё сильнее.

— Спать! Спать! Спать! Завтра рано вставать гнать вино!

Юй Чжаньао бормотал:

— Твою ж мать… штаны подтянула и знать меня не знаешь, а я на тебя пашу как конь… Но это тебе так не сойдёт — я тебя прямо сегодня ночью… прирежу.

Он поднялся с кана и с мечом в руках, шатаясь, вышел из комнаты. Работники лежали в темноте с широко открытыми глазами, глядя на холодный блеск стали в руках Юй Чжаньао, но никто не рискнул и слова вымолвить.

Юй Чжаньао вышел во двор, залитый лунным светом, ряды глазированных чанов поблёскивали, словно драгоценности. Южный ветер с полей, приносивший с собой сладковато-печальный запах зрелого гаоляна, заставил его вздрогнуть. С западного двора раздался женский смех. Юй Чжаньао направился к навесу за высокой табуреткой на четырёх ножках. Когда он вошёл под навес, чёрный мул, привязанный за длинной кормушкой, приветственно цокнул копытом и громко фыркнул, раздув грубые ноздри. Не обращая внимания на мула, Юй Чжаньао забрал табуретку, пошатываясь, подошёл к высокой стене, влез на табуретку и выпрямился: теперь край стены упирался ему в грудь. Он увидел белоснежную оконную бумагу, подсвеченную изнутри, на которой были наклеены красные узоры. Хозяйка и та девчонка по прозвищу Ласка шумели на кане. Юй Чжаньао услышал голос Тётки Лю:

— Ах вы, озорницы! Давайте уже спать! — После этого Тётка Лю велела: — Ласка сходи к котлу, посмотри, поднялось ли тесто.

Юй Чжаньао взял в зубы короткий меч и вскарабкался на стену. Пять собак подскочили и залаяли, запрокинув головы. Юй Чжаньао перепугался, потерял равновесие и свалился в западный двор. Если бы бабушка не вышла во двор, боюсь, злые собаки разорвали бы его в клочья — они и с двумя такими Юй Чжаньао могли сладить.

Бабушка отозвала собак и крикнула:

— Ласка, зажги фонарь и неси сюда!

Сжимая в руках скалку и быстро перебирая толстыми ногами, Тётка Лю громко крикнула:

— Хватайте вора! Хватайте вора!

Ласка выбежала с фонарём и осветила избитое до неузнаваемости лицо Юй Чжаньао. Она холодно рассмеялась.

— Ах, это ты!

Бабушка подобрала короткий меч, оглядела со всех сторон, сунула в широкий рукав и сказала:

— Ласка, пойди позови дядю Лоханя.

Только Ласка открыла ворота, как дядя Лохань вошёл и спросил:

— Хозяйка, что случилось?

Бабушка ответила:

— Этот работник напился!

Дядя Лохань кивнул:

— Понятно.

Бабушка обратилась к Ласке:

— Принеси-ка мой ивовый прут!

Ласка принесла белоснежный ивовый прут, и бабушка сказала:

— Сейчас я тебе помогу протрезветь!

Она размахнулась и начала хлестать Юй Чжаньао по заду вдоль и поперёк.

Кроме жгучей боли Юй Чжаньао внезапно почувствовал вызывающую онемение радость, которая подступила к горлу, зубы застучали, и их стук превратился в цепочку бессвязных слов:

— Мамочка… мамочка… мама… родненькая…

Бабушка хлестала, пока не устала рука. Потом она оперлась на прут, стараясь отдышаться.

— Уведи его! — приказала она.

Дядя Лохань попробовал потянуть Юй Чжаньао, но тот распластался на земле и не вставал, только кричал:

— Мамочка… ещё несколько ударов… ещё немного…

Бабушка прицелилась и с силой хлестнула его пару раз по шее, а Юй Чжаньао начал кататься по земле, суча ногами, как маленький ребёнок. Дядя Лохань подозвал двух работников, и они оттащили Юй Чжаньао обратно во флигель и бросили на кан. Там он крутился и вертелся, как извивающаяся стрекоза, не переставая ругаться. Дядя Лохань взял чайник вина, велел работникам прижать ноги и руки Юй Чжаньао, поднёс носик чайника к его рту и влил в него всё содержимое. Когда работники его отпустили, Юй Чжаньао покрутил шеей, не произнося ни звука. Один из работников в ужасе крикнул:

— Захлебнулся?

Они быстро поднесли фонарь, посветили и увидели, что лицо Юй Чжаньао исказила гримаса, а потом он чихнул с такой силой, что загасил фонарь.

Проснувшись, когда солнце уже было высоко, Юй Чжаньао на ватных ногах вошёл в винокурню. Остальные работники странно посматривали на него. Он смутно вспомнил вчерашние побои, потёр шею и зад, но боли не почувствовал. Во рту пересохло, поэтому он взял железный черпак, подставил под струю горячего вина, набрал полчерпака и, запрокинув голову, выпил.

Лао Ду, игравший на баньху, сказал:

— Сяо Юй, что, побила тебя хозяйка? Будешь ещё через стены прыгать?

Работники изначально побаивались этого хмурого парня, но после того, как услышали ночью его жалостливые крики, страх рассеялся, и теперь они наперебой над ним подшучивали. Юй Чжаньао не ответил, но подтянул к себе одного из работников и ударил. Остальные работники перемигнулись, окружили Юя, повалили на землю и начали мутузить. Намахавшись кулаками вдосталь, они расстегнули ему пояс, засунули его голову в штаны, связали руки за спиной и уронили его на землю. Юй Чжаньао не мог сопротивляться — как дракон, которого выкинуло на отмель, он беспомощно мотал головой в штанах и катался по

земле. Работники мучили его так долго, что за это время можно было выкурить две трубки, Лао Ду не выдержал, развязал Юй Чжаньао руки и помог вытащить голову. В лице Юй Чжаньао не было ни кровинки, он лежал на куче наколотых дров, словно дохлая змея, и силы вернулись к нему не сразу. Работники взяли в руки кто что мог — на случай, если Юй Чжаньао решит дать сдачи, однако он, пошатываясь, подошёл к кувшину с вином и стал зачерпывать вино ковшом и пить, захлёбываясь, а напившись, забрался на кучу дров и захрапел.

С того дня Юй Чжаньао каждый день напивался вдрызг и ложился на кучу дров, почти не продирая мутных глаз, а рот его растягивался в усмешку: с левой стороны глуповатую, с правой — хитроватую, или наоборот. Первые два дня работники ещё посматривали на него с любопытством, но постепенно начались жалобы. Дядя Лохань пробовал заставить его работать, но Юй Чжаньао скосил глаза и заявил:

— Ты кто такой? Это я настоящий хозяин! Хозяйка носит под сердцем моего ребёнка!

В тот момент отец в животе моей бабушки вырос размером с мячик, бабушку с утра громко тошнило на западном дворе, и эти звуки долетали до восточного двора. Работники, которые смекнули, что к чему, стали это между собой обсуждать. Как-то раз Тётка Лю принесла им еду, и один из них спросил:

— Тётка Лю, хозяйка что, понесла?

Тётка Лю сердито зыркнула на него:

— Смотри, как бы тебе язык не отрезали!

— А Шань Бяньлан-то был ого-го!

— Может, это и не от него!

— Нечего тут гадать! Неужто такая пылкая девушка могла позволить Шаню до себя дотронуться?! Это точно ребёнок Пестрошея!

Юй Чжаньао вскочил с кучи дров и, размахивая руками, заорал:

— Это мой ребёнок! Ха-ха! Мой!

Все посмотрели на него, хором заржали и принялись бранить его на чём свет стоит.

Дядя Лохань уже много раз предлагал уволить Юй Чжаньао, но бабушка всегда говорила:

— Нет, пусть сначала помучается, а через пару дней я с ним разберусь.

В тот день бабушка, выпятив свой уже располневший живот, прошла через двор, чтобы поговорить с дядей Лоханем. Тот, не осмеливаясь поднять головы, сухо сказал:

— Хозяйка, пора закупать гаолян.

Бабушка спросила:

— Ток и закрома подготовили?

— Подготовили.

— В прошлые годы когда начинали закупать?

— В это же время.

— А в этом году давайте попозже.

Дядя Лохань возразил:

— Боюсь только, если отложим, то нам может и не хватить. У нас тут больше десятка других винокурен.

— В этом году урожай гаоляна очень хороший, они всё не скупят. Напиши объявление, что у нас ещё не всё готово, когда остальные запасутся, мы начнём покупать. Тогда мы сможем выставить свою цену, да и гаолян лучше просохнет.

— Правда ваша, хозяйка.

— Как у вас тут вообще дела?

— Да ничего особенного, вот только этот работник так каждый день и напивается в хлам, давайте заплатим ему и прогоним.

Бабушка подумала немного и сказала:

— Проводи-ка меня в винокурню посмотреть.

Дядя Лохань отвёл бабушку в винокурню. Работники как раз засыпали забродившую гаоляновую смесь в большой короб. В печи под котлами потрескивали дрова, вода в котлах булькала, поднимались целые облака пара. Деревянный короб, который установили на котле, был больше метра в высоту, а вместо дна у него было бамбуковое сито с частыми отверстиями. Четверо работников деревянными лопатами набирали из больших чанов источавшую сладковатый запах забродившую гаоляновую смесь с проблесками зелёной плесени и засыпали понемногу в этот короб. Пару некуда было просочиться, кроме как в отверстия на дне короба. Где пар начинал просачиваться, туда досыпали смесь. Работники с лопатами во все глаза следили, чтобы пар не выходил.

При виде бабушки они встрепенулись и стали работать ещё усерднее. Юй Чжаньао лежал на куче дров, нечёсаный, неумытый, одетый в лохмотья, и напоминал скорее попрошайку. Он смерил бабушку ледяным взглядом.

Бабушка сообщила:

— Сегодня хочу взглянуть, как красный гаолян превращается в вино.

Дядя Лохань пододвинул табурет и предложил бабушке присесть.

Работники ощущали бабушкину благосклонность и из кожи вон лезли, желая блеснуть уменьями. Истопники безостановочно подкидывали дрова в печь, пламя клокотало и лизало дно двух больших котлов. Пар поднимался в короб с шипением, которое смешивалось с тяжёлым дыханием работников. Когда короб заполнился доверху, его накрыли большой круглой крышкой подходящего диаметра с просверлёнными в ней дырками. Через некоторое время из этих дырок потянулись тоненькие дрожащие струйки пара. Тогда работники принесли какую-то странную оловянную посудину — двухъярусную, с большим углублением наверху. Дядя Лохань пояснил бабушке, что это перегонный аппарат, или дистиллятор. Бабушка подалась вперёд и внимательно смотрела, как устроен этот самый дистиллятор, но не стала ничего спрашивать и снова уселась на табурет.

Работники разместили оловянный дистиллятор поверх короба, и пар перестал идти. Слышен был только треск огня в печи. Деревянный короб над котлом из белого сделался оранжевым, через его стенки просачивался еле слышный сладкий запах, отдалённо напоминающий аромат вина.

Дядя Лохань приказал:

— Принесите холодной воды.

Работники встали на высокую лавку и вылили в выемку дистиллятора два ведра холодной воды, потом один из них взял палку, похожую на весло, и начал быстро размешивать воду. Прошло примерно столько времени, сколь ко требуется ароматической палочке, чтобы сгореть наполовину, и бабушка учуяла, как в нос ударил винный аромат.

Дядя Лохань скомандовал:

— Приготовьтесь принимать вино.

Два работника принесли по кувшину, сплетённому из тонких прутьев бирючины, проклеенному десятью слоями бумаги и хорошенько промасленному, и поставили кувшины

под носик, вытянутый в форме утиного клюва.

Бабушка встала и уставилась на этот носик. Рабочие выбрали несколько поленьев, пропитанных сосновой смолой, и подкинули в печь, отчего огонь под котлами громко затрещал и вспыхнул белым, и этот белый свет озарил грудь работников, истекающих потом.

Дядя Лохань велел:

— Поменяйте воду.

Двое работников сбегали во двор и принесли из колодца четыре ведра холодной воды. Работник, что стоял на лавке и мешал воду, покрутил краник, из него с журчанием потекла уже тёплая вода, после чего в выемку налили свежей воды и он продолжил энергично мешать.

Огромный чан для вина угрожающе нависал над ними, а работники занимались каждый своим делом, выполняя всё точно и аккуратно, и бабушка с душевным волнением наблюдала за этим торжественным священнодействием. В этот самый момент она внезапно ощутила, как отец в утробе шевельнулся. Она посмотрела на Юй Чжаньао, развалившегося на куче дров и буравившего её недобрым взглядом, в жаркой винокурне ледяными были только эти глаза. Бабушкино воспламенившееся сердце остыло. Она спокойно наблюдала за работниками, которые, держа в руках кувшины, готовились принять молодое вино.

Винный аромат стал ещё сильнее, поскольку крошечные струйки пара просачивались через швы на деревянном коробе. Бабушка увидела, как над носиком оловянного дистиллятора скапливается свет, который на миг застывает, потом медленно движется и, наконец, сгущается в прозрачные капли, похожие на слёзы, и льётся в кувшин.

Дядя Лохань скомандовал:

— Поменяйте воду! Поддайте жару!

Двое работников без остановки подносили холодную воду, кран открывался, вода подавалась сверху, тёплая вытекала снизу — таким образом поддерживалась постоянная невысокая температура воды, в итоге пар между двумя ярусами дистиллятора охлаждался, конденсировался и превращался в жидкость, которая выливалась через носик.

Сначала гаоляновое вино было горячим, прозрачным, и от него валил густой пар. Дядя Лохань взял чистый ковш, наполнил до половины и поднёс бабушке со словами:

— Хозяйка, попробуйте!

Бабушке в нос ударил аромат вина, и кончик языка начал зудеть. В этот момент отец в животе снова зашевелился. Ему захотелось выпить вина. Бабушка взяла ковш, сначала понюхала, потом лизнула, затем пригубила, чтобы распробовать вкус. Вино было очень ароматным и в то же время жгучим. Бабушка сделала глоток, подержала вино во рту, чувствуя, как щёки становятся такими мягкими, будто их натёрли шёлковой ватой, проглотила, и вино тут же проникло в горло. Все поры на теле открылись, а потом снова закрылись, на сердце стало необыкновенно радостно. Бабушка сделала подряд три больших глотка, живот изнутри словно бы царапала маленькая жадная ручка. Бабушка запрокинула голову и выпила полковшика, после чего лицо её разрумянилось, глаза заблестели, она казалась ещё краше. Работники ошарашенно смотрели на неё, забыв про свои дела.

— Хозяйка, а вы умеете пить! — восхищённо присвистнул один из работников.

Бабушка скромно ответила:

— Я никогда раньше вина не пила.

— Если не пили и столько сразу выпили, то, потренировавшись, — целый кувшин выпьете! — работник восхитился ещё сильнее.

Кувшин с журчанием заполнился, а потом и второй. Полные кувшины поставили рядом с кучей дров. Юй Чжаньао слез с кучи, расстегнул штаны и помочился прямо в кувшин. Работники оторопели, наблюдая, как струйка прозрачной мочи льётся в вино, поднимая множество брызг. Юй Чжаньао закончил, криво усмехнулся, глядя на бабушку, а потом, пошатываясь, подошёл к ней. Бабушка залилась ярким румянцем, но не двигалась. Юй Чжаньао вытянул руки, заключил бабушку в объятия и поцеловал её. Бабушка тут же побледнела, у неё подкосились ноги, и она осела на лавку.

Юй Чжаньао резко спросил:

— Дитё у тебя в животе ведь моё?

Бабушка, обливаясь слезами, промолвила:

— Раз говоришь, что твоё, значит, твоё…

Глаза Юй Чжаньао просияли, мускулы на всём теле напряглись, как у мула, который катался по земле, а потом встал на ноги. Он разделся до трусов и сказал бабушке:

— Посмотри, как я буду чистить барду!

Чистить барду — самая тяжёлая работа в винокурне. После окончания перегонки оловянный дистиллятор убирали, снимали деревянную крышку с дырками, под которой располагался короб, полный гаоляновой барды. Барда была жёлтого цвета, и от неё шёл сильный жар. Юй Чжаньао взобрался на табуретку, держа в руках деревянную лопату с короткой ручкой, и начал выгребать винный отстой и скидывать в корзину. Его движения были очень короткими, работали только предплечья. От жара верхняя половина тела раскраснелась, по спине стекал ручейками пот, а от пота сильно пахло гаоляновым вином.

Быстрая и проворная работа моего дедушки Юй Чжаньао восхитила работников и дядю Лоханя до глубины души. Дедушка, который скрывал свои таланты несколько месяцев, решил сейчас их продемонстрировать. Закончив, он, попивая вино, обратился к дяде Лоханю:

— Начальник, есть у меня хорошая идея. Смотрите, когда вино прыскает из носика, то идёт пар, и если установить над носиком какую-нибудь посуду, то можно собрать первосортное вино.

Дядя Лохань покачал головой:

— А если не выйдет?

— Тогда отрубите мне голову!

Дядя Лохань вопросительно посмотрел на бабушку, а та, шмыгнув несколько раз носом, сказала:

— Я не стану вмешиваться. Пусть он делает, что хочет.

И с плачем вернулась на западный двор.

После этого бабушка с дедушкой любили друг друга, как утки-мандаринки или пара фениксов. Бабушкина и дедушкина страсть, одновременно божественная и демоническая, измучила работников винокурни во главе с дядей Лоханем до помутнения рассудка. Так бывает, что человек чувствует множество вкусов, но не может назвать ни одного, а когда его мучают различные сомнения, не может понять почему. Но постепенно все стали верными последователями моего дедушки. Новаторская идея дедушки оказалась крайне успешной, и с тех пор в винокурне дунбэйского Гаоми появилась маленькая ёмкость для первосортного вина. Тот кувшин, в который помочился дедушка, работники не рискнули вылить, а перенесли во двор и поставили в углу у стены. Однажды вечером погода была очень

пасмурной, дул сильный юго-восточный ветер, и работники в знакомом запахе гаолянового вина уловили вдруг более терпкую нотку. Дядя Лохань, обладавший тонким обонянием, пошёл на запах и обнаружил, что дивный аромат испускает тот самый кувшин с добавлением мочи. Дядя Лохань ничего не стал говорить, а тихонько перенёс кувшин в лавку, закрыл все двери и окна, зажёг масляную лампу и принялся исследовать вино. Он нашёл черпак, зачерпнул вино из кувшина и вылил обратно: вино превратилось в нежно-зелёное облако, а когда эта дымка коснулась поверхности вина в кувшине, там распустились с десяток цветов, похожих на хризантемы. Нежный аромат при этом ощущался ещё сильнее. Дядя Лохань зачерпнул ещё вина, лизнул, решительно сделал большой глоток, затем прополоскал рот холодной водой и попробовал вино из обычного кувшина, после чего отбросил черпак, со стуком отворил ворота западного двора, кинулся к окну и громко крикнул: — Хозяйка, поздравляю!

9

После того как бабушка кинула в прадедушку горячими баоцзы и вытолкала за ворота, он вернулся домой, ведя за собой ослика. Всю дорогу он не переставал ругаться, а дома, запинаясь, поведал прабабушке, как бабушка выбрала себе названым отцом начальника уезда Цао и как в мгновение ока перестала признавать родного отца. Прабабушка тоже разгневалась и принялась поносить прадедушку. Старики срывали друг на друге злость, как старые жабы, что под деревом бьются за цикаду. Потом прабабушка сказала:

— Ты, старик, не сердись, как говорится, сильный ветер вечно дуть не будет, так и родственники ссорятся ненадолго. Через пару дней сходишь к ней, она унаследовала богатства Шаней, нам на пропитание хватит и того, что просочится у дочки сквозь пальцы.

Прадедушка ответил:

— И то правда. Подожду полмесяца или дней двадцать и ещё раз схожу навещу это отродье.

Через полмесяца прадедушка уселся верхом на ослика и заявился к нам дом, но бабушка заперла ворота, оставив его ругаться на улице. Он устал шуметь и уехал на ослике восвояси.

Когда прадедушка приехал во второй раз, мой дедушка уже работал на винокурне, а бабушкины пять собак объединились в стаю, став настоящей силой. Прадедушка постучал в главные ворота, собаки во дворе тут же бешено залаяли. Тётка Лю открыла ворота, собаки бросились и окружили прадедушку, лаяли, но не кусали. Прадедушка опёрся на ослика и отмахивался от собак, а ослик за его спиной трепетал.

Тётка Лю поинтересовалась:

— Тебе кого?

Прадедушка разозлился:

— Ты кто ещё такая? Я приехал проведать родную дочку!

— А кто твоя дочка?

— Хозяйка твоя, вот кто!

— Подожди здесь, я доложу.

— Скажи ей, что пришёл её родной отец!

Вскоре Тётка Лю вынесла ему серебряный юань.

— Слушай, старый, хозяйка говорит, что нет у неё отца, дарит тебе юань серебром, чтобы ты купил себе горячих баоцзы.

Прадедушка разъярился:

— Вот ведь тварь! Ну и катись! Разбогатела и перестала родного отца признавать?! Где это видано?

Тётка Лю кинула серебряную монету с словами:

— Вот же упрямый старикан, сам катись давай, а то разозлишь хозяйку, тогда мало не покажется.

Прадедушка не унимался:

— Я её отец! Свёкра убила, теперь и отца решила со свету сжить?

Тётка Лю проворчала:

— Иди давай, а не то я на тебя собак натравлю!

Тётка Лю свистнула, и вся свора тут же примчалась. Зелёный пёс цапнул ослика за ногу. Ослик протяжно заревел, вырвал поводья и убежал, лягаясь. Прадедушка наклонился, чтобы

подобрать серебряный юань, а потом побежал без оглядки за осликом. Собаки лаяли, наскакивали на него и гнали до самой околицы.

В третий раз прадедушка пришёл к бабушке, чтобы потребовать большого чёрного мула. Он заявил бабушке, что мула при жизни обещал свёкор, человек-то умер, а долг остался. Если она откажется выполнять обещание, то он пожалуется в уездную управу.

Бабушка сказала:

— Я тебя знать не знаю, а ты всё ходишь сюда и ходишь, нарушаешь наш покой. Да я сама на тебя пожалуюсь!

Дедушку потревожили вопли прадедушки. Он вышел из комнаты, не успев даже толком обуться и смяв задники матерчатых туфель, и несколькими ударами выгнал его взашей за ворота.

Прадедушка нашёл человека, который заполнил ему судебный бланк, на ослике поехал в уездный город к начальнику уезда Цао и пожаловался на бабушку.

В прошлый раз, когда начальник Цао приезжал в дунбэйский Гаоми, то после трёх пуль Пестрошея у него чуть душа не покинула тело. Он вернулся домой и серьёзно заболел. Поэтому, стоило Цао Мэнцзю увидеть, что жалоба снова связана с тем злополучным делом об убийстве, его невольно пробил пот.

Он спросил:

— Старик, ты жалуешься, что дочь сговорилась с разбойником, а какие есть доказательства?

Прадедушка ответил:

— Господин начальник уезда, тот разбойник спит на кане моей дочери. Тот самый Пестрошей, который пробил тремя выстрелами вашу шляпу.

— Старик, ты ж понимаешь, что если найдутся доказательства, то дочери твоей не сносить головы?

— Господин начальник уезда, я готов поступиться личными интересами ради справедливости… Вот только имущество моей дочери…

Цао Мэнцзю рассердился:

— Ах ты, жадный старый сукин сын! Из-за денег готов возвести поклёп на родную дочь! Неудивительно, что она тебя знать не хочет. Какой из тебя отец? Всыпать ему пятьдесят ударов подошвой и выгнать вон!

Подать жалобу у прадедушки не получилось, ещё и пятьдесят ударов подошвой получил, задница превратилась в клейкое месиво, он даже на ослика сесть не смог, пришлось вести его за поводья. Он тащился домой, прихрамывая, а в душе было так горько, что и словами не опишешь. Не успел он отойти далеко от уездного города, как услышал за спиной стук лошадиных копыт, обернулся и увидел какого-то человека, скакавшего верхом на вороной лошадке Цао Мэнцзю. Прадедушка решил, что ему пришёл конец. Ноги подогнулись, и он рухнул на колени посреди дороги.

Оказалось, что это правая рука начальника уезда Сяо Янь.

— Старик, — обратился к прадедушке Сяо Янь, — поднимайся. Начальник уезда сказал, что твоя дочь — его названая дочь, так что вы с ним дальние родственники, он тебя побил подошвой, чтобы научить тебя быть хорошим человеком. Это не то же самое, что бороться с торговлей опиумом. Он дарует тебе десять серебряных долларов, чтобы ты вернулся домой и занялся торговлей, а не пытался разбогатеть нечестными способами.

Прадедушка обеими руками[71] принял деньги, не вставая с колен, начал рассыпаться в

благодарностях и поднялся только тогда, когда чёрная лошадка уже пересекла железнодорожные пути.

Начальник уезда Цао долго сидел в одиночестве в судебном зале и что-то обдумывал. Когда Сяо Янь отдал деньги и вернулся с докладом, Цао Мэнцзю затащил его в тайную комнату и сказал:

— Я не сомневаюсь, что у этой женщины, в девичестве Дай, спит на кане именно Пестрошей, главарь всех разбойников дунбэйского Гаоми. Если схватить Пестрошея, то приспешники разбегутся — как говорится, обезьяны бросаются врассыпную, когда дерево падает. Сегодня я побил этого старикана, чтобы ввести всех в заблуждение.

— Тонкий расчёт, господин начальник.

Цао Мэнцзю сказал:

— Эта Дай меня тогда обдурила.

— И у самого мудрого бывает промах.

— Сегодня ночью возьми с собой двадцать солдат, оседлайте быстрых коней, отправляйтесь в дунбэйский Гаоми и схватите этого бандита.

— И женщину вместе с ним?

— Нет, нет, нет, ни в коем случае. Если схватите заодно и ту женщину, я ведь потеряю лицо. Да и я в тот день намеренно ей помог. Подумал, это же настоящая трагедия, что такую красавицу выдали за прокажённого. Можно понять, почему она сговорилась с любовником. Схватим Пестрошея, а женщину оставим, пусть себе живёт в довольстве.

Сяо Янь сказал:

— Усадьба Шаней обнесена высокой стеной, двор там очень большой, хозяева держат злых собак. Этот Пестрошей очень бдительный, если кто посреди ночи постучит в ворота или перелезет через стену, то определённо напорется на пулю!

Начальник уезда Цао успокоил его:

— Не бери в голову, у меня давно уже появился хитрый план.

По замыслу начальника уезда, Сяо Янь с двадцатью солдатами посреди ночи покинул город и отправился в дунбэйский Гаоми. Дело было глубокой осенью, в десятый месяц по лунному календарю, гаолян уже подчистую убрали и сложили в огромные кучи, рассеянные по всему полю. Когда конный отряд достиг западного края нашей деревни, уже начало рассветать, пожухлую траву посеребрил иней, осенний ветер вонзался в кожу иголками. Солдаты спешились и ждали приказа Сяо Яня. Тот распорядился отвести лошадей за одну из гаоляновых скирд, связать их поводья вместе и оставить двух солдат охранять. Остальным надлежало переодеться и приготовиться.

Показался красный край солнца, чернозём был укутан белым инеем. Иней осел на бровях и ресницах людей и на длинной шерсти вокруг лошадиных губ. Лошади похрустывали гаоляновыми листьями.

Сяо Янь вытащил из-за пазухи карманные часы, взглянул на них и сказал:

— Выступаем!

Восемнадцать солдат, следуя за ним по пятам, тихо двинулись в сторону деревни. Они были вооружены пистолетами, которые заранее зарядили. На околице двое солдат остались в засаде. На входе в каждый проулок в засаде оставляли ещё двух солдат. В итоге к воротам нашего дома подошли только сам Сяо Янь и шесть солдат, одетых как крестьяне. Один рослый солдат тащил на коромысле пустой кувшин для вина.

Тётка Лю открыла ворота, Сяо Янь моргнул солдатам, и здоровяк с коромыслом тут же

юркнул во двор. Тётка Лю рассвирепела:

— Вы что творите?

Солдат с коромыслом пробубнил:

— Мы к вашим хозяевам. Позавчера купили у вас два кувшина вина, вернулись, и у нас дома от этого вина померло десять человек. Что вы за яд туда положили?!

Сяо Янь и остальные солдаты тоже под шумок просочились во двор и тихонько встали у ворот. Свора собак окружила здоровяка с коромыслом и бешено залаяла.

Тут вышла заспанная бабушка, на ходу застёгивая пуговицы, и сердито сказала:

— Если есть вопросы, то обращайтесь в лавку!

Здоровяк опять пробубнил:

— В вашем вине отрава, у нас померло десять человек, тут нужно уже с хозяевами говорить!

Бабушка рассвирепела:

— Ты что несёшь? Наше вино продаётся по всей округе, никогда никто не травился, почему же померли ваши родственники?

Пользуясь тем, что здоровяк отвлёк бабушку и всех собак, Сяо Янь тихо подал сигнал и вместе с пятью солдатами ворвался в комнату. Здоровяк бросил коромысло с кувшинами, выхватил из-за пояса пистолет и наставил на бабушку.

Дедушка как раз одевался. Солдаты повалили его на кан, связали руки за спиной верёвкой и вывели во двор.

Собаки, увидев, что дедушку схватили, кинулись спасать его, люди Сяо Яня начали беспорядочно палить по ним, и по всему двору полетела собачья шерсть и брызги собачьей крови.

Тётка Лю повалилась на землю, словно её разбил паралич, и наделала в штаны.

Бабушка сказала:

— Братья, мы с вами в былые дни никогда не враждовали и сейчас не обидим, если вы хотите деньги или зерно, то скажите прямо, зачем сразу хвататься за оружие?

Сяо Янь рявкнул:

— Хватит болтать! Уводите его!

Тут бабушка узнала Сяо Яня и поспешно сказала:

— Вы ведь работаете на моего названого отца?

— Тебя это не касается! Живи себе да радуйся!

Дядя Лохань, услышав стрельбу в западном дворе, выбежал из лавки, но только высунулся, как мимо уха просвистела пуля. Он перепутался и спрятал голову. На улице было тихо и безлюдно, только по всей деревне собаки зашлись лаем. Дедушку под конвоем повели по главной улице. Два солдата, которых оставили охранять лошадей, уже подогнали их к деревне. Солдаты, сидевшие в засаде, поняли, что дело завершилось успехом, разом выскочили, и каждый оседлал своего коня. Дедушку перекинули через спину коня, уложив на живот и прижав к конскому хребту. Сяо Янь гаркнул, и копыта вразнобой застучали по земле. Отряд помчался в уездный город.

Во дворе уездной управы солдаты сняли дедушку с коня. Цао Мэнцзю, подкручивая висячие усы, с улыбкой подошёл и сказал:

— Ну что, Пестрошей, ты тремя выстрелами сбил шляпу с моей головы, а сегодня я отблагодарю тебя тремя сотнями ударов подошвы!

После поездки вниз головой дедушка чувствовал себя совершенно разбитым, в глазах

рябило, тошнило без остановки. Когда его сняли с коня, он уже был еле жив.

— Бейте! — приказал Цао.

Несколько солдат перевернули дедушку пинками и с размаху начали осыпать его ударами подошвой огромного изготовленного на заказ шлёпанца, привязанного к деревянной палке. Дедушка сначала молчал, стиснув зубы, а потом под конец начал кричать.

Цао Мэнцзю спросил:

— Ну что, Пестрошей, понял теперь, что с Цао Второй Подошвой шутки плохи?

Дедушка опомнился и заверещал:

— Вы ошиблись, ошиблись! Я не Пестрошей…

— Ещё спорить со мной смеешь? Всыпьте ему ещё триста ударов! — рявкнул начальник уезда Цао.

Солдаты снова повалили дедушку на землю и осыпали градом ударов. Дедушкин зад уже потерял чувствительность, он приподнял голову над землёй и громко крикнул:

— Цао Мэнцзю, вас зовут Неподкупным, а оказывается, вы тупой чиновник! У Пестрошея на шее пятно! А у меня вы на шее пятно видите?

Цао Мэнцзю очень удивился, махнул рукой, и солдаты расступились. Двое солдат поставили дедушку на ноги, начальник уезда Цао подошёл, чтобы оглядеть дедушкину шею.

— А откуда ты знаешь, что у Пестрошея на шее пятно? — спросил он.

— Так я своими глазами его видел, — объяснил дедушка.

— Раз знаком с Пестрошеем, то, без сомнения, и сам разбойник. Так что я не ошибся!

— Да в дунбэйском Гаоми Пестрошея все поголовно знают, неужто все они разбойники?

— Ты глухой ночью спал на кане у вдовы. Даже если ты не разбойник, то всё равно подонок, так что я не ошибся.

— Ваша названая дочь так захотела!

— Она захотела?

— Ну да.

— А ты кто вообще такой?

— Один из её работников.

— Ай-ай-ай! Сяо Янь, возьми его пока под стражу.

В этот момент бабушка и дядя Лохань подъехали к воротам уездной управы на больших чёрных мулах. Дядя Лохань с мулами остался снаружи, а бабушка, заливаясь слезами, вбежала во двор. Постовой преградил ей путь винтовкой, но она плюнула ему в лицо. Дядя Лохань сказал:

— Это названая дочь начальника уезда.

Солдат не рискнул останавливать бабушку, и она ворвалась в судебный зал…

В тот же день после обеда начальник уезда снарядил занавешенный паланкин, чтобы дедушку отнесли обратно в деревню.

Дедушка пролежал на кане у бабушки два месяца, залечивая раны.

Бабушка ещё раз съездила верхом на муле в уездный город и отвезла своей названой матери увесистый свёрток с подарками.

10

Двадцать третьего числа двенадцатого лунного месяца одна тысяча девятьсот двадцать третьего года состоялись проводы бога домашнего очага.[72] В этот день банда Пестрошея выкрала мою бабушку. Похитили они её утром, а после обеда передали: винокурня должна подготовить одну тысячу серебряных юаней, чтобы выкупить бабушку живой. Если они пожалеют денег, то могут искать труп на восточной окраине деревни Лигу у храма Земли.

Дедушка обыскал все сундуки и шкафы, собрал две тысячи юаней серебром, сложил в мешок и велел дяде Лоханю седлать ослика и везти деньги в условленное место.

Дядя Лохань спросил:

— Но ведь надо только тысячу?

Дедушка ответил:

— Поменьше болтай. Велено везти — вези.

Дядя Лохань поехал, подгоняя мула.

Под вечер дядя Лохань привёз бабушку обратно под охраной двух вооружённых бандитов на лошадях с ружьями, болтавшимися за спиной. При виде дедушки бандиты сообщили:

— Хозяин, наш атаман сказал, что отныне вы можете спать с открытыми воротами!

Дедушка велел дяде Лоханю привезти маленький кувшин того вина, в которое он помочился, и отдать разбойникам. Он сказал:

— Отвезите своему атаману, пусть попробует.

Дедушка проводил бандитов до околицы, а вернувшись, запер ворота, двери в дом и в комнату, крепко обнял бабушку и спросил:

— Пестрошей тебе ничего не сделал дурного?

Бабушка помотала головой, а на её глаза навернулись слёзы.

— Что такое? Он тебя изнасиловал?

Бабушка спрятала лицо у него на груди и пробормотала:

— Он щупал мою грудь…

Дедушка сердито вскочил.

— С ребёнком всё в порядке?

Бабушка кивнула.

Весной одна тысяча девятьсот двадцать четвёртого года дедушка, погоняя мула, тайком съездил в Циндао, купил два автоматических пистолета и пять тысяч патронов. Один пистолет был немецкого производства, в народе назывался «большим барабаном», а второй испанский, «головой гуся».

Вернувшись с оружием, дедушка заперся в комнате и три дня не выходил, разбирая пистолет на детали, а потом снова собирая. С приходом весны в излучине таял лёд, отощавшая рыба, которая на всю зиму уходила на дно, всплыла наверх погреться на солнышке. Отец взял один из пистолетов, повесил на плечо корзину с патронами и начал ходить вдоль излучины туда-сюда, стреляя в рыбу. Он занимался этим весь день, перебил крупную рыбу, а потом взялся за мелкую. Когда кто-то за ним наблюдал, то он даже чешуйки рыбьей не касался, а вот когда никто не смотрел — разбивал вдребезги рыбьи головы. Летом вырос гаолян. Дедушка нашёл широкий напильник и спилил с обоих пистолетов мушки.

Вечером седьмого числа седьмого лунного месяца шёл сильный дождь, гремел гром и сверкала молния. Бабушка отдала Ласке понянчить моего отца, которому было почти четыре месяца, а сама с дедушкой пошла в винную лавку в восточном дворе, закрыла окна и двери и велела дядя Лоханю зажечь лампу. Бабушка выложила на прилавок семь медяков в форме цветка сливы и отошла в сторону. Дедушка широкими шагами ходил за прилавком, а потом вдруг резко развернулся, выхватил почти одновременно два пистолета и сделала семь выстрелов — бах! бах! бах! бах! бах! бах! бах! — монеты с прилавка отлетели в стену, три пули упали на пол, а четыре застряли в стене.

Бабушка и дедушка одновременно подошли к прилавку и подняли лампу — на деревянном прилавке не было никаких следов от пуль.

Так дедушка довёл до совершенства «семь выстрелов по лепесткам сливы».

Дедушка верхом на чёрном муле приехал в маленькую харчевню на восточном краю деревни. Двери харчевни были плотно заперты, на дверной раме повисла паутина. Дедушка толкнул дверь, а когда вошёл, от трупного запаха закружилась голова. Он закрыл рукавом нос и внимательно осмотрелся. Тучный старик сидел под перекладиной, под его коленями — узкий табурет, на шее — тёмно-коричневая петля, глаза широко открыты, вывалившийся изо рта язык почернел. Когда дедушка открыл дверь, от сквозняка оборванный конец верёвки на шее старика слегка качнулся.

Дедушка дважды сплюнул, а потом отвёл мула на самый край деревни и долго-долго стоял там. Мул без конца перебирал ногами и размахивал лысым хвостом, отгоняя чёрных мух размером с боб. Дедушка размышлял довольно долго, потом оседлал-таки мула. Мул упрямо тянул шею в сторону дома, но, когда твёрдая и холодная как лёд уздечка стала причинять ему боль, развернулся. Дедушка ударил его по крупу кулаком, мул рванулся и побежал по дороге вдоль поля.

Маленький деревянный мостик через Мошуйхэ был тогда ещё цел и невредим. Начался сезон дождей, вода в реке прибыла и доходила до уровня моста, белые гребешки волн выплёскивались на его доски. Мул немного испугался и перед мостом попятился. Дедушка пару раз дал ему кулаком, но мул по-прежнему топтался на месте, и только когда дедушка приподнялся, а потом с силой опустился в седло, он выгнул спину и рысью добежал до середины моста. Дедушка натянул удила, чтобы мул остановился. По мосту текла чистая неглубокая вода, к западу от моста выскочил краснохвостый карп длиной с руку и, описав дугу, упал в воду с другой стороны. Дедушка сидел верхом и смотрел на воду, прибывающую с запада. Мул вступил в реку передними ногами, проточная вода омыла чёрную шерсть над копытами. Он осторожно дотронулся губами до гребня волны, брызги намочили длинную морду, мул втянул ноздри и оскалил белоснежные аккуратные зубы.

К югу от насыпи простирался зелёный гаолян, который уже поднял свои флажки-метёлки и напоминал раскинувшееся вширь глухое озеро синего цвета. Дедушка на муле поехал вдоль насыпи на восток. Ровно в полдень он завёл мула в гаоляновое поле. Все четыре копыта мула и дедушкины ступни вязли в раскисшем от дождя, словно клейстер, чернозёме. Мул извивался всем своим тяжёлым телом, с трудом хлюпая по грязи, которая налипала на его копыта, делая их похожими на опухшую человеческую голову. Мул сопел, и из его грубых ноздрей вырывался белый пар и вылетала тёмная пена. Кисловатый запах пота и гнилостный запах земли щекотали ноздри дедушки так, что хотелось чихать. Дедушка и мул протоптали настоящий коридор в густом нежно гаоляне, через некоторое время после

того, как они прошли, зелёный гаолян снова потихоньку распрямлялся, и на нём не оставалось следов.

Следы быстро заполнялись водой. Ноги дедушки и живот мула были густо усеяны крупными и мелкими крапинками чёрной грязи. Чавканье земли в безветренных душных зарослях растущего с сумасшедшей скоростью гаоляна резало слух. Вскоре и дедушка запыхался, в горле пересохло, язык стал липким и вонючим. Он подумал, что у мула в пасти сейчас всё то же самое. Дедушка уже истёк потом, и теперь из пор сочилась клейкая жидкость, напоминавшая скипидар и обжигающая кожу. Острые листья гаоляна оставляли порезы на обнажённой шее. Мул сердито мотал головой и отчаянно желал взлететь над верхушками гаоляна. Второй наш большой чёрный мул в тот момент, возможно, с завязанными глазами тягал по кругу тяжеленный жёрнов или, стоя у кормушки, устало жевал смесь из мелко нарубленных сухих гаоляновых листьев и слегка подсушенных зёрен.

Дедушка уверенно шагал вперёд вдоль борозды. У него в голове имелся готовый план. Мул то с грустью, то со злостью посматривал на тащившего его хозяина. На изрезанных гаоляновыми листьями глазах выступили слёзы.

На гаоляновом поле появились новые следы, и дедушка учуял долгожданный запах. Мул заметно напрягся. Он без конца фыркал, и его громоздкое тело раскачивалось среди гаоляновых стеблей. Дедушка преувеличенно громко кашлял. Спереди донёсся восхитительный аромат. Дедушка понял, что они пришли. Догадка оказалась верна: не прошёл он и пары шагов, как оказался на том самом месте, куда так давно стремился.

Следы прямо на глазах дедушки и мула с журчанием заполнялись водой. Дедушка шёл по следам, словно бы и не глядя на них. Внезапно он громко запел:

— Один конь ускакал из Западной Лян…[73]

Он уловил звук шагов у себя за спиной, но продолжил идти вперёд, как последний болван. Ему в поясницу упёрлась какая-то твёрдая палка. Дедушка послушно поднял руки. Две руки общупали его грудь и вытащили пистолеты, после чего ему завязали глаза узкой полоской чёрной ткани.

Дедушка сказал:

— Мне надо повидаться с вашим атаманом.

Разбойник ухватил дедушку за пояс и начал крутить, крутил целых две минуты, а потом резко отпустил, и дедушка повалился головой вперёд прямо в мягкий чернозём, перепачкав в грязи весь лоб и обе руки. Когда он встал, хватаясь за стебли, в голове у него гудело, а перед глазами летали зелёные и чёрные мушки. Он услышал рядом с собой тяжёлое дыхание разбойника. Тот отломал гаоляновый стебель, дал один конец дедушке, а за второй взялся сам.

— Идём! — приказал он.

Дедушка слышал позади себя шаги разбойника и хлюпанье, когда мул вытягивал копыта из клейкой земли.

Разбойник протянул руку и сорвал повязку с его глаз. Дедушка закрыл глаза ладонями и убрал руки лишь тогда, когда у него потекли слёзы. Перед ним был разбойничий лагерь. На большом участке поля вырубили весь гаолян подчистую, и на освободившемся месте разбили два шалаша. Рядом с одним из них стояли десятка полтора крепких парней в наброшенных на плечи соломенных плащах от дождя, а перед входом на пеньке сидел здоровяк с пятном на шее.

— Хочу увидеть главного, — сказал дедушка.

— Ты ж хозяин винокурни! — воскликнул Пестрошей.

— Да.

— Зачем пожаловал?

— Хочу учиться мастерству.

Пестрошей холодно улыбнулся и сказал:

— Не ты ли каждый день стреляешь по рыбе в излучине?

— Так не попадаю.

Пестрошей взял дедушкины пистолеты, оглядел дула, нажал несколько раз вхолостую на курок.

— Хорошие пистолеты! А зачем тебе учиться стрелять?

Дедушка ответил:

— Чтоб убить Цао Мэнцзю.

— Разве твоя баба не его названая дочка?

— Он мне всыпал триста ударов подошвой. Я вместо тебя пострадал.

Пестрошей усмехнулся:

— Между прочим, ты убил двух человек, чтобы единолично завладеть бабой, надо бы вообще тебе башку отрубить.

— Он мне всыпал триста ударов подошвой, — повторил дедушка.

Пестрошей поднял правую руку и — бах! бах! бах! — прозвучали три выстрела, затем поднял левую руку и выстрелил ещё трижды. Дедушка сел на корточки, обхватил голову руками и заорал. Разбойники хором загоготали.

Пестрошей удивлённо сказал:

— Да ты трусливый заяц, как ты вообще смог кого-то убить?

— Обнаглел от сладострастия! — сказал один из разбойников.

Пестрошей велел:

— Возвращайся и торгуй. Корейская дубина помер, отныне у тебя будет наш пункт связи.

Дедушка не унимался:

— Я хочу научиться стрелять и убить Цао Мэнцзю.

— Его ничтожная жизнь в наших руках, в любой момент можем свести с ним счёты!

— Что ж, я зря ходил? — обиженно проворчал дедушка.

Пестрошей кинул дедушке его пистолеты. Тот неловко поймал один, второй уронил прямо в раскисшую жижу. Дедушка поднял его, вытряхнул набившуюся в ствол грязь, а потом полой одежды вытер грязь, налипшую сверху.

Кто-то из разбойников снова хотел завязать дедушке глаза чёрной тряпкой, но Пестрошей махнул рукой:

— Можно и без этого. — Потом встал и сказал: — Пойдёмте искупаемся в речке, а заодно проводим немного хозяина винокурни.

Один из разбойников повёл мула, дедушка тащился за ним, а Пестрошей и остальные его подручные столпились позади дедушки.

Когда они дошли до дамбы, Пестрошей холодно глянул на дедушку, вытиравшего с лица пот и грязь.

— Зря только пришёл, зря… ну и жарища… — ворчал он.

Дедушка сорвал с себя перепачканную в грязи одежду, кинул на неё два своих пистолета, быстро прошёл несколько шагов и вдруг прыгнул в реку. Он барахтался в воде,

как полоски теста в шкворчащем масле, голова то всплывала, то тонула, он бил руками по воде, словно пытался вырвать клок рисовой соломы.

— Эй, парень, ты что, плавать не умеешь? — спросил один из разбойников.

Пестрошей хмыкнул.

С речки донеслись странные звуки — это дедушка пытался крикнуть, но тут же захлебнулся. Течение начало потихоньку сносить его на восток.

Пестрошей тоже двинулся вдоль реки на восток.

— Атаман, он и впрямь сейчас потонет!

— Так лезьте в воду и вытащите его! — распорядился Пестрошей.

Четверо бандитов прыгнули в реку и вытащили дедушку, который наглотался воды так, что его живот напоминал заполненный кувшин. Он лежал на насыпи, вытянувшись, словно мёртвый.

Пестрошей велел:

— Приведите сюда мула.

Один из разбойников прибежал, ведя за собой мула.

Пестрошей сказал:

— Положите его на спину мула животом вниз!

Дедушку уложили на спину мула, прижав надувшимся как барабан животом к седлу.

— А теперь хлестните мула, чтоб побежал! — скомандовал Пестрошей.

Один из бандитов тянул мула, второй его подгонял, а ещё двое поддерживали дедушку. Наш большой чёрный мул помчался на насыпи. Когда он отбежал примерно на расстояние двух выстрелов из лука, у дедушки изо рта фонтаном вырвался целый столп мутной воды.

Разбойники сняли дедушку с мула и снова положили на насыпь. Он так и остался там лежать и, вращая глазами, как дохлая рыба, смотрел на здоровенного Пестрошея.

Пестрошей снял с себя плащ и, ласково улыбаясь, сказал:

— Парень, считай, второй раз родился.

Лицо у дедушки было мертвенно-бледным, мышцы на щеках сводило судорогой.

Пестрошей и остальные разбойники разделись и попрыгали в воду. Все они были отличными пловцами и устроили настоящую битву, отчего во все стороны разлетались брызги.

Дедушка потихоньку поднялся, накинул на плечи плащ Пестрошея, высморкался, прочистил горло, размял руки и ноги. Седло мула было мокрым, и дедушка вытер его одеждой Пестрошея. Мул нежно потёрся о ногу дедушки гладкой, как атлас, мордой. Дедушка потрепал его по спине:

— Чёрненький, подожди немного!

Когда дедушка схватил пистолеты, разбойники, словно стая уток, кинулись к берегу. Дедушка семь раз выстрелил, придерживаясь чёткого ритма. По бездушной воде Мошуйхэ разлетелись кровь и мозги семи разбойников.

Дедушка выстрелил ещё семь раз.

Пестрошей уже выбрался на берег. Речная вода омыла кожу, и она стала белоснежной. Разбойник, без тени страха стоя среди зелёной травы на речной отмели, с восхищением присвистнул:

— Отлично стреляешь!

Горячие, похожие на золото солнечные лучи осветили капли, катившиеся по его телу или неподвижно повисшие на коже.

— Пестрошей, ты щупал мою женщину? — спросил дедушка.

— К сожалению!

— Ты как стал разбойником?

— Ну, ты тоже не помрёшь, спокойно лёжа на кане.

— В воду не пойдёшь?

Пестрошей сделал несколько шагов, остановился на мелководье и ткнул себя в сердце:

— Стреляй сюда, а то разбитая голова слишком уродливо выглядит!

— Хорошо.

Семь пуль изрешетили сердце Пестрошея, он застонал и повалился в речку на спину. Ноги ещё какое-то время торчали над водой, а потом он потихоньку ушёл на дно, словно рыба.

На следующее утро дедушка с бабушкой, оседлав чёрных мулов, поехали к прадедушке. Тот как раз отливал из серебра «замок долголетия»[74] и при виде дедушки с бабушкой перевернул маленький плавильный котёл.

Дедушка сказал:

— Слыхал, что Цао Мэнцзю одарил тебя десятью серебряными юанями.

— Пощади меня, достойный зять! — Дедушка упал на колени.

Дедушка достал из-за пазухи десять серебряных долларов и уложил их на гладкий лоб прадедушки.

— Выпрями шею и не двигайся! — рявкнул дедушка.

Дедушка отошёл на несколько шагов и двумя выстрелами — бах! бах! — сбил две монетки.

Он выстрелил ещё дважды, и ещё две монетки слетели.

Постепенно тело прадедушки обмякло, и дедушка не успел сделать все десять выстрелов, когда прадедушка повалился, разбитый параличом.

Бабушка вытащила из-за пазухи сотню монет и разбросала их так, что пол заблестел серебром.

11

Дедушка и отец вернулись в свой разрушенный дом, вытащили из тайника пятьдесят серебряных юаней, переоделись в лохмотья, как попрошайки, пробрались в уездный город и неподалёку от вокзала в маленькой лавочке, над которой висел красный фонарь, купили пятьсот патронов у густо напомаженной и напудренной женщины. Несколько дней они прятались, а потом с помощью различных уловок проскользнули через городские ворота, чтобы найти Рябого Лэна и поквитаться.

Утром на шестой день после засады на мосту через Мошуйхэ дедушка и отец, подгоняя маленького козлёнка, готового лопнуть, добрались до гаолянового поля на западном краю деревни. Это было пятнадцатое число восьмого месяца по лунному календарю. Больше четырёхсот японцев и шестисот солдат марионеточной армии окружили деревню железным кольцом.

Дедушка и отец тут же освободили козлёнку задний проход, и несчастное животное сначала вывалило килограмм навоза, а следом несколько сот патронов. Не обращая внимания на ужасную вонь, они быстро вооружились, чтобы развернуть в гаоляновом поле героическую борьбу с агрессорами. Хотя им удалось убить несколько десятков японцев и несколько десятков солдат марионеточной армии, в итоге отец и сын так и не смогли незначительными силами изменить ход событий. Ночью деревенские жители попытались прорвать окружение на южном краю деревни, где не слышно было выстрелов, и попали под ураганный огонь японских пулемётов. Несколько сот мужчин и женщин погибли в гаоляновом поле, а их смертельно раненные односельчане катались по земле, приминая несметное множество стеблей красного гаоляна.

Отступая, японские черти подожгли все дома в деревне, пламя взвилось ввысь, осветив половину неба.

В тот день луна была полной и кроваво-красной, но из-за этой бойни сделалась бледной и слабой и, убитая горем, висела в небе, как выцветший рисунок, вырезанный из бумаги.

— Пап, куда мы теперь пойдём?

Дедушка ничего не ответил.

ЧАСТЬ III СОБАЧЬИ ТРОПЫ

1

Славная история человечества связана с огромным количеством легенд и воспоминаний о собаках: отвратительных собаках, почтенных собаках, страшных и жалких. Пока дедушка с отцом бесцельно шатались по перекрёсткам жизни, сотни собак под предводительством трёх наших псов на месте массового убийства в гаоляновом поле к югу от нашей деревни когтями процарапали в чернозёме серо-белые дорожки. Изначально мы держали дома пять собак. Те две жёлтых собаки, испытавших тяготы и лишения, одновременно умерли, когда моему отцу было три года. Когда Чёрный, Зелёный и Красный стали вожаками стаи и блеснули своими талантами на месте бойни, им было почти по пятнадцать лет, для человека это ещё молодость, а для пса уже старость.

После массового убийства полилась рекой чёрная кровь, которая немилосердно смыла болезненные воспоминания о засаде и бое на реке Мошуйхэ, вырезанные в сердцах дедушки и отца, словно бы чёрная туча закрыла собой кроваво-красное солнце. Но воспоминания отца о бабушке словно солнечный луч пробивались через просветы в тучах. Солнцу, закрытому чёрными тучами, было явно очень плохо: его лучи, пробившиеся сквозь густые тучи, вызывали у меня страх и тревогу. А из-за тоски по бабушке, что периодически прорывалась в упорной борьбе отца с поедающими трупы бешеными собаками, я и вовсе испытываю страх, как бездомный пёс.

В ходе массового убийства вечером в праздник Середины осени одна тысяча девятьсот тридцать девятого года были истреблены почти все жители нашей деревни, а несколько сот собак стали по-настоящему бездомными. Дедушка постоянно отстреливал псов, прибегавших на запах крови, чтобы полакомиться мертвечиной, пистолет в руках отца уже охрип, от него исходил жар. Ствол светился красным цветом под полной луной, белой, словно иней, холодной, как лёд. После ожесточённого боя гаолян, окутанный чистым и печальным лунным светом, казался особенно спокойным. Пожар в деревне полыхал вовсю, языки пламени беспорядочно лизали низкое небо, издавая при этом звук бьющегося на ветру знамени. Японские и объединённые императорские войска[75] нанесли удар по деревне, подожгли все дома, а потом отступили через северный коридор в окружении. Всё это случилось три часа тому назад, у дедушки, который за семь дней до этого был ранен в правое плечо, прорвало нарыв, рука висела вдоль тела как неживая, и он не мог стрелять. Отец помог ему перевязать рану. Дедушка бросил перегревшийся от стрельбы пистолет на влажную землю у корней гаоляна, и тот зашипел. Когда раненое плечо перевязали, дедушка сел, слушая хриплое ржание японских строевых коней, стремительный, как ветер, цокот их копыт. Звуки постепенно удалялись в сторону северного края деревни, а потом и вовсе исчезали в гаоляновом поле вместе с криками мулов, тащивших пушки, и уставшими шагами солдат объединённых императорских войск.

Отец стоял рядом с дедушкой, вслушиваясь в топот копыт японских коней. После обеда отца до смерти напугал налетевший на него огромный огненно-красный конь, он увидел, что копыто величиной с таз для умывания целится и летит прямо в голову, а блеск полукруглой подковы, словно молния, озаряет глубины его сознания.

Отец невольно выкрикнул «Папа!», а потом обеими руками закрыл голову и присел на корточки в гаоляновом поле. Конь мчался так, что поднимал ветер, и этот ветер разносил смесь зловония мочи и кисловатого запаха пота, исходивших от брюха коня, оседавших

плотным слоем на голове и теле отца и долго-долго не выветривавшихся. Огромное тело японского коня сбивало стебли направо и налево, зёрна перезревшего, ярко-алого гаоляна градом хлестали отца по голове, землю покрывал слой этих несчастных зёрен. Отец вспомнил, как они сыпались на лицо бабушки, лежавшей на спине в гаоляновом поле. Семь дней назад гаолян уже созрел, но ещё не переспел, и вылущить зёрна могли лишь удары коротких клювов голубей, они тогда не сыпались частым градом — это был скорее ласковый редкий дождик. Перед глазами отца стремительно всплывала и так же быстро исчезала яркая картина: между слегка приоткрытых обескровленных губ бабушки поблёскивают перламутровые зубы, а на зубах сияют, словно бриллианты, несколько зёрнышек красного гаоляна. Налетевший на отца огромный конь с трудом развернулся и помчался назад, гаолян позади него отчаянно сопротивлялся. Некоторые стебли сломаны или погнуты, другие снова встают и трясутся от холода на осеннем ветру, как больной малярией. Раздутые от учащённого дыхания ноздри, толстые красные вывернутые губы, а из-за закушенной уздечки и белоснежных зубов брызжет кроваво-красная пена, прилипая к жадной нижней губе. Глаза коня слезятся от белой пыли, что сыплется с гаоляновых стеблей. Всё его тело блестит, а высоко в седле — молодой, удалой японский солдат, голова в квадратной шапочке чуть возвышается над колосьями. В этом стремительном движении гаоляновые метёлки безжалостно стегают его, больно хлещут — и даже надоедливо щекочут. Японец невольно зажмурился. Такое чувство, что он ненавидит этот гаолян, испытывает к нему отвращение, а гаолян так исхлестал его красивое лицо, что живого места не осталось. Отец видел, как японец свирепо срубает колосья гаоляна саблей, некоторые растения беззвучно складывают головы, но стебли продолжают стоять неподвижно, другие громко шелестят, а срубленные метёлки с хриплыми криками валятся в сторону и болтаются на трясущихся стеблях, третьи же с удивительной гибкостью уворачиваются от сабли, сначала наклоняются назад, а потом вслед за клинком распрямляются, словно к ним от сабли тянется верёвка. Японец понёсся вскачь прямо на отца, высоко подняв саблю. Отец бросил давно уже бесполезный браунинг, на счету которого много жестоких преступлений, прямо в вытянутую лошадиную морду, пистолет попал точно в лоб несущемуся коню и издал при ударе глухой стук. Красный конь вытянул шею, внезапно упал на колени, поцеловав чёрную почву, затем его шея изогнулась, и голова ровно легла на землю. Скакавший японский солдат свалился и, скорее всего, сломал руку, в которой держал оружие: отец увидел, как сабля выпала, а рука, коснувшись земли, громко хрустнула, ткань рукава пробил острый неровный обломок кости, а рука, повиснув плетью, зажила собственной жизнью и начала подёргиваться. Когда кость прорвала рукав, крови не было, от ужасающе белого обломка пахнуло мрачным могильным духом, однако вскоре из раны потекли ручейки алой крови; она вытекала неравномерно, то сильнее, то слабее, то быстрее, то медленнее, напоминая красные вишни, которые появлялись одна за другой, а потом так же исчезали. Одна нога японца оказалась зажатой под брюхом коня, вторую он закинул над его головой, и ноги образовали огромный тупой угол. Отец очень удивился, поскольку и представить не мог, что могучий японский конь и всадник падут от одного удара. Дедушка выполз из гаоляна и тихонько позвал:

— Доугуань!

Отец растерянно встал, глядя на дедушку.

Из зарослей гаоляна, словно вихрь, вылетел конный отряд японцев, глухой стук копыт о рыхлую землю смешивался со звонким хрустом ломавшихся стеблей. Всадники мчались напролом, не разбирая дороги, их разозлили точные и холодные выстрелы дедушки и отца,

поэтому они вынуждены были прервать атаку на деревню, оказавшую столь упорное сопротивление, и прочёсывать гаоляновое поле.

Дедушка крепко обнял отца и придавил его к чёрной земле. Перед их лицами со свистом и грохотом пролетели огромные копыта японских коней. Растревоженная земля болезненно стонала, стебли гаоляна беспомощно раскачивались, а золотисто-красные зёрна рассеивались вокруг, заполняя глубокие следы копыт.

Конный отряд удалился, гаолян постепенно перестал раскачиваться. Дедушка встал. Отец поднялся с земли, увидел, насколько глубокие рытвины остались в чернозёме от его коленей, и только тогда осознал, с какой силой дедушка надавил на него всем телом.

Тот японский солдат не умер. Он опомнился после приступа острой боли, опёрся здоровой рукой о землю и с усилием потянул на себя ту ногу, что лежала перед головой коня. Он шевелил ногой, которая, казалось, перестала ему принадлежать, и при этом прерывисто хрипел. Отец увидел, как на лбу японца выступили капельки пота. Пот смывал с его лица землю и пороховой дым, обнажая одну за другой бледные полоски кожи. Конь тоже не умер. Его шея извивалась, как удав, а изумрудно-зелёные глаза скорбно смотрели на незнакомое небо и солнце дунбэйского Гаоми. Всадник немного отдохнул и начал с силой вытаскивать ногу, зажатую под брюхом коня.

Дедушка подошёл и помог ему высвободить ногу, а потом поднял японца, ухватив под мышки. Ноги солдата обмякли, и он всем телом повис на руках дедушки. Дедушка опустил его, и японец рухнул на землю, словно глиняный божок, размокший в воде. Дедушка подобрал его блестящую саблю и замахнулся на стебли гаоляна. Она описала две дуги — вниз и вверх, и на месте двух десятков стеблей осталась лишь сухая стерня.

Дедушка ткнул острым кончиком сабли в прямой красивый белый нос японца и сдавленно спросил:

— Ну что, японский чёрт, куда подевалось всё твоё величие?

Японец без остановки моргал чёрными как уголь большими глазами, а из его рта вылетали потоки округлых слов. Отец понял, что японец просит пощады. Он трясущейся здоровой рукой вытащил из нагрудного кармана прозрачный пластиковый футляр и отдал дедушке, не переставая что-то лепетать.

Отец подошёл и увидел, что в пластиковом футляре лежала раскрашенная фотография. На снимке была запечатлена молодая красивая девушка, обнимавшая пухлого младенца обнажённой белоснежной рукой. На лицах обоих застыла спокойная улыбка.

— Твоя жена? — спросил дедушка.

Японец что-то проблеял в ответ.

— И твой сын?

Снова что-то невразумительное.

Отец наклонился поближе, глядя на нежно улыбающуюся женщину и очаровательного в своей невинности младенца.

— Скотина, ты меня думаешь этим растрогать? — Дедушка с силой подбросил футляр, и футляр взлетел в солнечных лучах, словно бабочка, а потом стал падать, купаясь в солнечном свете. Дедушка схватил саблю и, нацелившись на футляр, с пренебрежением рубанул. Лезвие блеснуло холодным светом, футляр дёрнулся, развалился на две части и упал к ногам отца.

У отца потемнело в глазах, и тело насквозь пронзил холод. Зелёные и красные пятна вспыхивали перед зажмуренными глазами. Он ощутил ужасную боль в сердце и не

осмеливался открыть глаза и взглянуть на прекрасную нежную женщину и невинного младенца, наверняка разрубленных пополам.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Японский солдат с трудом, но довольно быстро подполз к ногам отца, здоровой, но дрожащей рукой схватил половинки футляра. Он явно хотел воспользоваться раненой рукой, но она висела как плеть и перестала слушаться. Свежая кровь капала с тёмно-жёлтых кончиков пальцев. Японец неуклюже собрал одной рукой половинки фотографии жены и сына, его пересохшие губы дрожали, а сквозь щель между стучащими зубами доносились обрывки непонятных слов.

Два прозрачных ручейка слёз побежали по чумазым ввалившимся щекам, он приложил фотографию к губам, а в горле что-то продолжало клокотать.

— Скотина, тоже плакать умеешь, мать твою? Ты знаешь, что такое жена и ребёнок, зачем же убиваешь наших жён и детей? Думаешь, выдавишь из своих поганых глаз пару зловонных капель и я тебя не стану убивать? — прорычал дедушка и занёс над его головой японскую саблю, блестевшую серебряным светом.

— Па-а-а-а-п! — протяжно закричал отец и обеими руками вцепился в дедушкину руку. — Пап, не убивай его!

Рука дедушки тряслась возле груди отца. Тот запрокинул голову и полными слёз, страдальческими глазами с мольбой смотрел на своего папу, которому ничего не стоило убить человека. Про таких говорят — сердцем подобен железу и камню.

Дедушка тоже опустил голову. И тут на них волной накатил оглушительный гул, с которым японские миномёты бомбили деревню, и резкий свист пуль из японских пулемётов, поливавших огнём односельчан, которые продолжали сопротивление, укрывшись за земляным валом. Из глубины гаолянового поля снова раздалось свирепое ржание японских коней и треск, с которым чернозём раскалывался под копытами. Дедушка тряхнул рукой и отбросил отца в сторону.

— Ах ты, сосунок! Ты что творишь? Ради кого слёзы проливаешь? Оплакиваешь маму? Дядю Лоханя? Или дядю Немого и других односельчан? — накинулся он на отца. — Нет ведь, ты распустил нюни из-за этой шавки! Разве не ты своим браунингом сбил с ног его коня? Не он ли собирался затоптать тебя копытами и зарубить саблей?! Утри слёзы, сынок, бери саблю и убей его!

Отец попятился, а слёзы потекли пуще прежнего.

— Иди сюда!

— Я не… папа… я не…

— Трус!

Дедушка пнул отца и, держа в руках саблю, сделал шаг назад, отойдя на некоторое расстояние от японца, а потом замахнулся.

У отца перед глазами сверкнула молния, а сразу после этого наступила кромешная тьма. Когда дедушка рубанул японца саблей, раздался такой звук, словно разрывали мокрый шёлк, и этот звук заглушил грохот выстрелов. У отца задрожали барабанные перепонки, внутри всё затрепетало. Когда зрение вернулось, красивый молодой японец уже лежал на земле, разрубленный пополам. Сабля вошла ему в левое плечо, а вышла из правого бока, под рёбрами, и разноцветные внутренние органы живо пульсировали, источая жаркое зловоние. Кишки отца свернулись в клубок, спазм ударил по диафрагме, и изо рта фонтаном хлынула зелёная жижа. Он развернулся и побежал.

Отец не осмелился взглянуть на выпученные глаза японца под длинными ресницами, но перед его взором то и дело появлялась картина разрубленного пополам человеческого тела. Этим ударом дедушка словно разрубил пополам всё на свете. Даже самого себя. Отцу померещилось, будто по небу кружит огромная сабля, поблёскивающая кроваво-красным клинком, и она с лёгкостью, словно арбузы или кочаны капусты, разрубает пополам всех: дедушку, бабушку, дядю Лоханя, японского всадника вместе с его женой и ребёнком, дядю Немого, горниста Лю, братьев Фан, Четвёртого Чахоточника, адъютанта Жэня…

Дедушка отбросил окровавленную саблю и побежал догонять отца, который нырнул в гаоляновое поле. Японская конница снова пронеслась, как ураган. Мина со свистом вылетела из гаолянового поля, почти вертикально воткнулась в землю среди крестьян, которые упорно оборонялись по ту сторону земляного вала, стреляя из самопалов и пищалей, и взорвалась.

Дедушка схватил отца за шею и начал изо всех сил трясти:

— Доугуань! Доугуань! Недоносок ты мелкий! Совсем спятил? На погибель идёшь? Жить надоело?

Отец вцепился в большую крепкую ладонь дедушки и пронзительно заорал:

— Папа! Папа! Папа! Забери меня отсюда! Забери меня! Я не хочу больше воевать! Не хочу! Я видел мёртвую маму! Дядю! И всех остальных!

Дедушка без тени жалости ударил отца по губам. Удар получился очень сильным. Шея тут же обмякла, голова свесилась, подрагивая, на грудь, а изо рта побежала слюна с прожилками крови.

2

Японцы отступили. Полная луна, огромная и хрупкая, будто вырезанная из бумаги, всходила над верхушками гаоляна, при этом она уменьшалась в размерах и постепенно начала излучать свет. Многострадальный гаолян в лунном свете стоял навытяжку в торжественном молчании, только семена время от времени падали на чёрную землю, словно хрустальные слёзы. В воздухе стоял густой сладковатый запах — человеческая кровь пропитала чернозём на южной околице деревни. Языки пламени над домами подёргивались, словно лисьи хвосты, то и дело слышался треск горящей древесины, со стороны деревни тянуло гарью, гарь смешивалась с запахом крови на гаоляновом поле, порождая удушающий смрад.

Рана на плече дедушки за три с половиной часа напряжения вскрылась, оттуда вытекло много чёрной крови и зловонного сероватого гноя. Дедушка попросил отца помочь выдавить остатки гноя. Ледяными маленькими пальцами отец со страхом надавил на синюшную кожу на краях раны, и из неё тут же пошли пузыри, напоминающие радужку глаза, и сильно потянуло гнилью, как из кадушки с засолёнными овощами. С ближайшей могилы дедушка взял листок жёлтой бумаги,[76] придавленный комом земли, и велел отцу наскрести с гаолянового стебля на бумагу немного белого порошка, похожего на соль. Отец обеими руками поднёс дедушке бумагу с горкой порошка. Дедушка зубами вскрыл патрон и высыпал туда же серовато-зелёный порох, смешав его с гаоляновым порошком, после чего взял щепотку и собирался было посыпать на рану, когда отец тихонько спросил:

— Пап, а может, ещё земли добавить чуток?

Дедушка подумал немного и согласился:

— Давай.

Дедушка выкопал у корней гаоляна ком чернозёма, растёр его в пальцах и высыпал на жёлтую бумагу. Потом равномерно перемешал все три составляющих и прямо вместе с бумагой прижал к ране. Отец помог ему повязать грязный бинт.

— Пап, теперь поменьше болит?

Дедушка пошевелил рукой пару раз и ответил:

— Намного лучше! Доугуань, это чудодейственное средство, любую даже самую глубокую рану лечит!

— Пап, а если бы мамке тогда приложили это лекарство, то она бы не померла?

— Не померла бы… — хмуро ответил дедушка.

— Пап, что ж ты раньше не рассказал мне про этот способ? У мамки из раны кровь вытекала, булькала. Я заткнул рану землёй, сначала помогло… А потом кровь опять… Если бы я тогда добавил гаолянового порошка и пороху, она бы поправилась…

Дедушка, слушая всхлипывающего отца, заряжал раненой рукой пистолет. Японские мины разрывались на земляном валу, поднимая клубы тёмно-жёлтого дыма.

Отцовский браунинг остался под брюхом японского коня, поэтому в последней битве под вечер отец таскал за собой японский карабин чуть меньше его роста, а дедушка по-прежнему стрелял из немецкого маузера, причём от такой частой пальбы и без того немолодой маузер стремительно превратился в бесполезную железку. Отцу казалось, что ствол дедушкиного пистолета искривился и вытянулся. Хотя в деревне полыхали высокие костры, над гаоляновым полем стояла безмятежная тихая ночь. Лунный свет, ещё более

холодный, прозрачный и яркий, лился на постепенно увядающие гаоляновые колосья. Отец следовал за дедушкой, таща карабин. Они огибали место бойни, и ноги хлюпали по пропитанной кровью земле. Трупы людей и останки гаоляна лежали в куче. Лужи крови искрились в лунном свете. Последние моменты детства моего отца были начисто стёрты видами этих жутких сцен. Ему казалось, что из гаоляна доносятся стоны, а в горе трупов копошится кто-то живой. Отец хотел окликнуть дедушку, чтобы пойти и проверить — вдруг кому-то из односельчан удалось уцелеть. Он поднял глаза, увидел бронзовое лицо отца, подёрнутое пятнами патины и утратившее человеческое выражение, и слова застряли в горле.

В особенно важные моменты отец всегда рассуждал более трезво, чем дедушка. Его соображения плавали на поверхности, им не хватало глубины, а именно это и нужно для партизанской войны! Дедушкины же мысли застывали в одной точке, будь то искорёженное лицо, сломанная винтовка или летевшая откуда-то пуля. На всё остальное он смотрел, но не видел, а все звуки, кроме одного-единственного, улавливал, но не слышал. Спустя несколько десятков лет эта дедушкина проблема, или же особенность, приняла ещё более серьёзные формы. После возвращения на родину с безлюдных гор на Хоккайдо взгляд его стал бездонным: когда он на что-то смотрел, казалось, он хочет этот предмет поджечь. Отцу так никогда и не удалось достичь подобных глубин философской мысли. В одна тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году он с лихвой хлебнул горя и страданий, но, когда он выбежал из вырытой матерью землянки, его глаза были такими же, как в детстве: живыми, растерянными, изменчивыми. За всю жизнь отец так и не смог уяснить взаимоотношений человека и политики, человека и общества, человека и войны. Хотя в жерновах войны он обрёл ледяную броню, свет его личности всегда пытался пробиться сквозь неё, но был этот свет холодным, искорёженным, в нём сквозило что-то от животного.

Они обошли место бойни больше десяти раз, и тогда отец, всхлипывая, взмолился:

— Пап… я больше не могу идти…

Дедушка очнулся от этого механического движения, взял отца за руку и отвёл на десять шагов назад, где они сели на ещё не затопленную человеческой кровью твёрдую и сухую землю. Треск кострищ в деревне усиливал ощущение тишины и холода на гаоляновом поле. Слабое золотисто-жёлтое пламя подрагивало в серебристом лунном свете. Дедушка посидел немного, а потом повалился назад, словно рухнувшая стена. Отец положил голову ему на живот и забылся зыбким сном. Он почувствовал, как дедушкина обжигающе горячая рука гладит его по голове и вспомнил, как больше десяти лет назад сосал материнскую грудь.

Тогда ему было четыре года, и он чувствовал отвращение к бабушкиной желтоватой груди, которую она насильно пихала в рот. Он держал во рту кисловатый твёрдый сосок, а в душе зарождалась ненависть. Глядя на бабушкино лицо злыми, как у зверька, глазками, он с силой укусил её. И почувствовал, как сосок резко сжался, а тело дёрнулось. Ручеёк сладковатой жидкости наполнил рот теплом. Бабушка поддала ему по попе, а потом спихнула с коленей. Отец упал, потом сел, глядя, как из бабушкиной груди, свисающей, словно дыня, капают ярко-красные бусинки крови. Он поныл немного, но без слёз. Бабушка же корчилась от боли и рыдала в три ручья. Он слышал, как она обозвала его волчонком, таким же жестоким, как его отец. Только потом отец узнал, что в тот год, когда ему исполнилось четыре, дедушка любил не только бабушку — он влюбился ещё и в бабушкину служанку, ту самую Ласку, которая успела вырасти и превратиться во взрослую девушку с чёрными как смоль блестящими волосами. Когда отец до крови укусил бабушку, дедушке

надоела бабушкина ревность, и он купил в соседней деревне дом и переехал туда вместе с Лаской. Поговаривали, что моя «младшая бабушка» тоже была не робкого десятка, даже бабушка её боялась, но все подробности я обязательно расскажу потом. Младшая бабушка родила мне тётю, в одна тысяча девятьсот тридцать восьмом году японские солдаты прокололи тётю штыками, а младшую бабушку всей толпой по кругу насиловали, но и об этом подробнее я расскажу позже.

Дедушке с отцом ужасно хотелось спать. Дедушка чувствовал, как рана на руке дико пульсирует, а вся рука горит огнём. Их ноги опухли так сильно, что с трудом влезали в матерчатые туфли, и они представляли, каким счастьем было бы проветрить преющие ступни при лунном свете, но ни у того, ни у другого не было сил сесть и разуться.

Они лежали в полузабытьи — вроде спали, а вроде и нет. Отец повернулся и лёг затылком на дедушкин твёрдый живот, обратив лицо к звёздному небу, и ниточка серебристого лунного света светила ему прямо в глаз. Доносился приглушённый плеск воды в Мошуйхэ, а на Млечном Пути собирались одна за другой чёрные тучи, похожие на чёрных змей — они то извивались, то словно бы застывали. Отец вспомнил слова дяди Лоханя: если Небесная река[77] разворачивается поперёк неба, то осенние дожди пойдут непрерывной чередой. Отцу лишь однажды довелось видеть настоящий осенний паводок. Гаолян тогда уже должны были убирать, и тут вода в реке Мошуйхэ резко поднялась, прорвала дамбу, и вода хлынула на поля и в деревню. Гаолян среди потопа старательно тянул вверх головы, а крысы и змеи сидели, свернувшись на колосьях. Отец вместе с дядей Лоханем ходили по земляному валу, который дополнительно укрепили, с тревогой глядя на жёлтую воду — она была кругом, доходила до горизонта да ещё и лилась с неба. Осенний паводок долго не отступал, и тогда деревенские жители связали деревянные плоты, поплыли на гаоляновое поле и начали серпами срезать гаоляновые колосья, на которых уже проклюнулись новые зелёные почки. Снопы влажных тёмно-красных и изумрудно-зелёных колосьев такой тяжестью легли на плот, что едва его не потопили. Смуглые, тощие, босоногие мужчины в дырявых широкополых конических шляпах и с голыми спинами стояли на плотах, расставив ноги, и с силой отталкивались длинными шестами то слева, то справа. Плоты медленно двигались в сторону земляного вала. В деревне вода тоже доходила до колена, в ней стояли лошади и мулы, а по поверхности плавали их экскременты. Когда осеннее солнце клонилось к закату, вода сверкала, словно расплавленный чугун, вдалеке над ней торчали золотисто-алые макушки ещё не убранного гаоляна, над которым пролетали большие стаи диких гусей; от взмахов множества крыльев поднимался прохладный ветер, и по воде между стеблями шла рябь. Отец увидел, что между рядами гаоляна широким потоком течёт прозрачная вода, образуя чёткую границу с жёлтой жижей вокруг. Отец понял, что это Мошуйхэ. Мужчины, управлявшие плотами, тяжело дышали, о чём-то друг у друга спрашивали и медленно двигались в сторону земляного вала. На одном плоту, которым управлял молодой односельчанин, лежала огромная рыбина-амур[78] с серебристым брюхом и тёмной спиной, в её жабры были воткнуты гибкие тонкие гаоляновые стебли. Парень на плоту поднял рыбину, чтоб похвастаться перед остальными. Она была размером в половину его роста, из жабр текла кровь, рот широко открылся, а неподвижные глаза страдальчески смотрели на отца…

Отец вспомнил, как дядя Лохань купил эту громадную рыбину, как бабушка своими руками выпотрошила её и наварила целый котёл ухи. От одного только воспоминания о вкусном супе страшно захотелось есть. Он сел и позвал:

— Пап, ты не голоден? Пап, я есть хочу. Найди мне что-нибудь поесть, а то умираю с

голода…

— Доугуань, пошли, — сказал дедушка, — пошли вслед за мамкой…

Отец испугался и пронзительно вскрикнул:

— Нет, пап, мамка померла, а мы ещё живы, я проголодался, отведи меня поискать что-нибудь съестное.

Отец потащил дедушку за руку, но тот бормотал себе под нос:

— Куда идти? Куда идти?

Отец, таща дедушку за руку, шёл, петляя, между гаоляновыми стеблями, словно бы догоняя полную луну, которая висела ещё выше и казалась ещё холоднее. Рядом с кучей трупов раздался звериный рык. Отец и дедушка тут же обернулись и увидели несколько пар зелёных глаз, похожих на блуждающие огни, и серо-сизые тени, метавшиеся вокруг. Дедушка вытащил пистолет и прицельно выстрелил — вылетело пламя, зелёные глаза потухли, а по гаоляновому полю разнёсся предсмертный вой собаки. Дедушка выстрелил подряд семь раз, и несколько раненых псов катались в гаоляне и возле горы трупов. Дедушка расстрелял всю обойму, и те псы, что не пострадали, отбежали на безопасное расстояние и оттуда гневно рычали на дедушку и отца.

Последние несколько патронов из дедушкиного маузера пролетели тридцать с лишним шагов и упали. Отец видел, как пули в лунном свете летят, поворачиваясь, так медленно, что руку протяни и схватишь. Маузер утратил свой молодой звонкий голос, теперь казалось, что это кашляет и отхаркивается седовласый старик. Дедушка поднял пистолет, осмотрел, и его лицо приняло скорбно-печальное выражение.

— Пап, патроны кончились? — спросил отец.

Тех пятисот патронов, что дедушка с отцом привезли из уездного города в кишках козлёнка, хватило на несколько часов. Точно так же, как человек может внезапно состариться за один день, маузер тоже состарился за один день. Дедушка с грустью ощущал, что оружие всё чаще нарушает его волю, и настало время проститься.

Дедушка вытянул руку, внимательно посмотрел на тёмный блеск поверхности пистолета в лунном свете, потом разжал пальцы, и маузер тяжело упал на землю.

Зеленоглазые псы снова столпились вокруг трупов, сначала они побаивались, и в зелёных глазах плясали искорки страха, но вскоре зелёные огоньки пропали из виду, луна освещала лишь волны на голубовато-серых шкурах, дедушка с отцом слышали, как лязгают пасти и как собаки разрывают тела.

— Пап, давай вернёмся в деревню, — сказал отец.

Дедушка замешкался, но отец потянул за руку, и он пошёл следом.

Костры в деревне уже по большей части потухли. Между обвалившихся стен рассеивался жар от тёмно-красной золы, на улицах дул горячий ветер, от которого начинаешь задыхаться, струйки белого и чёрного дыма переплетались среди обожжённых и высохших верхушек деревьев. Древесина, обугливаясь, потрескивала, как бобы во время жарки. Крыши домов, утратив опору, обрушивались, поднимая клубы пыли и пепла до небес. На земляном валу и на улицах в беспорядке валялись трупы. История нашей деревни снова начиналась с чистого листа. Раньше на этом месте была пустошь, поросшая тростником и кустарником, здесь сновали лисы и дикие зайцы. Затем тут появились несколько хижин пастухов, а потом сюда стали стекаться беглые убийцы, бездомные пьянчуги и скрывающиеся от властей игроки, зарабатывающие азартными играми на жизнь… Они понастроили здесь домов, освоили целину и обустроили настоящий рай. Лисы и дикие зайцы покинули родные места, на

прощание громко выражая протест. Тогда деревня снова превратилась в развалины, созданное человеком было человеком и разрушено. В нынешнем же своём виде деревня — печальный рай, памятник скорби и радости, возведённый на месте тех развалин. Когда в одна тысяча девятьсот шестидесятом году тёмный голод [79] накрыл Шаньдун, мне было всего четыре года, но я смутно ощущал, что дунбэйский Гаоми всегда лежал в руинах, а обломки, накопившиеся в душах жителей дунбэйского Гаоми, никогда не пытались убрать, да это и невозможно.

В тот вечер, когда все соседние дома уже сгорели дотла, больше десятка помещений, принадлежащих нашей семье, всё ещё пылали. Когда горела наша усадьба, здания лизали изумрудно-зелёные языки пламени, и от них поднимался пьянящий винный дух, скопившийся за долгие годы. Синяя черепица в огне искривлялась и деформировалась, становилась тёмно-красной, её обломки стремительно разлетались, словно осколки снаряда. Пламя освещало седину в дедушкиных волосах, за каких-то семь дней чёрные волосы поседели на три четверти. Крыша с грохотом рухнула, пламя на минуту унялось, но тут же бешено взмыло ещё выше. От этого грохота у дедушки и отца аж дыхание в груди спёрло. Эти несколько десятков зданий, которые сначала стали убежищем для отца и сына Шаней, пока они богатели, потом для дедушки, который устроил тут пожар и убил хозяев, а ещё пристанищем любви и ненависти бабушки, дедушки, Лоханя и многочисленных работников, завершили свою так называемую «историческую миссию». Я возненавидел это убежище до глубины души, поскольку оно приютило не только достойные и удивительно искренние чувства, но в то же время скрывало уродство и преступления.

Отец, когда ты в одна тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году прятался в землянке, вырытой между строениями в нашей усадьбе, ежедневно и еженощно в кромешной тьме вспоминал прожитые годы, как минимум триста шестьдесят раз думал о том, как в огне обвалились крыши наших построек, и о том, что в тот момент было на уме у твоего отца — моего дедушки. Мои фантазии по пятам следуют за твоими, а твои — за дедушкиными.

Состояние дедушки, когда он увидел, как рухнула крыша, сравнимо с тем, что он испытывал, когда только-только влюбился в Ласку, разгневавшись, бросил мою бабушку и переехал в другую деревню, но потом услышал, что бабушка совсем распоясалась и связалась с главарём тайного общества «Железное братство» по прозвищу Чёрное Око. Он сам не понимал, ненависть это или любовь, боль или злость. Впоследствии дедушка снова вернулся в объятия бабушки, его чувства к ней были такими запутанными, что не разобрать ни цвета, ни вкуса. В этих баталиях на любовном фронте они сначала изрешетили собственные сердца, а потом ещё и сердца друг друга. И только при виде предсмертной бабушкиной улыбки в гаоляновом поле дедушка осознал, как сурово покарала его жизнь. Он дорожил отцом, как сорока дорожит последним яйцом в разорённом гнезде, но было уже поздно, судьба уготовила ему ещё более жестокий финал и с готовым планом уже ждала на перепутье, холодно усмехаясь.

— Пап… нет больше нашего дома… — сказал отец.

Дедушка потрепал отца по голове, посмотрел на разрушенную усадьбу и, взяв отца за руку, поковылял прочь, куда глаза глядят. Свет пожарищ постепенно гас, а свет луны, наоборот, делался всё ярче.

На околице раздался простодушный старческий голос:

— Это ты, Третий? А почему не на телеге?

Дедушке с отцом голос показался знакомым, и они, позабыв про усталость, поспешили

на звук. Навстречу, не отрывая взгляда от их лиц, поднялся согбенный старик. Отцу не понравились настороженные глаза старика, а торгашеский дух и вовсе вызвал отвращение.

— Ты не мой третий сын. — Старик с сожалением покачал головой и снова уселся на кучу всякого скарба: сундук, комод, столешница, сельскохозяйственные орудия, упряжь, драная ватная подкладка, железный котёл, глиняный таз. Он охранял своё добро, как волк добычу, а за его спиной к иве были привязаны два телёнка, два барана и маленький ослик.

Дедушка сквозь зубы выругался:

— Ах ты, старый пёс! Ну-ка катись отсюда!

Старик поднялся и миролюбиво сказал:

— Братец, ты мне на завидуй! Я это всё, рискуя жизнью, из огня спас!

— Ну-ка спускайся сюда, мать твою! — разозлился дедушка.

— Ты несправедливо на меня накинулся. Во-первых, я тебя не звал, во-вторых, тебя не задевал. Чего ж ты ругаешься? — снисходительно пожурил дедушку старик.

— Ругаюсь? Да я тебя сейчас убью! Мы, понимаешь, с японцами бьёмся, родину спасаем, себя не щадим, а вы тут, воспользовавшись пожаром, мародёрствуете? Скотина ты старая! Доугуань, где твой пистолет?

— Застрял под брюхом японского коня, — ответил мой отец.

Дедушка запрыгнул на кучу барахла и резким ударом ноги скинул старика вниз.

Старик упал на колени и взмолился:

— Пощади меня, командир Восьмой армии,[80] пощади…

— Я тебе не командир Восьмой армии и даже не Девятой. Я — разбойник Юй Чжаньао!

— Командир Юй, пощади меня. Эти вещи всё равно сгорели бы в огне… тем более не я один пришёл в деревню поживиться, всё ценное уже воры растащили, а я старый, еле ноги переставляю, подобрал всякую рухлядь…

Дедушка вытащил из кучи деревянную столешницу и с размаху стукнул старика по лысой голове. Тот громко крикнул, схватился за окровавленную голову и начал кататься по земле. Дедушка схватил его за шиворот, поднял и проговорил, глядя прямо в страдальческие глаза:

— Герой, который любит поживиться!

После этого он с размаху ударил старика по лицу, и тот повалился на спину. Дедушка снова подошёл к нему, прицелился в голову и пнул ногой.

3

Моя мать с моим трёхлетним дядей сутки просидели в высохшем колодце. Накануне спозаранку она пошла за водой с двумя маленькими глиняными кувшинами к работающему колодцу, но только-только нагнулась и увидела в спокойной глади воды своё отражение, как услышала звук гонга со стороны земляного вала и громкие крики ночного сторожа, старого Шэн У:

— Черти окружили деревню! Черти окружили деревню!

Мать перепугалась, со страху уронила в колодец кувшины вместе с коромыслом, затем резко развернулась и помчалась домой, но не успела добежать до ворот, как встретила моего дедушку с ружьём в руках и бабушку, которая несла моего маленького дядю. После того как отряд дедушки Юй Чжаньао ударил по японцам на мосту через Мошуйхэ, жители деревни предчувствовали, что грядёт беда, но лишь несколько семей бежали, остальные же с ужасом и тревогой по-прежнему не хотели расставаться со своими убогими халупами, с колодцами с горькой и пресной водой, с холодными и ватными одеялами. За эти семь дней дедушка с отцом успели в уездном городе купить патроны, дедушка тогда держал в памяти, что патронов должно хватить, чтоб свести счёты с Рябым Лэном, но и подумать не мог, что японцы утопят в крови деревню.

Вечером девятого числа восьмого лунного месяца Чжан Жолу, тот самый почтенный старец, что сыграл важную роль в уборке поля сражения и захоронении павших героев, созвал всех деревенских жителей. У Чжан Жолу один глаз был большим, а другой маленьким, он выделялся на фоне толпы и слыл интеллигентом высшего порядка, поскольку отучился в частной школе. Он мобилизовал жителей на укрепление земляного вала и починку прохудившихся ворот на входе в деревню, а ещё отправил людей отбивать ночные стражи и дежурить. В случае опасности нужно было подать сигнал, ударив в гонг. Услышав звук гонга, вся деревня, включая женщин, стариков и детей, должна была собраться на земляном валу. По рассказам матери, Чжан Жолу говорил зычно, в его голосе слышались металлические нотки:

— Односельчане, сплотившись, можно сдвинуть с места и гору Тайшань![81] Так что если мы встанем плечо к плечу, черти не попадут в деревню!

В тот момент в поле за деревней гаркнул пулемёт, у старого ночного сторожа разорвалась макушка, он пару раз шатнулся и повалился с земляного вала, отчего среди собравшихся началась паника. Почтенный учитель Чжан Жолу, стоявший посреди улицы, громко взывал:

— Односельчане, не паникуйте! Давайте следовать нашему плану! Скорее поднимайтесь на вал! Односельчане, не бойтесь смерти, кто боится смерти, тот непременно умрёт, а кто не боится — тот выживет! Но даже если помрём, то всё равно не дадим чертям войти в деревню!

Мать увидела, как мужчины, пригнувшись, начали подниматься на вал и залегли в густых зарослях бирючины на склоне. У бабушки дрожали ноги, она топталась на месте и не могла ступить и шагу, а потом со слезами спросила:

— Родненький, а что детям делать?

Дедушка с ружьём в руках прибежал обратно и со злостью отчитал бабушку:

— Что ревёшь-то? Сейчас уже что жить, что умереть — всё едино!

Бабушка не осмелилась возражать, из её глаз брызнули слёзы. Дедушка обернулся и посмотрел на земляной вал, который ещё не начали обстреливать, одной рукой схватил мою мать, второй — бабушку и побежал с ними на огород позади нашего дома, где сажали редьку да капусту. Посередине огорода был высохший колодец, а над ним всё ещё возвышался старый колодезный журавль. Дедушка заглянул внутрь и велел бабушке:

— В колодце нет воды, спрячь пока там детей. Когда японцы уберутся, мы их оттуда вытащим.

Бабушка стояла, как деревянный чурбан, но сделала так, как распорядился дед.

Дедушка прикрепил к журавлю верёвку, потом обвязал ей мою мать за пояс. Тут у них над головами что-то резко просвистело, и какая-то диковинная чёрная штуковина упала к соседям в свинарник. Страшный грохот сотряс небо и всколыхнул землю, словно бы всё вокруг с треском разорвалось, над свинарником взметнулся столп дыма, и во все стороны разлетелись осколки, навоз с землёй и ошмётки свиных туш. Одна свиная нога приземлилась прямо перед матерью, а белые сухожилия внутри извивались, как пиявки. Так моя в ту пору пятнадцатилетняя мать услышала впервые в жизни пушечный залп. Уцелевшая при взрыве свинья с диким визгом перемахнула через высоченное ограждение. Мать и её братишка, мой дядя, заревели от страха. Дедушка объяснил:

— Японские черти палят из пушек. — Потом он назвал мать молочным именем: — Краса, тебе уже пятнадцать лет, ты всё понимаешь. Сиди в колодце и присматривай хорошенько за братишкой. Когда черти уберутся восвояси, я тебя вытащу.

Ещё один японский снаряд разорвался в деревне. Дедушка начал крутить ручку и опустил мать вниз. Её ноги коснулись обломков кирпичей и глины, которая нападала туда. В колодце сгустилась кромешная темнота, лишь над головой вдалеке виднелось пятно лунного света размером с мельничный жёрнов, на фоне которого появилось дедушкино лицо. А потом раздался его крик:

— Развяжи верёвку!

Мама развязала верёвку на поясе, и на её глазах она рывками поднялась наверх. Она услышала, как родители ругаются возле колодца, как грохочут взрывы снарядов и громко рыдает её мать, моя бабушка. В круге света снова показалось дедушкино лицо. Он крикнул:

— Краса, спускаю братика, будь осторожна!

Мать увидела, как спускают на верёвке её трёхлетнего братишку, который барахтается в воздухе, суча ручками и ножками, и горько плачет. Гнилая верёвка натянулась и подрагивала. Колодезный журавль скрипел. Бабушка перегнулась через бортик колодца, звала дядю по имени и причитала:

— Аньцзы, малыш мой, Аньцзы…

Лицо бабушки блестело от слёз, они капали в колодец одна за другой. Верёвка достигла дна, малыш коснулся ногами земли, раскинул ручонки и с плачем принялся звать бабушку:

— Мамочка, я хочу наверх… подними меня обратно, мамочка… мамочка…

Бабушка с силой потянула верёвку, и мать услышала её стенания:

— Аньцзы, кровиночка моя…сыночек мой родной…

Дедушкина большая рука оттащила бабушку, но она не отпускала верёвку. Дедушка резко отпихнул её, и бабушка повалилась на бок. Верёвка полетела вниз, а дядя оступился и упал в объятия старшей сестры.

Мать услышала, как дедушка рыкнул:

— Дурная ты баба! Хочешь, чтоб они поднялись и ждали тут смерти? Ну-ка быстро

ступай на земляной вал. Если японцы ворвутся в деревню, никто не уцелеет!

— Краса… Аньцзы… Краса-а-а… Аньцзы-ы-ы… — До матери доносились издалека всхлипывания бабушки. Снова раздался пушечный залп, и со стенок колодца посыпалась земля. После взрыва мать перестала слышать голос бабушки, и только круг света величиной с жёрнов да старый колодезный журавль на фоне неба нависали над их головами.

Маленький дядя продолжал плакать, мать развязала верёвку на его поясе и попыталась развеселить:

— Аньцзы, милый мой братишка! Не плачь, а то накличешь чертей. У них глаза красные, а когти зелёные, они как услышат детский рёв, сразу тут как тут…

Дядя перестал плакать, уставившись чёрными круглыми глазёнками в лицо сестры. В горле его всё ещё что-то булькало, икая, он обвил шею моей матери горячими, как огонь, пухлыми ручками. Над их головами ухали пушки, строчили пулемёты, стреляли винтовки. Та-та-та, замолкали и снова — та-та-та. Мать подняла голову и напряжённо вслушивалась в происходящее наверху.

Она смутно уловила гневный клич дедушки Жолу и галдёж деревенских мужиков. На дне колодца было сыро и прохладно, со стенок обвалилась кладка, обнажая белую землю и корни дерева, а сохранившаяся часть кладки заросла густым слоем тёмно-зелёного мха. Маленький дядя в её объятиях дёрнулся пару раз и снова расплакался, всхлипывая:

— Сестрёнка, я хочу к маме… хочу наверх…

— Аньцзы, малыш… мама вместе с папой пошли бить чертей, вот прогонят их и сразу вернутся за нами. — Мать успокаивала маленького дядю, но сама не выдержала и разревелась, и теперь брат с сестрой, крепко обнявшись, плакали хором.

По медленно светлеющему кружку неба мать поняла, что снова рассвело, и долгая тёмная ночь наконец миновала. В колодце стояла такая тишина, что ей стало страшно. Она увидела красный луч, упавший на стенку колодца высоко над головой: взошло солнце. Мать прислушалась — в деревне было почти так же тихо, как на дне колодца, лишь иногда до неё доносился странный, словно нереальный, грохот, напоминавший раскаты грома. Моя мать не знала, придут ли с наступлением нового дня её родители к колодцу, вытащат ли их с братишкой наверх, в мир, где воздух свеж и ярко светит солнце. Туда, где нет мрачных змей и чёрных худых жаб. Ей казалось, будто вчерашние события произошли очень-очень давно и она провела в колодце полжизни. Она думала: «Папочка, мамочка, если вы не придёте, то мы с братишкой умрём в этом колодце». Мать ненавидела своих родителей, которые скинули дочь и сына в колодец, а теперь и не показываются, не интересуются, живы ли дети. Она решила, что, увидев родителей, непременно закатит истерику, выплеснет обиду, теснившую сердце. Где уж ей было знать, что в тот момент, когда она с ненавистью думала о родителях, её мать, мою бабушку, уже разорвало на куски взрывом миномётной мины в медной оболочке, а отцу, моему дедушке, который высунулся над земляным валом, японец метко снёс полчерепа. Она мне потом рассказывала, что до сорокового года все японские солдаты были искусными стрелками.

Мать беззвучно молилась: «Папочка! Мамочка! Приходите быстрее! Я хочу есть и пить. А братик заболел. Если вы не придёте, ваши дети погибнут!»

Она услышала, как с земляного вала, а может, и не оттуда донёсся слабый звук гонга, а потом кто-то крикнул:

— Есть кто живой? Есть или нет? Черти отступили… Командир Юй пришёл!

Прижимая к себе братишку, мать осипшим голосом что есть мочи завопила:

— Есть! Есть живые! Мы в колодце! Спасите нас скорее!

Она кричала и одной рукой начала раскачивать привязанную к журавлю верёвку. Так продолжалось битый час. Рука, которой она прижимала братика, невольно разогнулась, и малыш упал на землю, пару раз вяло застонал, а потом затих. Мать прислонилась к стенке колодца, её тело скользнуло вниз, и она, совсем обессилев, потеряв всякую надежду, осталась сидеть на ледяных кирпичах.

Маленький дядя забрался к ней на колени и невыразительно бубнил:

— Сестрёнка… я хочу к маме…

У матери защемило сердце, обеими руками она крепко прижала малыша к груди и пробормотала:

— Аньцзы… папа с мамой нас бросили… Мы с тобой помрём в этом колодце…

Мальчик весь горел, моя мать словно бы обнимала печку.

— Сестрёнка, я пить хочу…

Мать увидела напротив себя на дне колодца зеленоватую лужицу с грязной водой. Там было углубление, и тьма сгустилась сильнее, чем в том месте, где она сидела. Спина сидевшей в воде тощей жабы была усыпана чёрными пупырышками размером с горошину. Светло-жёлтая шкурка на груди жабы тревожно подрагивала, а выпученные глаза сердито уставились на неё. Мать передёрнуло, и она зажмурилась. Во рту пересохло, но она решила, что лучше умрёт от жажды, чем станет пить грязную воду из лужи, в которой только что мокла жаба.

У дяди температура поднялась ещё накануне днём. С тех пор как их спустили в колодец, он практически не переставал плакать и доплакался до того, что потерял голос, и теперь только пищал, как умирающий котёнок.

Утро мать провела в ужасе и панике — ужасе из-за грохочущей канонады, а панике из-за того, что братишка так страдал. В свои пятнадцать лет мать была ещё довольно хилой, ей даже в обычное-то время было тяжеловато носить на руках пухлого братишку, а уж тем более трудно сейчас, ведь он без конца вертелся. Она хлопнула братика по попе, но маленький негодник в ответ бесцеремонно укусил её.

После того как у маленького дяди поднялась температура, он впал в забытьё и обмяк. Мать, обнимая братишку, сидела на обломке кирпича, пока зад не затёк, а ноги не онемели. Выстрелы звучали то реже, то чаще, но так и не затихали. Солнечный свет потихоньку перемещался с западной стенки колодца на восточную, затем снова стемнело. Мать поняла, что просидела в колодце целый день, пора бы родителям прийти. Она потрогала личико братика и ощутила обжигающее, как пламя, дыхание мальчика. Тогда она положила руку на трепетавшее сердечко братика и услышала хрип в его груди. Она тут же решила, что братишка, возможно, при смерти, задрожала всем телом, но потом постаралась отогнать эту мысль и стала себя утешать: пускай побыстрее стемнеет, тогда даже воробьи и ласточки вернутся в гнёзда на ночлег, тогда придут и папа с мамой.

Солнечный свет на стенке колодца стал оранжевым, а потом тёмно-красным, застрекотал сверчок, спрятавшийся в шве кирпичной кладки, а сидевшая там же, в щелях, стая комаров тоже завела свои моторы и взлетела. Мать услышала рёв орудий, потом ей показалось, что к северу от деревни кричат люди и громко ржут кони, а потом с южной околицы донёсся, словно гул ветра, звук пулемётной очереди. Голоса людей и цокот копыт ворвались в деревню, как приливная волна. В деревне воцарился полный хаос. Вокруг колодца то громко стучали копыта, то раздавался топот ног. Мать услышала, как

перекрикиваются японцы. Дядя издал болезненный стон, мать закрыла ему рукой рот, а сама задержала дыхание. Она ощутила, как под её ладонью братишка вертит головой, и услышала громкий стук своего сердца.

Потом солнечный свет постепенно померк, и над колодцем повисло раскалённое докрасна небо. Трещал огонь, в воздухе летал пепел. Среди рёва пламени слышались детский плач и пронзительные крики женщин, а ещё блеяние овец или мычание коров, так сразу и не скажешь. Даже сидя на дне колодца, мать чувствовала сильный запах гари.

Она не знала, как долго тряслась от страха внизу, пока наверху бушевал пожар; ощущение времени уже покинуло её, но она остро воспринимала произошедшее. Когда лоскут неба над её головой посерел, она поняла, что пожар вот-вот потухнет. На стенах колодца плясали сполохи слабеющего огня — то ярче, то тусклее. Какое-то время в деревне звучали разрозненные выстрелы и был слышен грохот рушившихся домов, а потом наступила полная тишина, и на небе, которое мать видела из колодца, зажглись тусклые звёзды.

Мать заснула окоченевшая и проснулась окоченевшая. Глаза уже привыкли к сумраку в колодце, она подняла голову, увидела бирюзовое небо и слабый лучик солнца, падавший на стену. Голова у неё закружилась, в глазах потемнело. От влажности одежда промокла насквозь, она промёрзла до костей и ещё крепче прижала к себе братишку. Хотя жар у него под утро слегка спал, мальчик всё равно был куда горячее сестры. Мать согревалась о дядю, а он черпал от неё прохладу: во время долгого сидения на дне колодца они по-настоящему стали друг для друга опорой. Мать тогда не догадывалась, что мои дедушка с бабушкой уже погибли, и все ждала, когда же наверху покажутся лица родителей, а знакомые голоса эхом отразятся от стен колодца. Знай она правду, вряд ли смогла бы просидеть в колодце три дня и три ночи.

Оглядываясь на историю своей семьи, я обнаружил, что судьба всех ключевых фигур неразрывно связана с разными тёмными пещерами, землянками и тому подобным. Всё началось с моей матери, а дедушка по отцовской линии всех переплюнул, поставив рекорд по проживанию в пещере среди цивилизованных людей своего поколения, а закончилось на моём отце, для которого финал вышел бесславным с политической точки зрения, однако по человеческим меркам просто великолепным. И в своё время отец помчится навстречу утренней заре, к матери, к другим своим родным, а потом и ко мне, размахивая единственной уцелевшей рукой.

Хотя снаружи матери было холодно, внутри всё горело огнём. Со вчерашнего утра она ничего не пила и не ела. Сильная жажда начала мучить её со вчерашнего вечера, когда в деревне бушевал пожар. Посреди ночи голод и жажда достигли наивысшей точки. Перед рассветом кишки словно бы сплелись в клубок, и она уже ничего не чувствовала, кроме сдавливающей боли. Теперь мысли о еде вызывали тошноту, сложнее было терпеть не голод, а жажду, матери казалось, что её лёгкие шуршат, как высохшие на солнце жухлые гаоляновые листья, горло свело судорогой и нестерпимо болело. Маленький дядя пошевелил потрескавшимися губами, на которых от лихорадки образовались волдыри, и снова прошептал:

— Сестрёнка… пить…

Мать не решалась посмотреть в измождённое лицо братишки, у неё не осталось слов, чтобы его утешить. Обещания, которые мать давала маленькому дяде день и ночь напролёт, не сбылись, припозднившиеся с приходом дедушка с бабушкой заставили мать врать дяде и самой себе. Еле слышный звук гонга на земляном валу давно уже затих, в деревне даже

собаки не лаяли. Мать поняла, что родители либо погибли, либо их угнали японские черти. Глаза зачесались, но слёз больше не было. Глядя на несчастного братишку, она повзрослела. На какое-то время она позабыла о своих физических страданиях, положила братика на кирпичи, а сама встала и оценивающим взглядом осмотрела стену колодца. Разумеется, стена была влажной и густо поросла мхом, однако нельзя было употребить его в пищу или утолить им жажду. Мать присела на корточки, потянула один кирпич, потом второй. Кирпичи были увесистыми, словно бы пропитались водой. Из щели между ними вылезла ярко-алая сколопендра, перебирая многочисленными тонкими ножками и потряхивая головой и хвостом. Мать отпрыгнула, а сколопендра на её глазах развернула два ряда ног, от которых рябило в глаза, подползла туда, где сидела жаба, нашла щель и юркнула внутрь. Мать не рискнула больше трогать кирпичи, но не отважилась и садиться, поскольку вчера утром произошло кое-что неприятное и мама осознала, что стала женщиной.

После того как я женился, мама рассказала моей жене, что первые месячные у неё начались, пока она сидела в сыром и холодном колодце; жена пересказала это мне, и я проникся сочувствием к матери, которой было тогда пятнадцать лет.

Оставалось только надеяться на ту самую грязную лужу, в которой отмокала жаба. Уродливое существо внушало маме страх и отвращение, однако эта безобразная тварь оккупировала лужу. Нестерпимая жажда и то, что братишка из-за нехватки воды постепенно угасал, заставили мать снова подумать об этой луже. Со вчерашнего дня ничего не изменилось, за такое долгое время жаба не сдвинулась с места, сидела всё в той же позе с таким же грозным видом, демонстрируя страшные пупырышки и с ненавистью глядя на мать угрюмыми глазами. Смелость матери внезапно сошла на нет, ей показалось, что жаба выпустила из глаз две ядовитых колючки, которые вонзились в её тело. Она поспешно отвернулась, но выкинуть из головы ненавистный образ жабы было трудно.

Мать смотрела на своего полуживого братишку, в её груди полыхал огонь, а горло превратилось в печь, из которой вырываются языки пламени. Внезапно между двух кирпичей она заметила островок маленьких грибков молочно-белого цвета. От волнения сердце чуть не остановилось. Она осторожно отодвинула кирпич и сорвала грибы. При виде пищи внутренности тут же завязались болезненным узлом. Она сунула один грибок в рот и, не жуя, проглотила. Гриб оказался очень вкусным, но теперь есть захотелось ещё сильнее. Она запихала в рот ещё один гриб. Братик застонал. Мать утешала себя: да, конечно, стоило сначала накормить малыша, но вдруг грибы ядовитые, поэтому лучше сперва попробовать самой. Ведь так? Да. Мать просунула грибок между губами братишки, но у того одеревенел ротик. Мальчик уставился на неё неподвижным взглядом. Мать уговаривала:

— Аньцзы, покушай. Сестрёнка нашла тебе кое-что вкусненькое, кушай.

Она поводила у него перед лицом грибами, которые держала в руке. Щёки дяди дёрнулись несколько раз, словно бы он жевал. Мать снова сунула ему в рот гриб, но мальчик закашлялся и выплюнул. Губы у него растрескались до крови, он лежал на неровной кирпичной кладке и был на грани смерти.

Мать жадно проглотила десяток грибов, и желудок, который до этого находился в состоянии спячки, снова разбушевался, живот нестерпимо заболел и громко заурчал. Мать бросило в пот, самый обильный с тех пор, как их опустили в колодец. Тонкая одежда промокла насквозь, подмышки и подколенные ямки стали липкими. Колени онемели, всё тело дрожало, холодный воздух пробирал до костей. Она обмякла и помимо воли опустилась рядом с телом брата, потеряв сознание в полдень второго дня пребывания на дне колодца.

Когда она очнулась, уже смеркалось. На восточной стене колодца виднелись фиолетово-красные отблески заходящего солнца. Старый колодезный журавль купался в лучах заката, даря противоречивое чувство, словно ты видишь одновременно глубокую древность и грядущий конец света. В ушах у неё постоянно гудело, этот гул сопровождался топотом у колодца, только было не ясно, это действительно чьи-то шаги или они ей только кажутся. Сил кричать не осталось. Она чувствовала, что жажда вот-вот испепелит её грудную клетку. Из-за невыносимой боли она не осмеливалась даже сделать глубокий вдох. Зато моему маленькому дяде было уже не больно и не радостно, он лежал на груде кирпичей, постепенно превращаясь в жёлтую высохшую шкурку. Увидев его запавшие остекленевшие глаза, мать почувствовала, что и перед её глазами всё потемнело. Мрачная тень смерти нависла над высохшим колодцем.

Вторая ночь, звёздная, лунная, пролетела быстро, мать провела её в полузабытьи. Несколько раз снилось, что у неё выросли крылья и она, кружась, взлетает к зеву колодца, но сама шахта становится бездонной, она летит и летит, но до верха всё так же далеко, и чем быстрее она летит, тем быстрее углубляется шахта. Посреди ночи она ненадолго очнулась и дотронулась до ледяного тельца братишки. Мать не допускала мысли, что он уже умер, и решила, что у неё жар. Преломлявшийся лунный свет осветил всё ту же зелёную лужу, жаба напоминала драгоценность, её глаза и шкура блестели, как яшма, а вода в луже приобрела приятный изумрудный оттенок. Мать ощутила, что в тот момент изменила своё мнение о жабе, и с этой священной жабой вполне можно договориться и зачерпнуть из-под её тела воды. Мать подумала, что если жаба пожелает, то можно будет потом выкинуть её из колодца как камень. Она тогда решила: если снова услышит звук шагов наверху, то подбросит обломок кирпича, пусть даже там шастают японцы или солдаты марионеточных войск — она всё равно это сделает, чтобы дать о себе знать.

Когда снова рассвело, мать уже чётко различала все мелочи на дне колодца, и здешний мир расширился и стал необъятным. Пользуясь утренним приливом сил, она соскребла кусочек мха, положила в рот и пожевала. Мох вонял, однако оказался вполне вкусным, вот только горло уже пересохло настолько, что она не могла глотать, и мох постоянно лез обратно. Мать посмотрела на лужицу, жаба опять обрела первоначальный облик и взирала на неё злыми глазами. Мать не выдержала этого вызывающего взгляда, отвернулась и заревела обиженно и испуганно.

В полдень она и впрямь услышала тяжёлую поступь и обрывки разговоров. Её захлестнула огромная радость. Пошатываясь, она поднялась и что есть мочи закричала, но крика не получилось, словно бы кто-то сдавил ей горло. Она схватила обломок кирпича и хотела подкинуть, но, когда подняла до уровня пояса, кирпич выскользнул, а шаги и голоса тем временем удалились. Ослабев, она рухнула рядом с телом брата. Глянув на бледное личико, мать поняла, что он умер. Она положила руку на ледяное лицо малыша и сразу почувствовала отвращение. Смерть разлучила их. Свет, который лился из полуприкрытых глаз мальчика, принадлежал другому миру.

Наступившую ночь мать провела в ужасе. Ей показалось, что она видела змею толщиной с ручку серпа. Тело чёрное, а на спине, словно звёзды, рассыпаны жёлтые пятна. Голова у этой твари была плоской, словно лопатка для перемешивания риса, а на шее жёлтый ободок. От змеиного тела распространялся мрачный холод, внушавший страх. Много раз матери казалось, что пятнистая змея обвивается вокруг неё, а из плоской пасти высовывается ярко-алый язык и вырывается шипение.

Позднее мать в самом деле увидела неповоротливую жёлтую змею в дыре над жабой, она высовывалась оттуда, уставившись на мать злым, хитрым, упорным взглядом. Мать закрыла глаза руками, вжавшись в стену. Ей больше не хотелось выпить грязной воды, которую охраняла жаба под наблюдением ядовитой змеи.

4

Отец, Ван Гуан (пятнадцатилетний низкорослый парень со смуглым лицом), Дэчжи (четырнадцати лет от роду, высокий и худой, с жёлтой кожей и жёлтыми глазными яблоками), Го Ян (мужчина чуть за сорок, хромой, опиравшийся на два деревянных костыля), Слепой (фамилия, имя и возраст неизвестны), прижимавший к груди старый трёхструнный саньсянь,[82] и тётка Лю (высокая статная женщина за сорок с ногами в язвах) — шестеро уцелевших в этой страшной беде — тупо уставились на моего дедушку Юй Чжаньао. Ну, разумеется, кроме Слепого. Они стояли на земляном валу, а восходившее солнце освещало их лица, закоптившиеся до неузнаваемости в дыму пожара. По обе стороны земляного вала лежали вповалку трупы тех, кто героически оборонялся, и тех, кто бешено нападал. Во рву по ту сторону вала скопилась мутная вода, в которой плавали несколько раздувшихся человеческих тел и трупов японских коней со вспоротыми животами. Деревня лежала в руинах, кое-где ещё клубился белый дым, а за деревней простиралось вытоптанное гаоляновое поле. Этим утром сильнее всего пахло гарью и кровью, основными цветами стали чёрный и белый, а в атмосфере ярче всего ощущались трагедия и мужество.

Глаза дедушки покраснели, волосы почти целиком поседели, он сгорбился, а большие опухшие руки безвольно свисали вдоль тела.

— Односельчане… — хриплым голосом начал он. — Я принёс несчастье всей деревне.

Все начали всхлипывать, даже в высохших глазницах Слепого выступили хрустальные слёзы.

— Командир Юй, что делать? — спросил дедушку Го Ян, выпрямившись и продемонстрировав полный рот чёрных зубов.

— Командир Юй, а черти снова придут? — поинтересовался Ван Гуан.

— Командир Юй, бежать нам надо, веди нас, — сказала тётка Лю, всхлипывая.

— Бежать? А куда бежать? — подал голос Слепой. — Вы бегите, а мне если суждено помереть, то помру здесь.

Слепой сел, прижав к груди инструмент, и начал играть, его рот скривился, щёки подёргивались, а голова покачивалась, как барабанчик, которым коробейники призывают покупателей.[83]

— Односельчане, нельзя нам бежать! — возразил дедушка. — Столько людей погибли, мы не можем бежать. Черти непременно придут, так давайте воспользуемся случаем и соберём у мёртвых винтовки и патроны, чтобы дать японцам решительный бой не на жизнь, а на смерть. Как говорится, или рыба умрёт, или сеть порвётся.

Отец и все остальные рассеялись по полю, принялись забирать у трупов винтовки и патроны и сносить на земляной вал. Хромой Го Ян на костылях и Лю, чьи ноги покрывали нарывы, обыскивали трупы неподалёку от земляного вала. Слепой сидел рядом с грудой винтовок и патронов и прислушивался к каждому шороху, как верный дозорный.

В середине утра все собрались на валу, глядя, как дедушка пересчитывает оружие. Вчера бой д лился, пока не стемнело, японцы не успели очистить поле боя, что, без сомнения, было на руку дедушке.

В итоге насчитали семнадцать японских винтовок «Арисака-38», тридцать четыре подсумка для патронов из бычьей кожи, одну тысячу семь патронов с заострёнными пулями и медными гильзами, двадцать четыре китайских винтовки «чжунчжэнь»[84] и четыреста

двадцать патронов к ним в двадцати четырёх патронташах из жёлтой парусины, а ещё пятьдесят семь маленьких ручных гранат, похожих на дыньки, и сорок три китайских гранаты с деревянной ручкой, один японский пистолет в кобуре, похожей на панцирь черепахи, и тридцать девять патронов к нему, один пистолет «люгер» и семь патронов, а также девять китайских сабель, семь карабинов и более двухсот патронов к ним.

Пересчитав боеприпасы, дедушка решил выкурить трубку с Го Яном. Он высек искру, сделал затяжку и присел на валу.

— Пап, мы можем снова собрать отряд! — предложил отец.

Дедушка, глядя на кучу оружия, промолчал, а когда докурил, произнёс:

— Ребятишки, выбирайте! Пусть каждый выберет себе оружие!

Себе он отложил японский пистолет и ещё взял винтовку «Арисака-38» с примкнутым штыком. Отец отхватил себе «люгер», а Ван Гуан и Дэчжи взяли по японскому карабину.

— Отдай пистолет дяде Го, — велел дедушка, и отец недовольно надулся. — В бою им пользоваться неудобно. А себе возьми карабин.

Го Ян сказал:

— Я себе лучше винтовку побольше возьму, а пистолет отдайте Слепому.

Дедушка распорядился:

— Сестрица, придумай, что бы нам поесть, а то скоро уже япошки придут.

Отец несколько раз щёлкнул затвором винтовки «Арисака-38», чтобы понять, как он работает.

— Только спуск не трогай, а то выстрелит, — предупредил дедушка отца.

Тот заверил:

— Ничего не будет, я умею.

Слепой, понизив голос, сообщил:

— Командир Юй, они идут, они идут…

Дедушка приказал:

— Быстрее спускаемся!

Все залегли в зарослях бирючины на пологом склоне вала и стали внимательно наблюдать за гаоляновым полем, простиравшимся от рва. Слепой же остался сидеть у кучи винтовок и, покачивая головой, перебирал струны.

— Ты тоже спускайся! — крикнул дедушка.

Лицо Слепого свело болезненной судорогой, губы подёргивались, словно что-то жевал. Он снова и снова исполнял одну и ту же мелодию на старом саньсяне, звук был такой, будто внезапно разразившийся ливень без остановки барабанил по жестяному ведру.

За рвом не было людей, только несколько сот собак с разных направлений мчались к лежавшим в гаоляновом поле трупам. Псы бежали что есть мочи, припадая к земле, и их разноцветные шкуры подрагивали в солнечном свете. А самыми первыми неслись три наших собаки. Мой проворный отец не удержался и выстрели в собачью свору, винтовка крякнула, и пуля полетела в небо, после чего вдалеке меж гаоляновых стеблей кто-то зашебаршился.

Ван Гуан и Дэчжи, которые первыми отхватили себе винтовки, принялись палить по беспокойно покачивающимся гаоляновым стеблям, причём палили бесцельно — некоторые пули взмывали в воздух, другие впивались в землю.

Дедушка сердито сказал:

— Не стрелять! Сколько у вас патронов, чтоб вы их так разбазаривали?

Дедушка занёс ногу и отвесил пинка по задранной заднице сына.

Движение в глубине гаоляна сошло постепенно на нет, а потом чей-то звонкий голос прокричал:

— Не стреляйте! По своим попадёте! Вы с какого подразделения?

Дедушка в ответ заорал:

— Мы из подразделения ваших предков, псы вы желтомордые!

Дедушка вскинул «Арисаку-38» и начал палить туда, откуда доносился крик.

— Друзья! Не стреляйте по своим! Мы из Цзяогаоской части Восьмой армии Антияпонские войска! — снова закричал человек в гаоляне. — Ответьте, пожалуйста, а вы откуда?

Дедушка разозлился:

— Гребаная Восьмая армия, да вы ни на что не способны!

Он вывел нескольких своих «солдат» из бирючины, и маленький отряд встал на земляном валу.

Из зарослей гаоляна крадучись, как коты, вылезли больше восьмидесяти человек из Цзяогаоской части Восьмой армии. Это были одетые в лохмотья бойцы с потемневшими лицами, напуганные, словно дикие зверьки. Большая часть их была безоружной, но у некоторых на поясе болталась пара гранат с деревянными ручками, а с десяток солдат, что шли впереди, были вооружены старыми винтовками «ханьян» и самопалами.

Вчера после обеда отец видел этих бойцов Восьмой армии. Прячась в зарослях гаоляна, они нанесли японцам, атаковавшим деревню, удар в спину.

Когда отряд Восьмой армии приблизился к земляному валу, возглавлявший его здоровяк скомандовал:

— Первая рота — поставить часового! Остальные — привал!

Солдаты Восьмой армии уселись на валу, перед отрядом остался стоять симпатичный молодой парень. Он достал из полевой сумки тёмно-жёлтый лист бумаги и, дирижируя рукой в такт, стал учить своих товарищей петь песню:

— Ветра ревут, ветра-ветра ревут!

Солдаты запели кто в лес, кто по дрова.

— Внимание! Смотрим на мою руку и поём хором! А кони ржут! А кони-кони ржут! Бушует Хуанхэ! Бушует Хуанхэ! И гаолян созрел, хэнаньский гаолян, хэбэйский[85] гаолян! И в зарослях густых геройский дух горит! И поднята пищаль, и блещет сабель сталь! Спасём родимый край и Северный Китай, спасём мы всю страну-у-у-у…

Отец очень завидовал выражению решимости на лицах этих рано повзрослевших молодых солдат Восьмой армии. Он слушал их пение, и ему самому нестерпимо хотелось запеть. Внезапно он вспомнил такого же молодого и симпатичного адъютанта Жэня из отцовского отряда, который тоже, размахивая руками, учил бойцов петь.

Они с Ван Гуаном и Дэчжи схватили свои винтовки и подошли поближе послушать пение, а солдаты Восьмой армии с завистью смотрели на их новёхонькие японские винтовки «Арисака-38» и карабины.

Командир Цзяогаоской части носил фамилию Цзян, при большом росте ступни у него были крошечные, поэтому его прозвали Мелконогим. Он подвёл к дедушке парнишку лет шестнадцати-семнадцати. За пояс Цзян заткнул маузер, а на его голове красовалась тёмно-серая фуражка с двумя чёрными заклёпками. Сверкнув белоснежными зубами, он на не слишком чистом пекинском диалекте сказал:

— Командир Юй! Вы герой! Мы вчера наблюдали, как вы героически сражались с

японскими оккупантами!

Цзян протянул руку, а дедушка смерил его холодным взглядом и хмыкнул.

Командир Цзян с некоторой неловкостью убрал руку, улыбнулся и продолжил:

— По поручению специального комитета КПК района Биньхай[86] прибыл на переговоры с вами. Специальный комитет восхищён вашей пылкой любовью к родине и героическим духом самопожертвования, которые вы проявили в ходе этой великой национально-освободительной войны. Моей части было приказано установить с вами контакт, согласовать действия, чтобы вместе бороться с японскими захватчиками и создать коалиционное правительство…

Дедушка фыркнул:

— Твою ж мать! Не единому слову не верю! Вы только талдычите «объединяемся», «объединяемся», а что ж вы не явились «объединяться», когда мы ударили по автоколонне япошек? Где вы были, когда они окружили деревню? Мой отряд разгромлен, кровь простых людей течёт рекой, и тут вы пришли рассказывать мне об объединении!

Дедушка со злостью пнул блестящую гильзу от винтовочного патрона, и она улетела в ров. Слепой всё ещё тренькал на своём саньсяне, звуки которого напоминали дождевые капли, стекающие с крыши в оцинкованное ведро.

Хотя дедушка обругал командира Цзяна на чём свет, тот уверенно ответил:

— Командир Юй, стоило бы оправдать те ожидания, что возложила на вас партия, и не нужно недооценивать силы Восьмой армии. Район Биньхай всегда находился под управлением Гоминьдана, КПК только-только развернула там свою работу, народные массы пока что недостаточно знают о наших бойцах, однако подобная ситуация не продлиться долго. Наш лидер Мао Цзэдун давно уже указал нам направление. Командир Юй, примите мой дружеский совет — будущее Китая связано с КПК. Солдаты Восьмой армии более всего ценят верность и ни в коем случае не станут обманывать. Партии прекрасно известно о том, что произошло между вашим отрядом и отрядом Лэна во время той засады. Мы считаем Лэна недобропорядочным и думаем, что военные трофеи были распределены несправедливо. Мы в Восьмой армии никогда не обманывали друзей. Разумеется, сейчас мы слабо оснащены, но наша сила будет только расти в борьбе. Мы искренне радеем за народ и по-настоящему бьём японских чертей. Командир Юй, вы же видели, что вчера мы с этими никудышными винтовками простояли весь день в зарослях гаоляна, сражаясь с неприятелем, и пожертвовали шестерыми нашими товарищами. А те, кто получил в битве на Мошуйхэ большую партию оружия и боеприпасов, выбрали выжидательную позицию, как говорится, сидели на горе и наблюдали, как дерутся тигры. На них лежит вся вина за гибель нескольких сот ваших односельчан. Это совсем разные вещи, командир Юй, как вы ещё не поняли?!

Дедушка сказал:

— Ну-ка, говори без увёрток, что от меня надо?

— Мы надеемся, что вы вступите в ряды Восьмой арии и будете героически сражаться против японских захватчиков под руководством компартии.

Дедушка холодно усмехнулся:

— То есть чтоб я был под вашим командованием?

— Можете участвовать в руководстве нашей частью!

— И что у меня будет за должность?

— Замкомандира.

— То есть ты мной будешь командовать?

— Мы все подчиняемся специальному комитету КПК района Биньхай и находимся под командованием товарища Мао Цзэдуна!

— Мао Цзэдуна? Не знаю такого! И не под чьим командованием я не буду!

— Командир Юй, древняя мудрость гласит: «Умён тот, кто шагает в ногу со временем». Птица выбирает, на каком дереве гнездиться, а герой — господина, за которым следует. Мао Цзэдун — выдающаяся личность нашего времени, не упустите свой шанс!

— Ты чего-то не договариваешь!

Цзян открыто улыбнулся:

— Командир Юй, ничего-то от вас не скроется. Взгляните, у меня в части такие горячие парни, но почти безоружные, а это оружие и боеприпасы…

— Даже не думайте!

— Мы на время возьмём попользоваться, а когда командир Юй соберёт новый отряд, вернём всё в должном количестве.

— Ты меня за кого держишь? За трёхлетнего ребёнка?

— Что вы, командир Юй. Как говорится, упадок и процветание страны зависит от каждого из её граждан. Во время борьбы с Японией, когда на кону спасение государства, каждый жертвует что может, кто-то людей, кто-то оружие. Если все эти винтовки и патроны будут лежать здесь без дела, ты будешь виноват перед всей нацией.

— Ты поменьше мне тут разглагольствуй! Не жди, что я помочусь в ваш горшок. Имейте храбрость сами вырвать оружие из рук японцев!

— Вчера наша часть тоже участвовала в бою!

— Ну и сколько хлопушек вы запустили? — холодно усмехнулся дедушка.

— Мы стреляли из винтовок, бросали ручные гранаты, пожертвовали жизнями шестерых товарищей. Нам полагается минимум половина этого оружия.

— На мосту через Мошуйхэ полёг весь мой отряд, а мне достался один ржавый пулемёт!

— Это были войска Гоминьдана!

— А у войск КПК, значит, при виде оружия глаза от зависти не лопаются? С сегодняшнего дня я никому не позволю себя облапошить!

— Командир Юй, поосторожнее! Мы и так были очень великодушными.

— Что? За оружие схватитесь? — мрачно поинтересовался дедушка, положив руку на свой японский пистолет.

Командир Цзян сменил гнев на милость и заявил:

— Командир Юй, вы неверно всё поняли, мы в Восьмой армии никогда не отнимаем еду из мисок друзей, как говорится, дружба дороже денег.

Он подошёл к своим бойцам и велел:

— Очистим поле боя, похороним погибших жителей деревни. Внимательно смотрите и подбирайте гильзы.

Солдаты Цзяогаоской части рассеялись по полю, подбирая гильзы. Свора бешеных собак схлестнулась с оставшимися в живых людьми в ожесточённой схватке за тела, разорвав множество трупов.

Цзян снова обратился к дедушке:

— Командир Юй, у нас положение крайне тяжёлое, нет ни оружия, ни патронов, потому мы собираем стреляные гильзы, отправляем в особый район Биньхай на военный завод в обмен на новые патроны, однако пять из десяти таких патронов не стреляют. Гоминьдановские разбойники притесняют нас, императорские войска истребляют нас. Как

бы там ни было, а вы должны поделиться с нами оружием. Не стоит недооценивать Восьмую армию.

Дедушка посмотрел на солдат, которые носили трупы в гаоляновом поле и сказал:

— Сабли ваши и вот эти винтовки, «Тип 79», тоже, а ещё гранаты с деревянными ручками.

Командир Цзян схватил дедушку за руку и громко воскликнул:

— Командир Юй, вы настоящий друг… вот только гранаты с деревянными ручками мы и сами можем изготовить. Лучше мы не будем брать гранаты, а вы дадите нам несколько винтовок «Арисака-38».

— Нет.

— Всего лишь пять!

— Нет я сказал!

— Тогда три, всего-то три винтовки.

— Нет!

— Ну, две! Две-то можно?

— Мать вашу, вы в этой своей Восьмой армии как торговцы скотом!

— Командир первой роты, подойти сюда получить оружие.

— Помедленнее, — осадил его дедушка. — Встаньте чуть подальше.

Дедушка лично выбрал двадцать четыре винтовки «Тип 79» вместе с парусиновыми патронташами. Он довольно долго медлил, а потом кинул ещё и одну зачехлённую винтовку «Арисака-38».

— Всё! Сабли вам не дам.

— Командир Юй, ты же сам сказал, что дашь две!

Глаза дедушки налились кровью:

— Будешь приставать, и одной не получишь!

Цзян замахал рукой:

— Хорошо! Хорошо! Не сердись!

Получившие оружие бойцы Восьмой армии аж сияли от радости. Расчищая поле боя, они нашли ещё несколько винтовок, а ещё забрали выброшенный дедушкой маузер и выброшенный отцом браунинг. Карманы солдат сильно оттопыривались, поскольку были набиты жёлтыми медными гильзами. Невысокий смуглый парнишка с заячьей губой притащил два миномёта и пробубнил:

— Командир, я отхватил две пушки!

Цзян обратился к своим бойцам:

— Товарищи, быстрее хороним мёртвых и готовимся отступать, а то черти скоро притащатся за трупами своих солдат. Если подвернётся возможность, мы по ним ударим. Чёрный Заяц, тащи миномёты, потом отправим их на военный завод, посмотрим, можно ли их починить.

Когда Цзяогаоская часть собралась на земляном валу, готовясь отступать, на дороге, что вела к восточному краю деревни, показалось двадцать велосипедистов. Ободья и спицы ярко блестели. Командир Цзян отдал приказ, и его бойцы рассредоточились по земляному валу и затаились. Велосипедисты, неуверенно вихляя, подъехали к дедушке. На них была серая форма, на ногах — обмотки и матерчатые туфли, а на квадратных фуражках красовалась эмблема в виде белого солнца, похожего на зубчатое колесо.[87]

Это был отряд Лэна. Все эти велосипедисты мастерски управлялись с

короткоствольным оружием. Поговаривали, что и Рябой Лэн отлично ездит на велосипеде.

Командир Цзян отдал приказ, и его бойцы выскочили из кустов и встали в одну линию позади дедушки.

Солдаты Лэна поспешно соскочили с велосипедов, подкатили их вперёд и поставили на валу. Несколько бойцов с пистолетами сгрудились вокруг своего командира.

Дедушка как увидел Рябого Лэна, так сразу схватился за винтовку.

Цзян ткнул дедушку со словами:

— Спокойно, командир Юй, спокойно!

Лэн с широкой усмешкой протянул руку Цзяну, даже не сняв перчатки. Цзян в ответ тоже широко улыбнулся и, пожав руку Лэну, залез за пояс брюк, вытащил жирную тёмно-серую вошь и швырнул в ров.

Командир Лэн сказал:

— А ваши войска хорошо осведомлены!

Цзян парировал:

— Вообще-то мы тут со вчерашнего дня бьём врага.

— Наверное, одержали блестящую победу? — поинтересовался Лэн.

— Наша часть совместно с командиром Юем убила двадцать шесть японских солдат, тридцать шесть солдат марионеточных войск и девять строевых лошадей. А где же были ваши драгоценные войска?[88]

— Мы вчера напали на Пинду и вынудили чертей спешно отступать. Эта стратагема называется «окружить Вэй, чтобы помочь Чжао»,[89] не так ли, командир Цзян?

— Рябой Лэн! Чтоб тебя! — принялся браниться дедушка. — Разуй глаза да посмотри на спасённое тобой «Чжао»! Вся деревня тут, перед тобой!

Дедушка показал на Слепого и Хромого, которые стояли на валу.

Белёсые оспины на лице Лэна покраснели. Он сказал:

— Мои ребята вчера вступили в кровопролитное сражение в Пинду, многие погибли. Моя совесть чиста.

Командир Цзян спросил:

— Если ваши драгоценные войска знали, что враг окружил деревню, почему не поспешили на выручку? Зачем гнаться за журавлём в небе и мчаться за сотню ли нападать на Пинду? Ваши войска отнюдь не моторизированная часть, пусть даже речь идёт про форсированный марш, а части, которые нападали на Пинду, должны были ещё вернуться назад. Однако вы, как погляжу, в таком бодром настроении, на форме ни пылинки. Так вот, хочу спросить, как же вы командовали тем боем?

Лэн вспыхнул:

— Цзян, я тут с тобой не собираюсь пререкаться. Зачем ты пришёл, я в курсе, и для тебя не секрет, зачем я тут.

Командир Цзян ответил:

— Командир Лэн, я считаю, что вчерашнее решение драгоценных войск атаковать уездный город было ошибочным. На вашем месте я не стал бы прорывать окружение деревни, но устроил бы засаду по обе стороны от шоссе на старом кладбище, используя могилы как прикрытие, установил бы там восемь пулемётов, которые вы, драгоценные войска, захватили как трофей после боя на Мошуйхэ, и нанёс бы оттуда удар по японским чертям. Японцы до этого вели жестокий бой, люди и кони утомились, патроны на исходе, местность им не знакома, ночь на дворе. Их было бы видно, а вас нет, и открой вы огонь из

всех восьми пулемётов, бежать японцам было бы некуда. Это был бы подвиг во имя народа, да и драгоценным войскам большая польза. К славной победе командира Лэна в бою на Мошуйхэ прибавилась бы победа здесь на шоссе. Вот это слава! Жаль только, что командир Лэн упустил удобный случай. Он отказался от большой выгоды и великого успеха, а вместо этого явился в погоне за мелкой выгодой к сиротам и вдовам, к беззащитным людям. Даже не имей я совести, и то покраснел бы за вас, командир Лэн!

Лицо Лэна полыхало, он даже дара речи лишился, но потом сказал всё-таки:

— Ты, Цзян, меня недооцениваешь… Ничего, я ещё покажу, на что способен в бою!

— Тогда мы будем вам помогать, не щадя своей жизни.

— Мне не нужна ничья помощь, сам справлюсь!

— Примите моё восхищение!

Лэн сел на велосипед и собирался было уехать, но тут подскочил дедушка, схватил его за грудки и свирепо сказал:

— Лэн, разобьём япошек и тогда с тобой поквитаемся, сведём старые счёты!

— Я тебя не боюсь!

И Лэн улетел прочь, словно струйка дыма, а двадцать с лишним охранников последовали за ним. Они крутили педали с такой же скоростью, с какой заяц убегает от гончего пса.

— Командир Юй, — сказал Цзян, — мы, Восьмая армия, — навеки ваши верные друзья.

Он протянул руку дедушке. Тот неуклюже пожал большую ладонь, почувствовав, какая она твёрдая и тёплая.

5

Это было сорок шесть лет назад. В том самом месте, где дедушка, отец и мать героически сражались с целой сворой собак под предводительством трёх наших псов — Чёрного, Красного и Зелёного. Однажды грозовой ночью молния ударила по плите на «могиле тысячи людей», где покоились останки коммунистов, гоминьдановцев, простых крестьян, японцев и солдат марионеточных войск, и истлевшие кости разлетелись на несколько десятков метров. Дождь омыл кости начисто, они стали торжественно-белыми. Я в тот момент как раз приехал домой на летние каникулы. Услышав, что раскололась плита на «могиле тысячи людей», я помчался туда, чтобы посмотреть своими глазами, а за мной увязалась наша голубенькая собачка. Всё ещё накрапывал дождь, и пёсик убежал вперёд, хлюпая по мутным лужам крепкими лапами. Очень скоро нам попались кости, которые выкинуло ударом молнии, пёсик потыкался носом, понюхал и безо всякого интереса потряс головой.

Возле расколотой могильной плиты стояли люди, и у всех на лицах читался ужас. Я протиснулся сквозь толпу. Там лежали черепа и скелеты, снова увидевшие белый свет. Кто тут коммунист, кто гоминьдановец, кто японец, кто солдат марионеточных войск, а кто простой деревенский житель, боюсь, уже и секретарь местного парткома не смог бы разобраться. Черепа имели одинаковую форму и лежали вплотную друг к другу, омываемые одним и тем же дождём. Редкие капли скорбно барабанили по белоснежным костям. В перевёрнутых черепах скопилась дождевая вода, чистая и холодная, как гаоляновое вино, простоявшее в подвале долгие годы.

Односельчане собрали вылетевшие из могилы кости и кинули обратно в общую кучу. У меня зарябило в глазах, а когда я ещё раз присмотрелся, то увидел, что в той же могиле лежат десятки собачьих черепов. Впоследствии я узнал, что череп человека и череп собаки почти не отличаются друг от друга, пробивавшийся в могилу рассеянный белый свет словно передал мне некую информацию, от которой захватывало дух. Славная история человечества связана с огромным количеством легенд и воспоминаний о собаках, история собак и история человека сплелись воедино. Я тоже принял участие в собирании разлетевшихся костей, в целях гигиены надев пару белоснежных перчаток. Односельчане гневно смотрели на меня, и я торопливо сдёрнул перчатки и сунул в карман брюк. Собирая кости, я ушёл дальше всех и добрался до кромки гаолянового поля в сотне метров от общей могилы. В низкой траве, покрытой капельками дождевой воды, лежала полукруглая черепная коробка, ровный и широкий лоб свидетельствовал о незаурядности покойника. Я тремя пальцами взял череп и пошёл назад, но среди травы снова блеснуло что-то белое. Это был вытянутый череп. Несколько острых зубов в оскаленной пасти наводили на мысль, что подбирать его нет необходимости. По-видимому, это был собрат голубенького пёсика, бежавшего за мной по пятам. Или, возможно, волк. А то и помесь собаки и волка. Судя по прилипшим комочкам земли и чистой поверхности, его тоже ударом молнии выкинуло из общей могилы, где он безмятежно пролежал несколько десятков лет. В итоге я и его поднял. Односельчане бесцеремонно сваливали человеческие останки в могилу, кости ударялись одна о другую, ломались и крошились. Я кинул туда же половину человеческого черепа, а потом застыл в нерешительности с огромным собачьим черепом в руках. Кто-то из стариков сказал:

— Кидай давай, тогда собаки были не хуже людей!

И я кинул собачий череп в открытую могилу. Восстановленная «могила тысячи людей» была точь-в-точь такая же, как до удара молнии. Чтобы успокоить потревоженные души, моя мать сожгла перед ней целую кипу жёлтой бумаги для жертвоприношений.

Я помогал восстанавливать могилу, а потом вместе с матерью трижды поклонился, выказав почтение тысяче трупов, лежавших в ней.

Мать сказала:

— Сорок шесть лет прошло! Мне тогда было пятнадцать…

6

Мне тогда было пятнадцать. Японцы окружили деревню. Твои бабушка с дедушкой спустили меня и твоего маленького дядю в колодец, после чего исчезли без следа. Я лишь потом выяснила, что их убили в тот же день утром…

Я не знала, сколько времени просидела на дне колодца. Твой дядя скончался, труп начал дурно пахнуть. Жаба и ядовитая змея с жёлтым ободком на шее весь день пристально смотрели на меня. Я умирала со страха… В тот момент я думала, что наверняка сгину в колодце, и тут пришли твои отец и дедушка вместе с остальными…

Дедушка завернул пятнадцать винтовок «Арисака-38» в промасленную бумагу, связал верёвкой и потащил на плече к высохшему колодцу. Он велел отцу:

— Доугуань, хорошенько осмотрись, нет ли кого вокруг.

Дедушка понимал, что солдаты из отряда Лэна и Цзяогаоской части положили глаз на эти винтовки. Вчера вечером они с отцом под земляным валом соорудили шалаш, дедушка и все остальные спали, а Слепой сидел у входа и сторожил, прислушиваясь к каждому шороху. Посреди ночи он услышал, что в кустах на пологом склоне что-то вдруг зашуршало, а потом в сторону шалаша двинулись лёгкие шаги. Слепой по звуку понял, что идут двое, причём один смелый, а другой трусливый. Он уловил дыхание этих двоих, стиснул пистолет и громко рыкнул:

— Стоять!

Слепой услышал, как двое непрошеных гостей поспешно улеглись на землю и начали отползать назад. Он примерно определил направление, нажал на спуск, и пуля вылетела со свистом. Слепой услышал, как эти двое скатились по склону и укрылись в кустах. Снова прицелился туда, откуда доносилось шуршание, и выстрелил. В ответ раздался чей-то крик. Выстрелы разбудили дедушку и всех остальных, они бросились в погоню и увидели, как две чёрные тени перескочили через ров и метнулись в гаоляновое поле.

— Пап, никого, — сказал отец.

— Запомни этот колодец!

— Запомнил. Это колодец семьи Красы.

Дедушка наставлял его:

— Ежели я умру, то ты винтовки достань и в качестве подарка преподнеси их Восьмой армии, чтоб вступить в их ряды. Эти ребята вроде чуть получше отряда Лэна.

— Пап, мы не будем никуда вступать! Мы сами соберём свой отряд. У нас ведь ещё и пулемёт есть!

Дедушка горько усмехнулся:

— Ох и непросто это, сынок. Я уже из сил выбился.

Отец опустил верёвку, прицепленную к старому колодезному журавлю, а дедушка взялся за конец верёвки и перевязал ей винтовки.

— Колодец точно высох? — уточнил дедушка.

— Точно. Мы с Ван Гуаном играли в прятки и в нём прятались.

С этими словами он перегнулся через край и вдруг увидел в кромешной тьме две серых тени.

— Пап! Там кто-то есть! — громко завопил отец.

Они с дедушкой встали на колени на оголовок колодца, напряжённо всматриваясь в темноту.

— Это Краса! — воскликнул отец.

— Ну-ка, посмотри, она там жива?

— Вроде бы ещё дышит… Рядом с ней свернулась клубком змея, а ещё там лежит её братишка Аньцзы… — Голос отца эхом отражался от стенок колодца.

— Не побоишься спуститься?

— Спущусь! Мы с Красой дружим!

— Только берегись змеи.

— Я змей не боюсь!

Дедушка отвязал верёвку от винтовок, закрепил вокруг пояса отца и стал потихоньку опускать его в колодец.

— Ты там поосторожнее! — услышал отец дедушкин крик сверху.

Он нащупал ногой выступающий кирпич и встал на него. Чёрно-жёлтая змея вскинула голову, быстро высунула свой раздвоенный язык и зашипела на отца. Когда отец ловил в Мошуйхэ крабов, он научился обращаться со змеями, даже мясо их пробовал вместе с дядей Лоханем, они коптили его на сухих коровьих лепёшках, а дядя Лохань рассказал, что змеиным мясом можно лечить проказу. Отведав мяса змеи, они с дядей Лоханем тогда ощутили сильный жар во всём теле. Отец стоял, не двигаясь, ждал, пока змея опустит голову, а потом ухватил её за хвост и с силой начал трясти, пока кости не захрустели. Тогда он схватил эту тварь за шею и повернул на два оборота, после чего громко крикнул:

— Пап, сейчас я её выкину.

Дедушка отпрянул в сторону, и из колодца вылетела полудохлая змея, похожая на колбасу. От страха у него волосы встали дыбом, и он выругался:

— Вот ведь сосунок, а смелости как у разбойника!

Отец помог матери приподняться и крикнул:

— Краса! Краса! Это я, Доугуань! Пришёл тебя спасти!

Дедушка аккуратно поднял из колодца мою мать и труп маленького дяди.

— Пап, спускай винтовки! — велел отец.

— Доугуань, отойди в сторонку!

Верёвка поскрипывала, пока связка винтовок опускалась на дно. Отец развязал верёвку и закрепил её у себя на поясе, а потом крикнул:

— Тяни, пап!

— Хорошо завязал?

— Да!

— Хорошенько закрепи узел, а не как попало.

— Закрепил!

— А узел скользящий или мёртвый?

— Пап, ты чего? Я же только что обвязывал Красу, чтоб её поднять!

Отец и дедушка смотрели на лежащую на земле Красу. Кожа на лице плотно облегала кости, глаза запали, а дёсны, наоборот, выступали, волосы словно припорошены мукой. А ногти на руках её братишки стали тёмно-синими.

7

Под неустанной опекой колченогой тётки Лю моя мать постепенно поправилась, они с отцом и раньше были хорошими друзьями, а после истории со спасением из колодца и вовсе стали близки, как брат с сестрой. Дедушка заболел тифом и чуть было не помер, а потом в бреду ему почудился аромат гаоляновой каши, и тогда отец вместе с остальными кинулись собирать гаоляновые зёрна, а тётка Лю сварила кашу, распарив зёрна до мягкости. Дедушка съел миску каши, и тут у него в носу полопались сосуды и хлынула чёрная кровь, однако с того дня к нему вернулся аппетит, и здоровье начало мало-помалу поправляться. К середине десятого лунного месяца он уже мог, опираясь на палку, потихоньку подняться на земляной вал, чтобы поздней осенью погреться в тёплом солнечном свете.

В это время по слухам произошла стычка между отрядами Рябого Дэна и Мелконогого Цзяна, обе стороны понесли большие потери. Однако дедушка всё ещё был слишком болен, чтобы о чём-то думать.

Отец вместе с остальными возвели в деревне несколько временных хибарок, среди руин нашли подходящую мебель, а ещё отправились в поле собрать достаточное количество гаоляна, чтобы хватило на зиму и весну. С конца восьмого лунного месяца беспрерывно шли дожди, чернозём на гаоляновых полях превратился в грязь, половина размокших стеблей склонилась к земле, выпавшие из колосьев зёрна уже дали корни, а те, что остались внутри, пустили ростки, и среди сизо-бурых пожухлых растений пробивалась молодая нежная зелень. Гаоляновые метёлки, словно растрёпанные лисьи хвосты, стояли торчком или свисали вниз. Свинцовые тучи, вобравшие в себя большие объёмы воды, быстро проплывали над гаоляном, и по полю скользили мрачные тени. Крепкие ледяные капли барабанили по листьям. Стаи ворон, с трудом расправив насквозь мокрые крылья, кружили в воздухе над низиной. Солнце в эти дни было на вес золота, низину целыми днями окутывал липкий туман, который то немного рассеивался, то становился ещё гуще.

Когда дедушка слёг с тифом, отец взял на себя руководство. Под его предводительством Ван Гуан, Дэчжи, Хромой, Слепой и Краса отправлялись с винтовками дать жестокий отпор псам, которые прибегали в низину есть мертвечину. В этих сражениях отец отточил своё умение стрелять.

Иногда дедушка спрашивал слабым голосом:

— Малой, что ты удумал?

Брови отца сошлись в злобном выражении. Он ответил:

— Пап, мы собак будем бить!

— Да нечего их бить…

— Нет! Нельзя, чтоб они пожирали людей.

В болотистой низине лежало около тысячи трупов. Солдаты Восьмой армии просто свалили тела в кучу, но не успели толком захоронить. Небрежно присыпанные чернозёмом тела были отмыты от грязи шелестом осенних дождей и разворошены собаками. Постепенно трупы раздулись, над низиной стал распространяться едкий смрад, вороны и бешеные псы, улучив момент, кидались на кучу трупов и вспарывали покойникам животы, отчего зловоние становилось сильнее.

В период «расцвета» собачьи войска насчитывали от пятисот до семисот животных. Вожаками стаи были три наших пса: Красный, Зелёный и Чёрный, а костяк войска

составляли деревенские собаки, почти у всех хозяева лежали в общей куче, испуская зловоние. Время от времени к ним присоединялись полубезумные собаки из соседних деревень, которым было куда вернуться.

Люди разбились на группы — отец с матерью в одной, Ван Гуан и Дэчжи в другой, Хромой и Слепой в третьей — и разошлись в трёх направлениях. Они залегли в окопах и пристально наблюдали за тремя тянувшимися от гаолянового поля тропками, которые протоптали собачьи лапы. Отец держал винтовку «Арисака-38», а мать вооружилась карабином. Мать спросила:

— Доугуань, почему я всё время промахиваюсь?

— Ты слишком торопишься. Потихоньку прицельсяся, а потом плавно нажми на спуск и не промажешь!

Отец с матерью держали под наблюдением тропку, которая тянулась с юго-восточной стороны поля, шириной тропки была около двух чи, извилистая, серо-белая. Полёгший гаолян закрывал обзор, и стоило собакам прошмыгнуть туда, как они бесследно исчезали. Собачьи войска, появлявшиеся на этой тропке, вёл за собой наш Красный, шкура его лоснилась от обильного питания, бесконечные пробежки укрепили мускулы на лапах, а битвы с людьми развили сообразительность.

Солнце только-только выглянуло, и на собачьих тропах царили тишина и покой. Дорогу окутывал туман. После месяца боёв с переменным успехом собачье войско постепенно уменьшилось, больше сотни собак погибли прямо рядом с трупами, больше двух сотен сбежали, в итоге в трёх стаях насчитывалось около двухсот тридцати особей, и они стремились объединиться. Постепенно люди усовершенствовали свою технику стрельбы, и после каждого бешеного нападения собак оставались лежать несколько десятков трупов. В битве против людей собаки явно уступали в уме и технических средствах. Отец вместе с остальными ожидал первого за сегодня нападения собачей стаи. Псы в ходе борьбы выработали определённую систему, которая не менялась: они нападали один раз утром, один раз около полудня и один раз под вечер, прямо как люди, принимающие пищу по часам.

Отец увидел, как вдалеке начали покачиваться стебли гаоляна, и шепнул матери:

— Приготовься, идут!

Мать тихонько сняла карабин с предохранителя и прильнула щекой к промокшему под осенним дождём прикладу. Движение в гаоляне, словно волна, докатилось до края низины, и отец услышал собачье дыхание. Он знал, что несколько сотен жадных глаз буравят человеческие останки в низине, ярко-красные языки облизывают слюну в углах пасти, а животы урчат, выделяя зелёный желудочный сок.

Затем, словно по команде, двести с лишним псов выскочили из гаолянового поля с бешеным лаем. Шерсть на холках встала дыбом, собаки злобно рычали. Хорошо различимая в белом тумане шерсть поблёскивала в лучах кроваво-красного солнца. Собаки начали с хрустом разрывать трупы. Каждая из мишеней пребывала в постоянном движении. Ван Гуан и Хромой открыли огонь, раненые собаки жалобно выли, а те, в которых пули не попали, ещё быстрее разрывали тела.

Отец прицелился в неуклюжую голову одной чёрной собаки — ба-бах! — и пуля задела ухо. Собака заверещала и метнулась обратно в гаоляновое поле. Отец увидел, как на голове белой собаки распустился цветок, она рухнула, вывалив из пасти чёрный язык и не успев даже взвыть.

— Краса, ты попала! — громко воскликнул отец.

— Это я? — радостно переспросила мать.

Отец прицелился в нашего Красного, тот побежал, припадая животом к земле, молнией проносясь от одного островка гаоляновых стеблей к другому. Отец выстрелил, пуля скользнула прямо над собачьим хребтом. Красный ухватил раздувшуюся белую женскую ногу, его острые зубы с хрустом раздирали кости. Мать тоже выстрелила, пуля вонзилась в чёрную раскисшую землю прямо перед собачьей пастью, и брызги попали на морду, пёс пару раз тряхнул головой. Наконец он отгрыз половину ноги и потащил её. Ван Гуан и Дэчжи меткими выстрелами ранили нескольких собак, их кровь брызнула на трупы, раненые псы жалобно выли, и от этого воя у людей шёл мороз по коже.

Собачье войско отступило. Отец и его команда собрались, чтобы почистить оружие. Пуль уже осталось не так много. Отец напомнил, что стрелять нужно как можно прицельнее и первым делом требуется перебить трёх вожаков. Ван Гуан сказал:

— Они скользкие, как вьюны, не успеешь прицелиться, как сбегают.

Дэчжи, моргая жёлтыми глазами, предложил:

— Доугуань, а что, если мы нападём на них разок неожиданно?

— Это как?

Дэчжи объяснил:

— Ну должно же быть место, где вся эта свора отдыхает. Я так думаю, это насыпь на Мошуйхэ, собаки поедят мертвечины и наверняка бегут туда напиться.

Хромой кивнул:

— Дэчжи дело говорит.

— Пойдём! — согласился отец.

— Не торопись! — остановил его Дэчжи. — Давайте вернёмся и возьмём ручных гранат.

Отец, мать, Ван Гуан и Дэчжи разделились и пошли по двум собачьим тропам. Глина, по которой ступали столько лап, приобрела мягкость резины. Тропы и правда вели в сторону реки Мошуйхэ, отец с матерью услышали журчание воды и лай собак на берегу. Ближе к насыпи три собачьих тропы сходились в одну вдвое шире. Там они встретились с Ван Гуаном и Дэчжи.

Подходя к насыпи, отец увидел, что на песчаной отмели, густо поросшей травой, рассредоточились более двухсот собак. Большинство из них лежали на брюхе, некоторые обгрызали засохшую липкую грязь, приставшую к пальцам, другие, задрав лапу, мочились в речку, третьи стояли на берегу и, вытянув длинные языки, лакали мутную воду. Бурые зады обожравшихся человечиной псов выпирали, а трава была покрыта красным и белым дерьмом. Отец и его друзья раньше и не знали, что собачье дерьмо может издавать подобный запах. Собаки, что лежали на земле, вели себя довольно тихо. Три вожака смешались с остальной сворой, но всё равно их было видно с первого взгляда.

— Бросаем, Доугуань?

— Готовьтесь, будем бросать вместе.

Они достали каждый по две маленьких ручных гранаты, выдернули чеку, ударили гранатами друг о друга, взводя, после чего отец гаркнул:

— Бросаем!

Восемь ручных гранат упали в разных местах в собачьей стае, собаки удивлённо уставились на круглые штуковины, прилетевшие с неба, а потом инстинктивно пригнулись.

Отец обнаружил, что три наших пса очень сообразительные: они припали к земле всем телом. Восемь первоклассных ручных гранат почти одновременно детонировали, сильнейшая ударная волна разнесла по сторонам осколки, похожие на чёрные бобы. Больше десятка собак разлетелись на куски, ещё двадцать с лишним были ранены. Брызги собачьей крови и ошмётки собачьей плоти кружились в воздухе и, словно град, падали в воду. Кровожадные белые угри, обитавшие в Мошуйхэ, тут же собрались у берега и чуть ли не пищали, сражаясь друг с другом за мясо и кровь. Раненые собаки хором скулили, наводя ужас на людей. Уцелевшие псы бросились врассыпную: некоторые помчались вдоль реки, другие прыгнули в воду в надежде спастись на противоположном берегу. Отец пожалел, что не взял с собой винтовку. Несколько собак от взрыва ослепли, их морды были перепачканы кровью, они жалобно скулили и кругами бегали по отмели, словно крутили жёрнов, и смотреть на это было невыносимо. Три наших пса переплыли на противоположный берег, а за ними через речку переправились ещё больше тридцати. Поджав хвосты, они выбрались на насыпь, шерсть прилипла к телу — поистине жалкое зрелище. Собаки отряхнулись, но с кончиков хвостов, с животов и морд по-прежнему капала вода. Наш Красный со злостью лаял на отца, словно бы обвинял в том, что отец и его товарищи нарушили договор: во-первых, вторглись на территорию, где собаки ночуют, во-вторых, использовали новое жестокое оружие.

Отец снова скомандовал:

— Кидаем туда!

Они вытащили ещё по одной гранате и с силой швырнули их на противоположный берег. При виде чёрных штуковин, перелетающих через речку, собачья стая подняла страшный гвалт, псы кувырком скатились с насыпи и спрятались в гаоляновом поле на южном берегу Мошуйхэ. Отцу с товарищами не хватило сил, гранаты попадали в речку, от взрыва в воздух взметнулись четыре белых водяных столба, вода забурлила, и на поверхность кверху брюхом всплыло множество белых угрей.

После внезапного нападения свора два дня не показывалась на месте бойни. На протяжении этих двух дней и люди, и собаки не расслаблялись, а готовились продолжить напряжённую борьбу.

Отец и его команда осознали всю мощь ручных гранат, они собрались вместе, чтобы обсудить, как в дальнейшем использовать гранаты. Ван Гуан отправился на берег реки на разведку и сообщил, что на отмели валяется несколько дохлых псов, берег усеян собачьей шерстью и дерьмом, стоит ужасная вонь, но живых собак не видно. Они перенесли свой лагерь в другое место.

Дэчжи рассудил, что они временно разогнали собачью стаю, но вожаки никуда не делись, в скором времени они вновь воссоединятся и явятся пожирать трупы. Следующая их атака наверняка будет ещё более жестокой, поскольку оставшиеся в живых собаки обладают богатым опытом сражений, одна превосходит другую.

В конце концов мать предложила одну хитрость: закопать ручные гранаты с деревянными ручками на собачьих тропках, установив растяжки. Идею одобрили, и все тут же приступили к её осуществлению. Разделившись на группы, они закопали на трёх собачьих тропах в общей сложности сорок три готовые в любой момент взорваться ручные гранаты с деревянными ручками. Японских гранат изначально было пятьдесят семь, во время атаки на реке Мошуйхэ использовали двенадцать, осталось ещё сорок пять. Отец по справедливости

выдал каждой боевой группе по пятнадцать.

За эти пару дней в собачьей стае произошёл раскол, из-за постоянных боевых потерь и массового дезертирства количество «бойцов» собачьего отряда уменьшилось примерно до ста двадцати особей. Возникла срочная необходимость переформировать войска, три больших отряда объединились в один отборный сплочённый военный коллектив. Поскольку место, где изначально стоял лагерь, четыре мелких недоноска перевернули вверх дном с помощью странных взрывающихся штуковин, похожих на жуков-навозников, собачья свора двинулась вдоль насыпи на восток, преодолела три ли и разбила новый лагерь на южном берегу Мошуйхэ к востоку от большого каменного моста.

То утро имело решающее значение. Собаки жаждали вступить в схватку и всю дорогу провоцировали собратьев, пихались и кусались. Втихаря они мерили взглядом своих вожаков. Наши Красный, Чёрный и Зелёный сохраняли невозмутимость, лишь искоса посматривали друг на друга с хитроватой усмешкой на вытянутых мордах.

К востоку от каменного моста псы уселись в круг, вытянули шеи и завыли, глядя в пасмурное осеннее небо. Тела Чёрного и Зелёного сводило судорогой, шерсть вдоль хребта перекатывалась волнами. Поскольку они вдосталь ели человечины, у некоторых собак белки глаз подёрнулись плотной сеткой красных сосудов, несколько месяцев поедания сырого мяса и кочевой жизни пробудили в глубинах их душ воспоминания, замороженные на миллионы лет покорного служения человеку. Сейчас они до костей прониклись ненавистью к этим прямоходящим тварям. Пожирание трупов противников стало не просто удовлетворением потребности в пище — важнее, что в этом процессе они смутно ощущали, будто бросают вызов человеческому миру. Это была безумная месть хозяевам, которые надолго поработили их. Разумеется, приподнять завесу примитивного тумана до рациональных высот и рационально осмыслить свои действия могли лишь три наших пса. Именно поэтому их поддерживала стая. Разумеется, физическая крепость, проворность и дух самопожертвования, который ощущался в жестоких атаках, тоже были необходимыми качествами, благодаря которым им удалось покорить себе всю свору и стать вожаками.

Человеческая кровь и человеческое мясо изменили внешний вид всех собак, их шерсть блестела, мышцы играли под шкурой, уровень гемоглобина скакнул вверх, они стали более жестокими, кровожадными и воинственными. Когда собаки вспоминали, какое жалкое существование влачили в рабстве у людей, питаясь подгоревшими рисовыми корками и помоями, их охватывал стыд. Нападения на людей стали выражением коллективного подсознания всей своры. То, что отец без конца подстреливал их собратьев, лишь укрепляло ненависть к людям.

Десять дней назад между тремя собачьими отрядами начали происходить стычки. Ничего серьёзного. Однажды жадный пёс с треснувшей мордой из команды Чёрного тайком сожрал человеческую руку, которую притащила маленькая белая собачонка из команды Зелёного. Белая собачка пошла выяснять отношение, а в итоге пёс с треснутой пастью перекусил ей заднюю лапу. Бандитская выходка разозлила всех «зелёных». С молчаливого согласия вожака они собрались и загрызли обидчика, разорвав на ошмётки даже кишки. Отряд «чёрных» не смог сдержаться при виде подобной ответной меры, а потому сто с лишним собак из двух отрядов сплелись в клубок. Клочки шерсти разлетались по лёгкому ветру вдоль реки. Псы из отряда «красных» решили не упускать удобный случай — как говорится, пользуясь пожаром, заняться грабежом — и приняли участие в грызне, вымещая личные обиды. Три наших пса с невозмутимым видом сидели поодаль и наблюдали за

происходящим ледяными взглядами, хотя в их глазах бурлила свежая кровь.

Яростная битва продолжалась тогда более двух часов, семь собак так больше никогда и не поднялись, больше десятка получили серьёзные ранения и лежали на поле боя, жалобно поскуливая. После боя почти все собаки уселись на берегу и, высунув алые языки, с которых стекала целебная слюна, зализывали раны.

Вторая стычка произошла вчера в обед. В отряде «зелёных» один сизо-бурый нахальный кобель с толстыми губами и рыбьими глазами нагло приударил за симпатичной пёстренькой сучкой, снискавшей особую благосклонность вожака, с которым у неё уже были близкие отношения. Красный сильно разгневался и одним ударом лапы скинул наглого кобеля в реку, тот выскочил, отряхнул с себя грязную воду и сердито залаял. Собаки из отряда «красных» посмеивались, глядя на этого противного и жалкого уродца.

Вожак «зелёных» пару раз тявкнул на вожака «красных», Красный не обратил внимания, снова ударом лапы скинул пёстрого кобеля в реку, и тот выплыл на берег, словно гигантская крыса, выставив над водой круглые ноздри. Маленькая пёстрая сучка спряталась за Красным, кротко виляя хвостом.

В итоге Зелёный облаял Красного, как если бы один человек одарил другого холодной усмешкой.

Красный облаял Зелёного, как если бы человек ответил на холодную усмешку холодной усмешкой.

Чёрный встал между былыми товарищами и тоже что-то пролаял, как миротворец.

Собаки собрались на новом месте отдыха. Некоторые лакали воду, некоторые зализывали раны, на поверхности неспешной реки Мошуйхэ плясали древние солнечные блики, над насыпью высунул голову дикий заяц-недоросток, но испугался так, что душа ушла в пятки, и бросился наутёк.

Собачья свора нежилась в лучах тёплого осеннего солнца. Три наших пса сидели в вершинах треугольника, зажмурив глаза, словно бы вспоминали былые годы.

Красный вспомнил, какую спокойную жизнь они вели, когда охраняли двор хозяев винокурни, — тогда ещё живы были две старых жёлтых собаки. Хотя у пяти псов временами и случались стычки, но в основном они мирно сосуществовали. Красный был тогда самым хилым и маленьким, он запаршивел, и его выставили прочь из собачьей конуры. Потом он повалялся на восточном дворе на жмыхе, оставшемся после производства гаолянового вина, парша прошла, он вернулся обратно, но всё равно держался особняком: ему претило, что Чёрный и Зелёный обижают слабых, но перед сильными заискивающе виляют хвостами.

Красный знал, что вскоре состоится битва за место вожака, поскольку споры теперь происходили исключительно между тремя вожаками — свора вела себя мирно, просто того пёстрого кобеля невозможно было исправить, и он был постоянным источником беспорядков.

Наконец подвернулся удобный случай. Старая сука с драным ухом ткнулась холодным мокрым носом в нос Чёрного, после чего повернулась и призывно помахала ему хвостом. Чёрный поднялся и предался утехам со своей старой возлюбленной. Красный и Зелёный наблюдали за происходящим. Красный просто спокойно лежал, искоса поглядывая на Зелёного. Вдруг Зелёный, словно молния, метнулся к Чёрному и прижал его к земле, пока тот был занят заигрываниями.

Все собаки вскочили, глядя на их ожесточённую схватку. Зелёный без промедления воспользовался всеми преимуществами внезапного нападения, вцепился Чёрному в шею и

начал с силой трясти. Шерсть на загривке Зелёного встала дыбом, а из горла вырвался рык, подобный раскату грома.

От укусов у Чёрного закружилась голова, он дёрнулся что было мочи, и в итоге Зелёный отхватил у него лоскут шкуры размером с ладонь. Чёрный поднялся, от резкой боли всё тело дрожало. Он обезумел от злости, решив, что Зелёный напал на него исподтишка в нарушение всех собачьих правил. Хороший воин не станет тайком подсыпать яд, тогда и победа окажется бесславной! Чёрный пёс дико залаял, опустил голову, кинулся на противника и вонзил зубы в шерсть на груди. Зелёный ухватил Чёрного за раненую шею и начал отрывать один за другим шматки плоти и глотать её. Чёрный разжал пасть. Зелёный тоже ослабил хватку. Вырванная на груди шкура болталась, как дверная занавеска. Красный медленно поднялся, смерив холодным взглядом соперников. У Чёрного была почти сломана шея, он не мог толком поднять голову — сколько ни пытался, она повисала. Чёрный уже ни на что не годился. Зелёный свирепо посмотрел на побеждённого, самодовольно оскалился и завыл. Потом повернулся и увидел прямо перед собой длинную морду Красного. Зелёный затрепетал. Красный пристально глянул на него, а потом бросился вперёд, пустил в ход свой излюбленный приём и повалил раненого Зелёного на землю. Не давая сопернику подняться, Красный развернул голову, ухватился за оторванный лоскут шкуры и с силой дёрнул, обнажая мышцы на груди. Зелёный вскочил, полоса меха волочилась между ног, подметая землю. Он издал громкий визг — понял, что всё кончено. Красный ударом лапы сбил едва державшегося на ногах Зелёного, и тот два раза перекувырнулся. Остальные собаки не стали дожидаться, пока Зелёный поднимется, и он под градом укусов превратился в кучу кровавых клочьев.

В этот момент Красный, уничтоживший сильных соперников, высоко задрал хвост и взревел, глядя на окровавленного Чёрного. Тот в ответ тоже залаял, поджав хвост. Его зелёные глаза уставились на Красного, и в них светилась мольба о сострадании. Жаждавшая поскорее завершить бой стая, словно взбесившись, кинулась на Чёрного, и тот прыгнул в реку, решив покончить с собой. Его голова сначала ещё появлялась над водой, но скоро пёс пошёл ко дну, а на поверхность с бульканьем всплыли несколько пузырьков воздуха.

Стая окружила Красного и, оскалив белоснежные зубы, торжественно завыла, глядя на бледное солнце в небе, которое в эту пору так редко бывает ясным.

Внезапное исчезновение собачьей своры беспокоило отца и его команду, внеся сумятицу в их упорядоченную жизнь. Осенний дождь хлестал по всему живому, издавая монотонное шуршание. Не испытывая возбуждения от сражений с бешеными собаками, отец и все остальные чувствовали себя подобно курильщику опиума без очередной дозы: из носу текло, они зевали, их постоянно клонило ко сну.

Утром на четвёртый день после исчезновения собак отец и остальные лениво собрались на краю низины и, глядя на клубившийся над низиной туман и смрад, наперебой обсуждали, чем заняться.

Хромой уже сдал винтовку, вышел из отряда охотников на собак и отправился в дальнюю деревню за кусок хлеба помогать младшему двоюродному брату в харчевне. Слепому нечего было делать, и он сидел у хибарки, болтая с болевшим дедушкой. Остались отец с матерью, Ван Гуан и Дэчжи.

Мать сказала:

— Доугуань, собаки не вернутся, они боятся ручных гранат.

Она посмотрела на три собачьих тропы и больше остальных хотела, чтобы собаки вернулись: ведь спрятать на пути своры сорок три ручных гранаты было её блестящей идеей.

— Ван Гуан, — велел отец, — сходи-ка ещё раз на разведку.

— Да я ж вчера ходил! Собаки устроили бойню к востоку от моста. Зелёный помер. Они наверняка разбежались. Хватит нам тут зря время терять, надо быстрее идти записываться в Восьмую армию.

Отец возразил:

— Нет, они непременно придут, им жаль бросить столько вкуснятины.

— Да сейчас везде полно трупов, — заметил Ван Гуан. — Они ж не дураки, чтоб нарваться на гранаты.

— У нас тут трупов полно, собаки не захотят отсюда уходить.

— А по мне, — сказал Дэчжи, — так надо записываться в отряд командира Лэна. У него бойцы одеты с иголочки: тёмно-серая форма, кожаные ремни…

Тут мать воскликнула:

— Гляньте!

Все пригнулись и посмотрели туда, куда показывала мать, — в сторону собачьих троп. Гаоляновые стебли, загораживавшие тропы, зашелестели, серебристые капли дождя отчётливо барабанили по листьям. По всему полю среди пожухлых растений из семян, проклюнувшихся по ошибке не в тот сезон, сквозь дождь и туман пробивались нежные жёлтые росточки. Аромат побегов смешивался с запахом гниющего гаоляна и зловонием разлагающихся трупов, собачьего дерьма и мочи. Отец и его команда видели перед собой страшный и грязный мир, мир, полный зла, расцветающего буйным цветом.

— Они идут! — радостно крикнул отец.

Гаолян на трёх собачьих тропах продолжал шуршать, но гранаты так и не взорвались.

— Доугуань, что случилось? — забеспокоилась мать.

— Не беспокойся, они ещё на них напорются.

Дэчжи предложил:

— Давай-ка пальнём из ружья, чтоб их напугать!

Мать от нетерпения выстрелила. В гаоляновом поле началась суета, и тут разом взорвались несколько ручных гранат. Ошмётки гаоляновых стеблей и собачьих тел взметнулись в воздух, заскулили раненые собаки. Тут же с грохотом взорвались ещё несколько гранат, их осколки и ещё какие-то клочья просвистели по воздуху над головами отца и его товарищей.

В конце концов с трёх троп выскочили больше двадцати собак, и отец с товарищами начали палить по ним. Собаки метнулись обратно и подорвались ещё на нескольких гранатах.

Мать запрыгала, хлопая в ладоши.

Но никто из них не знал о серьёзных изменениях в собачьем отряде. Сообразительный Красный, получив власть над всей стаей, отвёл остальных собак на несколько десятков ли и чётко перегруппировал их. Организованная им атака играла всеми красками диалектики, тут даже наделённым разумом людям не к чему было придраться. Красный понимал, что им противостоят несколько коварных подростков, причём один даже смутно ему знаком. Если избавиться от этих ублюдков, стая сможет спокойно наслаждаться превосходной пищей, которой в низине было полным-полно. Красный велел остроухой дворняге повести за собой половину своры прежним путём, причём биться предстояло до последнего, отступать нельзя.

Сам он повёл шестьдесят собак в обход, чтобы нанести неожиданный удар и загрызть насмерть этих недоносков, за которыми столько кровавых долгов. Перед выходом Красный закрутил хвост колечком и ткнулся холодным носом в каждый такой же нос, а потом показал собратьям пример, обгрызая затвердевшую глину со своих лап. Остальные собаки повторили это за ним.

Только-только Красный подошёл к низине с тылу и увидел этих людишек, которые оживлённо жестикулировали, как с другой стороны раздались взрывы ручных гранат. Сердце его затрепетало от страха, в стае тоже началась паника. Эти чёрные навозные жуки с огромной поражающей силой наводили ужас на всех собак. Красный понял, что стоит струхнуть, и его ждёт поражение по всем фронтам. Он повернул голову, оскалился и пронзительно залаял на взволнованных собак, после чего вся стая под его предводительством бросилась вперёд, как гладкая пятнистая туча, к тому окопу, где прятались отец и его команда.

— Они сзади! — испуганно крикнул отец, развернул «Арисаку-38» и выстрелил, не успев прицелиться. Пуля попала в довольно крупную коричневую собаку, её тело ещё пролетело вперёд два-три метра и упало на землю, после чего на него наступили собаки, бежавшие сзади.

Ван Гуан и остальные палили без остановки, однако, как говорится, передние падают — задние встают им на смену, и вот уже другие псы мчались к окопу, их зубы сверкали, а глаза алели, словно спелые вишни. В тот момент ненависть собак к людям достигла наивысшей точки. Ван Гуан бросил винтовку, повернулся и побежал в низину, но его окружили больше десятка собак, и низенький подросток за считанные минуты просто исчез. Привыкшие питаться человечиной собаки давно уже превратились в злобных хищников, их движения были быстрыми и отточенными, каждая отхватывала по большому куску мяса Ван Гуана, зубы с хрустом перегрызали его кости.

Отец, мать и Дэчжи прижались спинами друг к другу, они перепугались так, что ноги тряслись, мать даже обмочила штаны. Былая лёгкость, с которой они били собак, исчезла как дым. Собаки окружили их плотным кольцом. Они без конца стреляли, убили и ранили ещё нескольких псов, но при этом расстреляли все патроны, что были в магазинах. У отца на винтовку был надет штык, он блестел и представлял для собак серьёзную угрозу, однако у матери и Дэчжи были лишь короткие карабины, без штыков, а потому большинство собак начали кружить вокруг них. Мать тихонько запричитала:

— Доугуань… Доугуань.

— Не бойся, — велел отец. — Крикни погромче, позови на помощь моего отца.

Красный понял, что отец тут за главного, и презрительно косился на его штык.

— Па-а-а-а-ап! Спаси нас! — заорал отец.

— Дядя! Спаси нас! — со слезами закричала мать.

Собачья свора разок попробовала атаковать, однако отец и его команда оттеснили их, ствол материнского карабина попал прямо в пасть одному из псов и выбил два зуба. Одна опрометчивая собака бросилась на отца, но штык распорол шкуру на морде. Пока остальные наступали, Красный сидел за пределами оцепления, спокойно глядя на отца.

Противостояние длилось так долго, что хватило бы времени выкурить две трубки. Отец почувствовал, что его ноги обмякли, а руки затекли; он ещё раз громко позвал дедушку на помощь, а потом ощутил, как мать всем телом навалилась на него, словно рухнувшая стена. Дэчжи тихим голосом сказал:

— Доугуань, я отвлеку собак, а вы бегите…

— Нет!

— Я побежал!

Дэчжи оторвался от них и помчался в гаолян. За ним кинулись несколько десятков псов, догнали и набросились на него. Отец не отваживался посмотреть, что там с Дэчжи, поскольку с него самого не сводил глаз Красный.

С той стороны, куда метнулся Дэчжи, раздался взрыв двух японских гранат. От взрывной волны стебли гаоляна затрепетали, щёки отца онемели, и под звук падающих на землю останков раздался жалобный вой раненых собак. Окружавшие отца и мать псы испугались взрыва и отбежали на десяток шагов. Мать воспользовалась случаем, вытащила гранату и метнула в стаю. Увидев, что по небу в их сторону летит та самая странная чёрная штуковина, собаки вразнобой залаяли и в панике бросились врассыпную. Однако граната не взорвалась. Мать забыла её взвести. Не убежал только Красный, улучив момент, когда отец отвернулся посмотреть на мать, он взмыл вверх. В полёте тело его расправилось, описав красивую дугу на фоне серебристо-серого неба и явив всё величие собачьего вожака. Отец инстинктивно отпрянул, когти чиркнули по его лицу, и первая попытка Красного не увенчалась успехом, однако он сорвал со щеки кусок кожи размером с отцовский рот, и из раны потекла липкая кровь. Красный снова бросился на отца, но тот выставил вперёд винтовку. Лапы пса упёрлись в ствол, но он попытался просунуть голову под штыком и вонзить зубы в грудь отцу. Отец увидел островок белоснежной шерсти на животе Красного и с размаху ткнул туда штыком, но тут вдруг мать неожиданно подалась вперёд, и отец упал навзничь. Красный не преминул этим воспользоваться — он прицелился и укусил отца в пах. Мать размахнулась и ударила прикладом по твёрдой собачьей голове. Красный отбежал на несколько шагов, а потом ринулся было в атаку, но, когда его тело зависло в трёх чи над землёй, повалился головой вперёд одновременно с выстрелом. Пуля выбила ему один глаз. Отец и мать увидели дедушку. Левой рукой он опирался на обуглившуюся чёрную палку, а правой держал японскую винтовку, из дула которой поднималась струйка серого дыма. Он стоял твёрдо, но согнулся, и волосы его совсем поседели.

Дедушка несколько раз выстрели в псов, которые собрались вдалеке, и те, поняв, что дело плохо, бросились наутёк в гаолян, и каждый побежал своей дорогой.

Дедушка, пошатываясь, подошёл, ткнул палкой Красного в голову и выругался:

— Ах ты, предатель!

Сердце Красного ещё не остановилось, лёгкие продолжали дышать, сильные задние ноги дёргались, оставляя борозды на чернозёме, а роскошная красная шерсть полыхала, словно языки пламени.

8

Укус Красного вышел не слишком сильным. Может, всё дело в том, что отец надел две пары лёгких штанов без подкладки, но последствия были серьёзными. Красный пёс прокусил насквозь отцовский «перчик» и кожу мошонки, оттуда вывалилось продолговатое яичко размером с перепелиное и осталось висеть на тонкой белой ниточке. Стоило дедушке дотронуться до него, как ярко-алое яичко провалилось в ширинку.

Дедушка вытащил его и держал в ладони. Казалось, что эта маленькая штучка весит тысячу цзиней, и под её тяжестью дедушка согнулся в три погибели, а ещё она словно бы обжигала дедушкину большую ладонь так, что ладонь дрожала. Мать спросила:

— Дядя, что с вами?

Она увидела, что мускулы на дедушкином лице свело от боли, лицо, бледное после болезни, стало и вовсе землисто-жёлтым, а в глазах светилось разочарование.

— Всё кончено… теперь уже по-настоящему… — дедушка бубнил старческим голосом, который не вязался с его возрастом.

Он вскинул винтовку и громко крикнул:

— Ты меня погубил! Псина!

Он выстрелил несколько раз подряд в Красного, который и так уже едва дышал.

Отец самостоятельно поднялся. Горячая струя крови бежала по внутренней стороне бедра, но он не чувствовал особой боли.

— Пап, мы выиграли!

Мать закричала:

— Дядя, быстрее приложите лекарство к ране Доугуаня!

Отец, глядя на яичко в ладони дедушки, с сомнением спросил:

— Пап, это моё? Моё?

Отец ощутил приступ дурноты, потом в глазах потемнело, и он упал в обморок.

Дедушка отшвырнул деревянную палку, сорвал несколько чистых гаоляновых листьев, завернул в них яичко и передал матери, наказав:

— Краса, береги его! Пойдём к доктору Чжан Синьи.

Он присел, поднял отца на руки, с трудом поднялся и нетвёрдой походкой двинулся в путь. А в низине всё ещё поскуливали раненные осколками гранат собаки.

Господину Чжан Синьи было под шестьдесят, он расчёсывал волосы на прямой пробор, чего почти не делали деревенские, и носил длинный тёмно-синий халат. Лицо доктора было зеленовато-бледным, а сам он был такой худой, что казалось, ветром сдует.

Дедушка притащил отца, устав настолько, что весь сгорбился, а его лицо приобрело землистый оттенок.

— Командир Юй? Вы очень изменились! — сказал господин Чжан.

— Доктор, какую цену назовёте, столько я вам и заплачу!

Отца уложили на дощатую кровать. Господин Чжан уточнил:

— Это ваш сын?

Дедушка кивнул.

— Тот, что убил японского генерала на мосту через реку Мошуйхэ?

— Мой единственный сын!

— Сделаю всё, что в моих силах!

Господин Чжан достал из аптечки пинцет, ножницы, бутылку гаолянового вина и пузырёк с меркурохромом,[90] потом наклонился и начал осматривать рану на лице отца.

— Господин, сначала осмотрите ту, что ниже, — серьёзно сказал дедушка, повернулся, забрал у матери яичко, завёрнутое в гаоляновые листья и положил на полку шкафа ядом с кроватью, после чего развернул листья.

Господин Чжан подцепил вещицу пинцетом, осмотрел, и тут его длинные пальцы, почерневшие от табачного дыма, задрожали. Он промямлил:

— Командир Юй… дело не в том, что я не хочу постараться, просто рана вашего сына… Моих знаний недостаточно, да и лекарств нет… Вам бы пригласить кого-то более знающего…

Дедушка, который так и не разогнулся, посмотрел на врача мутными глазами и сдавленным голосом спросил:

— А где мне искать кого-то более знающего? Ответьте мне, где такие есть? Или вы меня к японцам отправляете?

Чжан Синьи ответил:

— Что вы, командир Юй, я ничего такого не имел в виду. Вашего сына ранило в жизненно важное место, если замешкаться, то можно его потерять…

— Раз уже пришли к вам, значит, доверяем. Так что смело беритесь за работу.

Чжан Синьи стиснул зубы:

— Раз вы так говорите, я рискну.

Он смочил комок ваты в гаоляновом вине и промыл рану. От острой боли отец очнулся и хотел было скатиться с кровати, но дедушка подоспел и удержал его. Отец сучил ногами.

— Командир Юй, свяжите его!

Дедушка сказал:

— Доугуань, ты же мой сын — терпи! Стисни зубы и терпи!

— Пап, мне больно…

— Терпи! Вспомни про дядю Лоханя!

Отец не осмелился дальше спорить, его лоб покрылся капельками пота.

Чжан Синьи нашёл иголку, продезинфицировал гаоляновым вином, вдел нитку и начал зашивать кожаный мешочек. Дедушка велел:

— Вшейте внутрь!

Чжан Синьи посмотрел на яичко, лежавшее в гаоляновых листьях на полке шкафе и сконфуженно произнёс:

— Командир Юй… никак его не вшить…

— Вы хотите, чтобы мой род прервался? — мрачно поинтересовался дедушка.

Худое лицо господина Чжана покрылось блестящей испариной.

— Командир Юй, сами посудите… все кровеносные сосуды оборваны. Даже если вшить его, оно всё равно уже мёртвое.

— Так соедините сосуды!

— Никто в целом мире не слышал о том, чтоб соединять кровеносные сосуды…

— То есть это конец?

— Сложно сказать, командир Юй. Может, всё и обойдётся… Второе-то целёхонько. Может, и с одним всё получится.

— Говорите, с одним получится?

— Может быть…

— Твою ж мать! — печально выругался дедушка. — Что ж мне так не везёт…

Господин Чжан зашил рану на мошонке, потом на лице. На спине у него расползлось большое пятно пота, он плюхнулся на табуретку и прерывисто дышал.

— Сколько я вам должен? — спросил дедушка.

— О каких деньгах может идти речь, командир Юй? Я буду счастлив, если ваш сын поправится! — обессиленно отмахнулся господин Чжан.

— Господин Чжан, мне в последнее время что-то судьба не улыбается, но в один прекрасный день я вас непременно отблагодарю.

Он подхватил отца и вышел из дома господина Чжана.

Дедушка задумчиво смотрел на отца, который в полубессознательном состоянии лежал в хибарке. Лицо его было обмотано белым бинтом, виднелись лишь блестящие глаза. Один раз приходил Чжан Синьи, поменял отцу повязку и сказал дедушке:

— Командир Юй, рана не загноилась, это великая радость.

Дедушка спросил:

— Скажите, у него всё нормально будет, раз осталось всего одно яичко?

— Вы сейчас об этом не думайте. Вашего сына укусила бешеная собака. Хорошо, что он вообще остался жив.

— Но если яичко никуда не годится, то какой смысл в этой жизни?!

Господин Чжан, видя убийственное выражение на лице дедушки, ретировался, послушно поддакивая.

На сердце у дедушки стало муторно. Он взял винтовку и пошёл побродить в низине. Осенний воздух был ледяным, везде лежал иней, который побил жёлтые ростки гаоляна. Кое-где скопилась вода, и на лужицах виднелись тоненькие льдинки. Уже конец десятого лунного месяца, думал дедушка, зима на пороге, он ослаб после болезни, сын то ли выживет, то ли нет, дом разорён, семья погибла, люди претерпевают ужасные лишения. Ван Гуан и Дэчжи мертвы, Хромой Го Ян подался к родне в дальнюю деревню, у тётки Лю из нарывов на ногах всё ещё течёт кровь и гной, Слепой целыми днями сидит без дела, девчонка Краса ничего ещё не понимает, Восьмая армия переманивает его к себе, отряд Лэна притесняет, а японцы видят в нём заклятого врага… Опираясь на палку, дедушка стоял на холмике на краю низины и смотрел на останки тел и раскиданный по полю красный гаолян. Множество мыслей проносились в голове, он был удручён, а в памяти вспыхивали картинки прошлого. Богатство и слава, красивая жена и прекрасная наложница, дорогой скакун и оружие, беспробудное пьянство и кутежи — всё это проносилось, словно тучи. Десяток лет насилия и самодурства, борьбы за внимание женщин закончились таким унынием. Он несколько раз брался за винтовку, но потом в сомнениях разжимал руку.

Осень одна тысяча девятьсот тридцать девятого года стала в жизни дедушки самым сложным периодом. Его отряд уничтожен, любимая жена убита, сын тяжело болен, дом сожжён, так ещё и болезнь привязалась. Война разрушила почти всё, что у него было. Он смотрел на трупы людей и собак, которые, казалось, слиплись в один сплошной клубок, и не мог привести свои мысли в порядок. Несколько раз дедушка сжимал приклад винтовки и думал о том, чтобы проститься с этим насквозь подлым миром, однако желание мстить пересилило малодушие. Дедушка ненавидел японцев, ненавидел отряд Лэна и Цзяогаоскую часть Восьмой армии. Бойцы Восьмой армии похитили у него больше двадцати винтовок и след простыл, только вот что-то не слышно, чтоб они сражались с японцами — зато постоянно доходили слухи о стычках между ними и отрядом Лэна. Более того, у дедушки

закралось подозрение, что пятнадцать винтовок «Арисака-38», которые они с отцом спрятали в высохшем колодце и которые потом внезапно исчезли, тоже украдены солдатами Восьмой армии.

По краю низины к дедушке подошла тётка Лю, всё ещё миловидная женщина за сорок. Она ласковым взглядом скользнула по посеребрённой дедушкиной голове и большой грубой рукой взяла его под руку со словами:

— Братец, не стоит сидеть тут и предаваться горьким думам. Пойдём домой. Древние говорили: «Нет на свете дорог, по которым человек не пройдёт». Безвыходных положений не бывает, так что больше ешь, пей, отдыхай, а когда оправишься от болезни, тогда и посмотрим…

Дедушка растроганно смотрел на доброе лицо женщины.

— Сестрица… — Из его глаз чуть не брызнули слёзы.

Тётка Лю погладила дедушку по сгорбленной спине.

— Ты посмотри на себя. Только-только минуло сорок, а довёл себя до такого состояния.

Тётка Лю повела его домой. Дедушка, видя, что она ещё чуть прихрамывает, заботливо поинтересовался:

— С ногами-то получше?

— Язвы прошли, только теперь одна нога тоньше другой.

— Потолстеет ещё, — успокоил дедушка.

Тётка Лю сказала:

— А про рану Доугуаня, думаю, не стоит так волноваться.

— Сестрица, ты думаешь, у него и с единственным яичком всё получится?

— Мне кажется, да. Говорят же, одна головка чеснока ещё острее.

— Правда?

— Вон мой дядька родился с единственным яичком, а наплодил детишек.

— Ого!

Ночью дедушка положил уставшую голову на грудь тётки Лю, а она большой ладонью начала гладить дедушкино худое костлявое тело, без остановки приговаривая:

— Братец… а ещё можешь? Есть ещё силы? Ты не печалься, лучше давай-ка меня… на душе станет полегче.

Дедушка вдохнул кисловатый запах, шедший изо рта тётки Лю, и тут же заснул крепким сном.

Мать никак не могла выкинуть из головы ту сцену: господин Чжан пинцетом берёт сплющенный фиолетовый шарик, подносит к глазам, долго смотрит и потом выкидывает в миску, куда накидана грязная вата, куски кожи и плоти. Господин Чжан выкинул шарик из тела Доугуаня! То, что вчера было драгоценностью, сегодня отправилось в мусорку. Матери шёл тогда шестнадцатый год, она уже начинала понимать, что к чему, смущалась и боялась. Когда она ухаживала за отцом, то при виде замотанного в белую марлю детородного органа сердце начинало бешено колотиться, лицо то горело, то краснело.

Потом она узнала, что тётка Лю спит с дедушкой.

Тётка Лю сказала ей:

— Краса, тебе уже пятнадцать, уже взрослая. Попробуй потеребить «перчик» Доугуаня, если встанет, значит, это твой мужчина.

Мать от стыда чуть не заплакала.

Отцу сняли швы. Когда он спал в хибарке, мать тайком проскользнула внутрь, движения

её были тихими, а лицо горело. Она присела рядом с отцом, аккуратно стянула с него штаны. В лунном свете мать увидела, что отцовский «перчик» после ранения стал уродливым до невозможности, а головка приобрела какой-то диковинный вид. Мать бережно стиснула «перчик» потной рукой и почувствовала, как он постепенно становится горячее, набухает и пульсирует в ладони, словно сердце. Отец распахнул глаза, покосился на неё и спросил:

— Краса, ты чего творишь?

Мать вскрикнула от ужаса и бросилась прочь, но на выходе с разбегу врезалась в моего дедушку. Дедушка взял мать за плечи и спросил:

— Краса, в чём дело?

Мать громко заревела, вырвалась и умчалась прочь.

Дедушка вошёл в хибарку, а потом, как сумасшедший, выскочил наружу, разыскал тётку Лю, стиснул её груди и забормотал:

— И впрямь одна головка чеснока ещё острее! Ещё острее!

Он пальнул в небо трижды, затем сложил руки в молитвенном жесте и громко крикнул:

— Небо смилостивилось надо мной!

9

Дедушка постучал костяшками пальцев по стене. В комнату пробивались косые солнечные лучи, освещая местные глиняные фигурки, расставленные на вытертом до блеска столике для кана. На белом окне были наклеены оригинальные аппликации, вырезанные рукой бабушки. Через пять дней всё здесь в пылу сражения окончательно обратится в пепел. А сейчас ещё десятое число восьмого лунного месяца одна тысяча девятьсот тридцать девятого года. Дедушка с согнутой раненой рукой на перевязи, весь пропахший бензином, только что вернулся с шоссе. Они с отцом вместе закатили под дерево во дворе искорёженный японский пулемёт и ринулись в дом искать серебряные монеты, припрятанные бабушкой.

Судя по звуку, в стене была полость, и дедушка вытащил пистолет, ударил по стене и тут же пробил дыру, сунул руку внутрь, достал маленький красный свёрток, потряс его и услышал звон. Монеты высыпали на кан и пересчитали, оказалось ровно пятьдесят серебряных.

Дедушка сказал:

— Пойдём, сынок.

— Куда, пап?

— В уездный город купим патроны, поквитаемся с Рябым Лэном.

Отец и дедушка добрались до северного края уездного города, когда солнце уже клонилось на запад, между стеблями гаоляна петляла, словно длинный тёмный дракон, железная дорога, по которой с грохотом ездили туда-сюда чёрные поезда. Бурая угольная копоть кружилась над верхушками гаоляна, рельсы блестели, как чешуя дракона, и слепили глаза. От пронзительного свиста поездов у отца трепетало сердце, и он вцепился в дедушкину руку.

Таща за собой отца, дедушка добрался до высокой могилы, перед которой стояла каменная стела в два человеческих роста. Плоские иероглифы на стеле давно уже отвалились, прочесть надпись было невозможно. Вокруг могилы росло несколько старых кипарисов, таких толстых, что и вдвоём не обхватить. Их тёмные кроны шелестели даже в безветренную погоду. Сама могила в окружении красного гаоляна напоминала тёмный остров.

Дедушка вырыл перед стелой яму и спрятал туда пистолет. Туда же отправился и браунинг отца.

Они перебрались через железную дорогу и увидели высокую арку, ведущую в город. На башне над ней реял японский флаг, красное солнце на флаге в косых лучах заходящего солнца казалось ещё более ярким и блестящим. По обе стороны от арки стояли часовые, слева — японец, справа — солдат государственных войск.[91] Китаец допрашивал приходивших в город людей, а японец стоял с оружием наизготовку и наблюдал за происходящим.

Дедушка, как только они перешли через рельсы, взвалил отца себе на плечи и тихо велел:

— Притворились, что у тебя болит живот. Начинай стонать.

Отец застонал и тихонько спросил:

— Вот так?

— Чуток погромче.

Они вместе с другими людьми подошли к арке. Китайский солдат гаркнул:

— Из какой деревни? Зачем пришли в город?

Отец слабым голосом ответил:

— Да мы с Рыбного берега к северу отсюда. Сынок подхватил холеру, идём к господину У подлечиться.

Отец слушал разговор дедушки с часовым и забыл, что нужно стонать. Дедушка с силой ущипнул его за ляжку, и он даже взвыл от боли.

Часовой махнул рукой, пропуская дедушку.

Когда они добрались до безлюдного места, дедушка сердито сказал:

— Дурень, ты почему не стонал?

— Пап, больно щиплешься!

Дедушка повёл отца по маленькой боковой улочке, ведущей к вокзалу. Солнечный свет казался тусклым, воздух — спёртым. Отец увидел, что рядом с ветхим зданием железнодорожного вокзала высятся две сторожевые башни, на которых реют белые японские флаги с красным солнцем в центре, по платформам расхаживают туда-сюда двое японских солдат с овчарками на поводках, тут же несколько десятков пассажиров ждут своей очереди за железной оградой, кто сидя на корточках, кто стоя. На платформе торчит китаец в чёрной одежде с красным фонарём в руках, с восточной стороны доносятся гудки поезда. Земля под ногами отца задрожала, две овчарки залаяли, глядя на прибывающий поезд. Мимо пассажиров сновала туда-сюда какая-то бабулька, торгующая сигаретами и тыквенными семечкам. Паровоз с шумной одышкой остановился у платформы. Отец увидел, что паровоз тянет за собой больше двадцати длинных коробок, у первых десяти — множество квадратных окон и дверей, у остальных нет крыши, внутри навалены наспех какие-то вещи и прикрыты большим куском брезента цвета свежей травы. Несколько японцев из поезда радостно перекрикивались с японцами, стоявшими на платформе.

Отец услышал резкий выстрел из гаолянового поля к северу от железной дороги, и грузный японец, ехавший в товарном вагоне, покачнулся и повалился головой вперёд. На сторожевых башнях тут же завыла волком сирена, только что сошедшие на платформу пассажиры и те, кто не успел сесть на поезд, бросились врассыпную, овчарки остервенело залаяли, с башни застрочил пулемёт, поливая гаоляновое поле ураганным огнём. В этой суматохе поезд тронулся, выпустив облако чёрного дыма, и над платформой полетела сажа. Дедушка, держа отца за руку, кинулся в маленький тёмный проулок.

Он толкнул полуприкрытые ворота и вошёл в небольшой дворик. Под стрехой болтался красный бумажный фонарь, испускавший короткие вспышки слабого и загадочного света. В дверях, опираясь о косяк, стояла густо накрашенная женщина неопределённого возраста. Между багряно-красных губ виднелись два ряда маленьких белых зубок. Она широко улыбалась. Чёрные как смоль волосы были взъерошены, а за ухом красовался шёлковый цветок.

— Братец! — кокетливо воскликнула женщина. — Стал командиром и забыл меня?

Она начала ластиться к дедушке, но тот осадил её:

— В присутствии моего сына веди себя скромнее. Некогда мне с тобой тут сегодня болтать. Ты ещё поддерживаешь связь с Пятым братом?

Женщина сердито бросилась к воротам, заперла их на засов, а потом сняла красный фонарь, пошла в дом и, скривившись, сообщила:

— Пятого брата побили солдаты гарнизона!

— Разве Сун Шунь из гарнизона не приходится ему названым братом?

— Ты думаешь, что на дружков-собутыльников можно положиться? После того, что случилось в Циндао, я тут словно по лезвию бритвы хожу.

— Не бойся, Пятый брат тебя не выдаст, он держит рот на замке. Доказал это, когда Цао Мэнцзю пытал его калёными сковородками.

— А ты чего пришёл-то? Я слышала, ты разбил японскую автоколонну.

— И понёс большие потери! Я убью эту сволочь Рябого Лэна.

— Не связывайся ты с этими людьми, проныры с завидущими глазами, тебе с ними не справиться.

Дедушка снял с пояса свёрток с серебряными юанями и бросил на стол со словами:

— Пятьсот штук с красным донцем!

— Ещё донце ему красное подавай. После того как арестовали Пятого брата, все на мне, а я даже стрелять не умею.

— Хватит мне тут! Вот пятьдесят юаней. Сама подумай, разве я тебя когда-то обижал?

— Братец, — сказала женщина. — Что ты такое говоришь? Мы ведь с тобой не чужие.

— Не испытывай моего терпения, — холодно процедил дедушка.

— Вам всё равно из города не выйти.

— А это уже не твоё дело. Давай пятьсот больших и ещё пятьдесят маленьких.

Женщина вышла во двор, прислушалась и вошла в дом, затем открыла потайную дверку в стене и достала целую коробку золотистых пистолетных патронов.

Дедушка достал мешок, сложил патроны, прицепил мешок к поясу и велел отцу:

— Пошли.

Женщина остановила его:

— Как собираешься выбираться?

— Через железнодорожный вокзал. Перелезем через ограждение путей.

— Не выйдет. Там сторожевые башни, прожекторы, собаки и часовые.

Дедушка холодно усмехнулся.

— А мы попробуем. Не выйдет — вернёмся.

Дедушка с отцом по тёмному проулку проскользнули к железнодорожному вокзалу, где не было крепостной стены. Они спрятались возле кузнечной мастерской, глядя на залитую светом платформу и множество часовых. Дедушка шепнул что-то отцу на ухо и потянул в другую сторону. К западу от здания вокзала располагалась открытая сортировочная станция, колючая проволока тянулась от этого здания до крепостной стены. Лучи прожекторов на сторожевых башнях скользили взад-вперёд, освещая больше десятка железнодорожных путей. На сортировочной станции стоял высокий шест, на котором висела лампочка размером с бычье яйцо, в её зелёном свете все предметы меняли обличье.

Отец лежал ничком рядом с дедушкой, наблюдая, как по ту сторону расхаживали часовые.

С запада примчался товарный поезд, из огромной трубы вырывалось множество ярко-красных искр. Свет от фар напоминал речку, которая с журчанием текла сюда издалека.

Дедушка с отцом проползли к сетке, подёргали её, хотели было сделать подкоп под ограждением, однако один из шипов колючей проволоки вонзился в отцовскую ладонь, и он сдавленно застонал.

Дедушка тихо спросил:

— Что такое?

— Пап, я руку поранил.

— Тут нам не пройти, давай возвращаться!

— Жаль, что у нас нет пистолетов.

— Так и с пистолетами бы не прорвались.

— Были бы пистолеты, мы бы первым делом разбили вон то бычье яйцо.

Они отступили в тень. Дедушка нащупал обломок кирпича и с силой метнул в сторону рельсов. Часовой тут же что-то пронзительно крикнул и пальнул из винтовки, после чего туда же направили свет прожектора. Ураганный пулемётный огонь едва не оглушил отца. Пули высекали о рельсы золотые искры.

Пятнадцатого числа восьмого лунного месяца, в праздник Середины осени, в уезде Гаоми устраивали большую ярмарку. Несмотря на войну, простым людям нужно было как-то жить, что-то есть и во что-то одеваться, а значит, торговля продолжалась. Людские потоки входили в город и выходили, толчея была такая, что яблоку негде упасть. В восемь часов утра на посту северных ворот уездного города заступил парнишка по имени Гао Жун. Он по всей строгости опрашивал и досматривал всех входивших и выходивших. Ему казалось, что стоявший напротив японец смотрит на него очень недружелюбно.

К воротам подошёл немолодой мужчина под шестьдесят и мальчик-подросток чуть старше десяти, который подгонял маленького козлика. Лицо старика было чёрным, а глаза светились синевой; у мальчонки лицо было красным и потным, он выглядел напряжённым.

Целая толпа скопилась у ворот, закупоривая вход. Гао Жун дотошно всех опрашивал и обыскивал.

— Куда направляетесь?

— Домой! — ответил старик.

— На ярмарку не пойдёте?

— Сходили уже. Купили вон козлёнка. Правда, хворый, скоро сдохнет, зато дёшево.

— А когда вы вошли в город?

— Вчера вечером, жили у родственников. С утра вот купили козлёнка.

— Сейчас куда пойдёте?

— Так домой же!

— Проходите.

Дедушка и отец, подгоняя козлёнка, вышли из города. У козлёнка живот был таким тяжёлым, что он с трудом ковылял. Дедушка стегнул его по заду гаоляновым прутом, козлёнок жалобно заблеял, от боли поджимая хвост, и побежал по дороге, которая вела в сторону дунбэйского Гаоми.

Около стелы на могиле отец с дедушкой выкопали пистолеты.

— Пап, отпустим козлёнка?

— Не, пригоним домой и там зарежем. Отметим с тобой праздник Середины осени.

Они добрались до околицы к полудню. Увидев издалека окружавший деревню высокий земляной вал, отремонтированный в последние годы, они сразу услышали яростную стрельбу за деревней. Отец вспомнил тревоги, мучившие старого Чжан Жолу ещё до их отбытия в уездный город, и свои нехорошие предчувствия на протяжении нескольких дней и понял, что беда всё-таки пришла. Он про себя порадовался, что решил покинуть уездный город сутра пораньше: это было рискованно, но зато они успели вернуться и смогут что-то

предпринять.

Дедушка и отец отволокли полумёртвого козлёнка в гаоляновое поле. Отец начал вспарывать пеньковую верёвку, которой был зашит задний проход козлёнка, и представил, как та размалёванная женщина запихивала туда патроны. Патронов было пятьсот пятьдесят штук, из-за чего живот козлёнка провис полумесяцем. Всю дорогу отец беспокоился, как бы он не лопнул, а ещё он беспокоился, что козлёнок переварит все патроны до единого.

Когда отец вытащил верёвку, зад козлёнка распустился, словно цветок сливы, и оттуда повалились похожие на бобы экскременты. Козлик навалил целую кучу. Отец в ужасе воскликнул:

— Пап, всё пропало! Пули превратились в навоз!

Дедушка взял козлёнка на рога, поставил прямо, а потом начал трясти вверх-вниз, и из зада градом посыпались блестящие патроны.

Отец с дедушкой подобрали их, сначала зарядили свои пистолеты, потом набили карманы и бросились бежать через гаоляновое поле напрямик к деревне, не посмотрев даже, что стало с козлёнком, жив он или помер.

Японцы окружили деревню плотным кольцом, всё было застлано густым пороховым дымом, кое-где валил и чёрный дым от полыхавших пожаров. Сначала отец с дедушкой увидели небольшую артиллерийскую позицию, спрятанную в гаоляновом поле. Всего там стояло восемь миномётов: стволы в половину роста взрослого человека, а дуло диаметром с кулак. Больше двадцати японцев, одетых в тёмно-жёлтую форму, палили по деревне из этих орудий, а ещё один тощий чёрт отдавал команды, размахивая флажком. За каждым миномётом было по чёрту, он сидел на нём верхом, стискивая в руках блестящие крылатые снаряды. Когда тощий япошка взмахивал флажком, они разжимали руки, снаряд падал в миномётный ствол, затем раздавался громкий хлопок, из дула выскакивало облако дыма, ствол чуть дёргался назад, и из него вылетала в небо блестящая штуковина, которая потом с визгом падала по ту сторону земляного вала. Там сначала поднимались восемь столпов дыма, после чего раздавались восемь взрывов, сливавшихся в один большой взрыв. В дыму разлетались чёрные осколки, словно распускались цветы. Затем японцы давали ещё один залп.

Дедушка как во сне поднял маузер и одним выстрелом свалил японца, размахивавшего флажком. Отец увидел, как пуля прошла насквозь через его череп, напоминавший высохшую редьку, и только тогда понял: бой начался. В голове помутилось, он выстрелил, пуля ударилась в опору под миномётом с громким лязгом и куда-то отскочила. Японцы, стрелявшие из миномётов, схватили винтовки и начали палить из них. Дедушка потянул за собой отца, и они шмыгнули в гаоляновое поле.

Японцы и императорские войска начали атаку. Солдаты императорских войск шли впереди, согнувшись, нацелившись в просветы между гаоляновыми стеблями, открыв беспорядочный огонь. Японцы наступали за ними, тоже пригнувшись.

В гаоляновом поле застрочили пулемёты. На валу всё стихло. Когда солдаты императорских войск подошли вплотную к земляному валу, из-за него вылетело несколько десятков ручных гранат с изогнутой ручкой. Дедушка не знал, что это второсортные гранаты, которую старый Жолу вскладчину с односельчанами приобрёл на военном заводе отряда Лэна. Гранаты хором взорвались, несколько десятков солдат императорский войск попадали, остальные развернулись и побежали. Японцы тоже побежали. Тут на вал

выскочили люди с самопалами, они быстро обстреляли противника и спрятались. На валу снова наступила тишина.

Только потом отец и дедушка узнали, что со всех сторон на подходах к деревне шла такая же ожесточённая и дикая борьба.

Японцы снова открыли огонь. Мины попадали точно в большие ворота на входе в деревню, обе створки их были плотно закрыты. Один удар — одна пробоина. Второй удар — вторая. После нескольких громких залпов от ворот ничего не осталось, на их месте образовалась огромная брешь.

Дедушка и отец снова атаковали артиллеристов. Дедушка выстрелил четыре раза и убил двух чертей. Отец сделала только один выстрел. Он целился в японца, что сидел верхом на миномёте, держа в руках мину. Для страховки он взял браунинг обеими руками и, прицелившись в широкую спину, выстрелил между лопаток, но увидел, что пуля вошла в ягодицу. Японец замер, а потом повалился вперёд и заслонил собой дуло миномёта, после чего ухнул громкий взрыв. Отца несколько раз подкинуло над землёй, в голове зазвенело. Японца переломило пополам, а у миномёта взорвался ствол, и обжигающе горячий кусок металла пролетел несколько десятков метров и упал у головы отца, едва не размозжив её.

Столь славный результат единственного выстрела отец не мог забыть в течение многих лет.

Когда ворота в деревню разрушили, к деревне поскакала, размахивая саблями, японская конница. Отец со смесью страха и зависти глядел на этих прекрасных коней. Однако в зарослях гаоляна копыта путались, листья тёрлись о морды животных, лошади раздражённо дёргались и не могли уже скакать так быстро. Когда кавалерийский отряд добрался до ворот, кони сбились в кучу и били копытами, словно их загоняли в конюшню. С обеих сторон от ворот вниз полетели железные грабли, сохи, обломки черепицы и кирпича, а ещё, похоже, полилась горячая гаоляновая каша, поскольку солдаты с криками защищали головы, а лошади в ужасе становились на дыбы. Некоторые всадники поскакали в деревню, другие понеслись обратно.

При виде бесславного окончания атаки конного отряда дедушка и отец расплылись в улыбках.

Своими действиями в тылу противника дедушка с отцом привлекли целую толпу солдат марионеточных войск, а чуть позже к карательной операции присоединилась и конница. Не раз над головой отца возносилась блестящая сабля, однако всякий раз путь ей преграждали стебли гаоляна. Одна из пуль прошла по касательной, оставив на скальпе дедушки борозду, но густой гаолян спас их обоих. Они спасались от погони, приникая к земле, словно зайцы. К середине дня они уже добежали до берега Мошуйхэ.

Дедушка с отцом пересчитали патроны, снова нырнули в гаолян и преодолели около ли. Тут впереди раздался крик:

— Товарищи! Вперёд! Разгромим японский империализм!

Когда крик стих, заиграла войсковая труба, и они вроде бы услышали пулемётные очереди.

Обрадовавшись, дедушка с отцом кинулись на звук этих выстрелов, но, добежав, не увидели ни единой живой души. К гаоляновым колосьям были привязаны две жестяных канистры из-под керосина, внутри которых взрывались петарды.

Труба и крики снова зазвучали из гаоляна неподалёку.

Дедушка презрительно усмехнулся:

— Эта Восьмая армия только на такое и способна…

Канистры грохотали и сотрясали воздух так, что перезревшие гаоляновые зёрна с шорохом сыпались вниз.

Конница и марионеточные императорские войска, стреляя из винтовок, двинулись в обход. Дедушка потащил отца обратно. В их сторону побежали, пригнувшись, несколько бойцов Восьмой армии, придерживая болтавшиеся на поясе ручные гранаты. Отец увидел, как один из солдат с винтовкой встал на колени и выстрелил по гаоляну, растревоженному японскими конями. Звук выстрела напоминал звон, с которым разбивается черепица. Стрелявший солдат хотел передёрнуть затвор, но не смог. На него налетел японский конь. На глазах отца всадник занёс саблю над его головой, солдат Восьмой армии бросил винтовку и попытался убежать, но конь догнал его, и из разрубленной клинком головы бойца на гаоляновые листья брызнули мозги. У отца потемнело в глазах, он обмяк и опустился на землю.

Из-за японской конницы дедушке и отцу пришлось разделиться. Солнце уже склонилось к верхушкам гаоляна. В поле сгустились мрачные тени. Мимо отца прошмыгнули три пушистых лисёнка. Он протянул руку, схватил одного из них за толстый симпатичный хвост и тут же услышал яростный рык. Словно молния из гаоляна выскочила старая красная лисица и оскалилась, демонстрируя отцу свою силу. Он поспешно отпустил хвост, и всё лисье семейство умчалось прочь.

Стрельба раздавалась с востока, запада и севера, а вот на южной околице стояла необычная тишина. Отец тихонько крикнул, потом заорал во всю мочь, но ответа не последовало. От дурных предчувствий сжалось сердце, и он помчался в ту сторону, откуда раздавались выстрелы. Солнечный свет становился всё слабее, гаоляновые колосья, купаясь в его предзакатных лучах, смыкались над головой. Отец заплакал.

В поисках дедушки он натолкнулся на трупы трёх зарубленных солдат Восьмой армии. Их мёртвые лица в полутьме казались хищными. Внезапно отец натолкнулся на группу людей. Это были местные жители, которые предусмотрительно попрятались в гаоляне.

— Вы не видели моего отца?

— Малой, деревня свободна?

По говору отец понял, что это жители уезда Цзяо. Он услышал, как один старик наставляет своего сына:

— Иньчжу, запомни, драная ватная подкладка нам тоже пригодится, но сначала раздобудь котёл, а то наш уже давно прохудился.

Мутные глаза старика напоминали две сопли, плескавшиеся в глазницах. Отец не стал тратить на мародёров время и побежал дальше на север. А на подходе к деревне увидел ту сцену, что постоянно снилась моей матери, дедушке и ему самому. Людской поток — женщины и мужчины, старые и малые — выплёскивался через ворота, чтобы спастись от стрельбы с востока, севера и запада среди гаоляна в низине перед деревней.

Ураганный огонь бушевал прямо перед носом у отца, пули как саранча властвовали над гаоляновым полем. Успевшие выбежать падали вместе с гаоляновыми стеблями. Казалось, половина неба окрасилась в красный цвет от брызнувшей крови. Отец разинул рот и плюхнулся на землю. Он видел только кровь и чувствовал только запах крови.

Японцы вошли в деревню.

Вымоченное в человеческой крови солнце зашло за гору. Из зарослей гаоляна вынырнула кроваво-красная полная луна.

Отец услышал, как дедушка зовёт его приглушённым голосом:
— Доугуань!

ЧАСТЬ IV ПОХОРОНЫ В ГАОЛЯНЕ

1

В жестоком четвёртом лунном месяце лягушки, совокуплявшиеся в реке Мошуйхэ при свете мерцающих звёзд, отложили горки прозрачных икринок, яростные солнечные лучи нагрели воду до температуры только что выжатого бобового масла, и вылупились целые толпы головастиков, которые плавали в медленной речной воде словно кляксы чёрной туши. На удобренном собачьими экскрементами берегу начала бешено расти трава, а среди ряски распускались почти пурпурные цветы паслёна. Это была прекрасная пора для птиц. Тёмно-жёлтые в белую крапинку жаворонки парили в облаках, исполняя пронзительные трели. Блестящие ласточки то и дело касались зеркальной водной глади коричневатыми грудками, и по воде скользили их тёмные хвосты, похожие на ножницы. Чернозём дунбэйского Гаоми неуклюже поворачивался где-то внизу, под птичьими крыльями. Обжигающий юго-западный ветер летел над землёй, обрушивая клубы пыли на шоссе Цзяопин.

Настала прекрасная пора и для моей бабушки, поскольку дедушка, который вступил в «Железное братство» и постепенно вытеснил Чёрное Око с главенствующих позиций, решил устроить для бабушки, погибшей почти два года назад, пышные похороны. Это обещание дедушка дал перед могилой бабушки. Новость о предстоящей церемонии ещё месяц назад разнеслась по всему дунбэйскому Гаоми. Похороны назначили на восьмое число четвёртого лунного месяца, и утром седьмого числа в нашу деревню начали стекаться жители отдалённых деревень: мужчины подгоняли ослов и волов, запряжённых в телеги, на которых ехали женщины и дети. Мелкие торговцы тоже надеялись обогатиться. На деревенских улицах и в тени деревьев на околицах обустроили свои печи продавцы горячего хлеба, расставили сковороды продавцы лепёшек с кунжутом, а продавцы лянфэня [92] натянули белые навесы от солнца. Деревню наводнили толпы людей всех возрастов и обоих полов.

Весной одна тысяча девятьсот сорок первого года между отрядом гоминьдановцев под командованием Лэна и коммунистической Цзяогаоской частью постоянно возникали трения, они несли огромные потери, учитывая, что вдобавок «Железное братство» под руководством дедушки похищало их бойцов с целью выкупа, а японцы и марионеточные войска организовывали зачистки и карательные рейды. По слухам, отряд командира Лэна спасся бегством в Чанъи,[93] чтобы отдохнуть и набраться сил, а Цзяогаоская часть зализывала раны в болотах близ Пинду. «Железное братство» под совместным руководством моего дедушки и его былого соперника в любовных делах за год с небольшим превратилось в вооружённое формирование, имевшее в своём распоряжении более двухсот винтовок и около шестидесяти крепких скакунов, но почти не привлекало к себе внимания японцев и марионеточных войск, поскольку деятельность братства была окутана завесой тайны и отдавала религиозными предрассудками.

В одна тысяча девятьсот сорок первом году в национальном масштабе страна переживала период неслыханной жестокости, ведя войну с японскими захватчиками, но жители дунбэйского Гаоми, напротив, радовались короткому промежутку мира и спокойствия. Выжившие посеяли новый гаолян на гниющих останках прошлогоднего. Вскоре после посевной полил умеренный дождик, тучная почва пропиталась влагой, пригрело яркое солнце, температура почвы неуклонно росла, и чуть ли не за одну ночь проклюнулись ростки гаоляна, и на их ярко-красных верхушках повисли капельки чистой росы. До первого прореживания ещё оставалось немного времени, и день бабушкиных

похорон выпал на период, когда крестьяне отдыхали от сельскохозяйственных работ.

Вечером седьмого числа на руинах, что остались после большого пожара, охватившего деревню пятнадцатого числа восьмого лунного месяца одна тысяча девятьсот тридцать девятого года, собрались толпы людей. На улицах, где клубилась пыль, поставили несколько десятков распряжённых телег с деревянными колёсами, а к деревьям привязали ослов и быков. Заходящее солнце освещало гладкие шкуры, заново обросшие после весенней линьки, окрашивало в кроваво-красный цвет ещё не полностью распустившиеся листья на деревьях, а их тени ложились на спины животных, напоминая оттиски старинных монет.

Когда солнце село за гору, по дороге с западной околицы приехал на муле лекарь. Из его чёрных ноздрей торчали кустики жёстких волос, похожие на ласточкины перья, голову и лоб закрывала неуместная в это время года драная фетровая шляпа, глаза мрачно смотрели из-под насупленных бровей. Въехав в деревню, лекарь соскочил с костлявого мула и с самодовольным видом двинулся в центр, размахивая блестящим медным колокольчиком. Мула он вёл за поводья из зелёной пеньковой верёвки. Был этот мул уже совсем дряхлый, шерсть у него до конца не полиняла — в некоторых местах отросла новая, блестящая, но кое-где тёмным пятном выделялась старая, отчего казалось, что у животного парша. Время от времени он подбирал нижнюю губу, которая свисала, открывая фиолетовые десна, а глазные впадины мула были такими глубокими, что в них вполне поместилось бы по куриному яйцу.

Лекарь и его тощий мул с помпой прошли по деревне, и вслед им с любопытством поглядывали собравшиеся на похороны крестьяне. Они с мулом действовали до странности слаженно, да и мелодичный звон блестящего медного колокольчика казался загадочным. Ноги сами шли за ним, поднимая облака пыли, которая летела вперёд и оседала на потном лице лекаря и спине мула, издававшей кислый запах. Лекарь постоянно моргал и шевелил ноздрями, из-за чего чёрные кустики странным образом подёргивались, и тут мул несколько раз выпустил газы. Люди оторопели, потом громко рассмеялись и разбрелись в поисках ночлега.

Когда над деревьями повис молодой месяц, деревню заполнили мрачные тени. Порывы холодного ветра долетали из полей, с реки Мошуйхэ доносилось кваканье лягушек. Прибывали всё новые и новые желающие поучаствовать в похоронах — в деревне уже не осталось места, поэтому они устроились на ночлег прямо в гаоляновом поле. После этих похорон от самой нашей деревни и до берега реки были вытоптаны несколько тысяч му тёплой и мягкой земли, гаоляновые ростки вмяли прямо в грязь, по которой текли ручейки зелёного сока. Земля оправилась лишь к пятому лунному месяцу, когда снова зарядили дожди. Уцелевшие ростки гаоляна упорно пробивались острыми, словно лезвие ножа, верхушками сквозь плотный ковёр сорняков. От стеблей и листьев гаоляна и сорной травы падала тень, в которой прятались латунные гильзы, усыпанные пятнышками патины.

Лекарь проехался на муле по тёмным закоулкам, звеня в колокольчик, то и дело нарочито громко чихая. Он добрался до конца центральной грунтовой дороги и снова обошёл вокруг шатра из циновок, который временно возвели люди из дедушкиного «Железного братства». Шатёр угнетал своими размахами, таких высоких сооружений в нашей деревни отродясь не бывало. Гроб с телом бабушки поставили посередине, а через щели между циновками пробивались лучики света от горящих свечей. У входа стояли два члена братства с маузерами, болтавшимися на поясах. Четверть головы они выбрили, обнажив блестящую кожу. Такую причёску носили все члены братства, чтобы люди пугались одного лишь их вида. Больше двухсот бойцов расселились в маленьких шалашах,

расставленных вокруг шатра с телом покойницы, около шестидесяти могучих строевых коней привязали к ивовым стволам и выставили перед ними длинные кормушки. Животные раздували ноздри, фыркали, били копытами и размахивали хвостами, отгоняя мух и комаров, слетевшихся на запах. Конюхи наполнили кормушки, и под ивами поплыл запах слегка подсушенного на огне гаоляна.

Аромат соблазнял тощего мула, он усердно тянул шею в сторону лошадей. Лекарь холодно усмехнулся, с жалостью посмотрел на мула и пробормотал вроде как себе под нос:

— Проголодался? Слушай, что я тебе скажу. Враги и любовники рано или поздно встречаются на узкой дорожке. Люди гибнут за богатство, как птицы за еду. Молодые не смеются над седовласыми старцами. А цветам сколько ещё цвести? Надо уметь уступать другим, это не считается за глупость, а позже может принести выгоду…

Безумные речи и странное поведение лекаря привлекли внимание членов братства, которые в целях маскировки были одеты как обычные крестьяне, пришедшие поглазеть на похороны. Двое двинулись за лекарем следом. Когда он, не переставая нести околесицу и размахивать старым колокольчиком то медленнее, то быстрее, снова повернул к коням, один из членов братства возник перед ним, твёрдо перегородив ему путь, а второй встал за спиной. Оба держали в руках маузеры.

Лекарь ни капли не испугался. Он издал в темноте пронзительный смешок, при звуках которого руки обоих членов тайного общества невольно задрожали. Боец, стоявший впереди, увидел пылающие огнём глаза лекаря, а тот, что стоял позади, заметил, как вытянулась и напряглась его смуглая шея. Большая неповоротливая тень тощего мула падала на землю, словно рухнувшая стена. И тут два коня, не поделив корм, громко заржали.

В шатре горели двадцать четыре красных свечи из овечьего сала, пламя их трепетало, от чего всё вокруг превращалось в жутковатое марево. Алый гроб стоял посередине, в свете свечей казалось, что он полит жидким золотом, что добавляло мистицизма. Вокруг гроба расположили вырезанные из белой бумаги снежные ивы,[94] по бокам гроб «охраняли» фигурки из папье-маше: слева мальчик в зелёной одежде, справа девочка в красной. [95] Эти фигурки изготовил из цветной бумаги и гаоляновых стеблей известный местный мастер Баоэнь. Простая солома и бумага в золотых руках Баоэня превращалась в очень реалистичные фигурки. За гробом стояла бабушкина табличка с надписью: «Табличка в честь покойной матушки из рода Дай, преподнесённая преданным сыном Юй Доугуанем». Перед табличкой в коричневой курильнице зажгли ритуальные оранжево-жёлтые ароматические палочки, дым поднимался вверх, закручиваясь по спирали, а столбики пепла ещё долго стояли над тёмно-красными огоньками и не падали. Отец выбрил себе голову, чтобы показать, что состоит в братстве. Дедушке на бритой голове вырезали острой бритвой полумесяц. Он вместе с главой «Железного братства» по прозвищу Чёрное Око сидел в шатре за столом, наблюдая, как приглашённый из уезда Цзяо похоронных дел мастер обучает отца обряду поклонения: три раза встать на колени, шесть раз поклониться, сложив руки перед грудью, девять раз ударить лбом об пол. Мастеру было около шестидесяти, с его подбородка свисала седая бородка, похожая на серебряные нитки, зубы его были белоснежными, говорил он гладко, и с первого взгляда становилось понятно, что человек этот обладает ясным умом и большим опытом. Старый распорядитель терпеливо наставлял отца, а тому постепенно надоедало, он все движения повторял небрежно.

Дедушка строго наказал:

— Доугуань, нельзя кое-как делать, ты ведь выполняешь сыновний долг, ради этого

можно и потрудиться!

Отец сделал несколько движений добросовестно, но стоило отцу отвернуться и заговорить с Чёрным Оком, как он снова перестал стараться. Вошёл какой-то человек и потребовал, чтобы мастер похоронных дел отчитался о расходах. Старик с разрешения дедушки ушёл. На похороны бабушки «Железное братство» потратило несметное количество денег. Чтобы изыскать средства, дедушка и его соратники после ухода отрядов Лэна и Цзяна выпустили в дунбэйском Гаоми свои отпечатанные на низкосортной бумаге деньги двух номиналов — тысяча и десять тысяч юаней. Изображения на банкнотах было примитивным (отдалённо похожим на человека верхом на тигре) и размытым (поскольку печатали с клише для изготовления новогодних лубков[96]). В тот момент в дунбэйском Гаоми имели хождение как минимум четыре разновидности денег, каждая из валют то обесценивалась, то дорожала, то слабела, то укреплялась в зависимости от влияния того, кто её выпустил. Если деньги выпускали вооружённые формирования, большие или малые, это была безжалостная обдираловка простого народа. Дедушка смог устроить пышные похороны для бабушки именно благодаря подобному насильственному захвату, замаскированному под выпуск денег. В тот момент отряды Цзяна и Лэна были вытеснены, выпущенные войсками дедушки «соломенные деньги» достаточно высоко ценились в дунбэйском Гаоми, но благоприятная ситуация продлилась лишь несколько месяцев. После бабушкиных похорон банкноты со всадником на тигре превратились в ничего не стоящие бумажки.

Двое членов «Железного братства» ввели лекаря прямо в шатёр, от яркого света свечей все трое начали моргать.

Дедушка повернулся и с досадой спросил:

— Что надо?

Тот член братства, что шёл впереди, встал на одно колено, прикрыл обеими руками блестящую лысину надо лбом и сказал:

— Господин заместитель, мы шпиона поймали!

Чёрное Око, смуглый здоровяк, получивший своё прозвище из-за тёмного родимого пятна вокруг левого глаза, пнул ножку стула и во всё горло крикнул:

— Выведите его да зарубите, а потом вырвите сердце и печень и подайте нам на закуску!

— Стоять! — рявкнул дедушка конвоирам лекаря, а потом повернулся к Чёрному Оку и сказал: — Может, лучше для начала допросить, а потом уже прикончить?

— Да какого хрена его допрашивать?! — Чёрное Око одним взмахом руки смёл со стола глиняный чайник, вскочил с места, прижал локтем оттопыривавшийся на поясе пистолет и сердито уставился на бойца, обратившегося к дедушке.

— Командир… — в ужасе проблеял тот.

— Мать твою, Чжу Шунь, ты тут видишь ещё одного командира?! Сукин сын, больше мне не попадайся, ты мне как свищ в ухе! — Не переставая браниться, Чёрное Око с силой пнул глиняный чайник на земле, и черепки разлетелись во все стороны, зацепив и снежные ивы по бокам от гроба, от чего бумажные деревья зашелестели.

Паренёк примерно одних лет с отцом наклонился и собрал осколки, а потом выкинул наружу. Дедушка крикнул ему:

— Фулай, отведи командира поспать! Он напился!

Фулай подошёл и попытался поддержать Чёрное Око под руку, но тот оттолкнул его с такой силой, что подросток отлетел в сторону. Чёрное Око прошипел:

— Напился? Это кто тут напился? Неблагодарное ты ничтожество! Забыл о добре и презрел долг? Я учредил братство, а ты пришёл на всё готовенькое! Неужто тигр будет убивать добычу, чтоб прокормить трусливого медведя? Только вот ничего не получится у тебя, недоносок! В чёрном оке песчинке не бывать, вот увидишь!

Дедушка сказал:

— Чёрное Око, ты не боишься потерять авторитет в присутствии стольких братьев?

На лице дедушки застыла холодная улыбка, в уголках рта появились две жестоких вертикальных морщины.

Чёрное Око засунул руку за пояс, нащупал пистолет, затем уставшим голосом издал странное ржание и процедил:

— Да пошёл бы ты знаешь куда?! Забирай своего щенка, и катитесь оба…

Дедушка усмехнулся:

— Легко пригласить божество, да сложно его выпроводить.[97]

Чёрное Око вытащил пистолет и нетвёрдой рукой прицелился в дедушку.

Дедушка взял чарку, сделал глоток вина, надул щёки, прополоскал рот, а потом вытянул шею и выплюнул прямо в лицо Чёрному Оку. Резкий взмах руки — и зелёная фарфоровая чарка размером с куриное яйцо ударилась о маузер Чёрного Ока и со звоном разбилась, а осколки разлетелись по полу. Рука Чёрного Ока задрожала, и он опустил оружие.

— Убери пистолет-то, — железным тоном приказал дедушка. — Ты ещё не рассчитался со мной по одному старому счёту, так что не буянь мне тут.

Лицо Чёрного Ока покрылось испариной, он что-то пробормотал, потом сунул пистолет за пояс из бычьей кожи и вернулся на место.

Дедушка с презрением посмотрел на него, а Чёрное Око ответил дедушке злым взглядом.

Всё это время на лице лекаря сохранялось пренебрежительное выражение. Внезапно он захохотал, как сумасшедший, раскачиваясь взад-вперёд и размахивая руками, словно кто-то изо всех сил щекотал его под мышками. От этого странного гогота всем присутствующим стало не по себе, они не находили себе места. А лекарь продолжал дико хохотать, и из его воспалённых глаз хлынули слёзы.

Чёрное Око не выдержал:

— Что ты ржёшь, мать твою? Что ржёшь?

Смех лекаря молниеносно смолк, он серьёзно спросил:

— Мою мать? А сможешь? Матушка-то моя давно покойница, в чёрной земле вот уже десять годков лежит. Туда отправишься?

Чёрное Око прикусил язык, родимое пятно вокруг глаза стало зелёным, словно лист на дереве. Он перепрыгнул через стол и начал осыпать лекаря тумаками. Нос у лекаря съехал на сторону, и два кровавых ручейка побежали по торчащим из ноздрей чёрным кустикам, падая на нижнюю губу и выпирающий, будто ямб,[98] подбородок. Лекарь радостно облизнулся, и фарфоровые зубы окрасились кровью.

— Кто тебя послал?

— А где мой мул? — Лекарь вытянул шею, словно бы сглатывая кровь. — Куда вы моего мула дели?

— Ну, точно японский шпион! — воскликнул Чёрное Око. — Дайте-ка плётку, сейчас мы этому сукиному сыну наваляем!

— Мой мул! Верните мула! Верните… — закричал в панике лекарь и метнулся к

выходу, однако двое членов братства схватили его за плечо. Лекарь начал бешено вырываться, и тогда один из парней дал ему кулаком по виску со всей дури, шея хрустнула, как гаоляновый стебель, голова повисла, тело обмякло и опустилось на землю.

— Обыщите его! — приказал дедушка.

Члены братства обшарили каждый шов на его одежде и нашли два стеклянных шарика, похожих на те, какими играют дети. Один изумрудно-зелёный, а второй ярко-алый. В центре каждого шарика был пузырёк в форме кошачьего глаза. Дедушка взял шарик и посмотрел на свет — шарик преломлял лучи так, что получалась радуга, очень яркая. Дедушка с недоумением покачал головой и положил шарики на стол. Отец проскользнул к столу и забрал их себе, но дедушка велел:

— Один отдай Фулаю.

Отец с неохотой протянул руку в сторону Фулая, который неотступно следовал за Чёрным Оком.

— Какого цвета хочешь?

— Красного!

— Нет уж! Тебе зелёный!

— Я хочу красный! — настаивал Фулай.

— А получишь зелёный! — упрямился отец.

— Ну, зелёный так зелёный, — смирился Фулай и забрал себе шарик.

Шея лекаря постепенно приняла нормальное положение. Злобный взгляд никуда не делся, а из-под окровавленных усов упрямо торчал подбородок.

— Отвечай, ты японский шпион? — спросил дедушка.

Лекарь повторял снова и снова, как упрямый ребёнок:

— Мой мул! Мой мул! Приведите моего мула, иначе я ничего не скажу!

Дедушка озорно улыбнулся, а потом великодушно позволил:

— Приведите мула. Посмотрим, какими снадобьями этот лекарь торгует.

Старого тощего мула затащили в шатёр. Яркий свет от свечей, блестящий гроб и тёмные фигурки из папье-маше создавали обстановку, как в преисподней, мул ещё на входе перепугался так, что заартачился и ни за что не хотел идти дальше. Лекарь подошёл к нему, закрыл глаза руками и только тогда смог завести мула внутрь. Мул остановился перед дедушкой и остальной компанией и принялся без конца испускать газы прямо в сторону бабушкиного гроба.

Лекарь обнял мула за шею, потрепал по лбу, напоминающему деревянную доску и по-дружески начал увещевать:

— Дружок, испугался? Не бойся, говорю тебе. Пусть даже голову отрубят и останется шрам величиной с чашку, ты не бойся.

Чёрное Око воскликнул:

— Ничего себе чашка! Большая чашка получается!

Лекарь продолжил:

— Да хоть с таз. Всё равно не бойся! Через двадцать лет снова будешь героем!

— Отвечай! Кто тебя послал? Что тебе надо? — спросил дедушка.

— Меня послала душа моего отца, чтоб я лекарствами торговал. — С этими словами лекарь достал из перекидной сумы на спине мула свёрток и начал нараспев перечислять: — Одна порция клещевины, две — безоара, три — пчелиного яда, четыре — мускуса, семь корней лука, семь фиников, семь горошин чёрного перца, семь пластинок имбиря.

Все остолбенели, уставившись на лицо и губы знахаря, на его руки и свёрток в руках. Старый мул постепенно привык к обстановке, ноги его перестали дрожать, и он спокойно перебирал растрескавшимися копытами.

— И что это за лекарство получится?

— Помогает быстро избавиться от плода. — Лекарь хитро улыбнулся и продолжил: — Пусть даже вы и окружили себя медными стенками, железным полом да стальными решётками, пусть даже у вас медные головы и железные лбы.[99] Выпейте лекарство три раза, если ребёнок не выйдет, то я вам деньги верну!

— Твою ж мать! Ублюдок ты бессовестный! — принялся ругаться Чёрное Око.

— Это не всё! Ещё есть! — Лекарь достал из сумы очередной свёрток, поднял и нараспев произнёс: — Член кобеля в основе, а бараний ему в помощь, замешан на рисовом вине с ложнозвездчаткой, туда же подмешаны кора эвкоммии и жир морского котика, а усиливают эффект снадобья молодые побеги бамбука, сорванные в третьем лунном месяце.

— И что лечит? — поинтересовался Чёрное Око.

— Мужскую несостоятельность, даже если у тебя вялый, как гусеница тутового шелкопряда, и мягкий, как вата, выпей три раза, и будет каждую ночь стоять, как винтовка, а ежели не получится, так я верну деньги!

Чёрное Око провёл рукой по выбритому лбу и похотливо рассмеялся.

— Твою мать, сам-то небось никогда таким и не занимался! — Чёрное Око матерился, но тем не менее попросил лекаря показать лекарство.

Лекарь снял суму со спины мула и подошёл к дедушке и Чёрному Оку, затем достал из сумы лекарство, не переставая сыпать странными названиями. Чёрное око развернул свёрток, достал оттуда какую-то штуковину, напоминающую засохшую ветку, понюхал и сказал:

— Да разве ж это член кобеля?!

— Самый что ни на есть настоящий, за справедливую цену, — заверил лекарь.

— Лао Юй, посмотри-ка, это ведь совершено точно сук засохшего дерева. — Чёрное Око сунул эту штуковину дедушке, тот взял, поднёс к пламени свечей и, прищурившись, осмотрел.

Внезапно тело лекаря задрожало мелкой дрожью, выпирающий подбородок начал подпрыгивать, те места, что не испачкались кровью из носа, блестели, как серебро. Отец перестал играть со стеклянным шариком, сердце бешено заколотилось при виде того, как на глазах лекарь сжимался, уменьшался в размерах. Старый чёрный мул повесил голову, красное пламя осветило похожую на деревянную доску морду, он стал похож на немолодую тётку, которая со стыдом и тревогой сидит на супружеском ложе. Из его ноздрей текли сопли цвета зелёного лука. Отец подумал, что у мула наверняка заразная болезнь под названием сап, о которой рассказывал конюх.

Не переставая дрожать, лекарь сунул левую руку в перекидную суму, а правой махнул так, что лекарства, которые он держал в ладони, полетели прямо в лицо дедушке. В руке его что-то блеснуло, и отец увидел, что это короткий зелёный кинжал. Все остолбенели, глядя, как проворный, словно чёрный кот, лекарь метнул прямо в горло дедушке этот холодный зелёный луч. В последнюю минуту под ударами свёртков с лекарствами дедушка успел-таки инстинктивно отпрыгнуть и подставить руку, чтобы защитить лицо. Лекарь своими рукавами поднял холодный ветер. Рука отразила удар, но лезвие угодило в старую рану на плече дедушки. Дедушка пинком перевернул столик, привычным движением выхватил

пистолет и трижды выстрелил. Однако он не мог толком открыть глаза, которые щипало от едких снадобий, а твёрдые собачий и бараний члены больно ударили по переносице. Дедушка палил без разбору, одна пуля попала в гроб, но тот, покрытый несколькими десятками слоёв лака, был крепче камня, и пуля, ударившись о боковину, распалась на несколько частей, которые вылетели из шатра. Ещё одна пуля угодила мулу в переднюю правую ногу. Он повалился вперёд, ударившись большим квадратным лбом о землю, но тут же вскочил и жалобно заржал, а из разбитого колена потекли белая и красная жидкости. Мул, прихрамывая, кинулся в «рощу» снежных ив. Бумага зашуршала, некоторые деревья помялись, другие и вовсе попадали, свечки на крышке гроба от удара повалились на землю, горячий воск и пламя тут же подпалило бумагу. Мрачная табличка с бабушкиным именем ярко засветилась, сухие циновки, из которых соорудили шатёр, тянулись к огню. Члены «Железного братства» резко опомнились и бросились к выходу. Лекарь, чья кожа светилась в огне, как древняя бронза, снова метнулся к дедушке. Отец увидел, что маленький кинжал в его руке, как крошечная змейка, снова приближается к дедушкиному горлу. Чёрное Око вертел пистолет, но не стрелял, а на лице его застыла злорадная усмешка. Отец вытащил свой пистолет, нажал на спуск, и закруглённая пуля со свистом вонзилась в лопатку лекаря. Высоко задранная рука тут же резко опустилась, кинжал упал на столик. Лекарь тоже повалился на столик. Отец снова выстрелил, но патрон застрял в патроннике. Глаза дедушки налились кровью, при свете пламени казалось, что они пылают. Он заорал:

— Не стрелять!

Но Чёрное Око выстрелил — ба-бах! — и голова лекаря лопнула, словно переваренное куриное яйцо.

Дедушка с ненавистью глянул на него.

В шатёр ринулась целая толпа членов «Железного братства». Внутри всё заволокло дымом, циновки тревожно шуршали и проседали со всех сторон. Мул катался по земле, чтобы сбить с себя пламя, огонь под тяжестью погас, но почти сразу вспыхнул вновь. От запаха палёной шкуры все задыхались.

Люди вылетали наружу, как рой из улья.

Чёрное Око громко закричал:

— Тушите пожар! Быстрее! Тому, кто вытащит гроб из огня, — награда в пятьдесят миллионов банкнот с всадником!

В тот период только-только прошли весенние дожди, вода в излучине на краю деревни поблёскивала. Совместными усилиями члены братства и крестьяне, приехавшие на похороны, повалили пылающий навес, похожий на красную тучу.

Бабушкин гроб окружали зелёные искры. После того как вылили несколько десятков вёдер воды, огонь потух, от гроба повалил тёмно-зелёный дым. Даже в тусклом свете он по-прежнему казался огромным и крепким. Мёртвый мул лежал, скрючившись, рядом с гробом. От трупа так резко пахло палёным, что люди закрывали носы рукавами. Было слышно, как громко трескается тёмный лак на остывающем гробе.

2

Несмотря на ночное происшествие, дату бабушкиных похорон не стали переносить. Состоявший в братстве старый конюх, который немного разбирался в медицине, перевязал рану на руке дедушки, а Чёрное Око, сконфуженно мявшийся в сторонке, предложил отложить похороны. Дедушка не взглянул на него, лишь покосился на серовато-белые тягучие слезинки, стекавшие по красным свечам, вставленным в подсвечник, и решительно отказался от этого предложения.

Ночью он не спал. Так и сидел на табуретке, прикрытые глаза налились кровью, а ледяная рука сжимала рукоятку пистолета, словно приклеенная.

Отец лежал на циновке, глядя на отца, а потом забылся тяжёлым сном. Перед рассветом он проснулся разок и тайком посмотрел на отца, неподвижно сидевшего на фоне подрагивающего пламени свечей, на тёмный кровавый след, проступавший на белом бинте, но не осмелился ничего сказать и закрыл глаза. Накануне пять групп музыкантов, нанятых для обслуживания этого действа, поссорились между собой из-за профессиональной ревности, и сейчас яростно дули в свои трубы, тревожа сон друг друга. Гневные звуки, долетавшие до шалаша, в котором спал отец, напоминали вздохи семидесятилетнего старика. У отца засвербело в носу, обжигающие слёзы побежали из уголков глаз и залились в уши. Он подумал: мне уже шестнадцать, а это неспокойное время непонятно, когда кончится. Через пелену слёз он искоса смотрел на кровоточившее плечо своего отца и его восковое лицо, и в израненное сердце закралась совсем взрослая скорбь. Оставшиеся в живых деревенские петухи звонко закукарекали, возвещая рассвет, в шалаш проник предрассветный ветерок, который принёс с собой терпкое дыхание полей, свойственное четвёртому лунному месяцу, и взбодрил пламя постепенно угасавшего огарка свечи. Раздались голоса, кони под ивами начали бить копытами и фыркать, а лёгкий холодок, принесённый утренним ветром, заставил отца сладко свернуться калачиком. В этот момент он думал о моей будущей матери Красе и о высокой грузной тётке Лю, которую по праву можно назвать Третьей бабушкой. В третьем лунном месяце они внезапно бесследно исчезли. Тогда отец с дедушкой вместе с бойцами из «Железного братства» передислоцировались в глухую деревушку к югу от железной дороги, чтобы там тренироваться, а когда вернулись, обнаружили, что люди исчезли, везде запустение, а в хлипких домиках, которые они построили зимой тридцать девятого года, густо висит паутина…

Как только солнце показалось над горизонтом, деревня забурлила. Торговцы всякой снедью протяжными голосами громко зазывали покупателей. От печей, в которых готовили баоцзы, котлов с пельмешками хуньтунь[100] и сковородок, на которых жарили лепёшки, шёл густой пар и аромат. Один продавец баоцзы сцепился с рябым крестьянином, который хотел купить его товар. Дело в том, что продавец отказался принять «бэйхайские» купюры,[101] выпущенные Восьмой армией, а у крестьянина просто не было банкнот с всадником на тигре. Двадцать баоцзы к тому моменту уже упали в желудок крестьянина. Он сказал:

— Бери, что дают, а если не хочешь, то тогда считай, что эти двадцать баоцзы отдал нищему.

Собравшиеся зеваки уговаривали торговца взять «бэйхайские» деньги. Когда Восьмая армия с боем вернётся, они снова будут в цене. В итоге народ быстро разошёлся, торговец

взял-таки «бэйхайские» деньги и зычным голосом проорал:

— Баоцзы! Кому баоцзы? Только что из печи! Большие да мясные!

Те, кто уже успел позавтракать, собрались вокруг большого шатра, с надеждой ожидая начала действа, однако никто не отваживался подойти поближе, поскольку все боялись грозного вида членов «Железного братства», стоявших во всеоружии и сверкавших выбритыми черепами. Во время ночного пожара шатёр сильно пострадал, трупы лекаря и его старого тощего мула тоже обгорели до черноты, их оттащили в излучину в пятидесяти шагах от шатра. Вороны, привыкшие питаться мертвечиной, слетелись на запах, сначала покружили, а потом камнем упали вниз, укрыв труп мула и его хозяина слоем стальных подвижных перьев. Собравшиеся подумали, что ещё вчера вечером лекарь был полон сил и энергии, а не успели они и глазом моргнуть, как превратился в угощенье для ворон, и сердца людей оказались во власти запутанных, трудно выразимых чувств.

Вокруг бабушкиного гроба валялись обрывки циновок от шатра, и несколько членов «Железного братства» с мётлами и лопатами в руках наводили порядок. Из золы выкатилось несколько целых чашек для вина, и один из бойцов разбил их вдребезги лопатой. Бабушкин гроб в ярком утреннем свете выглядел устрашающе. Изначально фиолетово-красная поверхность, некогда казавшаяся такой торжественной и мистической, обгорела, слой лака толщиной в три пальца растрескался вдоль и поперёк, и теперь гроб покрывала паутина трещин. Гроб почернел, словно бы его наспех неровно вымазали дёгтем, и выглядел огромным. Хотя он доходил только до кадыка стоявшего рядом отца, он казался невероятно высоким и давил так, что отец не мог дышать. Отец вспомнил, как они силой забирали этот гроб… Почти столетний старик с белой косичкой хватался за край гроба и громко рыдал: «Это моё пристанище…[102] не отдам… Я сюцай[103] великой династии Цин, даже начальник уезда и тот называл меня старшим братом… Убейте меня, грабители…» Когда старик нарыдался вдоволь, он принялся браниться. В тот день дедушка так и не появился. За гробом отправился поверенный дедушки, командир конного отряда, вместе со своими людьми, а с ними и отец. Отец слышал, что этот гроб изготовлен в первый год республиканской эры из четырёх кипарисовых досок толщиной в четыре с половиной цуня каждая, и в течение тридцати лет его ежегодно покрывали новым слоем лака. Старик плюхнулся на землю перед гробом и начал кататься, как осёл. Было неясно, то ли он плачет, то ли смеётся — похоже, помутился рассудком. Командир конного отряда кинул прямоугольный свёрток с банкнотами, отпечатанными «Железным братством», и сказал, подняв длинные тонкие брови:

— Дурень старый, мы ж у тебя его покупаем!

Старик обеими руками разорвал свёрток и несколько раз вонзил редкие длинные зубы в купюры со всадником на тигре, не переставая ругаться:

— Ах вы, злодеи! Даже император никогда не отнимал гробы, приготовленные при жизни… Разбойники!

Командир конного отряда прикрикнул на него:

— Дурень ты старый! Слушай, сейчас нужно японцам сопротивляться да родину спасать, у всех есть такая обязанность, а ты, осёл, найди несколько гаоляновых стеблей да сплети циновку, если тебя в ней похоронят, и то неплохо. Разве ж ты достоин такого гроба? Надо отдать его тому, кто геройски сражался с японцами!

— И кто же этот герой? — поинтересовался старик.

— Первая супруга командира Юя, нынешнего нашего замначальника!

Старик заахал-заохал:

— Не будет вам прощенья ни от земли, ни от неба! Чтоб в моём пристанище почивала баба! Мне тогда и жизнь не мила!

Старик нагнулся и с размаху врезался головой в край гроба, отчего раздался глухой удар. Отец увидел, как тонкая длинная шея старика словно бы сложилась, и расплющенная голова теперь торчала между двух приподнятых костлявых плеч… Отец вспомнил два белых кустика, торчавших из круглых ноздрей старика, и выпирающий, словно ямб, в окружении редких седых волос подбородок, и в душе вдруг молнией сверкнуло мрачное подозрение. Отцу не терпелось поделиться им с дедушкой, но, взглянув на его лицо мрачнее тучи, он решил похоронить догадку в глубине сердца.

Дедушка держал раненую правую руку на перевязи из чёрного полотнища, перекинутого через шею, исхудалое лицо покрывала сетка усталых морщин. Командир конницы с тонкими бровями отошёл от лошадей и о чём-то спросил дедушку. Отец, стоя у входа в свой шалаш, услышал ответ дедушки:

— Пятый Заваруха, не мне тебе объяснять, иди уже!

Отец увидел, что дедушка бросил на командира конного отряда по прозвищу Пятый Заваруха многозначительный взгляд, а тот в ответ кивнул и пошёл к лошадям.

Из соседнего шалаша вышел Чёрное Око. Он встал перед Пятым Заварухой, расставив ноги, загородил ему дорогу и сердито поинтересовался:

— Куда собрался?

Заваруха холодно улыбнулся:

— Проедусь верхом с дозором.

— Я тебя никуда не отправлял! — рявкнул Чёрное Око.

— Что правда, то правда.

К ним подошёл дедушка и с горькой усмешкой спросил у Чёрного Ока:

— Ты специально всё делаешь поперёк меня?

— Да мне вообще плевать, я просто так спросил.

Дедушка здоровой рукой похлопал Чёрное Око по широкому мощному плечу:

— Её похороны и тебя тоже касаются. Давай все разногласия уладим после, а?

Чёрное Око ничего не сказал, лишь пожал тем плечом, по которому похлопывал дедушка, и принялся распекать зевак, которые собрались вдалеке и внимательно наблюдали за ними.

— Подальше встаньте! Мать вашу! Хотите раньше срока надеть траурные шапки?

Пятый Заваруха встал под ивами, к которым привязали коней, достал из-за пазухи жёлтый свисток, трижды свистнул, и из ближайших шалашей повыскакивали пятьдесят бойцов тайного братства и оседлали своих коней. Кони взволнованно фыркали. На изогнутых ивовых стволах виднелись белые участки с обгрызенной ими корой. Все пятьдесят бойцов, крепкие как на подбор, были вооружены лёгким оружием: в руках каждый держал саблю тонкой работы, а за их спинами болтались японские карабины. У Пятого Заварухи и четырёх самых здоровых парней карабинов не было, зато на шеях висели пистолеты-пулемёты, изготовленные в России. Они уселись на коней, сначала скучились, а потом выстроились в два аккуратных ряда. Кони проворно перебирали копытами и бежали рысцой в сторону дороги, что вела от деревни и дальше через мост. Разноцветные щётки над копытами развевались на утреннем ветру, а подковы отливали серебром. Члены «Железного братства» ритмично подпрыгивали в вытертых до блеска чёрных сёдлах. Впереди отряда

ехал Пятый Заваруха с четырьмя здоровяками. Улеглось нестройное эхо от топота копыт, и на глазах у отца конный отряд уплыл вдаль, словно густая тёмная туча.

Мастер похоронных дел, одетый в куртку магуа[104] поверх длинного халата, с важным видом — про таких говорят «манеры бессмертного и облик даоса» — забрался на высокий табурет и протяжно крикнул:

— Музыканты-ы-ы-ы!

Целая толпа музыкантов в чёрных одеяниях и красных шапках выскочила словно из-под земли и помчалась к выстроенным у дороги помостам высотой примерно пять-семь метров, сооружённым из деревянных досок и тростниковых циновок. На улицах народ сгрудился, словно рой муравьёв, и музыкантам пришлось протискиваться сквозь толпу и по скрипучим деревянным доскам подниматься к своим местам.

Распорядитель гаркнул:

— Начинайте!

Трубы и соны хором всхлипнули. Собравшиеся поглазеть на похороны изо всех сил пробивались вперёд, вытянув шеи как можно дальше, чтобы получше разглядеть происходящее. Задние ряды набегали, словно гребень прибоя, под их напором хлипкие помосты для музыкантов затрещали и покачнулись, музыканты в испуге закричали и даже волы и ослы, привязанные к деревьям у дороги, тяжело задышали.

Отец почтительно поинтересовался у Чёрного Ока:

— И что делать будем?

Тот громко крикнул:

— Лао Сань, выводи людей!

Ещё пятьдесят с лишним членов тайного братства с винтовками наперевес появились в толпе словно из ниоткуда и принялись прикладами и стволами расталкивать народ. Зевак на похороны собралось великое множество, и пятьдесят бойцов до того утомились, что плевались белой пеной, а всё равно не могли сдержать людской поток.

Чёрное Око вытащил маузер и выстрелил в воздух, а потом ещё раз прямо над головами собравшихся, и его бойцы тоже принялись без разбору палить в небо. Как только раздались выстрелы, столпившиеся впереди тут же развернулись и стали прорываться в обратную сторону, но задние ряды пока так ничего и не поняли и продолжали лезть вперёд, в итоге по центру образовалось скопление людей, напоминающее изогнутую спину уховёртки. Пронзительно верещали затоптанные дети. Два помоста потихоньку проседали, музыканты с криками, барахтаясь, свалились оттуда прямо в толпу. Крики музыкантов сливались с воплями раздавленных зевак и перекрывали прочие звуки. Одного ослика засосало в толпу как в болото, он тянул шею, поднимал голову и пучил большие глаза размером с куриное яйцо, из которых лился страдальческий синий свет. В толчее тогда задавили насмерть десяток старых, больных и немощных, а спустя месяцы от трупов ослов и волов всё ещё шёл смрад, привлекавший мух.

Под напором членов «Железного братства» народ наконец успокоился. Несколько женщин чуть поодаль голосили что есть мочи, и их плач прекрасно сочетался с жалостливой мелодией, похожей на последние вздохи, которую играли музыканты, снова вскарабкавшиеся на помосты. Большинство зевак, поняв, что к центру им не пробиться, вышли за околицу и встали вдоль дороги, которая вела к бабушкиной могиле, в ожидании пышных похорон. Там же скакали взад-вперёд молодой красавчик Пятый Заваруха и его конники.

Оправившийся от шока распорядитель снова взобрался на высокий табурет и прокричал:

— Маленький паланкин!

Два члена «Железного братства», подпоясанные белыми поясами, вынесли паланкин небесно-голубого цвета, больше метра в высоту, квадратной формы, с коньком и загнутыми углами наподобие драконьих голов, крышу венчал красный стеклянный шарик.[105]

Распорядитель снова крикнул:

— А теперь табличку владельца!

Мама мне рассказывала, что табличка владельца — это место, куда вселялась душа, но потом я выяснил, что это не то же, что табличка с именем усопшего, перед которой совершались жертвоприношения. Табличка владельца — своеобразный документ, удостоверяющий личность человека, лежащего в гробу, и вообще-то правильно называть её «святой табличкой». Эта табличка дополняет другие знаки почёта, которые несут в начале похоронной процессии. Бабушкина первоначальная табличка сгорела дотла во время пожара в шатре, и двое молодых парней с тонкими чертами лица вынесли наспех изготовленную на замену табличку, на которой ещё не просохла тушь. На ней было написано сверху вниз: «Родилась пятого числа пятого месяца в пятую стражу[106] на двадцать пятый год правления под девизом Гуансюй[107] Великой Цин, умерла в двадцать восьмом году Китайской республики девятого числа восьмого лунного месяца в седьмую стражу. Урождённая Дай, первая супруга командира партизанского отряда дунбэйского Гаоми Юй Чжаньао, командира “Железного братства”, который и заказал для неё эту святую табличку. На момент смерти тридцать два года. Похоронена на южном склоне горы Баймашань, на северном берегу реки Мошуйхэ».

На бабушкину табличку накинули сверху три чи тонкого белого шёлка. Члены братства аккуратно установили табличку в маленьком паланкине и встали по обе стороны, почтительно вытянув руки по швам.

Распорядитель крикнул:

— Большой паланкин!

Под музыку шестьдесят четыре члена «Железного братства» вынесли большой паланкин с тёмно-красной крышей, увенчанной большим — размером с арбуз — голубым шаром. Впереди шёл один из второстепенных предводителей братства с медным гонгом, отбивая чёткий ритм, и под эти звуки нетвёрдой походкой двигались все шестьдесят четыре носильщика, державшие шест. Толпа постепенно перестала галдеть, теперь только жалобно звучали флейты и трубы, да плакали женщины, у которых в давке затоптали насмерть детей. Народ зачарованно следил, как двигался, покачиваясь, большой паланкин, напоминавший храм. Ощущение торжественности момента так действовало на собравшихся, что их мысли словно крутились в бесконечном водовороте.

Вокруг дедушкиной раненой руки постоянно кружил назойливый слепень, который хотел сесть на тёмное пятно сочившейся из раны крови. Дедушка взмахнул рукой, собираясь прибить его, слепень тут же испуганно взлетел и с громким жужжанием принялся кружить у его головы. Дедушке хотелось размазать слепня одним ударом, но не получалось, вместо этого от ударов разболелась рана, словно её кололи иголками.

Большой паланкин задрожал и остановился перед бабушкиным гробом. Гармоничное сочетание красного цвета самого навершия и голубого шара, а также звуки гонга брали за душу, вызвав у дедушки череду воспоминаний о быстро пролетевшей жизни.

Когда дедушка убил монаха, ему было всего восемнадцать лет. Он бежал из родного

края и скитался до двадцати одного года, после чего вернулся в дунбэйский Гаоми и нанялся носильщиком в контору по обслуживанию свадеб и похорон. Он тогда уже успел вдоволь хлебнуть горя, сердце его стало твёрдым, а тело — крепким. Он приобрёл основные качества, необходимые разбойнику. Он знал, что хлеб носильщика не лёгок, но не боялся. Дедушка не мог забыть унижения, которое ему довелось пережить в одна тысяча девятьсот двадцатом году, когда на похоронах одного ханьлиньского [108] академика в уезде Цзяо ему влепили пощёчину. Дедушка отвлёкся от слепня, который довёл его до нервного срыва, и тот, улучив момент, впился в пропитавшуюся кровью белую повязку, выплёвывая слюну и одновременно посасывая солоноватую кровь. На нескольких помостах, которые не рухнули, хоть и покосились, лучи обжигающего золотистого света падали на раздутые, словно мячики, щёки музыкантов, пот стекал по лицам и дальше по шеям, с нижних краёв раструбов капала слюна, лившаяся туда по изогнутым трубам. Собравшиеся поглазеть на похороны люди приподнялись на цыпочки. Блеск тысяч глаз, словно лунный свет, накрыл и живых людей, и фигурки из папье-маше, изготовленные для жертвоприношения, древнюю блестящую культуру и отсталое реакционное мышление.

Отец был окутан прекрасным светом ненавистных глаз с головы до пят, а в сердце его, словно гроздья пурпурного винограда, разрастался гнев, который постепенно превращался в грусть, похожую на разноцветную радугу. Он облачился в доходившую до колен траурную рубаху из плотной белой ткани, и подпоясался сероватой пеньковой верёвкой, квадратная траурная шапка закрывала выбритую наполовину голову. Исходивший от толпы кислый запах пота и запах лака на бабушкином гробу слились в тошнотворное зловоние, от которого отцу стало так дурно, что он едва держался на ногах. Всё тело покрылось липкой испариной, в душе сгущался холодный мрак. Музыканты выдували пронзительные звуки, толпа зевак, собравшихся на похороны, казалась застывшей, как плита, на отца уставились тысячи глаз — из-за всего этого чувствительные белые волокна нервов вдоль его позвоночника подавали еле различимые, как наледь в третьем лунном месяце, сигналы. Бабушкин гроб вдруг показался очень хищным: из-за пятнистой поверхности и задранной верхней части он напоминал какое-то туповатое неуклюжее животное. Отец постоянно ощущал, что это животное может в любой момент зевнуть, подняться с земли и броситься на чёрную, как ворон, толпу. В сознании отца тёмный гроб расширился, словно туча, и перед его взором явственно предстали останки бабушки среди толстых досок и красной кирпичной крошки. В тот день утром на берегу реки Мошуйхэ дедушка лопатой раскопал поросшую травой могилу и выгреб оттуда слой за слоем сгнившие гаоляновые стебли, под которыми бабушка лежала, как живая, и эта картинка отчётливо стояла у отца перед глазами. Ему трудно было забыть тот день, когда бабушка, глядя на ярко-красный гаолян, отправилась на небо, но так же трудно было забыть и лицо бабушки, появившееся из-под земли, словно мираж, который моментально растаял на тёплом весеннем ветру. Выполняя сложные обряды сыновней почтительности к умершей матери, отец думал и про тот блистательный период жизни.

Сопревший на солнцепёке распорядитель скомандовал:

— Поднять гроб!

Шестьдесят четыре члена «Железного братства», временно взявшие на себя роль носильщиков, собрались роем перед гигантским гробом, а затем по команде попытались оторвать его от земли, однако гроб не шелохнулся, словно бы пустил корни. Теперь носильщики окружили гроб, как муравьи труп свиньи. Дедушка отогнал слепня, презрительно глянул на беспомощных носильщиков, а потом жестом подозвал к себе

главного и велел:

— Раздобудь несколько чжанов простой грубой ткани, а то промаетесь здесь до следующего рассвета, а на паланкин так и не поставите!

Главный смущённо смотрел в глаза дедушки, но тот отвёл взгляд, словно бы изучал насыпь, тянувшуюся у реки Мошуйхэ через чёрную равнину…

В уездном городе Цзяо перед воротами семейства Ци стояли два флагштока, красная краска на которых уже полностью облупилась. Эти трухлявые деревяшки символизировали былое величие рода Ци. Умер старик, занимавший пост в императорской канцелярии в самом конце правления Цин. Дети и внуки, наследовавшие всё его богатство, устроили похороны с размахом. Всё было готово, но семья тянула и не объявляла дату похорон. Гроб поставили в усадьбе Ци в самом дальнем комплексе зданий, и, чтобы вынести его на улицу, необходимо было пройти через семь узких ворот. Несколько владельцев контор, предоставлявших ритуальные услуги, оценив размеры гроба и планировку усадьбы, уходили, повесив голову, хотя родные покойного предлагали пугающе высокую цену.

Новости докатились до конторы «Помощь в организации свадеб и похорон» в дунбэйском Гаоми. Огромное вознаграждение в пятьсот юаней серебром за вынос гроба соблазнило носильщиков, включая моего дедушку, они пребывали в смятении, словно молодая девушка, мечтающая о любви, при встрече с красивым парнем, который строит ей глазки и закидывает золотой крючок.

Носильщики тут же отправились к управляющему Цао Второму и поклялись, что не посрамят дунбэйский Гаоми и заработают пятьсот юаней серебром. Цао Второй, непоколебимый, как скала, сидел в деревянном кресле с резной спинкой, и даже зад не поднял. Носильщики видели лишь, как движутся его умные холодные глаза, и слышали, как пыхтит кальян, который Цао раскуривал, держа обеими руками. Они разошлись во всю и начали перекрикивать друг друга:

— Господин, мы ведь не из-за денег! Человек один раз живёт! Как говорится, пусть пампушек и не сварил, зато упорство проявил.[109] Нельзя, чтоб нас недооценивали! Чтоб считали, что в дунбэйском Гаоми живу одни бездари!

Только тут Цао Второй приподнял свой зад, неспешно выпустил газы и сказал:

— Забудьте! Напортачите и задавите пару человек, это ещё ничего, а вот осрамите весь наш дунбэйский Гаоми, тогда конторе моей конец. Если вам денег мало, то я от щедрот выпишу вам награду и дело с концом.

Цао Второй после этих слов закрыл глаза, однако носильщики взбеленились и загалдели:

— Хозяин! Нельзя принижать свой авторитет, придавая решимости конкурентам.

— Серп глотать стоит, только если живот изогнут, — возразил Цао. — Вы что думаете, эти пятьсот серебряных так легко заработать? В усадьбе Ци семь узких ворот, а гроб тяжёлый, внутри у него ртуть. Ртуть, слышите? Пошевелите своими собачьими мозгами и прикиньте, сколько он весит.

Выругавшись, Цао Второй холодно покосился на своих работников. Те какое-то время переглядывались, на лицах читалась непримиримость, но души охватило сомнение. Видя это, Цао Второй фыркнул и сказал:

— Идите. Пусть настоящие деньжищи заработает настоящий герой. А вы, мелкие людишки, беритесь за всякую ерунду — зарабатывайте по двадцать-тридцать юаней, носите

для всяких голодранцев хлипкие гробы и то для вас славно!

Слова Цао Второго обожгли сердца носильщиков. Дедушка сделал широкий шаг вперёд и от лица всех крикнул:

— Работать на такого никудышного начальника, так задохнуться можно. У бездарного генерала всё войско бездарное. Я на вас работать больше не буду!

Молодые носильщики вторили его крикам. Тут Цао Второй поднялся, с важным видом подошёл к дедушке, с силой похлопал его по плечу и с чувством сказал:

— Чжаньао! Молодец! Настоящий сын дунбэйского Гаоми. Высокая награда от Ци на самом деле обида для нашего брата. Если мы все сообща вынесете гроб, то прославите дунбэйский Гаоми на всю округу. Как говорится, и за тысячу золотых не купишь мгновение славы. Вот только родоначальник Ци был секретарём императорской канцелярии, их семья придерживается строгих правил, вынести гроб очень непросто, так что, братцы, ночь не спите, придумайте, как пройти через семь ворот.

Пока носильщики хором обсуждали, что делать, в ворота вошли два напыщенных господина, словно бы условились об этом заранее. Они назвались управляющими делами ханьлиньского академика из рода Ци и предложили носильщикам из дунбэйского Гаоми заработать кучу денег.

Они объяснили цель визита, и Цао Второй лениво поинтересовался:

— Сколько платите?

— Пятьсот серебряных наличными. Господин начальник, мало кто во всей Поднебесной предложит вам такую цену!

Цао Второй бросил на стол серебряную трубку от кальяна и холодно усмехнулся:

— Мы не испытываем недостатка ни в заказах, ни в деньгах. Поищите других мастеров.

Управляющий понял, к чему Цао клонит, и улыбнулся:

— Господин начальник, мы тут все знаем толк в торговле.

— Так и есть. За такую цену найдётся желающий гроб тягать.

Цао Второй закрыл глаза с сонным видом.

Посетители обменялись многозначительными взглядами, после чего тот, что стоял впереди, заявил:

— Господин начальник, не ходите вокруг да около. Назовите свою цену.

— Я не стану из-за нескольких юаней рисковать жизнями своих людей.

Управляющий предложил:

— Шестьсот серебряных наличными!

Цао Второй сидел, как каменное изваяние.

— Семьсот! Семьсот юаней! Имейте совесть!

Цао Второй скривил уголки губ.

— Восемьсот! Больше дать не можем!

Цао Второй открыл глаза и твёрдым голосом заявил:

— Тысяча!

Управляющие надули щёки так, будто у них болели зубы, и остолбенело уставились в беспощадное лицо Цао:

— Господин начальник… такими деньгами мы не можем распоряжаться.

— Тогда вернитесь и скажите хозяевам. Тысяча юаней, на меньшее я не согласен.

— Хорошо. Завтра ждите новостей.

На следующее утро один из управляющих прискакал на фиолетовом коне из уездного

города Цзяо, сообщил дату похорон и выплатил авансом пятьсот серебряных, вторую половину денег обещал отдать, когда гроб вынесут. От быстрого бега его конь истекал горячим потом, а в уголках губ скопилась белая пена.

Настал день похорон. Шестьдесят четыре носильщика встали затемно, развели огонь, приготовили поесть, плотно закусили, собрали свои пожитки и при свете звёзд потопали в уездный город. Цао Второй ехал следом на чёрном осле.

Дедушка чётко помнил, что небо в то утро было высоким, звёзды — редкими, роса — прохладной, а спрятанный за поясом железный крюк больно давил на кости. Когда они добрались до уездного города, начало светать, но на улицах уже скопилось столько желающих поглазеть на похороны, что не протолкнуться. Когда они шли по улицам, слушая пересуды собравшихся, то поднимали головы и расправляли грудь, всем своим видом демонстрируя героический дух, в душе же испытывали крайнее волнение и беспокойство, тревога тяжким камнем давила на сердце.

Постройки с черепичными крышами, принадлежащие роду Ци, занимали аж половину улицы. Слуга проводил носильщиков через трое ворот, и они оказались в маленьком дворике, заполненном «снежными» деревьями и серебряными цветами, на земле повсюду лежали ритуальные деньги, над курильницами поднимался густой дым. С подобной роскошью обычному человеку не тягаться.

Управляющий привёл хозяина и представил его Цао Второму. Главе рода Ци было около пятидесяти: худое лицо, маленький крючковатый нос, похожий на клюв орла, расположенный очень далеко от большого рта. Он окинул взглядом носильщиков Цао Второго, и дедушка приметил, что в его глазах вспыхнули огоньки. Хозяин кивнул Цао со словами:

— За тысячу юаней нужно соблюдать определённые правила.

Цао Второй в ответ тоже покивал и ушёл с хозяином в дом.

Когда он вышел, его обычно лоснящееся лицо стало серым, как пепел, пальцы с длинными ногтями дрожали. Он собрал своих работников в углу у стены и сквозь зубы процедил:

— Конец нам, ребята!

Дедушка спросил:

— Что случилось, господин начальник?

— Ох, братцы! Этот гроб почти одинаковой ширины с воротами, а на крышке поставили чашу с вином. Хозяин сказал, мол, прольёте хоть каплю — оштрафую на сотню юаней.

Носильщики так перепугались, что потеряли дар речи. Из погребального зала доносился протяжный плач, похожий на пение.

— Чжаньао, и что нам теперь делать? — поинтересовался Цао Второй.

Дедушка сказал:

— Раз уж мы тут, трусить уже поздно, пусть даже там внутри чугунные яйца, а вынести придётся.

Цао тихонько сказал:

— Братцы, тогда идите. Если всё получится, так мы будем одной семьёй. Из этой тысячи мне и фэня[110] не нужно, всё ваше.

Дедушка смерил его взглядом:

— Хватит тут болтать-то!

Цао Второй распорядился:

— Тогда готовимся. Чжаньао, Сыкуй, вы встанете спереди и сзади, под дном гроба пропустите верёвку. Остальные… двадцать входят в комнату, только увидите, что гроб приподнялся над землёй, сразу подставляете под него спины. Оставшиеся, будете за воротами на подхвате. Идите в ногу под звуки гонга. Братцы, я всем вам премного благодарен!

Цао Второй, который всегда был самодуром, поклонился до земли, а когда поднял голову, в его глазах блестели слёзы.

Хозяин привёл несколько слуг и с холодной усмешкой сообщил:

— Не торопитесь, сначала мы вас обыщем.

Цао Второй рассвирепел:

— Это что ещё за правила?

— Правила тысячи юаней, — хохотнул хозяин.

Слуги вытащили припрятанные носильщиками крюки и кинули на землю. Крюки громко звякнули, а лица носильщиков приобрели серый оттенок.

Глядя на крюки, хозяин расхохотался.

Дедушка подумал: и то хорошо! Кто крюками цепляет за днище гроба — не герой. Душу охватило трагическое предчувствие, как если бы он шёл к месту собственной казни. Дедушка плотно перемотал ноги, а потом задержал дыхание и затянул пояс так, что он аж врезался в живот. Когда носильщики вошли в зал с телом покойника, вся его родня разом перестала голосить, уставившись круглыми глазами на носильщиков и чашку с вином, едва не переливавшимся через край, которую поставили на гроб. В траурном зале от дыма свербело горло, было очень душно, а лица живых казались хищными масками, кружащими в воздухе.

Чёрный гроб ханьлиньского академика стоял на четырёх низких табуретках, словно огромный корабль, причаливший к берегу. При виде этой махины сердца носильщиков забились так, словно в груди кто-то ударял в гонг и бил в барабаны. Дедушка снял со спины тонкую, но очень прочную корабельную верёвку, сплетённую из самой качественной пеньки, и пропустил под днищем гроба. На концах у верёвки были прикреплены две петли из грубого белого полотна. Носильщики привязали к ней несколько десятков мокрых белых тряпок, выстроились в два ряда по обе стороны от гроба, после чего дружно ухватились за верёвку.

Цао Второй поднял гонг — дон-н-н-н! — звук вышел каким-то надтреснутым. Дедушка присел у переднего конца гроба — это место было самым опасным, самым важным и самым ответственным. Поскольку передний конец гроба, похожий на нос корабля, очень сильно задирался, то дедушка не мог выпрямить спину, и грубая верёвка врезалась в шею и плечи. Он ещё и встать-то не успел, а уже почувствовал всю тяжесть гроба.

Цао Второй трижды ударил в гонг, а потом заорал что есть мочи:

— Встаём!

Дедушка услышал три удара гонга, задержал дыхание, потом всю силу сосредоточил в коленях, а после команды Цао Второго, словно в тумане, сделал рывок, высвобождая эту силу. Дедушка представлял, что гроб с телом старого ханьлиньского академика уже оторвался от земли и плывёт, словно пароход, в клубах дыма от благовоний, однако фантазии тут же разбились об ощущение, что его зад резко прижали к квадратной керамической плитке на полу, и от резкой боли в хребте.

Цао Второй чуть было не упал в обморок. Он видел, что огромный гроб не сдвинулся с места, как гигантское дерево, пустившее корни, а его ребята, словно стайка воробышков, с

размаху врезавшихся в стекло, попадали на землю, их лица из бледно-красных стали от натуги чёрно-фиолетовыми, а потом серовато-белыми, как лишённый цвета мочевой пузырь свиньи. Он понял, что дело плохо. Спектакль не удался! Даже полный сил и энергии Юй Чжаньао сидит на полу с помертвевшим лицом, как женщина, потерявшая дитя. Стало ясно, что этот спектакль закончится полным провалом.

Дедушка словно бы услышал, как старый ханьлиньский академик насмехается над ним, лёжа в подвижной ртути. Весь род Ци — и покойник, и его живые потомки — умели лишь холодно усмехаться, поскольку обычный смех был им недоступен. Сильная обида, злость на эту махину и страх смерти, вызванный мучительной болью в позвоночнике, слились в единый мутный поток и с силой ударили в сердце.

— Братцы… — причитал Цао Второй. — Братцы… не ради меня… ради дунбэйского Гаоми… надо его вынести…

Цао укусил себя за подушечку среднего пальца, из раны, пульсируя, полилась чёрная кровь, и он пронзительно закричал:

— Братцы! За наш родной дунбэйский Гаоми!

Снова зазвучал гонг. Дедушка ощутил, что сердце его болит, будто треснуло пополам, а колотушка наносит удары не по выпуклой части гонга, а прямо по его сердцу, и по сердцу каждого из носильщиков.

В этот раз дедушка закрыл глаза и бешено рванул вверх, словно бы собирался расшибить себе голову и покончить самоубийством. Во всей этой суматохе с поднятием гроба Цао Второй заметил, что один из носильщиков по прозвищу Петушок молниеносно коснулся губами чаши с вином и сделал большой глоток. Гроб, качнувшись, оторвался от табуреток. В комнате повисла мёртвая тишина. Слышно было, как кости носильщиков трещат словно взрывающиеся петарды.

Дедушка не знал, что гроб приподнялся. Его лицо стало мертвенно-бледны, как у покойника, он чувствовал лишь, как петля из грубого полотна впилась в горло, сломав ключицу, а позвонки, изначально напоминавшие засахаренные ягоды боярышника, нанизанные на палочку, с такой силой прижались друг к другу, что превратились в упаковку прессованных хлопьев из этих ягод.[111] Он не мог распрямить спину, разочарование всего на долю секунды подорвало волю, и ноги потихоньку подогнулись, как расплавленное железо.

Из-за дедушкиной минутной слабости ртуть в гробу перетекла в переднюю часть, отчего край огромного гроба провис вниз, толкнув дедушку в согбенную спину. Чаша на крышке гроба тоже начала накреняться, прозрачная жидкость доходила до самой кромки, но не перелилась через край, а родственники покойника с надеждой смотрели на чашу.

Тут Цао Второй изо всех сил залепил дедушке пощёчину.

Дедушка помнил, что пощёчина отозвалась звоном в ушах, а поясница, ноги, плечи, шея утратили всяческую чувствительность, словно принадлежали кому-то другому. Перед глазами повисла тёмная пелена, на которую с шорохом брызгали золотистые искры.

Дедушка выпрямился. Гроб оторвался от земли на три с лишним чи, шестеро носильщиков поднырнули под днище, встали на карачки и подпёрли гроб своими спинами. Только тогда дедушка выдохнул, ощутив, как вместе с воздухом в горле и органах дыхания поднимается горячий поток…

Гроб пронесли через все семь ворот и поставили в большой паланкин ярко-синего цвета.

Дедушка скинул с себя белую петлю из грубой ткани, широко открыл рот, и изо рта и

носа полетели стрелы багряно-красной крови…

Дедушка, которому уже приходилось преодолевать невозможное, в душе презирал членов «Железного братства», которые с беспомощным видом окружили бабушкин гроб, но не хотел ничего им говорить. Поэтому когда один из них сбегал за мокрыми тряпками, дедушка подошёл, собственными руками обвязал гроб, отобрал шестнадцать человек, расставил их по местам, дал команду, и гроб оторвался от земли. Когда бабушкин гроб погрузили на большой паланкин с тридцатью двумя шестами-ручками, дедушка снова вспомнил ту далёкую сцену из прошлого…

Похоронная процессия рода Ци, словно огромный белый дракон, поднималась в гору по дороге, вымощенной тёмной брусчаткой. Прохожие по сторонам дороги не смотрели ни на артистов на ходулях, ни на танцоров в масках львов,[112] но лишь с грустью взирали на пепельно-серые лица шестидесяти четырёх носильщиков: у некоторых из них шла носом кровь. В тот момент дедушку переставили в самый конец, он держал ручку, на которую приходилось наименьшая нагрузка. В груди у него всё горело, во рту чувствовался привкус крови, а твёрдая брусчатка разлеталась под ногами, словно капли свиного жира…

3

Отец, облачённый в траурную одежду, с шестом в руках стоял на высоком табурете лицом на юго-запад и, отбивая удары, громко кричал:

— Матушка! Матушка! Иди на юго-запад! По широкой дороге! На драгоценном чёлне да на быстром скакуне! У тебя достаточно денег на дорожные расходы! Матушка! Ты будешь спать в сладости, а от трудностей откупишься…

Распорядитель наставлял отца, что нужно эти слова повторить трижды, чтобы преисполненными глубоких чувств криками родных проводить душу покойного на юго-запад, в рай. Но отец прокричал лишь раз, и его горло сжалось от подступивших слёз. Он просто опирался на шест, но перестал бить им по земле, ещё раз с губ слетело слово «матушка», и его уже было не воротить — дрожащее, протяжное слово «матушка», словно тёмно-красная бабочка, крылья которой украшали симметричные золотистые пятна, полетело на юго-запад, то набирая высоту, то снова опускаясь. Там тянулись равнины, открытые всем ветрам, тревожное солнце на восьмой день четвёртого лунного месяца припекало так, что над рекой Мошуйхэ повис белый туман. Слово «матушка» не могло перелетать через эту обманчивую преграду, оно покрутилось немного туда-сюда, потом развернулось на восток. Хотя отец провожал бабушку в рай на юго-западе, бабушка не пожелала туда оправиться, а двинулась вдоль той самой насыпи, по которой когда-то шла, чтобы отнести бойцам из дедушкиного отряда лепёшки-кулачи. Она то и дело останавливалась, оборачивалась, призывно глядя золотистыми глазами на сына, моего отца. Если бы отец не опирался на длинный шест, то повалился бы головой вниз на землю. Чёрное Око с удивлением подошёл, сгрёб отца в охапку и снял с табурета. Прекрасная музыка, которую играли музыканты, зловоние, исходившее от толпы зевак, и пышность похоронных обрядов слились воедино, и это наваждение, словно тончайшая пластиковая плёнка, окутала тело и душу отца.

Двадцать дней назад дедушка повёл отца раскапывать могилу бабушки. День выдался не самым приятным для ласточек, низкое небо было затянуто двенадцатью тучами, похожими на рваную вату, и от них исходил запах тухлой рыбы. Над Мошуйхэ дул лёгкий ветер. Сгущалась тревога. Трупы собак, которых подорвали ручными гранатами во время войны людей с псами прошлой зимой, разлагались среди прибрежной травы. Ласточки, только что вернувшиеся с острова Хайнань, с ужасом летали над берегом. Жабы начали спариваться, за время долгой зимней спячки они потемнели и похудели, но теперь подпрыгивали, охваченные ярким пламенем страсти.

Отец смотрел на ласточек, и на жаб, и на большой мост через Мошуйхэ, всё ещё хранивший болезненные отметины с тридцать девятого года, и в душе поднималось ощущение одиночества и заброшенности. Пробыв всю зиму в оцепенении, крестьяне сеяли в чернозём гаолян, сеялки стукались о коробки с семенами с чётким ритмом, и звук этот разносился далеко-далеко. Отец вместе с дедушкой и ещё десятком членов «Железного братства», вооружёнными лопатами, стояли перед бабушкиной могилой. Её могила и могилы бойцов дедушкиного отряда выстроились длинной змеёй, на выцветшей земле хаотично пробивались первые золотисто-жёлтые цветы горького латука.

Молчание продлилось три минуты.

— Доугуань, ты ведь точно помнишь — эта могила? — спросил дедушка.

— Точно эта, я не мог забыть.

— Эта! Копайте!

Члены «Железного братства» сжимали лопаты, но медлили, не решаясь приступать. Тогда дедушка взял кирку, прицелился в могильную насыпь, напоминающую женскую грудь, и с силой ударил. Тяжёлая острая кирка со скрежетом вошла в землю, после чего дедушка поддел ком земли. Заострённая насыпь стала гладкой.

Когда дедушка ударил по могиле киркой, у отца сжалось сердце — в тот момент его душу переполняла ненависть к жестокому дедушке и страх перед ним.

Дедушка откинул в сторону кирку и обессилено проговорил:

— Ройте, ройте…

Члены «Железного братства» окружили могилу, принялись орудовать лопатами, и вскоре могильный холм сровнялся с землёй. Затем стали смутно проступать очертания прямоугольной ямы. Чернозём был очень мягким, и яма напоминала огромную ловушку. Члены «Железного братства» осторожно снимали землю слой за слоем. Дедушка велел:

— Смелее. Ещё рано!

Отец вспомнил, как вечером девятого числа восьмого лунного месяца тридцать девятого года они хоронили бабушку. Пламя, бушевавшее на мосту, и больше десятка факелов вокруг могилы освещали мёртвое лицо бабушки, делая его живым. Чем тоньше становился слой земли, тем большее напряжение испытывал отец. Он словно уже видел под слоем земли слегка раздвинутые в улыбке бабушкины губы, поцеловавшие смерть…

Чёрное Око обнял отца и отвёл в тенёк, там легонько потрепал за щёку:

— Доугуань, очнись!

Отец пришёл в себя, но ему не хотелось открывать глаза. Тело заливал горячий пот, а душу сковал морозец — словно холод, которым тянуло из могильной ямы, проник прямо в сердце… Могильную яму уже чётко было видно, под лезвиями лопат зашуршали гаоляновые стебли, руки у членов «Железного братства» дрожали. Когда с гаоляновых стеблей, укрывавших тело покойницы, убрали последнюю лопату земли, они дружно остановились и с мольбой уставились на дедушку и отца. Отец увидел, что все скуксились и шмыгают носами. Из могилы поднимался сильный запах разложения. Отец жадно вдыхал его, как вдыхал аромат, исходивший от бабушкиной груди, пока она кормила его молоком.

— Сгребайте! — Дедушка не испытывал жалости и сердито рыкнул на нескольких парней с кислыми физиономиями.

Пришлось им нагнуться, вытаскивать по одному гаоляновые стебли и выбрасывать. На сгнивших листьях поблёскивали капли росы, стебли размокли и приобрели ярко-красный оттенок, их поверхность стала гладкой, словно влажный нефрит.

Тем временем запах усиливался. Члены «Железного братства» закрывали рты и носы рукавами, а из глаз текли слёзы, будто они давили чеснок. Но в носу отца этот смрад превращался в густой пьянящий аромат гаолянового вина. Он видел, что нижние стебли впитали в себя больше воды, и их цвет был ещё более ярким. Отец подумал, что, возможно, гаолян приобрёл этот цвет от бабушкиной красной куртки. Он знал, что из бабушки вытекла вся кровь до капли, перед смертью её тело стало прозрачным, словно дошедший до нужной кондиции кокон шелкопряда, так что окрасить ярко-зелёные стебли гаоляна могла лишь та красная куртка. Остался последний слой стеблей. Отец хотел как можно скорее увидеть бабушкино лицо, но боялся этого. Чем меньше было гаоляна, тем сильнее, казалось, отдаляется от него бабушка. Видимую границу между миром мёртвых и миром живых

снесли, зато невидимая становилась ещё непроницаемей. Внезапно в этом последнем слое гаоляна что-то громко зашуршало. Некоторые члены «Железного братства» вскрикнули от ужаса, другие же от страха лишились дара речи. Всех словно бы отбросило от могилы огромной волной, поднявшейся из глубин. Бледность не сходила с их лиц, и только после дедушкиных понуканий члены братства всё же осторожно заглянули в могилу, вытянув шеи. Отец увидел, как четыре жёлто-коричневых мыши-полёвки с писком карабкаются наружу, а ещё одна, белоснежная, осталась сидеть по центру могильной ямы на немыслимо красивом гаоляновом стебле, ощупывая его лапками. Жёлтые мыши выбрались из ямы и бросились бежать, а белая мышка сидела неподвижно, глядя на людей блестящими чёрными глазками. Отец швырнул в неё ком земли, белая мышка подскочила на два с лишним чи, но не допрыгнула до края ямы, упала вниз и помчалась как сумасшедшая по краю. Члены «Железного братства» обрушили на неё всю свою ненависть, на мышь градом посыпались комья земли, один из которых в итоге придавил её насмерть. Слушая, как земля со стуком падает на последний слой гаоляновых стеблей, отец очень сильно пожалел о содеянном — ведь он первым бросил ком земли, подав пример членам братства. Большая часть этих комков не попала по мыши, зато ударяла по телу бабушки.

Отец всегда утверждал, что бабушка, когда её достали из могилы, была прекрасна, словно свежий цветок, она светилась, лёжа в могиле, и источала необычный аромат, как в сказке. Однако присутствовавшие при вскрытии могилы члены братства рассказывали совсем иное, лица их кривились от отвращения, когда они живописали, как омерзительно выглядел разложившийся бабушкин труп и какой удушливый запах там стоял, однако отец говорил, что это всё ерунда и враки. Он-то отлично помнил тот момент, разум его был ясным, и он своими глазами видел: когда убрали последний стебель гаоляна, прекрасная улыбка на лице бабушки вспыхнула со звуком, который издают горящие в костре сучья, а тот аромат до сей поры глубоко засел в памяти. Жаль, что всё это продлилось совсем недолго. Бабушкин труп подняли из могилы, её яркую красоту и дивный аромат унёс ветер, остался лишь белоснежный скелет. Отец соглашался, что тогда и он уже ощутил нестерпимое зловоние, ударившее в нос, но в глубине души отказывался признавать, что это был бабушкин скелет. Разумеется, и вонь, исходившая от этого скелета, не могла быть бабушкиным запахом.

Дедушка тогда выглядел совсем удручённым. Семеро парней, только что вытащивших бабушкин истлевший труп из могильной ямы, блевали тёмно-зелёной желчью на тёмно-зелёную речную воду. Дедушка расстелил белоснежное полотнище и велел отцу помочь переложить на него бабушкины останки. Звуки, с которыми тошнило остальных, и на отца подействовали заразительно. Он вытянул шею, словно петушок, готовый закукарекать, в горле забулькало. Ему ужасно не хотелось дотрагиваться до бледного скелета, который в тот момент вызывал крайнее отвращение.

Дедушка строго спросил:

— Доугуань, ты даже до останков матери брезгуешь дотронуться? Даже ты?!

Отца тронуло грустное выражение, которое так редко появлялось на лице дедушки, он наклонился и попробовал ухватить скелет за ногу. Белые кости были ледяными, отец ощутил, как по телу расползается холод, словно бы внутренности смёрзлись в комок льда. Дедушка взял бабушку за лопатки, легонько приподнял, и тут скелет треснул и рассыпался, превратившись в груду костей. Череп упал дедушке на ноги, из пустых глазниц, где раньше были бабушкины ясные очи, вылезли два красных муравья, шевеля усиками. Отец выронил

бабушкину ногу, повернулся и с громким рёвом убежал…

4

К полудню все церемонии завершились, и распорядитель громко крикнул:

— Пошли!

Собравшиеся на похороны крестьяне, словно вода во время прилива, хлынули в поле. Те, кто давно уже сторожил на дороге за деревней, увидели, как сначала на них движется чёрный потоп, а потом увидели, как в их сторону плывёт огромный гроб рода Юй, словно гигантская дрейфующая льдина. По обеим сторонам на расстоянии двухсот метров от дороги были раскинуты открытые со всех сторон большие шатры с поминальным угощением на любой вкус, жаркие запахи били в нос, такие соблазнительные, что у зевак слюнки текли. По гаоляновому полю кружил Пятый Заваруха во главе конного отряда. Палящее солнце поднялось высоко, над чернозёмом клубился синий дым, боевые кони взмокли от пота, широко раздували ноздри, а в углах их губ повисла пена, перемешанная с пылью. Лоснящиеся крупы коней отражали солнечный свет. Чёрная пыль от копыт поднималась на три, а то и пять чжанов и долго не рассеивалась.

В самом начале процессии шёл толстый монах в жёлтом одеянии с оголённым левым плечом. В руке он держал трезубец, увешанный металлическими пластинками, которые постоянно звенели. Звон этот поднимался в воздух и парил над толпой зевак, трезубец словно был привязан к монаху: как тот его ни подкидывал, трезубец приземлялся чётко в руку. Некоторым в толпе монах был знаком. Этот голодранец из храма Тяньци отродясь не возжигал фимиам, не молился и не медитировал, зато большими чашками пил вино, бесстрашно ел рыбу и мясо и держал прямо в монастыре худенькую, маленькую, но необыкновенно плодовитую любовницу, которая нарожала ему толпу монашков. Монах с трезубцем прокладывал дорогу в толпе. Он подкидывал трезубец над головами зевак, и те расступались. На лице монаха застыла довольная усмешка.

За монахом следовал один из членов «Железного братства», который нёс длинный шест с траурным флажком: этот скрученный из тридцати двух листов белой бумаги — по числу лет бабушки — флажок с шуршанием трепетал в безветренном небе, призывая душу покойницы. За ним крепкий парень, тоже из братства, нёс флаг со знаками отличия, изготовленный из белого шёлка, обшитый по краю бахромой из серебряных ниток; на нём выделялась надпись чёрными иероглифами по вертикали: «Гроб с телом урождённой Дай, скончавшейся в тридцать два года, жены командира Юй Чжаньао, возглавлявшего партизанский отряд в дунбэйском Гаоми в годы Китайской республики». Далее на маленьком паланкине несли бабушкину «святую табличку», а на большом ехал гроб с бабушкиным телом. Под печальный звон сигнального гонга шагали в ногу шестьдесят четыре члена братства словно шестьдесят четыре марионетки на ниточках. За гробом несли несметное количество ритуальных флагов, вееров и зонтов, разноцветных шёлковых пологов с приколотыми к ним бумажными иероглифами, фигурок людей и коней из папье-маше, «снежных» деревьев.

Отец в траурной одежде и с траурным посохом в руках на каждом шагу, как положено, начинал голосить. Его поддерживали под руки двое членов «Железного братства» с выбритыми головами. Правда, отец плакал без слёз, глаза были сухими и остекленевшими, что называется, «только гром, без дождя», но такой «сухой» плач трогал даже сильнее, чем «мокрый», со слезами, и многие из тех, кто пришёл посмотреть на похороны, глядя на отца,

расчувствовались.

Дедушка и Чёрное Око шагали сразу за отцом. Лица их окаменели, на сердце тяжким грузом лежали тревоги, и никто не догадывался, о чём они в тот момент думали.

За ними толпились двадцать с лишним членов братства с винтовками наперевес. Блестящие штыки отливали тёмно-синим цветом. Лица бойцов были напряжены, словно они ждали схватки с могучим врагом. Ещё дальше шли более десятка оркестров из дунбэйского Гаоми, исполнявших прекрасные мелодии, артисты на ходулях, переодетые в персонажей различных преданий, подскакивали и вертелись, а две группы танцоров переоделись для исполнения танца львов,[113] мотали львиной головой и размахивали хвостом.

Похоронная процессия растянулась по извилистой дороге на целых два ли, людей было много, а дорога узкая, пройти получалось с великим трудом, а ведь ещё нужно было останавливаться перед каждым столиком с поминальным угощением, кланяясь духам, нужно было ставить гроб и возжигать благовония. Распорядитель с бронзовым кубком проводил древние обряды, поэтому процессия двигалась очень медленно. Монах давно уже устал подбрасывать трезубец, и всё его тело провоняло от пота, одеяние намокло, теперь трезубец взлетал не так высоко. Все участники похоронной процессии претерпевали душевные и физические муки и с нетерпением ждали конца этой каторги. Члены братства, которые несли паланкины, сердито посматривали на распорядителя, на то, как он с важным и напыщенным видом притворялся, что скорбит, и неспешно выполнял всякие дурацкие ритуалы. Они с трудом сдерживались, чтоб не кинуться на него и не вонзить зубы ему в кадык. Тяжелее всем приходилось Пятому Заварухе и его конному отряду, они мотались туда-сюда от могилы до деревни и обратно, лошади задыхались, на их ногах и животах толстым слоем осела чёрная земля.

Когда процессия отошла от деревни на три ли, то снова остановилась, чтобы поклониться предкам, распорядитель всё ещё был полон сил, старателен и серьёзен. Внезапно в передних рядах раздались выстрелы, тот член братства, что держал шест с бабушкиными знаками отличия, медленно осел на землю, а белое полотнище упало на обочину, прямо на головы зевак. При звуках выстрелов толпа по обе стороны дороги забурлила, начался беспорядок, люди, словно муравьиный рой, сбились в чёрную кучу, было видно лишь мельтешение множества ног и голов. Плач, крики и вопли ужаса звучали, как шум воды, прорвавшей плотину.

После того как отгремели выстрелы, в толпу полетел десяток маленьких ручных гранат, упавших под ноги членам «Железного братства», и из них с шипением повалил белый дым.

Кто-то на обочине заорал:

— Ложись!

Из-за давки крестьянам лечь было некуда, они лишь смотрели, как члены братства плюхнулись на живот и как подрагивали гранаты с белыми деревянными ручками, с рёвом испуская смертельный синий ужас.

Гранаты взорвались друг за другом, взрывная волна разлетелась золотым веером. Больше десятка членов «Железного братства» погибли или получили ранения. Чёрному Оку осколок попал в зад, пробив дырку, из которой хлестала кровь. Прикрывая рукой рану, Чёрное Око надрывно звал Фулая. Но Фулай, сверстник отца, уже не мог ответить на призыв, не мог усердно прислуживать ему. Вчера вечером в сумке лекаря нашли два стеклянных шарика, красный и зелёный. Отец подарил Фулаю зелёный, и тот спрятал шарик во рту, как бесценный клад, и перекатывал языком. Отец увидел, что стеклянный шарик на фоне

вытекавшей изо рта Фулая крови стал изумрудно-зелёным, таким зелёным, что зеленее просто не бывает, и светился зелёным светом, как пилюля бессмертия, что, по легенде, выплёвывала лисица-оборотень.[114] Распорядителю, который не выпускал из рук бронзовый кубок, осколком размером с соевый боб перебило артерию на шее, оттуда фонтаном лилась алая кровь, голова безвольно повисла, бронзовый кубок упал на землю, вино пролилось, превратившись в лёгкую дымку. Кровь распорядителя хлестала по чернозёму, словно внезапно разразившийся ливень, отчего в земле образовалось углубление с кулак. Большой паланкин накренился на бок, и стал виден чёрный бабушкин гроб.

Снова на обочине кто-то громок крикнул:

— Земляки, быстрее ложитесь!

Вслед за этим прилетела ещё одна партия гранат. Дедушка прижал к себе отца и кубарем скатился в неглубокую придорожную канаву. Несколько десятков ног пробежалось по дедушкиной ране, но он не чувствовал боли, лишь сильное давление. Как минимум половина членов братства побросали винтовки и бросились кто куда, а те, кто этого не сделал, с глупым видом стояли, покорно ожидая взрыва. В конце концов дедушка увидел, кто кидает гранаты. По лицу этого человека было видно, что он проделал бесконечно долгий путь, на нём лежала тёмно-жёлтая пыль, через которую проступал хитрый лисий дух. На этом лице чувствовался явный отпечаток Восьмой армии! Это Цзяогаоская часть! Человек Мелконогого Цзяна. Восьмая армия!

Гранаты снова яростно взорвались, вдоль дороги прокатился пороховой дым, пыль взметнулась вверх, осколки, словно саранча, со свистом полетели к обочине, и пришедшие поглазеть на похороны люди падали, как подкошенные колосья. Взрывной волной подбросило с десяток членов «Железного братства», оторванные руки и ноги и ошмётки кишок посыпались на головы крестьян.

Дедушка с трудом вытащил пистолет, прицелился в голову солдата Восьмой армии, сливавшуюся с тысячами других голов, и нажал на спуск. Пуля вошла чётко промеж бровей, и зелёные глаза беспрепятственно выпрыгнули из глазниц, словно яйца, отложенные ночным мотыльком.

— Товарищи, вперёд! Отнимайте оружие! — закричали в толпе люди из Восьмой армии.

Чёрное Око и другие члены «Железного братства» опомнились и начали без разбору палить по толпе, каждая выпущенная ими пуля вгрызалась в чьё-то тело, каждая пуля пронзала сразу несколько тел, а потом либо весело застревала в чьей-то плоти, либо, уныло описав красивую дугу, падала на чёрную землю.

Дедушка заметил, как резко выделяются в волновавшемся людском море лица солдат Восьмой армии. Они барахтались, словно тонущие, при виде этих алчных хищных лиц у дедушки кровью сердце обливалось. Симпатия, которая зародилась у него в былые дни к Восьмой армии, превратилась в лютую до зубовного скрежета ненависть. Дедушка целился и стрелял в одно такое лицо за другим. Он и сам точно не понял, удалось ли убить хоть кого-то, но в последующие годы одиночества осознал, что от пуль Чёрного Ока и членов «Железного братства» падали на чёрную землю лишь добрые и безвинные простые люди.

Отец выбрался из-под мышки дедушки и вытащил свой пистолет, но на него тут же накатила такая громкая звуковая волна, что в глазах зарябило и заложило оба уха. Он выстрелил наобум и по привычке проследил за первой выпущенной пулей. Он увидел, что пуля с полусферической головкой влетела прямиком в широко открытый рот

двадцатилетней девушки, волосы которой были закручены в маленький узел. Девушка обладала всеми качествами, которые делают женщину красивой: свежие красные губы, белоснежные зубы, чуть выпуклый подбородок. Отец услышал, как из открытого рта вырвался крик, напоминающий кваканье лягушки, и полилась кровь вместе с обломками белых зубов. Два серо-зелёных глаза, в которых застыла нежность, уставились на отца, после чего девушка рухнула на землю, и её немедленно поглотил людской поток.

В деревне прозвучал сигнал к атаке, дедушка увидел, что больше сотни солдат Цзяогаоской части под командованием Мелконогого Цзяна бросились вперёд, размахивая саблями, винтовками и дубинками. На южном гаоляновом поле Пятый Заваруха с силой стукнул тыльной стороной сабли своего пегого коня и во главе своего отряда поскакал что есть мочи на север. Пегий конь тяжело дышал, как чахоточный больной, на шее выступил вязкий и липкий, как мёд, пот. Разбегавшиеся зеваки перегородили путь конному отряду, и Пятый Заваруха бросился в толпу, не переставая подхлёстывать коня, а за ним последовал и весь его отряд. Люди уже не могли остановиться, наталкивались на коней, и в итоге конный отряд словно бы засосало в болото. Лошади тянули шеи и отчаянно ржали. Рядом с Пятым Заварухой в двух коней врезались ополоумевшие люди, всадники попадали вместе с конями, и по ним пробежало бесчисленное множество чёрных ног. Погибающие животные и их хозяева издавали жалобные безнадёжные крики. Одного из солдат Восьмой армии с маузером в руке (возможно, именно он убил того члена «Железного братства», который нёс полотнище со знаками отличия), людским потоком вынесло прямо перед конём Пятого Заварухи. Лицо Пятого Заварухи исказилось в свирепой гримасе. Солдат открыл огонь, но пули полетели в небо. Японская сабля Заварухи блеснула и сняла скальп с коротко стриженной макушки солдата. Скальп, словно фетровая шляпа, шлёпнулся кому-то из крестьян на голову, забрызгав чёрной кровью лица десятка людей.

Члены братства под гневные крики дедушки собрались и начали отстреливаться под прикрытием похоронных флагов и навесов для жертвоприношений.

Дедушке уже приходилось похищать солдат Восьмой армии, подрывая тем самым её жизнеспособность. Мало кто из них хорошо стрелял, зато они готовы были героически жертвовать собой. Хотя пули бойцов «Железного братства» без конца их косили, они упорно продолжали атаковать. Их примитивное оружие годилось только для рукопашной. Солдаты Восьмой армии рвались в бой, готовые пожертвовать собой — это придавало им сил и деморализовало противника. На подступах к позициям противника солдаты Цзяогаоской части закидывали членов братства десятками ручных гранат. Испуганные члены «Железного братства» бросали винтовки и убегали, но безжалостные осколки нагоняли их и разрывали плоть. Особенно тяжело от взрывов гранат пришлось музыкантам, артистам на ходулях и танцорам, переодетых львами. Трубы и соны, играя на которых музыканты оплакивали других людей, взлетали вверх вместе с ошмётками их тел, а потом падали на землю. Артистам неудобно было двигаться, поскольку ноги были привязаны к высоким ходулям. Когда началась паника, большинство из них вытеснили на обочину, ходули увязали в чернозёме, и они падали в гаоляновое поле, словно сухие деревья. Раненные осколками гранат, они жалобно кричали, а на их лицах застыл ужас.

На глазах Пятого Заварухи «Железное братство» терпело сокрушительное поражение, он разволновался и принялся со злости рубить кого ни попадя, а конь под ним, как собака, кусал всех подряд. Со всех сторон слышался свист сабель, рубивших человеческие тела, и весёлый смех крестьян, помутившихся рассудком от страха перед смертью.

Пятый Заваруха вместе со своим отрядом выскочил на дорогу, и они тут же попали под гранаты бойцов Восьмой армии. Много лет после этих событий дедушка с отцом вспоминали, как мастерски солдаты Восьмой армии метали ручные гранаты — так гроссмейстер вспоминает поражение от посредственного игрока, который прибегнул к хитрому приёму, и, вспоминая, на словах хорохорится, а в глубине души чувствует, что проиграл по глупости.

В тот день, когда они отступали к реке Мошуйхэ, отца ранило в зад выпущенной из старой винтовки «ханьян» переплавленной пулей. Дедушка отродясь не видал таких пулевых ранений: кровь лилась рекой, словно бы отца тяпнула бешеная собака. У Восьмой армии не хватало патронов, и после каждого боя они собирали использованные гильзы и отправляли на переплавку, так что их патроны были неизвестно из какого дерьма, пули начинали плавиться, как только вылетали из ствола, и преследовали цель, словно сгусток горячих сопель. В отца угодила именно такая пуля. От разрывов гранат сильно пострадал конный отряд под командованием Пятого Заварухи. Пегий конь под ним с диким ржанием подпрыгнул, а потом рухнул на дорогу. В брюхе у него зияла огромная дыра, из которой сначала вывалились кишки, а потом хлынула кровь. Пятый Заваруха упал в неглубокую придорожную канаву, а когда выбрался, то увидел, что на него несутся солдаты Восьмой армии с блестящими штыками наперевес. Заваруха схватил висевший на шее пистолет-пулемёт и открыл огонь. Дюжина противников, размахивая руками и ногами, повалились на землю прямо перед ним. Больше десяти уцелевших всадников из числа «Железного братства» ворвались в ряды противника. Они рубили солдат Восьмой армии саблями, те в ответ штыкам и пиками протыкали брюхо коням. После этой бойни десять с лишним всадников и солдаты Цзяогаоской части улеглись кто на спины, кто ничком на чёрной земле дунбэйского Гаоми и больше уже не встали. Двум коням посчастливилось уцелеть при взрывах, и они помчались к речке в свободном порыве: гривы развевались на ветру, пустые стремена били по бокам, а растрёпанные хвосты плыли в облаках чёрной пыли.

Трое солдат Цзяогаоской части, скрежеща зубами, с ненавистью вонзали штыки в живот и грудь командира конного отряда «Железного братства». Пятый Заваруха обеими руками схватился за горячий ствол одной из винтовок, его тело выгнулось, глаза закатились так, что зрачки исчезли под веками. Длинные ресницы прикрывали серебристо-серые глаза, а изо рта потекла кровь. Солдат с силой выдернул перепачканный кровью штык. Одну секунду Пятый Заваруха ещё стоял, а потом обмяк и укатился в канаву. Солнечный свет отражался от белков глаз, похожих на тонкий фарфор, двумя тонкими лучиками слабого света. Солдаты Восьмой армии жадно накинулись на него и забрали висевший на шее русский пистолет-пулемёт и заткнутый за пояс немецкий маузер. Ящерица, доведённая тысячами ног до помешательства, вскочила Заварухе на грудь и уселась там, тяжело дыша; кровь окрасила её сероватое шершавое тельце, а холодные глаза светились особым светом, свойственным только рептилиям, при виде которого у людей ёкает сердце.

Один молодой парень из «Железного братства», которому взрывом перебило ногу, бросил перед собой карабин и саблю, повернулся к бегущим на него солдатам Восьмой армии и поднял вверх бледные руки. Паренёк по-детски надул верхнюю губу, над которой едва-едва начал пробиваться тонкий нежный пушок, в узких глазах заблестели от страха слёзы. Он жалобно запричитал:

— Дяденьки… не убивайте меня… дяденьки… не надо…

Один из солдат с пожелтевшими глазами замешкался, убрал ручную гранату, которую

собирался метнуть в паренька, нагнулся, подобрал с земли карабин и винтовку, но не успел распрямиться, как услышал треск — пика вошла пареньку в живот и пробила насквозь. Старый вояка увидел, как красивый, что твой молодой огурчик, паренёк содрогнулся всем телом, ухватился за пику и, широко открыв рот, крикнул:

— Мамочка!

Его красивая голова свесилась на грудь. Солдат с пожелтевшими глазами сердито развернулся и увидел своего товарища, которого ранило в поясницу, — это был смуглолицый человек средних лет, болезненно сжимавший пику, ставшую единым целом с молодым парнем. В тот момент, когда он воткнул своё оружие в живот бойца «Железного братства», один из раненых конников пробил ему выстрелом из пистолета левую почку.

Уничтожение конного отряда стало ударом по боевому духу «Железного братства». Если до сих пор они оказывали упорное сопротивление, прикрываясь флагами и другой похоронной атрибутикой, но теперь побежали на юг, волоча за собой винтовки. Как дедушка и Чёрное Око ни кричали им вслед, они не могли остановить трусливых заячьих ног. Дедушка протяжно вздохнул, одной рукой притянул к себе отца, пригнулся и побежал в сторону Мошуйхэ, не переставая отстреливаться.

Солдаты Цзяна, героически проявившие себя в бою, схватили оружие, что побросали члены «Железного братства», и радостно, с удвоенными силами кинулись преследовать противника, как если бы у тигра ещё и крылья выросли, а Мелконогий Цзян по-прежнему бежал впереди всех. Дедушка подобрал японскую винтовку «Арисака-38», в спешке брошенную кем-то из «Железного братства», плюхнулся на кучу навоза, щёлкнул затвором, дослав патрон в патронник — как только началась стрельба, дедушка вытащил из перевязи раненую руку, — и прижал приклад к распухшему и болевшему плечу. Бешеный стук сердца отдавался болью в ране, голова Мелконогого Цзяна болталась в прицеле туда-сюда. Для верности дедушка решил стрелять в грудь. Он нажал на спуск и, когда прозвучал выстрел, увидел, как Цзян обоими плечами подался вперёд и упал. Его солдаты, которым успех вскружил голову, наспех попадали. Воспользовавшись этой возможностью, дедушка потащил отца по дымившейся чёрной земле догонять разбежавшийся отряд.

Своим выстрелом дедушка ранил Мелконогого Цзяна в лодыжку, к нему тут же подбежали санитары и перевязали рану. Подполз командир роты посмотреть, что с ним, но Цзян с пожелтевшим восковым лицом, покрытым испариной, твёрдым голосом приказал:

— Быстрее! Обо мне не думайте! Вдогонку! Заберите у них винтовки! Все до единой Вперёд, товарищи!

Лежавшие на земле солдаты Цзяогаоской части, подбодрённые криком Мелконогого Цзяна, тут же повскакивали и ринулись в погоню навстречу одиноким выстрелам. Совершенно изнурённые бойцы «Железного братства» уже не могли бежать, они побросали винтовки и ждали момента, чтоб сдаться в плен.

— Стреляйте! Бейте их! — сердито рычал дедушка.

Один боец сказал ему:

— Командир, не будем их злить. Им нужны только винтовки, так давайте отдадим им винтовки, а сами вернёмся домой сажать гаолян.

Чёрное Око выстрелил, однако и волосинки ничьей не зацепил, но ответом стал ураганный огонь из трёх пистолетов-пулемётов, в результате чего трёх членов «Железного братства» ранило, одного убило. Эти три пистолета-пулемёта дедушка выменял у Рябого Лэна на заложников и берёг для боя, а в итоге они попали в руки к врагам и стали орудием

убийства его собственных ребят. Откуда Рябой Лэн раздобыл эти пистолеты-пулемёты, бесам и тем не ведомо.

Чёрное Око собирался снова выстрелить, но один из крепких бойцов «Железного братства» удержал его со словами:

— Хватит уже, начальник, не стоит дразнить свору бешеных псов.

Цзяогаоская часть наступала, и дедушке ничего не оставалось, кроме как опустить винтовку.

И в этот момент из-за насыпи залаял, словно пёс, пулемёт. Там и «Железное братство», и Цзяогаоскую часть давно уже поджидала куда более жестокая битва.

5

После пасмурной и дождливой осени тридцать девятого года пришла холодная зима. Собаки, которых отец с матерью и их друзьями так находчиво подорвали ручными гранатами и подстрелили, во влажной низине смёрзлись в единое целое с поваленными гаоляновыми стеблями.

А те псы, которые из ревности боролись за право лидерства и в итоге погибли, подорванные японскими «лимонками» у реки Мошуйхэ, буквально вмёрзли в увядшую прибрежную траву. Измученные голодом вороны фиолетовыми клювами долбили одеревеневшие трупы псов и, словно чёрные тучи, курсировали туда-сюда между речкой и низиной. Вода в Мошуйхэ покрылась коркой льда, ближе к скоплению трупов этот лёд был густо усеян зелёным помётом ворон. Низина тоже покрылась льдом, лёд смешался с землёй, и эта белая корка с шумом трескалась под ногами. Дедушка, отец, мать и тётка Лю проводили в спячке бесконечно долгую зиму в нашей захиревшей деревне. Отец и мать уже знали об отношениях между тёткой Лю и отцом, и это не вызывало у них отторжения. В тот сложный период тётка Лю взяла на себя заботу о дедушке, отце и матери, и об этом мои родные не забыли и за несколько десятков лет. Имя тётки Лю сейчас занимает достойное место в нашем «семейном списке», оно значится после Ласки, та, в свою очередь, идёт после бабушки, а бабушка после дедушки.

После того как наш пёс, Красный, оторвал отцу одно яичко, дедушка погрузился в пучину отчаяния. Тётка Лю успокаивала его: «Одна головка чеснока острее». Краса, моя будущая мать, по указке тётки Лю заставила изуродованный после ранения «перчик» причудливой формы встать, подтвердив тем самым, что воскуривание благовоний рода Юй не прервётся. Дедушка, услышав радостную новость, выскочил на улицу и, обращаясь к бледно-голубому небу, возносил молитвы. Это было поздней осенью, тогда в небе то и дело строгим строем пролетали на юг караваны гусей, а в низине появились сосульки, похожие на собачьи зубы. Подули северо-западные ветры, и началась такая студёная зима, каких почти не бывало в истории края.

Хибарку, в которой они ночевали, забили доверху сухими гаоляновыми листьями, а в помещении, где готовили пищу, запасли большое количество гаоляна. Дедушка с отцом частенько ходили охотиться на собак, чтобы добыть пропитание, укрепить здоровье и поправить физическую форму. Они надевали сшитые тёткой Лю из собачьих шкур штаны и куртки, а также меховые шапки, изготовленные совместными усилиями тётки Лю и матери. Они прятались на холмах позади низины и из засады стреляли по собакам. В низину полакомиться мертвечиной приходили дикие собаки, неорганизованные и недисциплинированные. После того как нашего Красного убили, собаки в дунбэйском Гаоми из армии превратились в разрозненных солдат, стая так и не объединилась. Мир людей, который поздней осенью практически был порабощён собаками, зимой снова взял верх, человеческая натура победила собачью, серо-белые тропки, протоптанные сворой собак, постепенно слились с окружающей чёрной землёй, и, только обращаясь к своей памяти и воображению, можно было различить дорожки, оставшиеся после борьбы за господство.

Отец и дедушка ходили на охоту раз в два дня и каждый раз убивали по одной собаке. Благодаря полезному собачьему мясу отец и дедушка получали нужное количество питательных веществ и калорий и на следующий год весной были полны энергии и сил.

Снятые с собак шкуры прибивали на разрушенной стене вокруг деревни, издали они напоминали прекрасные фрески. Весной сорокового года отец внезапно резко вырос на два кулака, и всё благодаря жирному собачьему мясу. Псы, питавшиеся замёрзшими трупами, нагуляли жир. Всю зиму отец питался собачатиной — можно сказать, это было замаскированным людоедством. Потом отец вырос очень крепким и здоровым и убивал, не моргнув глазом. Связано ли это с тем, что всю ту землю он в общем-то ел человечину?

Разумеется, время от времени они пытались разнообразить своё питание, и тогда дедушка с отцом ходили в низину поохотиться на диких гусей.

Они отправлялись в путь, когда солнце заходило за гору, и прятались среди спутанных увядших гаоляновых стеблей, глядя, как огромное солнце, похожее на приплюснутый кровавый блин, потихоньку опускается за горизонт. Казалось, что по белому льду в низине кто-то разбрызгивал алую кровь. Трупы людей и собак, раньше наполовину скрытые водой, теперь торчали изо льда, мёртвые псы, как и мёртвые люди, скалили зубы. Набившие животы вороны летели к деревне, размахивая золотисто-красными крыльями. Там на высоких деревьях они свили себе гнёзда. В низине мерцали блуждающие фосфорные огоньки — через несколько десятков лет в пасмурный день здесь их будет великое множество, а тогда всего лишь около десятка. С ног до головы одетые в собачьи шкуры мехом наружу, дедушка и отец скорее походили на собак, чем на людей. У отца разыгрался аппетит, и он с жадностью пожирал блины из гаоляновой муки, в которые была завёрнута собачатина, щедро приправленная крупинками соли. Дедушка велел ему чавкать потише — боялся, как бы их не услышали низко кружившие в небе дикие гуси. Он объяснил, что у гусей очень острый слух, с подветренной стороны они могут услышать за десять ли, а против ветра — за пять. Отец не поверил и продолжил лакомиться блинами с собачатиной, но уже не чавкал. Солнце закатилось, между небом и землёй клубился фиолетовый туман, белый лёд искрился матовым блеском. В стае было больше сорока гусей, они с громким гоготом реяли в небе, и в этих звуках звучала скорбь. Отец вспомнил свою мать, мою бабушку. Тут он выпустил газы, очень зловонные, и дедушка, прикрывая нос, тихо выругался:

— Ты жри-то поменьше!

Отец улыбнулся:

— Воняю, как псина!

Дедушка ущипнул отца:

— Сейчас я тебе наваляю, негодник мелкий!

Тут гуси полетели над ледяной гладью, вытянув шеи и опустив ноги. Они перестали гоготать, и было слышно, как от трения шуршат перья на крыльях. Дедушка с отцом задержали дыхание, глядя, как сначала сел первый гусь, а потом и вся стая. Они неуклюже ковыляли по льду всего в десяти шагах от того места, где прятались отец с дедушкой. Затем стая сбилась в кучу, а один гусь остался стоять в одиночестве поодаль, задрав голову и выпятив грудь, как часовой на дежурстве. Небо и земля стали золотистыми, как шкурка мандарина, а потом небо приобрело стальной оттенок и наконец почернело. Зажглись семь или восемь звёздочек. Они мерцали, но на поверхности льда их отблески были не заметны, а стая гусей превратилась в размытое пятно. Тут дедушка раздул тлевшие в закрытом крышкой жестяном ведре сухие гаоляновые стебли, дозорный гусь подал сигнал тревоги, вся стая встрепенулась и взлетела. Всё произошло не так, как гласило предание: охотник должен схорониться, потом разжечь огонь, дозорный крикнет, стая проснётся, посмотрит, но не увидит никаких движений и продолжит спать, и если повторить так три раза, то птицы

решат, что дозорный подаёт ложные сигналы тревоги, они всем скопом накинутся на него и начнут клевать, а охотник, воспользовавшись неразберихой, может изловить нескольких гусей голыми руками. Возможно, в этом и есть здравый смысл, но на деле всё пошло совсем не так. Нельзя исключить, что такое срабатывает пару раз на десять тысяч случаев. Забавная рекомендация, но далеко не столь эффективная, как придуманная отцом техника «выуживания гусей». Вот что отец рассказывал матери в хибарке:

— Краса, мы пойдём выуживать диких гусей. Нужно из иглы сделать рыболовный крючок, нанизать на него кусок варёного собачьего мяса, а сам крючок привязать к длинной леске. Первый гусь проглотит крючок, он у него выйдет из гузки, второй гусь проглотит крючок, и он снова выйдет, потом третий, четвёртый, пятый и так далее. Потом надо просто потянуть за жердь, к которой привязана леска, и вот гуси уже на крючке. Как тебе идея?

Мать воскликнула:

— Ты собачатины объелся, вот в голове и помутилось!

Когда стая испуганно взлетела, отец бросился вперёд и чуть было не поймал одного гуся за ноги, но не удержал. На следующий день они пошли с винтовкой и довольно быстро пристрелили трёх гусей, вернулись, ощипали начисто, выпотрошили и сварили. Когда гуси были готовы, они вчетвером уселись вокруг котла и лакомились гусиным мясом, а мать пересказала отцовский способ «выуживания» гусей, и все хором расхохотались. Ночью поднялся ветер, который дул с полей, шелестя гаоляном, в небе кричал одинокий гусь, издалека смутно доносился собачий лай. Мясо гусей имело привкус зелёной травы, оно было жёстким, да и вообще ничего особенного.

Зима миновала, пришла весна. Тёплый юго-восточный ветер дул всю ночь, а на утро на реке Мошуйхэ начал трескаться лёд. На плакучих ивах неожиданно проклюнулись почки размером с рисовые зёрнышки, на персиковых деревьях набухли розовые бутоны, давно уже прилетевшие ласточки парили над речкой и низиной, дикие зайцы спешили найти пару, трава расширяла свои зелёные владения. После нескольких весенних дождей, скорее напоминавших туманы, дедушка с отцом сбросили с себя собачьи шкуры. На чёрной земле дунбэйского Гаоми день и ночь всё росло и шумело.

Дедушке и отцу, у которых за зиму налились мышцы, не сиделось в хибарке. Они бродили по насыпи вдоль Мошуйхэ, ходили туда-сюда по каменному мосту через реку, стояли перед могилами бабушки и бойцов из дедушкиного отряда.

— Пап, давай подадимся в Восьмую армию, — предложил отец.

Дедушка покачал головой.

Солнце ярко светило с самого утра, на небе не было ни облачка, дедушка с отцом стояли перед бабушкиной могилой, не произнося ни слова.

Они увидели, как с северного края насыпи в их сторону с топотом мчатся семь коней, на которых сидят всадники очень странной наружности, с выбритыми над лбом головами, а возглавляет отряд смуглый здоровяк с огромной чёрной родинкой вокруг правого глаза. Это был командир «Железного братства», известного на весь дунбэйский Гаоми, по прозвищу Чёрное Око. Ещё когда дедушка был разбойником, Чёрное Око уже успел прославиться. Тогда пути разбойников и «Железного братства» не пересекались, как говорится, речная вода колодезной не помеха, но дедушка в глубине души презирал Чёрное Око. В начале зимы двадцать девятого года дедушка и Чёрное Око вступили в рукопашный бой в клубах пыли на берегу реки Яньшуй, Солёной реки, но так и не смогли тогда решить, кто же победил.

Семь коней подъехали к бабушкиной могиле. Чёрное Око натянул удила, его скакун

остановился, встряхнул гривой, а потом опустил голову и начал жевать сухую траву на насыпи.

Рука дедушки невольно легла на блестящую рукоять японского пистолета. Чёрное Око, уверенно сидя на коне, воскликнул:

— Никак командир Юй!

Дедушкины руки задрожали.

— Он самый!

Дедушка с вызовом уставился на Чёрное Око, а тот глуповато хохотнул пару раз, спрыгнул с лошади и, стоя на насыпи, сверху вниз посмотрел на бабушкину могилу:

— Померла?

— Померла.

Чёрное Око сердито выругался:

— Твою ж мать, такую хорошую бабу загубил!

Глаза дедушки блеснули недобрым огнём.

— Если б тогда она со мной осталась, то не лежала бы тут, — сказал Чёрное Око.

Дедушка вытащил пистолет и собирался в него выстрелить.

Чёрное Око спокойно сказал:

— Если ты такой храбрый, так за неё отомсти, а если меня прикончишь, значит, кишка-то тонка.

Что такое любовь? У каждого человека найдётся свой ответ. Это дьявольское чувство замучило насмерть бесчисленное количество удальцов и скромных красивых девушек. На основании истории любви моего дедушки, бурной страсти отца и по опыту собственной бледной любовной пустыни я вывел железное правило любви, которое подходит всем трём поколениям нашей семьи. Первый элемент, порождающий любовную лихорадку, — сильнейшая боль: из пронзённого насквозь сердца сочится жидкость наподобие смолы; свежая кровь, что выделяется из-за любовной боли, вытекает из желудка, течёт через тонкий и толстый кишечник, а потом превращается в чёрный, как дёготь, кал и выводится из организма. Второй элемент, порождающий жестокую любовь, — бездушная критика: люди любят друг друга, но при этом с радостью сдирают друг с друга кожу, и биологическую, и психологическую, духовную и материальную, обнажая сосуды, мышцы, пульсирующие внутренние органы, чёрные или красные сердца, а потом любящие кидают сердца друг другу, а они сталкиваются в воздухе и разбиваются вдребезги. Третий элемент, порождающий ледяную любовь, — это долгое молчание: холодность замораживает любящего до состояния эскимо, сначала его выстужают на холодном ветру, потом на снежной равнине, после этого бросают в ледяную речку, затем помещают в современный холодильник и, наконец, вывешивают в морозильной камере, где хранятся свинина и рыба. Поэтому у настоящих влюблённых лицо покрыто инеем, температура тела снижается до двадцати пяти градусов, они могут только клацать зубами, но не в силах говорить — и дело не в том, что они не хотят говорить, просто уже не могут, а другие думают, будто влюблённые притворяются немыми.

Поэтому лихорадочная, жестокая и ледяная любовь — это когда у тебя кровь сочится из желудка, когда с тебя живьём сдирают шкуру, а ты притворяешься немым. Всё это без остановки повторяется по кругу.

Любовь — это процесс превращения свежей крови в кал цвета дёгтя. Она выражается в том, что два окровавленных истерзанных человека лежат рядом. А финал любви — два

эскимо на палочке с вытаращенными светло-серыми глазами.

Когда в одна тысяча девятьсот двадцать третьем году дедушка стащил бабушку с ослика и унёс в объятьях в заросли гаоляна, где уложил на свой соломенный плащ, для них начался трагический этап «выхода крови через желудок». Летом одна тысяча девятьсот двадцать шестого года, когда отцу было два годика, бабушкина служанка Ласка стала третьей в любовном треугольнике, втиснув свои красивые бёдра между дедушкой и бабушкой. Так начался этап «спускания шкуры», а их любовь из жаркого рая превратилась в жестокий ад.

Ласка была моложе бабушки на год, а бабушке весной двадцать шестого года исполнилось девятнадцать. Восемнадцатилетняя Ласка была крепкой, длинноногой, с большими ступнями, на смуглом личике выделялись круглые чёрные глаза, миниатюрный носик и чувственные губы. Винокурня наша тогда процветала, превосходное вино ливнем орошало всю округу, двор и все постройки постоянно окутывал винный дух. За эти годы все в нашем доме — и мужчины, и женщины — научились пить, не пьянея. Не будем говорить про дедушку с бабушкой, но даже тётка Лю, которая до этого до вина и не дотрагивалась, и та могла за раз выпить полцзиня. Ласка сначала пила в компании с бабушкой, а потом уже без вина не могла и дня прожить. Алкоголь делает человека открытым, благородным, он не пасует в момент смертельной опасности и смело смотрит смерти в глаза. А ещё от вина люди отбрасывают все комплексы, опускаются и начинают вести разгульную жизнь. Именно тогда дедушка начал разбойничать, и вовсе не потому, что жаждал обогащения, нет, он хотел жить, мстить, затем мстить за месть, мстить за месть за месть — этот бесконечный круговорот жестокости превращал добрых и слабых простых людей в лихих злодеев, талантливых и смелых разбойников. Дедушка упорно совершенствовал технику «семь выстрелов по лепесткам сливы», убил Пестрошея и его подручных, напугал моего жадного до денег прадедушку так, что того разбил паралич, а потом покинул винокурню, нырнул под густой зелёный шатёр гаоляна и зажил романтичной жизнью разбойника. В дунбэйском Гаоми разбойники никогда не переводились, разбойников порождала местная власть, разбойников порождала бедность, разбойников порождали прелюбодеяние и блуд, наконец, сам разбой порождал разбойников. Героическая история о том, как дедушка приехал на осле с двумя винтовками и убил непревзойдённого Пестрошея вместе со всей его сворой прямо в реке Мошуйхэ, мигом облетела всю округу, и мелкие бандиты переметнулись на сторону дедушки. С одна тысяча девятьсот двадцать пятого по двадцать восьмой год наступила золотая пора в истории разбойников дунбэйского Гаоми, слава деда гремела так далеко, что местные власти содрогнулись.

Главой уезда всё ещё был непостижимый Цао Мэнцзю. Дедушка помнил, как Цао Мэнцзю наказал его подошвой так, что кожа полопалась и обнажилось мясо, и ждал возможности поквитаться. Именно то, что дедушка посмел напрямую противостоять местным чиновникам, и стало основной причиной, почему ему присвоили звание великого разбойника. В начале одна тысяча девятьсот двадцать шестого года дедушка и двое его подручных у уездных ворот выкрали единственного сына Цао Мэнцзю, которому тогда было четырнадцать. Дедушка с маузером в руке тащил под мышкой этого красивого пацанёнка, а тот ревел что есть мочи. Он с самодовольным видом прошёл по мощённой брусчаткой дорожке прямо перед воротами управы, талантливый сыщик Янь Логу преследовал его, но лишь кричал издалека, не осмеливаясь подойти. Солдаты управы принялись стрелять кто во что горазд, но пули пролетали далеко от дедушки. Тогда дедушка остановился, развернулся, приставил дуло к голове пацанёнка и громко рыкнул:

— Янь, катись отсюда и передай этому псу Цао Мэнцзю, чтоб приготовил выкуп в десять тысяч серебряных, сроку даю три дня, потом прикончу его.

Сяо Янь спокойно поинтересовался:

— Лао Юй, а куда деньги нести?

— Встречаемся на середине деревянного моста через Мошуйхэ у дунбэйского Гаоми.

Янь со своими солдатами вернулся в управу.

Когда дедушка вместе с бандой покинул город, мальчишка разрыдался пуще прежнего, громко звал отца с матерью и вырывался изо всех сил. Зубы у него были белые, губы красные, и, хотя лицо скривилось от плача, всё равно он казался милым. Дедушка сказал:

— Ну-ка не реви, я твой названый отец, несу тебя к названой матери.

Мальчик расплакался ещё сильнее, дедушка не выдержал, вытащил маленький блестящий кинжал, помахал у него перед лицом и предупредил:

— Плакать нельзя, а не то отрежу тебе уши!

Мальчик успокоился и с остекленевшими глазами пошёл за разбойниками.

Когда они ушли от уездного города примерно на пять ли, дедушка услышал за спиной стук копыт. Он быстро обернулся и увидел, что над дорогой стоит столбом пыль, и к ним несётся целый табун лошадей под предводительством смельчака Сяо Яня. Дедушка понял, что он в проигрышном положении, и велел двум разбойникам уйти с дороги. Они втроём сбились в кучу, и каждый приставил дуло к голове сына Цао Мэнцзю.

Остановившись на расстоянии полёта стрелы, Сяо Янь развернул коня и въехал на гаоляновое поле. После уборки урожая кое-где осталась стерня, за зиму ветер сдул начисто всю пыль, и теперь поверхность была твёрдой и ровной. Конный отряд вслед за Янем сделал большой круг по полю и объехал дедушку и его людей, затем они снова повернули на дорогу и помчались в направлении дунбэйского Гаоми, подняв облако пыли.

Дедушка остолбенел на секунду, но быстро понял, в чём дело. Он хлопнул себя по ляжке и с досадой воскликнул:

— Твою ж мать, только зря заложника брали!

Два его подручных не могли взять в толк, что происходит, и с глупым видом спросили, куда это ускакал Янь.

Дедушка не ответил, он прицелился по всадникам, но отряд уже был слишком далеко, и ему оставалось целиться лишь в землю, взбитую копытами, да в звонкий цокот подков.

Смышлёный Сяо Янь во главе конного отряда быстро добрался до дунбэйского Гаоми и через всю нашу деревню проскочил прямо к нашему дому, благо знал дорогу. В этот момент дедушка уже нёсся домой, как ветер. Но разве же такие трудности привычны были избалованному отпрыску Цао Мэнцзю, который привык купаться в роскоши. Они пробежали только одно ли, как мальчишка улёгся на землю и не двигался.

Один из разбойников предложил:

— Давай его прикончим, меньше хлопот.

— Сяо Янь наверняка поехал, чтобы забрать моего сына!

Дедушка взвалил наследника Цао на плечо и потихоньку пошёл вперёд. Разбойники начали понукать его, но дедушка осадил их:

— Уже опоздали. Теперь торопиться некуда. Всё будет хорошо, если только этот мелкий ублюдок останется в живых.

Сяо Янь вместе с солдатами из управы ворвался к нам в дом, схватил бабушку и отца, посадили на коней и связали.

Бабушка принялась браниться:

— Ты ослеп, что ли, псина? Я ж названая дочь господина Цао!

— А нам как раз и нужна его названая дочь, — ехидно усмехнулся Сяо Янь.

На полдороги конный отряд Сяо Яня встретился с дедушкой. И тот и другой наставили оружие на заложников и разошлись, едва ли не коснувшись плечами, никто не рискнул делать резких движений.

Дедушка увидел бабушку, сидевшую на коне со связанными руками и отца, которого Янь прижимал к груди.

Когда конный отряд Сяо Яня проезжал мимо дедушки и его людей, лошади ступали легко-легко, на их шеях звенели медные колокольчики, а на лицах всадников застыла лёгкая улыбка, только бабушкино лицо было злым. Увидев на обочине приунывшего дедушку, она громко сказал:

— Чжаньао, ну-ка быстро верни сына моему названому отцу, и тогда нас с Доугуанем отпустят.

Дедушка сильно стиснул руку мальчика. Он понимал, что рано или поздно ребёнка придётся отпустить, но не сейчас.

Обмениваться заложниками стороны условились всё на том же деревянном мосту через Мошуйхэ. Дедушка мобилизовал едва ли не всех местных бандитов, набралось больше двухсот тридцати человек. Они во всеоружии собрались у северной оконечности моста, кто сидел, кто залёг. Река всё ещё была скована льдом, весеннее солнце растопило его лишь по краям, из-за чего образовались две полоски зелёной воды, похожие на бинты. Лёд по центру стал пятнистым, поскольку северный ветер припорошил его слоем чернозёма.

Примерно в обед конный отряд подъехал с южного берега. В центре отряда четверо парней тащили небольшой паланкин, который словно бы плыл, слегка покачиваясь.

Солдаты из управы остановились на южной оконечности моста. Стороны начали переговоры. С дедушкой говорил сам глава уезда Цао Мэнцзю. Он с доброжелательной улыбкой сказал:

— Чжаньао, ты ведь муж моей названой дочери, что ж ты маленького шурина взял в заложники? Ежели тебе денег мало, так скажи мне, я тебе помогу.

— Да не нужны мне деньги, я забыть не могу те триста ударов подошвой.

— Это было недоразумение! Как говорится, не подерёшься — не познакомишься! Ты, дорогой мой зять, уничтожил Пестрошея, это огромная заслуга. Я обязательно сообщу об этом начальству, чтоб тебя вознаградили по заслугам.

Дедушка грубо отрезал:

— Да кто от тебя ждёт награды?

Хоть он так и говорил, но сердце растаяло.

Сяо Янь отдёрнул шторку, и из паланкина медленно вылезла бабушка с отцом на руках.

Бабушка подошла ко входу на мост, но Сяо Янь задержал её и крикнул:

— Лао Юй, подведи сюда сына господина Цао, по команде одновременно отпустим заложников. — И скомандовал: — Отпускаем!

Сын Цао Мэнцзю помчался с криком «Папа!» к южной оконечности моста, а бабушка с отцом на руках медленно двинулась ему навстречу.

Дедушкины разбойники держали в руках пистолеты, а солдаты управы — винтовки.

Бабушка и мальчик встретились посередине деревянного моста. Бабушка нагнулась, хотела что-то ему сказать, но ребёнок с плачем обогнул бабушку и понёсся к южной

оконечности моста.

Во время обмена заложниками, скорее похожего на игру, у Цао Мэнцзю внезапно созрел хитрый план, похожий на одну из стратагем в романе «Троецарствие»,[115] и этот план жестоко покончил с золотым веком разбойников в дунбэйском Гаоми.

В том же году в третьем лунном месяце скончалась от болезни моя прабабушка. Бабушка с отцом на руках оседлала чёрного мула и поехала в родительский дом заниматься похоронами. Изначально она планировала через три дня вернуться, но кто же знал, что природа как нарочно взбунтуется и на второй день после её отъезда сплошной стеной польёт дождь и земля с небом сольются воедино. Дедушка и другие разбойники не могли больше жить в гаоляне и вернулись по домам. В такую погоду даже ласточки прятались в своих гнёздах и сонно щебетали оттуда. Солдаты управы тоже не собирались никуда выдвигаться, тем более что после того странного обмена заложниками весной между главой уезда Цао Мэнцзю и дедушкой вроде как было достигнуто молчаливое соглашение, и между солдатами и бандитами в Гаоми воцарился мир. Разбойники вернулись домой, запихали оружие под подушки и целыми днями сладко спали.

Дедушка накинул соломенный плащ, вернулся домой и от Ласки узнал, что бабушка поехала в родительский дом на похороны. Он вспомнил, как несколько лет назад верхом на чёрном муле поехал стращать старого скрягу, и невольно рассмеялся. Бабушка тогда решила навсегда прекратить общение с прадедом и прабабкой из-за их многочисленных злодеяний, но не знала, что через несколько лет под дождём поспешит на похороны матери, однако, как говориться, «сильный ветер подолгу не дует, а родственники друг на друга подолгу не дуются».

Шум дождя за окном напоминал плеск прибоя, вода с крыши лилась сплошным потоком. Во дворе образовалась мутная лужа глубиной по пояс. Земля разбухла так сильно, что стена в нашем дворе обрушилась, при этом брызги взметнулись вверх почти на чжан. Теперь из окна комнаты открывался вид на серо-зелёное поле. Дедушка лежал или сидел на кане, и ему всегда было видно безбрежное гаоляновое море, низкие облака дремали на гаоляновых волнах, шум которых не прекращался ни на минуту. Комнату заполнили густые запахи земли и свежей травы, которые смешивались друг с другом. От дождя у дедушки на сердце сделалось тревожно, он пил вино и спал, спал и пил вино, уже не различая ночи и дня. Небо и земля погрузились во мрак. Второй чёрный мул оборвал верёвку, выбежал из сарая на восточном дворе, встал перед бабушкиным окном и не двигался. Дедушка воспалёнными от гаолянового вина глазами смотрел на туповатого мула, и мурашки словно настоящие муравьи расползались по телу. Дождь стрелами бил по спине мула, вода стекала по тёмной шкуре, собиралась под животом и капала в лужу на земле. Неспокойная поверхность воды пульсировала, подпрыгивая, как бобы на сковороде, мул не двигался, лишь время от времени таращил глаза размером с куриное яйцо, а потом снова закрывал их. Дедушка ощутил зуд, какого отродясь не испытывал. Он скинул с себя куртку и штаны, оставшись только в исподнем, и начал скрести чёрные кучерявые волосы на груди и ногах, но зуд становился всё сильнее. Кан весь пропах солоноватым женским запахом. Дедушка швырнул чашку из-под вина на кан и разбил её, с прилавка сиганула вниз небольшая крыса, насмешливо глянула на дедушку, проворно запрыгнула на подоконник, встала на задние лапки, подняла передние и поводила острой мордочкой. Дедушка поднял пистолет, грянул выстрел, и крыса исчезла за окном.

Вбежала Ласка с чёрными распущенными волосами, посмотрела на дедушку, который сидел на кане, обхватив колени руками, ничего не стала говорить, подобрала осколки чашки и собралась уходить.

Тут в горло дедушки ударил горячий воздух, он пришёл в себя и через силу проговорил:

— Ну-ка… стой…

Ласка повернулась, закусив белоснежными зубами пухлую губу, и кокетливо улыбнулась. В тёмной комнате словно бы блеснул золотой луч, а дождь за окном перегородила зелёная стена. Дедушка смотрел на распущенные волосы Ласки, на маленькие полупрозрачные ушки, на налитые груди.

— А ты выросла. — Уголки губ девушки слегка дёрнулись, появились две хитрые морщинки. — Что делала?

— Спала! — зевнула Ласка. — Сколько ещё будет лить этот чёртов дождь, небось у Небесной речки[116] дно пробито.

— Доугуань с матерью из-за дождя застряли. Она ж говорила, что через три дня вернётся? Старуха уж, наверное, сгнила там.

— От меня ещё что-то нужно?

Дедушка опустил голову, подумал немного и ответил:

— Нет.

Ласка снова закусила губу, вильнула задом и ушла.

Комната снова погрузилась во мрак. Серая пелена дождя за окном стала ещё плотнее. Чёрный мул так и сто ял, его копыта покрывала вода. Дедушка увидел, как мул бьёт хвостом, а на бедре у него сводит судорогой длинную мышцу.

Ласка снова вошла, оперлась о дверной косяк, затуманенным взором глядя на дедушку. Её всегда ясные, словно прозрачная вода, глаза словно бы заволокло синей дымкой.

Стук дождя отступил и раздавался где-то далеко, дедушка ощутил, что у него вспотели ступни и ладони.

— Чего ты хотела?

Ласка закусила губу и усмехнулась. Дедушка увидел, как комнату снова залил золотой свет.

— Хочешь выпить? — спросила Ласка.

— А ты со мной выпьешь за компанию?

— Да.

Ласка принесла бутылку вина и нарезала солёные яйца.

Стук дождя за окном напоминал гром, от чёрного мула, как от тёмного камня, тянуло холодом, холод просочился в комнату, окутал дедушкино обнажённое тело, и его невольно пробила дрожь.

— Холодно? — презрительно спросила Ласка.

— Жарко! — рассердился дедушка.

Ласка налила две чашки вина и одну передала дедушке, а вторую подняла сама, и чашки слегка стукнулись краями. Потом две пустых чашки упали на кан, а дедушка и Ласка смотрели друг другу в глаза.

Дедушка увидел, что в комнате повсюду полыхают золотые языки пламени, а среди них трепещут два маленьких синих язычка. Золотые языки пламени обжигали его тело, а синие — душу…

— Благородному мужу и через десять лет поквитаться не поздно! — холодно сказал дедушка, засовывая пистолет в кобуру.

Чёрное Око, который стоял на насыпи, гордо расправив плечи, спустился к бабушкиной могиле, обошёл её, поддел носком ноги ком земли и вздохнул:

— Эх, человек живёт свой век, как травинка — одну осень. Лао Юй, наше братство собирается бороться с японцами, вступай в наши ряды.

— Присоединиться к тем, кто подделывается под духов, а заигрывает с демонами? — скривился дедушка.

— Ты, мать твою, нос-то не задирай. Да, нашему братству помогают духи, мы действуем по законам Неба и по воле народа, и для тебя великая честь, что мы тебя приютим. — Чёрное Око пнул по бабушкиной могильной насыпи. — Я тебя зову только ради неё.

— А мне твоя милость не нужна. Когда уже мы с тобой разберёмся, кто есть кто? Ты не думай, что с тем делом всё покончено!

— Думаешь, я тебя боюсь? — Чёрное Око похлопал по пистолету на поясе. — Я тоже выучился стрелять.

Тут с дамбы спустился ещё один член «Железного братства», молодой парень с тонкими бровями. Он схватил дедушку за руку и начал с пафосом уговаривать:

— Командир Юй, братьям знакомо твоё героическое имя, все ждут, чтобы ты вступил в наши ряды. Когда страна разваливается на части, на каждом лежит ответственность. Ради победы над Японией нужно забыть прошлый раздоры и личную вражду. Вот победим японцев, тогда и посмотрим.

Дедушка с любопытством разглядывал парня. Он вспомнил своего адъютанта Жэня, юного героя, который так глупо погиб, когда чистил пистолет, и спросил:

— Ты что, коммунист?

Парень ответил:

— Нет, не из коммунистов и не из гоминьдановцев. Ненавижу и тех и других.

— Молодец!

— Моё прозвище Пятый Заваруха.

Дедушка похлопал его по руке.

— Будем знакомы.

Отец стоял рядом с дедушкой и не шевелился. Он с интересом разглядывал головы членов «Железного братства», их отличительным знаком были выбритые черепа над лбами, и отец не понимал, зачем они так делают.

6

Ласка и дедушка неистово любили друг друга три дня и три ночи, её и без того пухлые губы совсем отекли, из них сочились тонкие ниточки крови, которые попадали в рот и затекали между зубами. Когда дедушка целовал Ласку, то всегда ощущал сводивший с ума привкус крови. Три дня и три ночи дождь лил как из ведра, но, когда в комнате рассеивался золотистый и лазурно-голубой цвет, дедушка сразу слышал шелест серо-зелёного гаоляна, доносившийся с полей, крики жаб из воды и писк диких зайцев. В холодном воздухе смешалось множество разных запахов, но сильнее остальных выделялся запах чёрного мула. Он так и стоял там и уже увяз в земле на половину чи. Когда дедушка чуял его запах, то всегда ощущал, что от мула исходит огромная угроза, и подумывал даже при случае взять маузер и размозжить мулу его плоскую, словно доска, голову. Много раз дедушка даже брался за пистолет, но всякий раз в этот момент в комнате начинали ярко полыхать золотистые языки пламени.

На четвёртый день рано утром дедушка открыл глаза и обнаружил, что лежавшая рядом с ним Ласка совсем похудела, под глазами залегли чёрно-фиолетовые тени, пухлые губы потрескались и были покрыты чешуйками сухой белой кожи. Тут он услышал, как в деревне с грохотом падают дома. Он наспех оделся и, шатаясь, слез с кана, но вдруг ни с того ни с сего перекувырнулся и упал ничком. Растянувшись на полу, дедушка почувствовал, что живот урчит от голода, насилу поднялся и что есть мочи закричал, зовя тётку Лю, однако ответа не последовало. Он всем телом навалился и открыл дверь комнатки, где жили тётка Лю и Ласка, поднял глаза и увидел, что на кане сидит изумрудно-зелёная лягушка, а тётки Лю и след простыл. Дедушка вернулся в комнату, за окном которой стоял чёрный мул, подобрал несколько раздавленных солёных яиц и съел вместе со скорлупой. Однако от солёных яиц аппетит разыгрался пуще прежнего, дедушка бросился на кухню, обыскал там все шкафы и за один присест съел четыре пампушки, покрытых зелёными ворсинками плесени, девять солёных яиц, два куска вонючего доуфу,[117] три луковицы с засохшими перьями и, наконец, запил всё это ложкой арахисового масла.

Солнце вставало из-за гаолянового поля, как кровавое пятно. Ласка всё ещё сладко спала. Дедушка смотрел на её лоснящееся, как у чёрного мула, тело, и перед глазами снова с треском рассыпались золотистые искры, но солнечный свет за окном поглотил их. Дедушка ткнул Ласку в живот пистолетом. Ласка открыла глаза и усмехнулась, а в глазах плясали синие языки пламени. Дедушка, спотыкаясь, выбежал во двор, и увидел огромное круглое солнце, какого уже давно не было. Оно было влажным, будто новорождённый младенец в крови, и вокруг дедушки лужи окрасились в красный цвет, вода с плеском потекла на поля, гаолян уже наполовину размок, как тростник в озере.

Потихоньку вода во дворе обмелела, и наконец показалась рыхлая от влаги земля. Стена между восточным и западным двором тоже рухнула. Дядя Лохань, тётка Лю и все работники винокурни выбежали посмотреть на солнце. Дедушка увидел, что у них на руках и лицах следы зелёной патины от медных монет.

— Вы что, играли три дня и три ночи? — спросил дедушка.

— Да, — кивнул дядя Лохань.

— Мул увяз рядом с прошлогодним погребом. Найдите верёвку и жердины, вытащите его.

Работники винокурни пропустили у мула под животом две верёвки, завязали на спине двумя узлами, через которые продели жердины. После чего больше десятка работников с криками налегли и выдернули копыта мула из земли, словно морковку.

После дождя небо прояснилось, дождевая вода быстро просочилась под землю, а верхний слой земли раскис, превратившись в блестящую глину, напоминавшую жир. Бабушка верхом на муле, прижимая к груди отца, приехала из раскисшего гаолянового поля домой. Копыта и брюхо мула были забрызганы грязью. Как только чёрные мулы, разлучённые на несколько дней, почувствовали запах друг друга, то начали бить копытами и громко ржать, а когда их привязали у кормушки, то они норовили ещё и по-дружески кусаться.

Дедушка смущённо вышел навстречу бабушке и забрал у неё отца. Глаза у бабушки покраснели и опухли, от её тела исходил неприятный запах плесени.

— Ты обо всём позаботилась?

— Только сегодня утром похоронили. Если бы дождь шёл ещё пару дней, то уже черви бы завелись.

— Ох уж этот дождь. И впрямь, будто кто дно у Небесной реки пробил. — Дедушка держал на руках отца. — Поздоровайся с названым отцом, Доугуань!

— Всё-то у тебя «названый отец» да «названый отец», — проворчала бабушка. — Подержи его, я пойду переоденусь.

Дедушка с отцом на руках прошёлся по дворику, показал ему на четыре глубоких рытвины от копыт мула:

— Доугуань, малыш, смотри, тут у нас мул увяз в земле и простоял так три дня и три ночи.

Вышла Ласка с медным тазом, чтоб набрать воды. Она, глядя на дедушку, закусила губу и скривила рот. Дедушка с пониманием усмехнулся, а Ласка состроила недовольную мину.

Дедушка тихонько спросил:

— Ты чего?

— Всё этот проклятый дождь виноват, — со злостью ответила Ласка.

Когда Ласка занесла в дом воду, дедушка услышал, как бабушка допрашивает её:

— Что ты ему сказала?

— Ничего!

— Жалуешься на проклятый дождь?

— Нет, нет, проклятый дождь наверняка шёл потому, что дно у Небесной реки пробили.

Бабушка хмыкнула, и дедушка услышал плеск воды в тазу.

Когда Ласка вышла вылить воду, дедушка увидел, что её лицо приобрело фиолетовый оттенок, а взгляд погас.

Через три дня бабушка сообщила, что поедет сжигать ритуальные деньги на могиле прабабушки. Она взяла на руки отца, села на чёрного мула и сказала Ласке:

— Сегодня не вернусь.

В ту ночь тётка Лю снова пошла на восточный двор играть в азартные игры с работниками винокурни, а в бабушкиной комнате опять запылали золотые языки пламени.

Звёздной ночью бабушка поспешила вернуться домой. Она под окном подслушала, что происходит в комнате, а потом разразилась бранью.

Бабушка расцарапала Ласке всё лицо до крови и влепила дедушке оплеуху по левой щеке. Дедушка рассмеялся. Бабушка снова замахнулась, но рядом с дедушкиной щекой рука

вдруг замерла и обессиленно чиркнула дедушку по плечу. Зато дедушка одним ударом сбил бабушку с ног.

Она во весь голос разрыдалась.

Дедушка забрал Ласку с собой и ушёл.

7

Члены «Железного братства» освободили одного из коней и велели дедушке и отцу сесть на него. Чёрное Око, подгоняя своего скакуна, мчался впереди всех, а красноречивый Пятый Заваруха, одинаково ненавидевший и КПК и Гоминьдан, неспешно ехал вместе с дедушкой. Его пегий конь был совсем ещё молодым, глядя на пятерых собратьев, несущихся впереди, он взволнованно мотал головой, хотел нагнать остальных, но хозяин без конца натягивал поводья, обуздывая его желание лететь. Пегий жеребчик обиделся и куснул вороного коня, на котором сидел дедушка, выплёскивая тем самым недовольство хозяином. Вороной лягнул пегого в знак протеста. Дедушка придержал своего коня, пропуская пегого вперёд, а когда расстояние между ними увеличилось до нескольких метров, поехал в хвосте за Заварухой. Тёплая серо-синяя Мошуйхэ весело пела, влажный воздух, поднимавшийся над водой, перемещался в поля за насыпью. Из-за военных действий поля так и не убирали, поэтому на них проступал коричнево-жёлтый цвет хаоса и упадка, сухие стебли прошлогоднего гаоляна в основном так и остались лежать на земле, время от времени попадались стоявшие в растерянности одинокие крестьяне. Те, кто поумнее, подожгли на своих участках стерню, сухие гаоляновые стебли с треском горели, превращаясь в пепел и возвращаясь в породившую их чёрную землю.

Костры на бескрайних полях по обе стороны реки трепетали, как обрывки тёмно-красной ткани, тёмный дым струился под чистым, словно лёд, небом. Удушливый запах горелого гаоляна забивал нос и горло. Пятый Заваруха, который не переставал разглагольствовать, повернулся в седле и сказал дедушке:

— Командир Юй, я тут уже полдня болтаю, а так и не услышал твоих соображений.

Дедушка горько усмехнулся:

— Да я ведь даже двух сотен иероглифов не знаю, зато мастер убивать да пожары устраивать. Лучше уж зарежьте, чем слушать все эти разговоры про государство да про партии.

— А как считаешь, когда японцев выгоним, кому должна достаться Поднебесная?

— Это меня не касается, моё у меня всё равно никто оттяпать не рискнёт!

— А если власть достанется коммунистам?

Дедушка заткнул одну ноздрю и высморкался.

— Тогда пусть правит Гоминьдан?

— Эти недоноски?!

— Так и есть. Гоминьдановцы двуличные, коммуняки хитрые. Всё-таки Китаю нужен император. Я ещё с детства в «Троецарствии» и «Речных заводях»[118] вычитал одну умную мысль: сколько бы ни длилась борьба, давно разделившийся должен воссоединиться, давно воссоединившийся должен разделиться, но Поднебесная всё равно должна остаться в руках императора. Государство — это семья императора, семья — это государство императора, только так можно править, отдавая все моральные силы. Когда у власти какая-то партия, то все только и знают, что языками трепать, каждый перетягивает одеяло на себя, в итоге полный беспорядок.

Пятый Заваруха остановил коня, подождал дедушку, а потом наклонился к нему и сказал заговорщицким тоном:

— Командир Юй, я с детства не раз перечитывал «Троецарствие» и «Речные заводи»,

хорошо разбираюсь в стратагемах. Желчный пузырь у меня величиной с куриное яйцо,[119] однако пока я не нашёл себе начальника, которому служил бы верой и правдой. Я-то думал, что Чёрное Око — герой-удалец. Ради него я покинул свой дом и вступил в ряды его братства в надежде геройскими поступками прославить свой род. Кто же знал, что Чёрное Око тупой, как свинья, и бестолковый, как бык. Ни тебе смелости, ни тактики. Только и думает, как ему сохранить клочок земли на реке Яньшуйхэ. В древности говорили: «птица выбирает себе хорошее дерево, а добрый конь начинает ржать при виде Бо Лэ».[120] Я тут поразмыслил и понял, что во всём огромном дунбэйском Гаоми есть только один великий герой — командир Юй. Поэтому я подговорил несколько десятков братьев, чтоб они подняли шум и вынудили Чёрное Око зазвать тебя в наши ряды. Эта тактика называется «заманить тигра в зал». В нашем братстве ты подобно вану Гоуцзяню станешь «почивать на хворосте и вкушать желчь»,[121] завоюешь симпатию и авторитет у остальных, затем младший брат найдёт лазейку, чтобы избавиться от Чёрного Ока, поставим тебя главным, наведём порядок и дисциплину, расширим отряд, сначала займём дунбэйский Гаоми, а потом двинемся на север, займём Пинду, Цзяо и объединим три этих района. Можно будет основать столицу в устье реки Яньшуйхэ, вывесить там знамя «Железного братства», ты будешь нашим правителем. Мы разошлём конницу в три стороны: первый отряд отправится завоёвывать уезд Цзяо, второй — завоёвывать Гаоми, а третий — Пинду. Уничтожим коммунистов, Гоминьдан и японских чертей, а когда все три города окажутся в наших руках, считай, в Поднебесной установилась наша власть!

Дедушка чуть было не свалился с коня. Он удивлённо смотрел на этого молодого, красивого, умного парня, и от волнения грудь сдавило так, что даже стало больно. Он остановил коня и дождался, пока перед глазами перестанут мельтешить чёрные точки. Ему хотелось скатиться с седла, встать на колени и поклониться, но он счёл это неподобающим, протянул руку, схватил влажную от пота ладонь Пятого Заварухи и сказал, стуча зубами:

— Что ж мы раньше не встретились, почему так поздно?!

— Господин,[122] не нужно излишних церемоний, давайте держаться одних помыслов и одних моральных устоев и сообща замышлять великое дело! — воскликнул Пятый Заваруха со слезами на глазах.

Чёрное Око, который оторвался от них на одно ли, остановил коня и крикнул:

— Ну, едете или нет?

Пятый Заваруха, сложив руки рупором, прокричал в ответ:

— Едем! У Лао Юя подпруга порвалась, как раз чиним!

Они услышали, как Чёрное Око выругался, и увидели, как он ударил по крупу своего коня плетью и тот, подскакивая, как огромный кролик, помчался вперёд.

Пятый Заваруха, глядя на моего отца, который сидел на коне с блестящими глазами, сказал:

— Юй-младший, то, про что я сегодня говорил с твоим отцом, — дело особой важности, никто не должен узнать об этом!

Отец энергично покивал головой.

Пятый Заваруха отпустил натянутый повод, и пегий жеребчик распушил хвост и помчался вперёд, а комья земли из-под его копыт полетели в речку.

Дедушка ощутил такую завершённость и ясность, каких доселе не испытывал. Слова Пятого Заварухи будто бы протёрли его сердце, пока оно не заблестело, как зеркало. Счастье

от того, что он наконец осознал цель борьбы и предвидел грядущие великие свершения, волнами поднималось в душе. Он пошевелил губами и произнёс короткую фразу, которую не расслышал даже сидевший перед ним отец:

— Воля Неба!

Кони то неслись, то замедляли шаг. В полдень они спустились с насыпи к Мошуйхэ, а после обеда река уже осталась позади. Вечером дедушка, сидя верхом, увидел вдалеке речку Яньшуйхэ, что была наполовину уже Мошуйхэ и петляла среди солончаков. Её серая поверхность напоминала матовое стекло, на котором поблёскивали размытые пятна света.

8

История о том, как глава уезда Цао Мэнцзю прибегнул к хитрому плану, чтобы очистить дунбэйский Гаоми от разбойников во главе с моим дедушкой, произошла поздней осенью одна тысяча девятьсот двадцать восьмого года. Когда дедушка был в диких горах острова Хоккайдо, он снова и снова воскрешал в памяти те трагичные события. Вспоминал, как трясся по ухабистым дорогам дунбэйского Гаоми в чёрном «шевроле» — каким же он тогда был самодовольным и бесподобно невежественным. Дедушка подумал, что сыграл роль птички-манка и заманил в ловушку восемьсот героев. Когда он вспоминал, как этих восемь сотен бойцов изрешетили пулемёты у пересохшей реки за пределами Цзинаньской[123] управы, у него холодели руки и ноги. Когда, набросив на плечи рваный холщовый мешок, он драной сеткой ловил в мелководной речке рыбу и видел в бухте, изогнутой в форме полумесяца, серо-синие волны, догонявшие друг дружку и напоминавшие гребни рисовых полей, то вспоминал реки Мошуйхэ и Яньшуйхэ в родном краю. А поджигая сучья, чтобы поджарить толстолобика, водившегося в этой реке на Хоккайдо, он размышлял о том, как его страшная ошибка унесла жизни восьмисот храбрецов…

Перед рассветом дедушка закинул ногу на глинобитную стену полицейского участка при Цзинаньской управе, вкарабкался наверх и оттуда съехал на кучу травы и обрезков бумаги, спугнув шаставших там двух диких котов. Он проскользнул в один из дворов, где обменял чёрную военную форму на лохмотья, после чего смешался с толпой на городских улицах и наблюдал, как его земляков и товарищей по одному заводят в крытые вагоны. На станции стояли в огромном количестве часовые, витал мрачный дух смерти, над крытым грузовым вагоном клубился тёмный дым, а из трубы паровоза со свистом вылетал фонтан пара…

Дедушка пошёл по ржавым рельсам на юг и шёл весь день и всю ночь, а на рассвете около пересохшей речки унюхал густой запах крови. Он ступил на обрушенный деревянный мост и увидел, что серый бутовый камень под ним весь покрыт свежей кровью и мозгами. Более восьмисот тел разбойников из дунбэйского Гаоми лежали вповалку, занимая половину русла реки… Дедушка испытал ни с чем не сравнимый стыд, ужас и ненависть. Ему опостылела жизнь, в которой приходилось крутиться как в колесе: или ты убьёшь, или тебя убьют, или ты сожрёшь кого-то, или тебя сожрут. Вспомнилась спокойная деревня: над домами струится дым от очагов, скрипящие колодезные журавли поднимают прозрачную воду, ослёнок с пушистой фиолетовой шерстью тянется губами к краю ведра, чтобы напиться, а огненно-красный петух стоит на земляном валу, поросшем кустами ююбы, и поёт во весь голос, приветствуя яркий рассвет… Дедушка решил вернуться домой. Всю жизнь с самого рождения он кружил в пределах дунбэйского Гаоми и впервые оказался так далеко от родных мест — казалось, что его дом где-то за краем неба. Их привезли в Цзинань на поезде, и дедушка запомнил, что голова поезда всё время была устремлена на запад, а значит, сейчас нужно было просто идти вдоль рельсов на восток и не волноваться, что не доберёшься до уезда Гаоми. Дедушка пошёл вдоль путей, иногда ему казалось, что рельсы идут в каком-то другом направлении, он мялся в нерешительности, но быстро трезво оценивал обстановку. Он подумал: раз уж великая река Янцзы и та делает поворот, то уже построенная человеком железная дорога тем более может повернуть. Время от времени ему попадались кобели, которые мочились, подняв заднюю лапу, и сучки, справлявшие малую

нужду, присевши. Когда мимо пролетали тёмные поезда, дедушка ложился ничком в придорожной канаве или прятался в поле, глядя, как мимо него проносятся, подрагивая, красные или чёрные колёса. Пронзительный гудок обретал свою форму, проходя через скрученные листья посевов и поднятую пыль. Когда поезд уносился прочь, рельсы с болью восстанавливали обычный вид, становились чёрными и блестящими, словно бы из чувства противоречия: они не могли примириться с давлением, но не в силах были его избежать. Из пассажирских вагонов стекали китайские и японские экскременты, испуская одинаковый смрад. Пространство между шпалами было усыпано скорлупками от арахиса, лузгой тыквенных семечек и обрывками бумаги. Когда попадались деревни, дедушка просил поесть, а воду пил из речек. День и ночь он шёл на восток и через полмесяца увидел две знакомые сторожевые башни на вокзале Гаоми. Местная знать с почётом провожала бывшего главу уезда Цао Мэнцзю, которого повысили до начальника полицейского управления всей провинции Шаньдун. Дедушка протянул руку и пошарил у себя за пазухой, но там было пусто, и тогда он рухнул на землю и долго-долго лежал так, ничком, пока не ощутил, что у земли во рту привкус крови…

После долгих размышлений дедушка всё же решил не идти к бабушке с отцом, хотя в своих холодных снах часто видел бабушкино белоснежное тело и странную наивную улыбку отца. Когда он просыпался, перепачканное лицо было мокрым от горячих слёз, а сердце сжималось будто от удара кулаком. Глядя на рассыпанные по всему небу звёзды, он с особой силой чувствовал, как сильно тоскует по жене и сыну. Однако в самый решающий момент, уже стоя на знакомой околице и вдыхая родной запах винной барды, разливавшийся в тёмной ночи, засомневался. Те полторы оплеухи, что отвесила ему бабушка, разделили их словно бессердечная река. Бабушка тогда обзывала его похотливым ослом и хряком. Она бранилась с бешеным выражением лица, уперев руки в бока, сгорбив спину и вытянув шею, а изо рта у неё текла алая кровь… От этого отвратительного образа на душе стало муторно. Дедушка подумал, что прожил столько лет, но никогда ещё ни одна женщина его так не распекала, а уж тем более не давала пощёчин. Вступив в тайную связь с Лаской, он испытывал в глубине души стыд, но после этой брани и оплеух стыд испарился, и злопамятность заняла место возможной самокритики в его сердце. С осознанием собственной правоты он ушёл, забрав с собой Ласку, и перебрался в Сяньцзя в пятнадцати ли от родной деревни. Он приобрёл там дом, но вскоре понял, что новая жизнь ему не по вкусу. Узнавая недостатки Ласки, он обнаруживал достоинства бабушки… Сейчас, когда он спасся от неминуемой гибели, ноги сами принесли его сюда. Дедушка вдыхал знакомый запах, и душу его охватила печаль. Ему хотелось, невзирая ни на что, ворваться в наш двор, полный безобразных и прекрасных воспоминаний, и вернуть былое счастье, но дорогу преграждали брань да уродливый образ жены с вытянутой шеей и сгорбленной спиной.

Глубокой ночью дедушка доволок своё измождённое тело до Сяньцзя. Стоя перед купленным два года назад домом, он увидел, как высоко висит на юго-западной стороне неба месяц. Небо было серебристо-серым, а месяц оранжевым, ущербным, однако контур ущербной части чётко просматривался. Рядом с месяцем были хаотично рассеяны с десяток одиноких звёзд. Над домом и улицей разливался лунный свет и холодный блеск звёзд. Перед глазами дедушки возник образ смуглого, крепкого и длинного тела Ласки. Дедушка вспомнил золотистые языки пламени, окружавшие её тело, и синие искры, что сыпались из глаз. Похотливые мысли заставили позабыть о душевных терзаниях и телесных страданиях, дедушка закинул ногу на стену и запрыгнул во двор.

Дедушка постучал в оконную раму и, обуздав страсть, тихонько позвал:

— Ласка… Ласка…

Внутри кто-то ахнул, потом задрожал со страху, а потом раздались судорожные всхлипывания.

— Ласка, ты что, не слышишь, что это я? Юй Чжаньао!

— Братец! Родненький! Ты меня хоть путай, да я не испугаюсь. Пусть ты даже духом стал, всё равно хочу тебя увидеть! Я знаю, что ты обратился в духа, но рада, что и в таком обличье пришёл повидаться… Значит, всё-таки скучал… Входи!

— Ласка, я не дух! Я живой! Я живой и сбежал! — Он кулаком постучал по окну. — Вот послушай, разве духи умеют стучать в окна?

Ласка в доме громко разрыдалась.

— Не плачь, а то люди услышат.

Дедушка подошёл к двери и ещё не успел переступить порог, как обнажённая Ласка, словно гигантская щука, прыгнула ему на грудь.

Дедушка лежал на кане и разглядывал потолок. Два месяца он даже за порог не выходил, Ласка каждый день подслушивала на улицах, что говорят про разбойников из дунбэйского Гаоми, а потом передавала ему, поэтому каждый день он погружался в воспоминания об этой ужасной трагедии. Когда дело доходило до каких-то подробностей, дедушка от злости скрежетал зубами. Он подумал, что всю жизнь отстреливал диких гусей, и тут вдруг один гусак выклевал ему глаза. Сколько у него было возможностей лишить жизни старого пса Цао Мэнцзю, но в итоге он всегда его жалел. Тут мысли переключались на бабушку. Одна из главных причин, по которой дедушка остался в дураках, — наполовину реальные, наполовину фальшивые взаимоотношения названой дочери и названого отца между бабушкой и главой уезда. Дедушка ненавидел Цао Мэнцзю, а потому возненавидел и бабушку. Возможно, она уже давно вступила в сговор с Цао, и они вместе поставили на него капкан. А масла в огонь подлила Ласка, которая сообщила:

— Братец, ты её забыть не можешь, а она тебя давно позабыла. Когда тебя увезли на поезде, она ушла с главой «Железного братства» по прозвищу Чёрное Око и живёт в устье реки Яньшуйхэ уже несколько месяцев, до сих пор не вернулась.

Говоря это, Ласка гладила дедушку по рёбрам. Глядя на её ненасытное смуглое тело, дедушка испытал смутное отвращение. Он вспомнил о белоснежном теле бабушки, о том удушливом дне, когда он на руках отнёс её в тень гаоляна и уложил на соломенный плащ.

Дедушка сел и спросил:

— А пистолет мой ещё цел?

Ласка в ужасе прижалась к дедушкиной руке.

— Ты что удумал?

— Убью этих недоносков!

— Чжаньао, братец, хватит тебе уже людей убивать. Сколько ты народу прикончил за свою жизнь!

Дедушка ударил Ласку ногой в живот:

— Поменьше болтай да тащи сюда пистолет!

Ласка обиженно всхлипнула, распорола шов на подушке и достала пистолет.

Дедушка и отец на вороном коне ехали вслед за Пятым Заварухой из «Железного братства», в душе великим стратегом. Они скакали полдня, пока не увидели тёмные воды реки Яньшуйхэ и белые солончаки на обоих берегах. Хотя волнение, вызванное речами

Пятого Заварухи, ещё не улеглось, дедушка всё равно вспомнил тогдашний поединок с Чёрным Оком на берегу Яньшуйхэ…

Спрятав пистолет, дедушка сел верхом на осла и доехал до устья реки Яньшуйхэ, пока солнце не поднялось высоко. Он привязал осла к дереву за деревней, чтобы тот обгрызал кору, натянул по самые брови старую войлочную шапку и широкой походкой вошёл в деревню. Деревня была большой, но дедушка не спрашивал дорогу, а сразу направился к ряду высоких домов, крытых черепицей, в самом центре селения. Стояла глубокая осень, подступала зима, несколько десятков каштанов, ещё не скинувших усталые пожухлые листья, трепетали на ветру. Ветер был не сильным, но пронзительным. Дедушка проскользнул в большой двор, где ещё не закончилось собрание членов «Железного братства». В большой зале, вымощенном квадратной плиткой, на стене висела серо-жёлтая картина, на которой был изображён странный старец верхом на хищном полосатом тигре. Под картиной были расставлены разные диковинные предметы (только потом дедушка рассмотрел, что это была лапа обезьяны, череп петуха, высушенная печень свиньи, кошачья голова и копыто мула), в клубах дыма от курильницы на толстом железном листе сидел человек с родимым пятном вокруг глаза. Левой рукой он тёр выбритый над лбом череп, а правой прикрывал промежуток между ягодицами и громким звонким голосом читал заговор:

— Железная голова, железные плечи, железная душа, железные мышцы, железные кости, железное сердце, железная печень, железные лёгкие, рис перед алтарём превращается в железный частокол, железный нож, железный пистолет ничего не могут сделать с железным телом. О покровитель на тигре, скорее дай нам наказ…

Дедушка понял, что перед ним известный на весь дунбэйский Гаоми Чёрное Око, наполовину человек, наполовину оборотень.

Чёрное Око дочитал заговор, торопливо встал, трижды поклонился Великому учителю с железным телом верхом на тигре, а потом снова уселся на железный лист и стиснул кулаки так, что все ногти были внутри кулака. Он кивнул другим членам братства, сидевшим в зале, и те принялись левой рукой натирать бритые головы, прикрывая правой промежуток между ягодицами, и с закрытыми глазами хором громко читали тот же заговор. Их крики были звучными, словно песня, и занимательными, дедушка почувствовал, будто в зале парят духи, а огонь гнева в душе угас наполовину. Дедушка сначала планировал просто застрелить Чёрное Око, но теперь к ненависти примешивалась толика благоговейного трепета.

Члены братства хором прочитали заговор, все вместе поклонились старцу на тигре, а потом встали, разделились на две колонны и повернулись лицом к Чёрному Оку. Перед ним стоял большой чан цвета соевой подливы, внутри него размокало гаоляновое зерно. Дедушка давно уже слышал, что члены «Железного братства» едят гаолян сырым, а сейчас наконец увидел это воочию. Каждый член братства получал у Чёрного Ока плошку сырого гаоляна, с урчанием заглатывал его, а потом подходил к столику с жертвоприношениями, брал по очереди лапу обезьяны, копыто мула и петушиный череп и натирал лысину.

Когда церемония подошла к концу, к белому цвету солнца уже примешивался красный. Дедушка прицелился в картину, выстрелил и пробил дырку на лице старика, сидевшего верхом на тигре. Стройные колонны рассыпались, через миг члены братства очнулись, кинулись к дедушке и окружили его со всех сторон.

— Ты кто такой? Смелый, как грабитель! — громко принялся браниться Чёрное Око.

Дедушка отошёл к стене, дымящимся стволом пистолета сдвинул старую шапку, открыв лицо, и сказал:

— Твой предок, Юй Чжаньао!

— Не помер, что ли?

— Сначала хочу тебя мёртвым увидеть!

— Хочешь меня из этой своей пукалки убить? Братья, несите ножи!

Один из членов «Железного братства» принёс нож, каким режут свиней. Чёрное Око задержал дыханье, потом подал знак. Дедушка увидел, что острый нож рубанул по голому животу Чёрного Ока словно по твёрдой древесине, послышался глухой удар, а на коже остался белый след.

Члены «Железного братства» снова принялись нараспев произносить заговор:

— Железная голова, железные плечи, железная душа… О покровитель на тигре, скорее дай нам наказ…

В глубине души дедушка удивился, он не думал, что в мире есть люди, которых не берут ни нож, ни пистолет. И тут ему пришло в голову, что в заговоре братства перечислены все части тела, кроме глаз.

— А глаз твой может задержать мою пулю? — поинтересовался дедушка.

— А твой живот может выдержать удар моего ножа? — парировал Чёрное Око.

Дедушка понимал, что его живот не выдержит удара острого ножа, которым режут свиней, но у Чёрного Ока глаз не выдержит пули.

Члены братства внесли в большой зал оружие — ножи, винтовки, пики и мечи — и кровожадно поглядывали на дедушку.

Дедушка знал, что в его маузере всего девять патронов, и после того, как он пристрелит Чёрное Око, братья, словно собачья свора, накинутся на него и порубят, превратив в мясную подливу.

— Что ж, Чёрное Око, я вижу, ты тоже человек выдающийся. Оставлю я тебе твои зенки. Но ты мне выдай эту шлюху и считай, что мы квиты!

— А она тебе кто? Ты её покличешь, она отзовётся? Ты её официально брал в жёны? Вдова — что пёс без хозяина: кто кормит, тому она и принадлежит. Если ты такой сметливый, то катись побыстрее и не вини потом за бесцеремонность.

Дедушка поднял пистолет. Члены братства тоже взялись за оружие, которое засверкало холодным блеском. Глядя, как они невпопад шевелят губами, произнося заговор, дедушка подумал: жизнь за жизнь!

В этот момент из-за толпы раздался холодный смех бабушки. Дедушкина рука с пистолетом безвольно опустилась.

Бабушка с отцом на руках стояла на каменной лестнице, купаясь в лучах заходящего солнца, и всё её тело светилось. Волосы её были гладкими и блестящими, на лице играл лёгкий румянец, глаза сияли. Бабушкина наружность была ему одновременно мила и ненавистна.

Дедушка процедил:

— Шлюха!

Бабушка без капли вежливости ответила:

— Похотливый осёл! Хряк! Подлец! Только и можешь, что спать со служанками!

Отец поднял пистолет.

— Ну давай, убей меня! А заодно и сына!

Пистолет снова безвольно повис.

Дедушка вспомнил огненно-красный полдень в изумрудно-зелёном гаоляновом поле,

вспомнил чёрного мула, увязшего в грязи перед окном, и представил это белоснежное тело лежащим в объятиях Чёрного Ока.

— Чёрное Око, давай померяемся силами один на один, это будет смертельная схватка — как говорится, или рыба помрёт, или сеть порвётся. Буду ждать тебя за околицей у речки.

Дедушка сунул пистолет за пояс, распихал остолбеневших членов братства и, не глядя на бабушку, лишь бросив взгляд на отца, широкой походкой пошёл прочь.

Он ступил на береги Яньшуйхэ, над которым клубился белый пар, скинул с себя ватную куртку, бросил пистолет, завязал пояс поплотнее и стал ждать. Он знал, что Чёрное Око не может не прийти.

Мутные воды реки отражали золотистый свет, будто матовое стекло. Низкая и густая трава стояла навытяжку.

Пришёл Чёрное Око.

Бабушка с отцом на руках тоже явилась. Взгляд её был всё тем же.

Подошли и члены отряда.

— Культурный бой или военный? — спросил Чёрное Око.

— Это что значит?

— Ну, культурный — по правилам, ты меня бьёшь три раза, я тебя бью три раза, а военный — как уж получится, — объяснил Чёрное Око.

Дедушка подумал немного и выбрал культурный бой.

У Чёрного Ока уже созрел план, он, как говорится, представлял готовый бамбук, прежде чем начать его рисовать.

— Я первым бью или ты? — спросил он.

— Пусть Небо решит. Давай вытянем травинки, кому достанется длинная, тот первым бьёт.

— А кто поднесёт нам эти травинки? — поинтересовался Чёрное Око.

Бабушка поставила отца на землю и сказала:

— Я.

Она отщипнула две травинки, завела руки за спину, а потом вытянула перед собой и велела:

— Тяни!

Она посмотрела на дедушку, тот вытянул травинку, а бабушка разжала руку и показала оставшуюся соломинку.

— Ты вытянул длинную. Бьёшь первым! — объявила она.

Дедушка прицелился и ударил кулаком в живот Чёрного Ока. Тот крякнул.

Выдержав первый удар, Чёрное Око снова напряг живот, глаза у него сделались черепично-синими, он ждал продолжения.

Дедушка снова ударил, на этот раз в сердце.

Чёрное Око отступил на шаг.

В последний удар дедушка вложил всю свою силу и зарядил Чёрному Оку в пупок.

Чёрное Око отступил на два шага, лицо его стало жёлтым, как воск, он схватился за грудь и кашлянул пару раз, затем открыл рот и выплюнул целый комок наполовину свернувшейся алой крови, затем вытер рот и кивнул дедушке. Дедушка сосредоточил всю свою силу в груди и животе.

Размахивая кулаками величиной с лошадиное копыто, Чёрное Око бросился на дедушку, но в тот момент, когда кулак уже готов был коснуться дедушкиного тела, он внезапно убрал

руку со словами:

— Ради Неба этот удар я тебе прощаю!

Второй раз Чёрное Око снова сделал ложный выпад и сказал:

— Ради Неба этот удар я тебе тоже прощаю!

Третьим ударом Чёрное Око подкинул дедушку в воздух — тот перевернулся, словно комок грязи, а потом шлёпнулся на твёрдую солончаковую почву.

Дедушка с трудом поднялся, взял с земли куртку и пистолет, на лице у него выступили капли пота величиной с соевые бобы.

— Увидимся через десять лет.

На поверхности воды плавал кусок коричневой коры. Дедушка выстрелил девять раз и превратил его в ошмётки, затем сунул пистолет за пояс и, пошатываясь, двинулся к солончаковой пустыни. Солнце освещало его обнажённые плечи и спину, которая начала горбиться и отливала бронзой.

Чёрное Око, глядя на древесную кору, плававшую по поверхности реки, снова сплюнул кровью, а потом с размаху сел на землю.

Бабушка подхватила отца, с плачем позвала: «Чжаньао!» — и, спотыкаясь, бросилась вдогонку за дедушкой.

9

Пулемёт за насыпью строчил три минуты, после чего возникла короткая пауза. Солдаты Цзяогаоской части, которые только что с громкими криками преследовали разгромленного противника, всей гурьбой попадали на высохшую дорогу и потревоженное гаоляновое поле. А дедушкины бойцы, стоявшие к ним лицом и собиравшиеся капитулировать, упали, словно скошенный гаолян. Среди них были и давнишние члены братства, которые вместе с Чёрным Оком поклонялись духам больше десятка лет, а были новобранцы, только-только вступившие в братство, привлечённые геройским именем дедушки. Ни выбритые до синевы головы, ни сырой гаолян, вымоченный в колодезной воде, ни патриарх верхом на тигре, ни натирание лба копытом мула, обезьяньей лапой и петушиным черепом не создали никакой железной оболочки, и стремительные пулемётные пули совершенно бесцеремонно пробивали им грудь и живот. Изрешечённые тела членов «Железного братства» и окровавленные трупы солдат Цзяогаоской части громоздились друг на друга. Красная кровь солдат Цзяогаоской части и зелёная кровь членов «Железного братства» перемешивались, образуя фиолетовые лужи и пропитывая чернозём. Спустя долгие годы земля в этом месте оставалась несравненно тучной, посаженный здесь гаолян рос с бешеной скоростью, и в его сочных стеблях и листьях сосредоточилась такая мощная жизненная сила, какая бывает только в детородных органах у самцов животных.

Когда солдаты Цзяна и дедушкины бойцы вместе попали под обстрел, они из смертельных врагов в мгновение ока превратились в боевых друзей: вместе живые и мёртвые, вместе те, кто стонал от боли, и те, кто катался по земле, вместе Мелконогий Цзян с раненой лодыжкой и дедушка с подбитым плечом. Когда дедушкина голова лежала вплотную к перебинтованной ноге Мелконогого Цзяна, он обнаружил, что не такая уж она и маленькая, и почувствовал, что ноги Цзяна воняют так, что это зловоние перебивает даже запах крови.

Пулемёт за насыпью снова застрекотал. Пули падали на дорогу и гаоляновое поле, поднимая густые облака пыли, звук, с которым они впивались в дорогу, и треск разрываемой плоти одинаково страшно действовали на и без того измученные нервы. Солдаты Цзяогаоской части и члены «Железного братства» вынуждены были вжаться в землю. С рельефом им очень не повезло: огромная равнина, даже бурьяна и того нет, пули словно огромное острое лезвие проскальзывали над головами, и тому, кто приподнимался, приходил конец.

Пулемёт снова умолк. Дедушка услышал, как Мелконогий Цзян скомандовал:

— Гранаты!

Пулемёт опять застрочил, а потом снова умолк. Поднаторевшие в метании гранат солдаты Цзяогаоской части бросили больше десятка гранат за насыпь. После нескольких взрывов «герои» за насыпью громко вскрикнули, и оттуда вылетела оторванная человеческая рука с неровными серыми краями. Дедушка, глядя на судорожно сжимающиеся пальцы, крикнул, словно бы обращаясь к Мелконогому Цзяну:

— Отряд Лэна! Это Рябой Лэн! Вот же ублюдок!

Солдаты Цзяогаоской части швырнули ещё несколько гранат, осколки разлетелись во все стороны, по речной воде с плеском пошла рябь, за насыпью поднялось несколько столбов дыма, напоминающих стволы деревьев. Человек семь бесстрашных солдат Цзяна с

винтовками наперевес бросились к насыпи, но только добежали до пологого склона, как их настигли пули — смельчаки покатились по насыпи, и трудно было различить, кто уцелел, а кто погиб.

— Отступаем! — крикнул Мелконогий Цзян.

Солдаты Цзяогаоской части кинули ещё несколько гранат и, когда отзвучали взрывы, вскочили с кучи мёртвых тел и побежали назад, отстреливаясь. Мелконогий Цзян, которого поддерживали по бокам двое подчинённых, плёлся в хвосте рассеявшегося отряда. Дедушка лежал на земле и не двигался; он чувствовал, что ретироваться сейчас очень опасно — да, бежать надо, но ещё не время. Часть членов «Железного братства» тоже двинулась за разбитым войском Цзяна, а часть тоже закопошилась, но дедушка сдавленным шёпотом велел:

— Не уходить!

За насыпью клубился пороховой дым, доносились жалобные стоны раненых. Дедушка услышал, как знакомый голос надрывно закричал:

— Бейте их! Пулемёты, огонь!

Дедушка узнал голос Рябого Лэна, и на лице его появилась скорбная усмешка.

Когда дедушка, прихватив отца, вступил в «Железное братство», то в первый же день ему по правилам побрили голову надо лбом. Встав на колени перед портретом патриарха верхом на тигре, дедушка увидел на лице старика след от пули и исподтишка рассмеялся, вспомнив свой первый визит, будто это было вчера. Отцу тоже выбрили лоб. Глядя на тёмную бритву в руках Чёрного Ока, он задрожал и смутно вспомнил события десятилетней давности. Когда с бритьём было покончено, Чёрное Око потёр несколько раз выбритое место копытом мула, обезьяньей лапой и другими чудными штуковинами. Церемония завершилась, отец почувствовал, как всё его тело затвердело, будто и впрямь плоть и кровь превращались в железо.

Члены братства горячо приветствовали дедушку и много раз просили рассказать о засаде на реке Мошуйхэ. По наущению Пятого Заварухи они сообща настояли, чтобы Чёрное Око признал дедушку своим замом.

Когда дедушку сделали заместителем, Пятый Заваруха снова начал подстрекать членов братства, чтобы те напросились выйти в бой. Он сказал, что «войска тренируются тысячу дней, а используют свои навыки один час». Сейчас японские агрессоры своевольничают, страна в руинах, мирные жители гибнут, так чего же ждать, бесцельно оттачивая воинское искусство, вместо того чтобы бить вокоу?![124] Большинство членов братства были молоды, кровь бурлила, они люто ненавидели японцев, и бойкие речи Пятого Заварухи возбудили их. Желание опробовать железные тела в битве разгоралось всё сильнее, будто бы в огонь плеснули масла. Чёрному Оку пришлось согласиться. Оставшись наедине, дедушка спросил у Заварухи, поможет ли умение становиться железным против вражеской пули. Пятый Заваруха лишь лукаво усмехнулся, но ничего не сказал.

Первый бой «Железного братства» вышел совсем небольшим по масштабам. Это было сражение между членами братства и ротой Гао, входившей в полк марионеточных войск под командованием Чжан Чжуси. «Железное братство» собиралось атаковать из засады сторожевую башню Сядянь, а рота Гао возвращалась после экспроприации зерна; они столкнулись на перекрёстке, остановились и смерили противника взглядом. В роте Гао насчитывалось около шестидесяти человек, все они были одеты в оранжево-жёлтую форму и

вооружены винтовками, а через плечо у них висели брезентовые патронташи. Вместе с ротой шли несколько десятков ослов и мулов, гружённых мешками с отобранным у населения зерном. Члены «Железного братства» были в чёрном и вооружены пиками, мечами и ножами — только у десятка человек за поясами были маузеры.

— Какая часть? — спросил толстый командир роты, ехавший верхом на коне.

Дедушка сунул руку за пояс, а потом резко вытащил и одновременно с выстрелом крикнул:

— Та, что убивает предателей!

Толстяк, вскинув похожую на окровавленную тыкву голову, упал с коня.

Члены братства с криками бросились вперёд безо всякого страха. Ослы и мулы, которые везли зерно, вырвались на свободу и поскакали в поля, солдаты марионеточной армии в панике спасались бегством, и тех, кто замешкался, члены братства зарубили и закололи насмерть.

Когда солдаты отбежали на некоторое расстояние, то в голове у них начало проясняться, они сбились в кучу и принялись палить из винтовок, но члены «Железного братства» уже вошли в раж и, бормоча свои заговоры, продолжали наступать.

Дедушка громко приказал:

— Разбегайтесь! Пригнитесь!

Однако его крик потонул среди голосов членов братства, которые объединились и, вскинув головы и выпятив грудь, бежали вперёд.

Солдаты встретили их беглым огнём, больше двадцати членов «Железного братства» попадали, сражённые выстрелами, брызнула свежая кровь, жалобно стонали раненые.

Бойцы «Железного братства» застыли. Солдаты марионеточных войск снова дали залп, и ещё больше членов братства попадали на землю.

Дедушка громко заорал:

— Разбегайтесь! Ложитесь!

Марионеточные войска, не прекращая стрелять, двинулись вперёд. Дедушка зарядил маузер. Чёрное Око сердито ревел:

— Вставайте и читайте заклинание! Железная голова, железные плечи, железная душа, железные мышцы, железные кости, железное сердце, железная печень, железные лёгкие, рис перед алтарём превращается в железный частокол, железный нож, железный пистолет ничего не могут сделать с железным телом. О покровитель на тигре, скорее дай нам наказ…

Одна из пуль чиркнула по скальпу Чёрного Ока, и он шлёпнулся на землю, лицо его приобрело восковой оттенок.

Дедушка холодно рассмеялся, затем наклонился, забрал из трясущихся рук Чёрного Ока маузер, а потом окликнул отца:

— Доугуань!

Отец, дважды перекатившись с живота на спину, оказался у отца под боком.

— Пап, я тут!

Отец дал ему маузер Чёрного Ока и наказал:

— Лежи тихо и не двигайся, пусть подойдут поближе, тогда стреляй.

Солдаты марионеточных войск стремительно наступали.

Пятьдесят метров, сорок, двадцать, десять — и вот уже отец видел их жёлтые зубы.

Дедушка подскочил, махнул левой рукой влево, правой — вправо, и семь или восемь солдат, упали. Отец с Пятым Заварухой тоже стреляли очень метко. Солдаты пустились

наутёк. Дедушка стрелял им в спину. Когда кончились патроны, он схватил брошенную кем-то из марионеток винтовку и продолжил огонь.

Этот незначительный бой укрепил лидирующие позиции дедушки в «Железном братстве». Трагическая смерть нескольких десятков товарищей разоблачила несостоятельность колдовства Чёрного Ока. Члены братства не желали больше принимать участия в ежедневных обязательных церемониях, они хотели получить винтовки, поняв, что никакие колдовские фокусы неспособны противостоять шквальному огню.

Отец и дедушка притворились, что вступают в ряды Цзяогаоской части, и посреди бела дня выкрали Мелконогого Цзяна, а потом, так же притворившись, что переметнулись на сторону Рябого Лэна, похитили среди бела дня самого Лэна.

Двух этих заложников они выменяли на огромное количество винтовок и боевых коней, и это помогло дедушке занять твёрдую позицию в знаменитом братстве. Чёрное Око стал лишним и только мешал им. Много раз Пятый Заваруха порывался избавиться от него, но дедушка его всегда останавливал.

После похищения заложников «Железное братство» стало самой могучей силой во всём дунбэйском Гаоми, а отряды Цзяна и Лэна бесследно сгинули. В Поднебесной настал мир. Тогда-то дедушка и начал потихоньку вынашивать замысел пышных бабушкиных похорон. За этим последовало выбивание денег, изымание чужого гроба и убийство, слава рода Юй цвела пышным цветом, но дедушка забыл прописные истины: солнце, побыв в зените, клонится к закату, а полная луна обязательно станет ущербной, налитый доверху сосуд непременно перевернётся, а после расцвета наступает упадок. Грандиозные похороны стали очередной его серьёзной ошибкой.

Снова из-за насыпи застрочили пулемёты. Дедушка на слух понял, что их осталось всего два, остальные наверняка взорваны гранатами Цзяогаоской части. Отбежавшие на сто с лишним метров от насыпи бойцы Цзяна и затесавшиеся в их ряды члены «Железного братства» были изрешечены пулемётными пулями, на их телах словно бы распускались пёстрые цветы. Отряд снова оказался на открытой местности, где не было никаких укрытий. Люди Лэна вовсе не собирались покидать укрытие, они просто палили по противникам из двух пулемётов.

Дедушка увидел, что один из тех двух десятков солдат Цзяна, что рухнули на пологом склоне насыпи, весь окровавленный и худой, потихоньку приподнимается и с огромным трудом ползёт в гору. Он двигался медленнее шелкопряда, медленнее улитки, медленнее дождевого червя. Казалось, его тело развалилось на несколько больших кусков, которые движутся отдельно друг от друга, и кровь била, словно вода из источника. Дедушка понял, что перед ним ещё один герой, славный сын дунбэйского Гаоми. Взобравшись на середину насыпи, раненый солдат остановился. Дедушка увидел, как он с трудом повернулся на бок, достал из-за пояса окровавленную гранату, словно дитя из чрева, и зубами вытянул запал. Из гранаты с шипением повалил белый дым. Держа в зубах конец запала, солдат рухнул на едва различимую зелёную молодую траву. Тёмный ствол пулемёта подпрыгивал над насыпью, выпуская струи порохового дыма, а на землю то и дело вылетали блестящие гильзы.

Дедушка пожалел, что был таким мягким и добрым. Когда он взял в заложники Рябого Лэна, то потребовал сто винтовок, пятьдесят пистолетов-пулемётов и пятьдесят лошадей. Изначально он хотел взять ещё и восемь пулемётов, но то ли запамятовал, то ли решил тогда, что от пулемётов нет особого толку — много лет разбойники использовали только короткоствольное оружие. Включи он тогда пулемёты в цену выкупа, сегодня Рябой Лэн не

смог бы так бесчинствовать.

Раненый солдат Цзяогаоской части коснулся головой зелёной травы и в тот же момент бросил гранату. За насыпью раздался еле слышный взрыв, пулемёт взлетел вверх и рухнул на землю. Герой, метнувший гранату, лежал на пологом склоне без движения, лишь кровь текла, и то с трудом, медленно-медленно. Дедушка тяжело вздохнул.

Пулемёты Лэна были полностью уничтожены. Дедушка крикнул:

— Доугуань!

Отца придавило двумя тяжёлыми трупами. Он вообще-то не собирался притворяться мёртвым, а, наверное, решил, что уже умер, поскольку всё его тело было в горячей крови, то ли чужой, то ли своей. Услышав крик дедушки, он поднял голову из-под трупа, вытер перепачканное кровью лицо и отозвался:

— Я тут, пап…

Из-за дамбы, словно грибы после дождя, начали выскакивать солдаты Рябого Лэна. С винтовками наперевес они кинулись вперёд, а через сто метров по ним открыли огонь опомнившиеся бойцы Цзяна. Пистолеты-пулемёты, которые они отобрали у конного отряда Пятого Заварухи, стреляли очень громко, и солдаты Лэна, словно черепахи, вжимали головы в плечи.

Дедушка чуть приподнял труп и помог отцу вылезти.

— Ранен?

Отец подёргал руками и ногами.

— Нет. А в заднице рана — так это меня Восьмая армия.

— Братцы, уходим! — велел дедушка.

Больше двадцати членов братства, забрызганные кровью, встали, опираясь на винтовки, и, пошатываясь, направились на север. Солдаты Цзяна не стали по ним стрелять, а отряд Лэна сделал несколько выстрелов, но всё впустую: пули летели слишком высоко, издавая пронзительный свист.

За спиной раздался выстрел. Дедушка почувствовал, будто кто-то стукнул его по загривку, и весь жар тела сосредоточился в этой точке. Дедушка провёл рукой — вся ладонь была в крови. Он повернулся и увидел, что Чёрное Око с выпущенными кишками распластался на земле, словно жаба, и мигает своим огромным чёрным оком — раз, второй, третий, а на лице застыли две золотистые слезинки.

Дедушка еле заметно улыбнулся Чёрному Оку, легонько кивнул, взял отца за руку и тихонько пошёл прочь.

За спиной снова раздался выстрел.

Дедушка протяжно вздохнул. Отец обернулся и увидел, что на виске у Чёрного Ока маленькая чёрная дырочка, а на обгоревшем от порохового дыма лице висит ниточка белой жидкости.

Ближе к вечеру отряд Лэна окружил отчаянно сопротивлявшихся солдат Цзяогаоской части и дедушкиных бойцов из «Железного братства» рядом с похоронными атрибутами, подготовленными для бабушкиных похорон. У тех и у других кончились боеприпасы, они скучились, стиснув зубы, и налитыми кровью глазами смотрели, как надвигается седьмая рота отряда Лэна, подоспевшая на подмогу. Заходящее солнце заливало своими лучами чёрную стонущую от боли землю. На ней лежали вповалку взращённые на кроваво-красном гаоляне сыны и дочери дунбэйского Гаоми, и не было им числа. Кровь текла ручейками, соединяясь в кровавые реки. Запах крови привлёк воронов, от природы любящих мертвечину,

они забыли вернуться в свои гнёзда и кружили над полем боя. Большая часть птиц летала над трупами лошадей — так прожорливые дети стараются отхватить сначала кусок побольше.

Бабушкин гроб уже показался из-под большого паланкина, его поверхность испещряли белые крапинки — следы от пуль. Несколько часов назад гроб служил защитным экраном в борьбе Восьмой армии и «Железного братства» с отрядом Лэна. На жертвенниках вдоль дороги жареных уток, кур, свинину и баранину расстреляли в труху. В ходе боя солдаты Восьмой армии отстреливались, поглощая еду для жертвоприношений.

Несколько солдат Цзяогаоской части кинулись в атаку со штыками наперевес, но огонь отряда Лэна уложил их на землю.

— Руки вверх! Сдавайтесь! — закричали солдаты Лэна, выставив винтовки.

Отец с Мелконогим Цзяном переглянулись, но не сказали ни слова и почти одновременно подняли руки. Вслед за ними перепачканные свежей кровью руки подняли и остатки их разбитых армий.

Командир Лэн в белых перчатках, окружённый охранниками, подошёл к ним, хохотнул и сказал:

— Командир Юй! Командир Цзян! Вот и снова свиделись! Как говорится, для врагов всякая дорога узка. О чём сейчас думаете?

Дедушка скорбно воскликнул:

— Сожалеем!

Цзян сказал:

— Я доведу до сведения Гоминьдана в Яньани про ваши чудовищные преступления, про то, что вы нарушили единый антияпонский национальный фронт!

Рябой Лэн хлестнул его кнутом и выругался:

— Чёртова Восьмая армия, кости хрупкие, зато язык острый!

Затем он махнул своим подчинённым:

— Уведите их в деревню.

Отряд командира Лэна разместился на ночлег в нашей деревне. Пленных солдат Цзяогаоской части и бойцов «Железного братства» согнали под навес из циновок и выставили охрану — двадцать солдат с пистолетами-пулемётами. Ради жизни других людей никто не отваживался на безрассудные поступки, всю ночь не затихали стоны раненых и плач молодых парней, тосковавших по матерям, жёнам или возлюбленным. Отец словно раненый птенчик прижимался к дедушкиной груди, слушая, как бьётся его сердце, то быстрее, то медленнее, словно ритмичная музыка. Обласканный тёплым южным ветерком, отец сладко заснул. Он видел во сне какую-то женщину, которая была похожа одновременно и на бабушку, и на Красу, и горячими пальцами теребила его перчик, весь в шрамах, отчего вдоль позвоночника прокатилась дрожь, подобная внезапному грому… Отец резко проснулся в полном расстройстве. Из полей доносились стоны раненых. Он вспомнил детали сна, удивился и испугался, но не решился рассказывать дедушке, а тихонько сел и из-под навеса глядел на узкую полоску Млечного Пути, а потом внезапно подумал: ведь мне скоро шестнадцать!

Когда рассвело, солдаты из отряда Лэна разобрали несколько навесов, раздобыли несколько больших мотков верёвки и связали пленных по пять человек, а потом привязали к ивам, где вчера ещё паслись кони «Железного братства». Мелконогого Цзяна, дедушку и отца связали вместе и отвели к самому крайнему дереву: отец шёл впереди, за ним дедушка и

самым последним Мелконогий Цзян. Под ногами отца булькала жидкая грязь — земля пропиталась лошадиной мочой, там-сям попадались кучи конского навоза. Эти кучи растоптали человеческие ноги, и в них поблёскивали покрытый густой слизью жмых и гаоляновые зёрнышки. Лекаря и его мула уже объели до окровавленного скелета, а под одиноким деревом в излучине возвышалась могила Большезубого Юя. Тот лотос всё ещё был на месте, вода поднялась, и цветы тянулись вверх, а на поверхности воды плавали свежие лотосовые листья величиной с ладонь. Излучину затянула желтоватая ряска, в которой жабы прокладывали дорожки зелёной воды, но ряска быстро смыкалась. Проходя мимо земляного вала, отец увидел, что в поле сохранились следы вчерашнего побоища. Остатки похоронной процессии лежали на дороге словно огромный расчленённый удав. Десяток солдат из отряда Лэна топорами и штыками разрубали трупы коней. В прозрачном воздухе висел тёмно-красный запах крови.

Он услышал, как командир Цзян протяжно вздохнул и с ненавистью обернулся. Обернулся и дедушка. Отец увидел, как дедушка и Мелконогий Цзян уставились друг на друга, на их лицах застыло скорбное выражение, под уставшими веками глаза утратили блеск. Рана на дедушкином плече загноилась, от неё исходил запах тухлятины, который привлекал красноголовых зелёных мух, облепивших останки мёртвого мула и труп его хозяина. Повязка на ноге Мелконогого Цзяна сползла и теперь болталась на щиколотке, словно кишка, а из раны, нанесённой дедушкой, всё ещё сочилась кровь.

Взгляды дедушки и Мелконогого Цзяна встретились, оба приоткрыли рты, словно хотели что-то сказать, да так и не сказали. Отец тоже вздохнул и отвернулся. Перед его взором простиралась чёрная равнина, окутанная белёсым туманом. Над равниной громко рыдали души невинно убиенных, от их голосов у отца стучало в ушах, перед глазами всё плыло. Он видел, как солдаты из отряда Лэна переносят на берег куски пропитавшегося кровью конского мяса, а над их головами на дерево взлетает ворон, держа в клюве конские кишки.

К деревьям в излучине привязали более восьмидесяти бойцов из отряда Цзяна и членов «Железного братства», последних было около двадцати, и их распределили среди солдат Цзяогаоской части. Отец увидел, что один из членов братства, мужчина лет пятидесяти, громко рыдает. У него на скуле зияла большая дыра, возможно пробитая осколком гранаты, и слёзы затекали в неё. Стоявший рядом солдат Цзяогаоской части толкнул его плечом и успокоил:

— Не реви, названый зять! В один прекрасный день мы ещё поквитаемся с Чжан Чжуси!

Немолодой боец из «Железного братства» наклонил голову набок, вытер грязное лицо, шмыгнул носом:

— Да я не сестру твою оплакиваю. Она всё равно уже померла, плачь не плачь — не оживёт. Я нас оплакиваю. Мы же с тобой из соседних деревень, то и дело сталкивались, не родичи, конечно, но близкие друзья. Как мы до такого докатились? Я оплакиваю твоего племянника, моего сына, ему всего восемнадцать, пришёл за мной в «Железное братство», всем сердцем хотел отомстить за твою старшую сестру, но и отомстить не отомстил, так ещё и погубили вы его. Вы его проткнули штыком, он перед вами встал на колени, я своими глазами видел, а вы его всё равно убили! Бездушные вы ублюдки! Неужели вас дома сыновья не ждут?!

Слёзы в его глазах высохли от гнева, лицо приобрело хищный оскал. Он запрокинул голову и зарычал на оборванных солдат Цзяогаоской части, руки которых были скручены за

спиной пеньковой верёвкой:

— Скоты! Раз вы такие сильные, так и били бы япошек! Били бы желтомордых! Нас-тс зачем трогать? Предатели! Вы как Чжан Банчан,[125] у которого тайные связи заграницей…

— Не сердись, зять, — увещевал его названый шурин, служивший в Цзяогаоской части.

— Кто тебе тут зять?! Когда ты в племянника гранату бросал, разве помнил, что у тебя зять есть? Или вы, коммунисты из Восьмой армии, из щёлки между камнями выскочили? Нет, что ли, у вас жён и детей? — Рана на лице пожилого бойца разошлась от гнева ещё сильнее, и из неё сочилась чёрная кровь.

— Старина, у тебя справедливость-то какая-то однобокая. Если бы ваши люди из «Железного братства» не похитили нашего командира и не выманили у нас шантажом сотню винтовок, то мы бы вас не трогали, мы же на вас напали, только чтобы вернуть оружие для борьбы с японцами, а вернули бы, так отправились бы на антияпонский фронт и били там япошек в первых рядах, — так, потеряв терпение, возражал один из командиров Цзяогаоской части.

Тут отец тоже не выдержал и хриплым голосом, который в ту пору только-только начал ломаться, сказал:

— Это вы у нас украли спрятанные в колодце винтовки, а ещё прихватили сушившиеся на стене собачьи шкуры. Только после этого мы заложника взяли!

Отец смачно харкнул, целясь в рожу этого командира Восьмой армии, но плевок прилетел прямо в лоб высокого и чуть сгорбленного бойца из «Железного братства». Тот от отвращения сморщился, вытянул шею, прижался лицом к ивовой коре и начал тереться о дерево. Тёр до такой степени, что лоб позеленел, но всё равно плевок не оттёр. Рассвирепев, он повернулся к отцу:

— Доугуань, твою мать!

И хотя руки у пленных от верёвок затекли и распухли и никто из них не знал, что их ждёт впереди, пленники рассмеялись.

Дедушка с горечью сказал:

— К чему споры? Все мы горе-вояки разбитых войск.

И в тот же момент он ощутил, как кто-то резко дёрнул его за раненую руку. Он обернулся и увидел, что Мелконогий Цзян, словно столбик пепла ароматической палочки, повалился на бок. Раненая нога распухла так, что стала похожа на гнилой арбуз, и из неё сочилась какая-то кашица, не то гной, не то кровь.

Его бойцы бросились к нему, однако верёвки потянули их обратно, и им оставалось лишь беспомощно смотреть на своего командира, лежащего без сознания.

Солнце вынырнуло из моря тумана, посылая во все стороны золотистые лучи, чтобы весь мир окутали ласка и тепло. Кашевары из отряда Лэна на тех самых очагах, которыми вчера ещё пользовалось «Железной братство», варили гаоляновую кашу. Каша булькала, загустевала, по её поверхности шли пузыри размером с кулак, напоминавшие плавательные пузыри рыб. Они лопались в солнечном свете. Теперь к запаху крови и трупному запаху примешивался ещё и аромат гаоляновой каши. Четверо солдат Лэна на двух створках двери, как на носилках, принесли к излучине большие куски конины и целые конские ноги. Они сочувственно мерили взглядами привязанных к ивам пленных, а те смотрели на лишившегося чувств Мелконогого Цзяна, так и лежавшего на земле, и на часового, который медленно расхаживал по земляному валу, волоча за собой винтовку. От штыка винтовки шли извилистые дорожки света, напоминавшие серебряных змеек. Были и такие, кто глядел на

лёгкую розовую дымку над рекой, колеблемую ветром. Отец же наблюдал за четырьмя солдатами, притащившими конину к излучине.

Они опустили створки дверей на землю у самой воды, те тут же покосились, и с них потекла кровавая вода, тонкие кровавые ручейки беспокойно сбегали прямо в излучину, капая на желтоватую ряску. Несколько листочков ряски перевернулись, явив небу серо-зелёную тыльную сторону. Тёплый пурпурный свет отражался от ряски и падал на равнодушные лица бойцов Лэна.

— Сколько ряски! — воскликнул худощавый солдат, похожий на цаплю. — Как будто излучина укрыта конской шкурой.

— Вода в излучине совсем грязная.

— Говорят, если из неё напьёшься, заразишься проказой.

— Неужто?

— Несколько лет назад тут утопили двух прокажённых, так у местных карпов после этого глаза загноились.

Похожий на цаплю солдат увяз в прибрежном иле и начал быстро перебирать ногами, но грязь с чавканьем налипала на японские сапоги с вывернутым наизнанку мехом на голенищах.

Отец вспомнил, как после того боя на Мошуйхэ солдаты Лэна стягивали с убитых японцев высокие сапоги, а потом плюхались на землю и выкидывали свои матерчатые туфли. Отцу переобувшиеся солдаты казались похожими на мулов и лошадей с новыми подковами, они шли, осторожно ступая, а на их лицах застыли страх и смущение от неожиданной удачи.

Солдаты Лэна деревянной доской отодвинули от берега плотную ряску, расчистив небольшой участок тёмно-зелёной, почти чёрной воды, но ряска тут же вернулась, желая заполнить пустое пространство, и при этом она издавала тягучие звуки, от которых отцу стало не по себе.

Бурая водяная змея высунула из ряски квадратную голову размером с грецкий орех, застыла на минуту, а затем показалась на поверхности целиком и начала быстро плавать, оставляя за собой извилистые росчерки, которые быстро исчезали. Потом она снова нырнула, и потревоженная ряска вскоре успокоилась.

Отец увидел, что все четверо солдат уставились на змею. Прибрежный ил уже доходил до щиколоток, но солдаты словно забыли, что надо шевелить ногами.

Когда змея исчезла, солдаты протяжно вздохнули. Тот, кто держал доску, снова принялся отодвигать ряску. Высокий худощавый солдат поднял конскую ногу и кинул в воду, отчего во все стороны разлетелись брызги, похожие на зелёные цветы.

— Поаккуратнее, мать твою, — заворчал солдат, державший в руках обоюдоострую секиру. Высокий прополоскал конскую ногу, заставив ряску расступиться.

— Да хватит уже, всё равно варить будем.

Высокий бросил ногу на створку двери, и его товарищ начал рубить мясо на куски с глухим стуком, будто кто-то бил палкой по воде.

Промыв и порубив мясо, солдаты унесли его на створке двери, а потом кинули в большой котёл. Под котлом плясали тёмно-красные языки пламени, похожие на перья петуха. Один из солдат подцепил штыком кусок конины и бросил в огонь, чтобы обжарить, отчего мясо запищало, как цикада.

В этот момент из-под навеса вышел аккуратно одетый командир Лэн с хлыстом в руке.

Вместе со своими подчинёнными он осмотрел несколько сот винтовок и две груды гранат, отнятых у солдат Цзяогаоской части и «Железного братства». На лице Лэна застыла довольная усмешка. Он направился к пленникам, размахивая хлыстом. Отец слышал позади себя тяжёлое дыхание и, даже не оборачиваясь, представил сердитое выражение лица дедушки. Уголки рта Лэна выгнулись наверх, отчего на щеках весело подрагивали морщинки, напоминавшие маленьких змеек.

— Ну что, командир Юй, знаешь уже, что я с тобой сделаю?

— Делай, что хочешь, — буркнул дедушка.

— Ежели тебя убить, то жаль будет славного героя. А ежели оставить в живых, так ты ведь меня опять выкрадешь!

— Я и после смерти не успокоюсь.

Тут отец пнул ногой комок конского навоза, и тот приземлился на грудь Лэна. Лэн замахнулся было хлыстом, но потом передумал и рассмеялся:

— Я слышал, что у твоего ублюдка только одно яичко! Ну-ка, давайте ему и второе отрежем, чтобы поменьше тут ногами брыкался!

— Лао Лэн, он же ребёнок, за всё я один отвечаю!

— Ребёнок? Да этот недоносок сущий волчонок!

Тут Мелконогий Цзян очнулся и поднялся, опираясь на руки.

Лэн хохотнул:

— Командир Цзян, а с тобой как поступить?

Мелконогий Цзян ответил:

— Пока единый фронт коммунистической партии и Гоминьдана не раскололся, ты не имеешь права меня убить!

— Да я тебя прихлопну, как муху!

Отец увидел, что на шее у Цзяна копошатся две сероватых вши, и Цзян пытался дотянуться до них подбородком. Отец вспомнил тот день, когда они выкрали Цзяна: его подчинённые тогда оголились по пояс и при солнечном свете ловили вшей.

— Если ты меня убьёшь, тебе это с рук не сойдёт. Нас, Восьмую армию, так просто не изничтожить. Наступит день, и народ поквитается с тобой за чудовищное убийство героев антияпонского сопротивления! — Всё лицо Цзяна покрылось испариной.

— Ну, вы пока тут развлекайтесь. Я поем, а потом разберусь с вами.

Люди Лэна собрались вместе, чтобы поесть конины и выпить гаолянового вина.

Вдруг на земляном валу с северной стороны раздался выстрел, и в деревню прибежал часовой.

— Черти пришли! Черти пришли! — кричал он.

В лагере началась суматоха, солдаты наталкивались друг на друга, кругом были раскиданы остатки гаоляновой каши.

Лэн схватил часового за грудки и сердито спросил:

— Сколько их? Это настоящие японцы или марионетки?

— Вроде марионетки! У них форма жёлтая. Я как увидел, что там всё жёлтое, так и бросился бежать в деревню.

— Марионетки? Разобьём этих псов! Командир Ци, быстро выведи людей на вал! — распорядился Лэн.

Солдаты с винтовками под мышками беспорядочной толпой помчались на вал, а Лэн отдал приказ двум своим бойцам с пистолетами-пулемётами:

— Присмотрите за ними, если что — стреляйте!

И в окружении нескольких охранников, пригнувшись, побежал к северной околице.

Минут через десять там открыли огонь — после нескольких разрозненных винтовочных выстрелов застрочил пулемёт. Затем вместе с резким порывом ветра в деревню со свистом прилетел блестящий артиллерийский снаряд, который упал на земляной вал и взорвался. Осколки разлетелись во все стороны, впились в полуразрушенные стены, застряли в коре деревьев. Послышалось непонятное курлыканье на иностранном языке.

Это были не марионеточные войска, а самые настоящие японцы. Отряд Лэна изо всех сил оказывал им сопротивление на земляном валу, партиями спуская вниз раненых.

Через полчаса люди Лэна сдали вал и отступили за полуразрушенные дома, пытаясь сдержать японских чертей. Снаряды теперь долетали и до излучины. Пленники засуетились, начали топать ногами и громко ругаться:

— Развяжите нас, мать вашу! Развяжите нас!

Двое охранников с пистолетами-пулемётами беспомощно переглядывались, не зная, что делать.

Дедушка сказал:

— Если вас китайским хером заделали, то отпускайте нас, а если японским — пристрелите!

Тогда двое охранников взяли из груды оружия по сабле и перерубили верёвки.

Восемьдесят с лишним человек, как сумасшедшие, бросились к куче винтовок и гранат, а потом, невзирая на затёкшие руки и урчащие от голода животы, с дикими криками ринулись под пули, летевшие со стороны японцев.

Ещё минут через десять за земляным валом взметнулись десятки столбов дыма. Это была первая партия гранат, которые швырнули солдаты Цзяогаоской части и члены «Железного братства».

ЧАСТЬ V СТРАННАЯ СМЕРТЬ

1

Полные губы цвета пурпурно-красного винограда, какие бывают только у смуглых женщин, придавали моей второй бабушка Ласке безмерную привлекательность. История её рождения и прошлое уже глубоко погребены под песком времени. Влажный жёлтый песок укрыл упругое и пышное юное тело, личико, налитое, как бобовый стручок, и синие глаза, что и после смерти не знали покоя, потушив гневный и неистовый, бунтарский взгляд, который Ласка бросала с вызовом на безобразный мир и с любовью — на мир прекрасный, взгляд, в котором через край переливались постыдные мысли. На самом деле вторую бабушку похоронили в родном чернозёме. Её пахнущее свежей кровью тело положили в гроб, сколоченный из тонких ивовых досок, покрытых неровным слоем коричнево-красного лака, который не мог скрыть ходов, проделанных личинками жука-усача. Однако картина, как её тёмное блестящее тело поглощает золотистый песок, навеки запечатлелась на экране моего мозга, и это изображение никогда не потускнеет в моём сознании. Мне кажется, будто бы на залитом тёплым красным светом скорбном песчаном берегу возвышается насыпь в виде человеческого тела. Изгибы фигуры второй бабушки плавны, её груди стоят торчком, по неровному лбу сбегает тоненькой струйкой песок, чувственные губы выступают из-под золотого песка, словно бы призывают вольную душу, скрытую под роскошным одеянием… Я знаю, что это всё иллюзия, и вторая бабушка похоронена в родном чернозёме, а её могилу окружает стеной красный гаолян, и если стоять перед могилой — если только не зимой, когда вымерзает вся растительность, да в начале весны, когда дуют юго-восточные ветра, — то даже горизонта не разглядишь, словно в кошмарном сне гаолян дунбэйского Гаоми лишает возможности увидеть дальше своего носа, как говорится, глаза мыши видят не дальше одного цуня. Тогда поднимите жёлто-зелёное лицо, похожее на тыквенную семечку, и сквозь просветы в гаоляне взгляните на весь райский блеск тревожно-синего неба! А под вечно печальное журчание реки Мошуйхэ прислушайтесь к доносящейся с небес музыке прозрения потерянных душ.

2

В тот день утро было прозрачно-лазурным. Солнце ещё не вышло, размытая линия горизонта в первом зимнем месяце была оторочена ослепительной тёмно-красной каймой. Лао Гэн выстрелил из дробовика по красной лисе с хвостом, напоминавшим факел. Лао Гэну не было равных среди охотников близ устья Яньшуй, он охотился на диких гусей, зайцев, диких уток, ласок, лисиц и даже на воробьёв от безвыходности. Поздней осенью и в начале зимы воробьи в дунбэйском Гаоми собирались в гигантские плотные стаи — тысячи воробьёв сбивались в коричневую тучу, которая быстро перекатывалась, прижимаясь вплотную к земле. Вечером они прилетали обратно в деревню и рассаживались на ивах, где ещё оставались одинокие сухие листочки; усыпанные воробьями зеленовато-жёлтые голые ивовые ветки уныло свисали. Мазок предзакатного солнца опалил румянцем пышные розовые облака на горизонте, деревья были залиты светом, чёрные глаза воробьёв поблёскивали, словно золотые звёзды. Птицы без конца прыгали и ворошили кроны.

Старый Гэн вскинул дробовик, прищурил треугольный глаз и выстрелил — золотистые воробьи градом посыпались с дерева, а дробь прошелестела между ветками. Уцелевшие птахи на минуту задумались и только при виде своих товарищей, летящих вертикально вниз, взмахнули крыльями и взмыли в темнеющее небо, словно осколки снаряда. Отец в детстве пробовал воробьёв, подстреленных Лао Гэном. Воробьиное мясо очень приятное на вкус и питательное. Спустя тридцать с лишним лет мы со старшим братом на экспериментальном поле гибридного гаоляна развернули ожесточённую борьбу с хитрыми воробьями. Лао Гэну было в ту пору уже далеко за семьдесят, он жил один, наслаждался системой «пяти обеспечений»,[126] пользовался всеобщим уважением в деревне и всякий раз на собраниях рассказывал о тяготах прошлой жизни.[127] Каждый раз при этом он всегда скидывал рубаху и говорил:

— Японские черти восемнадцать раз проткнули меня штыком, я валялся в луже крови, но не помер. А всё почему? Потому что меня спасла лисица-оборотень. Сколько времени я так пролежал, даже не знаю, стоило приоткрыть глаза, как всё застилал красный свет, а та добрая лиса, высунув язык, смачно вылизывала мои раны…

Дома Лао Гэн, которому дали прозвище Восемнадцать Ударов, поклонялся алтарю с табличкой, посвящённой духу лисы-оборотня. В самом начале Культурной революции хунвэйбины[128] явились к нему, чтобы крушить таблички, но Лао Гэн с кухонным ножом присел перед алтарём, и хунвэйбины понуро отступили.

Старый Гэн давно уже разведал маршрут той красно-рыжей старой лисы, но жалко было стрелять. Шкура лисы на глазах становилась лучше — плотная и пушистая, очень красивая — за неё можно было выручить много денег. Лао Гэн понимал, что, когда придёт время убить лисицу, она уже успеет вдосталь насладиться жизнью. Лисица каждую ночь воровала по курице. Какие бы заграждения ни ставили деревенские жители вокруг курятников, она всё равно протискивалась через них и умудрялась избегнуть все капканы и силки. Деревенские курятники в тот год стали для неё словно бы продовольственным складом. Лао Гэн вышел из деревни, когда петухи трижды прокричали, и спрятался за невысокой земляной насыпью на краю низины перед околицей в ожидании, когда лисица побежит обратно с добычей. Низина заросла сухим и тонким камышом в половину человеческого роста. Осенью скопившаяся здесь стоячая вода покрывалась коркой белого льда, который

мог выдержать взрослого, коричневые головки камыша подрагивали на холодном утреннем ветру, а далеко-далеко на восточном краю неба на лёд падал свет потихоньку набиравшего силы солнца, отчего лёд начинал блестеть, как чешуя карпа. Затем восточный край небосвода вспыхнул, лёд и камыш окрасились холодным светом мёртвой крови. Лао Гэн почувствовал лисий запах, а потом увидел, что густой камыш медленно расступается, словно покатые волны, и снова быстро смыкается. Лао Гэн поднёс к губам закоченевший указательный палец правой руки и подул на него, а потом положил на заиндевевший спусковой крючок. Лисица выскочила из зарослей камыша и встала на белом льду. Лёд вспыхнул алым цветом, будто кто-то зажёг огонь. На исхудалой морде зверя замёрзла тёмно-красная куриная кровь, а к усам прилипли сероватые куриные крылья. Она изящно ступала по льду. Лао Гэн крикнул, лисица замерла и прищурилась, глядя на земляную насыпь. Лао Гэн задрожал всем телом, поскольку еле уловимый гнев в глазах животного лишил его сил. Лисица горделиво направилась в заросли камыша у кромки льда, где была её нора. Лао Гэн зажмурился и выстрелил. Приклад с силой отлетел назад, и от удара у Лао Гэна аж половина руки занемела. Лисица, словно огненный шар, закатилась в заросли камышей. Лао Гэн поднялся с дробовиком в руках, глядя на тёмно-зелёный пороховой дым, рассеивающийся в чистом небе. Он знал, что лисица с ненавистью смотрит на него из зарослей. Стоя под серебряным небом, Лао Гэн казался выше и массивнее, чем обычно. В душе разливалось чувство, похожее на стыд. Он сожалел о содеянном, и ему на ум пришла мысль: лиса весь год выражала ему доверие и сегодня, точно зная, что он спрятался за насыпью, всё равно спокойно двинулась дальше, словно бы проверяя совесть охотника. Он выстрелил, без сомнения, предав тем самым своего иноплеменного друга. Гэн опустил голову, глядя на камыши, в которых скрылась лисица, и не обернулся, даже когда за спиной раздался нестройный топот.

Потом он внезапно ощутил, как вверх по телу прокатилась волна холодных уколов. Гэн подался всем телом вперёд, развернулся и выронил дробовик на лёд. За поясом ватных штанов потекло что-то горячее. На него наступали почти двадцать солдат, облачённых в тёмно-жёлтую форму, у каждого в руках винтовка с блестящим штыком. Лао Гэн невольно вскрикнул от ужаса: «Японцы!»

Солдаты окружили его, и каждый нанёс удар в спину или в живот. Он издал звук, вроде того, каким лисы подзывают к себе пару, и повалился на лёд, ударившись лбом, отчего лёд раскололся. От обжигающей крови на гладкой поверхности льда возникали неровности и рытвины. В полуобморочном состоянии Лао Гэн ощутил, как верхнюю половину тела печёт, как в огне, и обеими руками начал с силой разрывать старый ватник.

Лао Гэн словно во сне увидел, что та красная лисица вышла из камышей, обошла вокруг его тела, а потом присела рядом, сочувственно глядя на него. Шкура лисы ярко блестела, а чуть раскосые глаза напоминали два изумруда. Лао Гэн ощутил, как тёплая лисья шкура приблизилась вплотную к его телу, и ожидал, что лиса начнёт рвать плоть острыми зубами. Он понимал, что человек, предавший доверие, хуже скотины, и умер бы без сожаления, даже если бы лиса загрызла его. Лиса высунула прохладный язык и принялась лизать раны Лао Гэна.

Лао Гэн твёрдо уверен, что та лиса, отплатившая добром за обиду, спасла ему жизнь — ведь в целом мире, пожалуй, не сыщешь второго человека, выжившего после восемнадцати ударов штыком. На языке у лисы определённо было чудодейственное средство, поскольку, по словам Лао Гэна, там, где лиса вылизывала его, тут же возникало приятное ощущение, какое

бывает, если нанести мятное масло.

3

Кто-то из деревенских ходил в уездный город продавать соломенные сандалии, а вернувшись, поведал, что Гаоми захвачен японцами, а над уездным городом вывешен флаг с восходящим солнцем. Услышав эту новость, деревенские места себе не находили, ждали, что вот-вот грянет беда. Пока все были охвачены страхом и мучились от дурных предчувствий, два человека жили себе без печали и забот, занимаясь каждый своим делом — вольный охотник Лао Гэн, о котором уже упоминалось выше, и Рябой Чэн, который играл на свадьбах и похоронах и полюбил петь арии из пекинской оперы.

При встрече с другими людьми Рябой Чэн говорил:

— Чего вы боитесь? Чего переживаете? Мы же не чиновники, а простые люди. Теперь ни императору не надо зерно отдавать, ни Гоминьдану налоги платить, велят нам лечь, так мы ложимся, велят на колени встать — встаём. Кто нас осмелится покарать? Ну-ка, скажите мне!

Его увещевания многих успокоили, народ снова начал спать, есть, работать. Однако вскоре слухи о зверствах японцев долетели сюда, словно северный ветер: из трупов складывают сторожевые башни, вырывают сердца и скармливают собакам, насилуют шестидесятилетних женщин, на столбах электролиний развешивают людские головы. Хотя Лао Гэн и Рябой Чэн и дальше служили образцом беззаботности, а люди по-прежнему хотели бы следовать их примеру, петь по чужим нотам не получалось, и даже во сне они не могли забыть бесчеловечные картины, что рисовала молва.

Рябой Чэн не переставал радоваться: после новости о том, что японцы вот-вот придут и обнесут их дочиста, в деревне и за её пределами накопились целые кучи собачьего дерьма — такое впечатление, что крестьяне, которые раньше наперегонки его собирали, обленились, дерьмо никто не собирал, словно бы оно ждало только его одного. Чэн тоже вышел из деревни, когда петухи прокукарекали три раза, и за околицей встретил Лао Гэна с дробовиком за спиной, они поздоровались и разошлись каждый своей дорогой. Когда на восточной стороне небо покраснело, корзинка Рябого Чэна заполнилась с горкой. Он поставил её на землю, взял лопату и встал на земляном валу к югу от деревни, вдыхая сладкий и прохладный воздух, аж в горле засвербело. Потом откашлялся, сделал паузу и громко запел, обращаясь к утренней заре на горизонте:

— Я как росток после засухи вкушаю благодатный дождь…

И тут грянул выстрел.

Драная войлочная шляпа слетела с головы, Рябой Чэн втянул шею и камнем слетел в канаву под земляным валом. Он с гулким стуком ударился головой о мёрзлую землю, но не почувствовал боли, а потом увидел кучу золы у подбородка, тут же валялся старый веник, а рядом лежала дохлая крыса, вся в золе. Рябой Чэн не понимал, жив он или уже умер, и попробовал подвигать руками и ногами. Конечности двигались, хотя и с трудом. В штанах было мокро и липко. Сердце обдало ужасом, он подумал: «Всё, конец. Меня ранило». Рябой Чэн осторожно сел, сунул руку в штаны и пошерудил там, с трепетом ожидая, что рука будет обагрена кровью, но, когда поднёс ладонь к глазам, увидел, что она вся желтовато-коричневая. В нос ударил запах гнилых пшеничных ростков. Рябой Чэн попробовал вытереть руку о землю на дне рва, но ничего не вышло. Тогда он схватил веник и начал вытирать руку об него и тут вдруг услышал громкий крик:

— Встать!

Рябой Чэн поднял голову и увидел, что кричал человек лет тридцати с вытянутым и острым, словно лезвие, смуглым лицом и длинным подбородком. На голове у него была коричневая шапка, а в руке он держал чёрный пистолет. За ним виднелось несколько десятков широко расставленных ног в жёлто-коричневых штанах и обмотках, накрученных крест-накрест на икры. Рябой Чэн скользнул взглядом дальше вверх по ногам, по бёдрам, по туловищам и наконец увидел десятки чужеземных лиц с застывшим на них счастливым выражением — такое бывает у людей, которые долго сидели над дыркой в туалете и наконец-то смогли испражниться. Квадратный белый флаг с восходящим солнцем болтался на фоне красного утреннего света. В животе у Рябого Чэна всё перевернулось, а кишки заурчали от робкой радости опорожнения.

— Вылезай! — сердито крикнул ему парень в коричневой шапке.

Рябой Чэн затянул пояс и, пригнувшись, вскарабкался наверх. Он был крайне напряжён и боялся сделать лишнее движение рукой или ногой, глазные яблоки помутнели. Чэн не знал, что говорить, только кланялся.

Коричневая шапка, шмыгая носом, поинтересовался:

— В деревне есть гоминьдановцы?

Рябой Чэн с недоумением уставился на него.

Один японский солдат, подняв окровавленный штык, прицелился Рябому Чэну в грудь. Холод, исходивший от штыка, колючками впился в глаза и живот. Он услышал, как урчит у него в желудке, внутренности пульсировали, растущая радость от освобождения кишечника заставляла руки и ноги подёргиваться. Японец что-то крикнул и резко опустил штык вниз, отчего ватник с треском разорвался, и наружу вылезла вата, а грудная мышца сбоку заболела так, как если бы её вспороли. Всё тело сжалось в комок, и из него чуть было не полилось всё сразу — слёзы, сопли, дерьмо и моча.

Японец прокричал какую-то длинную фразу, похожую на гроздь винограда. Рябой Чэн с болью и надеждой смотрел на свирепое лицо солдата, а потом громко разрыдался.

Коричневая шапка ткнул Чэна в лоб стволом пистолета:

— Не реви! Генерал хочет с тобой поговорить! Какая деревня? Сяньшуй?

Чэн, сдерживая рыдания, покивал.

— В вашей деревне кто-нибудь плетёт сандалии из соломы? — спросил японец, чуть смягчив тон.

Невзирая на боль, Чэн поспешил заискивающе ответить:

— Есть, есть, есть.

— Вчера в Гаоми была ярмарка, кто-нибудь ходил на неё продавать сандалии?

— Да-да-да, — ответил Чэн.

Горячая кровь побежала от груди на живот.

— А Солёный есть?

— Не знаю… нет…

Коричневая шапка влепил ему звонкую пощёчину.

— Ну-ка говори, есть Солёный или нет?

— Есть, господин генерал. — Он снова обиженно всхлипывал. — Господин генерал, у нас в каждой семье есть соленья!

— Мать твою, что ж ты дураком прикидываешься? Я спрашиваю, есть ли здесь человек по прозвищу Солёный. — Коричневая шапка разошёлся не на шутку, хлёстан его по лицу. —

Хитрая сволочь, отвечай, есть ли в деревне человек по прозвищу Солёный?

— Да… то есть нет… да… нет… господин генерал, не бейте меня… не бейте, господин генерал… — пролепетал Рябой Чэн. От ударов у него начала кружиться голова.

Японец что-то сказал. Коричневая шапка сдёрнул с себя головной убор, поклонился в пояс, а потом повернулся к Чэну, и улыбка тут же сползла с его лица. Он толкнул Чэна и сердито буркнул:

— Показывай дорогу! Найди всех, кто плетёт соломенные сандалии!

Рябой Чэн, памятуя о корзине и лопате, оставшихся на насыпи, помимо воли обернулся, но тут же по его щеке едва не полоснул блестящий штык. Он понял, что жизнь дороже корзины для навоза и лопаты, и больше не поворачивал головы, а пошёл в сторону деревни на подгибающихся ногах. За ним шли несколько десятков японцев, под подошвами меховых сапог скрипела заиндевелая трава. Из-за утла стены опасливо лаяли серые собаки. Небо постепенно светлело, половина солнца давила на серо-коричневую землю. Плач младенцев резко контрастировал с охваченной тишиной деревней, в которой затаился страх. Слаженные шаги японских солдат напоминали ритмичную барабанную дробь, сотрясали барабанные перепонки и отдавались в грудной клетке. Рана на груди горела, содержимое штанов стало липким и холодным. Чэн подумал, что он ужасно невезучий, остальные перестали собирать собачье дерьмо, а он как назло пошёл, и вот ему досталась такая дерьмовая доля. Чэна обижало, что японцы не оценили его покорности. Надо побыстрее привести их к местным мастерам, плетущим соломенные сандалии. А кто из них Солёный, тому не поздоровится. Рябой Чэн увидел вдалеке ворота своего дома, в промоинах на кровле, оставшихся после летних ливней, проросло несколько пучков белой травы, над трубой поднимался столб синего дыма. Никогда ещё Рябой Чэн не испытывал такой сильной привязанности к родному дому. Когда всё закончится, он сразу же вернётся туда, наденет чистые штаны и велит жене присыпать известью рану на груди, а не то кровь уже скоро вытечет до последней капли. Перед глазами летали зелёные мушки, ноги стали ватными, к горлу подступала тошнота. Никогда ещё Рябой Чэн, известный на весь дунбэйский Гаоми своей игрой на соне, не находился в столь затруднительном положении. Ноги подкашивались, в глазах плескались два озерца ледяных слёз. Он подумал о своей красавице жене: сначала она была недовольна тем, что вышла за парня с лицом, изрытым оспой, но потом ей пришлось смириться — как говорится, курица следует за петухом, а сука — за кобелём.

4

Ранним утром за деревней раздался выстрел, разбудивший мою вторую бабушку, которая во сне дралась с бабушкой. Она села, чувствуя, как сильно колотится сердце, и долго не могла понять: что-то случилось там, за околицей, или же ей всё приснилось. За окном уже пробивались слабые утренние лучи, на оконном стекле размером с ладонь виднелись причудливые морозные узоры. Вторая бабушка почувствовала, что плечи замёрзли, слегка повернула голову и посмотрела на свою спящую дочку (мою тётку), посапывающую у неё под боком. Ровное и спокойное дыхание пятилетней девочки уняло страх в сердце второй бабушки. Она подумала, что это, наверное, Лао Гэн выстрелил в какого-нибудь зверя, и сама не знала, насколько же её догадка близка к истине — а уж тем более не знала, что когда она, посидев немного, снова заползёт под одеяло, острые штыки японцев будут протыкать неподатливое тело Лао Гэна. Тётка перевернулась, закатилась под грудь второй бабушке, та обняла девочку, ощутив на своей коже тёплое дыхание дочери. С тех пор как бабушка выставила Ласку за порог, прошло много лет, за это время дедушку успели обманом вывезти в Цзинаньскую управу, и он едва не лишился жизни. Ему удалось спастись, он бежал обратно в родные места, а бабушка к тому моменту уже стала жить у главы «Железного братства» по кличке Чёрное Око. Хотя в ходе поединка с Чёрным Оком дедушка и был повержен, однако случившееся вызвало из глубин бабушкиной души ту сильную любовь, которую просто так не уничтожить. Бабушка догнала тогда дедушку, они вместе вернулись в деревню и возобновили торговлю вином. Дедушка убрал оружие и завязал с разбойничьей жизнью, став на несколько лет зажиточным крестьянином. В тот период больше всего хлопот ему доставляла постоянная ревность бабушки и второй бабушки друг к другу. Результатом стало заключение «трёхстороннего договора», по которому дедушка десять дней жил у бабушки, потом десять у второй бабушки, и это правило нельзя было нарушать. Дедушка строго придерживался этого условия, поскольку ни одна из двух женщин не была тихоней.

Вторая бабушка обнимала маленькую тётку, а на сердце у неё разливалась сладкая тоска. Вот уже третий месяц как она снова беременна. Беременные женщины обычно становятся добрее и нежнее, но при этом они нуждаются в опеке и защите. Вторая бабушка не стала исключением. Загибая пальцы, она считала дни в ожидании дедушки. Он должен был прийти на следующий день… И тут за околицей снова раздался резкий выстрел.

Вторая бабушка быстро поднялась и оделась непослушными руками. Слухи о том, что японцы вот-вот придут, чтобы обобрать деревню дочиста, давно долетали до её ушей. Она целыми днями тревожилась, душу её охватили чёрные предчувствия великой беды.

Вторая бабушка даже хотела вернуться вместе с дедушкой, пусть ей даже придётся терпеть оскорбления от бабушки — уж всяко лучше, чем трястись от страха в Сяньшуй. Она осторожно высказала эту идею дедушке, но тот ответил отказом. По-моему, дедушка не позволил ей вернуться только потому, что боялся вражды между женщинами. Вскоре он горько пожалел о своём решении. На следующий день он стоял в лучах тёплого солнца, какое бывает в конце десятого лунного месяца, во дворике с многочисленными следами диких животных, и видел, что его ошибка привела к ужасной трагедии.

Тётка тоже проснулась, открыла блестящие глазки, похожие на медные пуговки, широко зевнула, потом протяжно вздохнула. Вздох дочки растревожил вторую бабушку, она посмотрела на слёзки, выступившие у девочки, и долго не отваживалась ничего сказать.

Тётка сказала:

— Мам, одень меня.

Вторая бабушка достала красную ватную курточку и с удивлением посмотрела на личико дочки, которая обычно с трудом поднималась с постели, а тут вдруг сама попросилась. Личико сморщилось, бровки и уголки губ опустились вниз, как у маленькой старушки. Сердце второй бабушки затрепетало, она ощутила, как от красной курточки идёт колючий холод. Её душу накрыла волна жалости, она принялась нашёптывать молочное имя тётки, горло напрягалось, как струна, готовая в любой момент оборваться:

— Сянгуань… Сянгуань… погоди, мама тебе курточку нагреет…

— Мам, не надо…

У второй бабушки брызнули из глаз слёзы, она не осмеливалась взглянуть на старческое выражение на личике дочери, которое не сулило ничего хорошего, и поэтому метнулась к очагу, словно бы сбегала. Она подожгла пучок соломы и прогрела влажную курточку. Разгоревшись, солома начала трещать, словно кто-то стрелял из винтовки. Курточка под неспокойными языками пламени трепыхалась, будто ветхое знамя, при этом огонь колол руки второй бабушки, как ледяные колючки. Солома скоро потухла, белёсый пепел сохранял форму сухих соломинок и скручивался, прежде чем исчезнуть. Голубоватый дым поднимался к потолку, в комнате возник небольшой сквозняк. Тётка из внутренней комнаты подала голос, и вторая бабушка опомнилась. Она вернулась с курточкой, от которой исходило тепло, в комнату и увидела, что тётка уже уселась, завернувшись в одеяло; бледное нежное личико ребёнка резко выделялось на фоне фиолетового ватного одеяла. Вторая бабушка сунула бессильные ручки девочки в рукава. Тётка вопреки обычному своему поведению была очень покорной, и даже внезапно раздавшиеся уже в деревне звуки взрывов не прервали медленный процесс одевания.

Казалось, взрывы доносились откуда-то из-под земли, такими они были глухими и долгими, белоснежная блестящая бумага на окне дрожала, слышно было, как во дворе вспорхнули воробьи, прилетевшие в поисках пищи. Только-только прекратились взрывы, как стрельба возобновилась. В деревне начался ужасный галдёж, несколько хриплых голосов перекрикивались на японском. Вторая бабушка крепко прижала к себе тётку, и они вместе задрожали.

Голоса на короткое время стихли. В деревне повисла пугающая мёртвая тишина, слышна была лишь тяжёлая поступь, да время от времени пронзительно лаяла собака, или же раздавались резкие звуки выстрелов. Затем снова прокатились два мощных взрыва, люди кричали, как свиньи перед забоем, а потом, словно бы река прорвала дамбу, вся монотонно дрожавшая деревня разом заголосила: причитали женщины, плакали младенцы, кудахтали куры, взлетавшие на ограды, протяжно ревели ослы, пытавшиеся вырваться на свободу. Все эти звуки смешались. Вторая бабушка заперла входную дверь на деревянный засов, а ещё нашла две палки, чтобы подпереть её изнутри, после чего запрыгнула на кан и сжалась в комок в уголке, ожидая злой участи. Она сильно скучала по дедушке и при этом люто его ненавидела. Когда он на следующий день заявится, она закатит истерику и скандал. Яркий солнечный свет падал на крошечное стекло. Он растопил морозные узоры, превратив их в две прозрачных капли воды, которые стекли к краю окна. В деревне продолжали стрелять, и со всех сторон доносились женские крики. Разумеется, вторая бабушка понимала, почему голосят эти женщины. Она давно уже наслушалась, что японские солдаты как животные, даже старух и тех не пропускают. В комнату просочился дым и смог, затрещал огонь, и на

фоне этого треска раздавались дикие крики мужчин. Страх парализовал Ласку. Она услышала, как кто-то дубасит в ворота, а ещё по улице пугающим вихрем разлеталась странная японская речь. Маленькая тётка вытаращила глаза, подумала минутку и громко разревелась. Вторая бабушка заткнула ей рот рукой. Створки ворот со скрипом дрожали. Вторая бабушка спрыгнула с кана, зачерпнула из-под котла пригоршню золы и вымазала лицо себе и маленькой тётке. Створки ворот готовы были разлететься в щепки от ударов. От напряжения у Ласки затрепетали веки. Они не щадят старух, но уж брюхатую-то женщину не должны тронуть? В душе молнией сверкнула идея. Она взяла с кана круглый узелок, развязала пояс штанов, засунула туда узелок, после чего затянула пояс двумя мёртвыми узлами и поправила штаны, разгладив узел, чтобы не выдать себя. Тётка, сжавшись в уголке, смотрела за странными телодвижениями матери.

Ворота с размаху открылись, одна из створок тяжело упала на землю. Услышав звук обрушившихся ворот, вторая бабушка подскочила к очагу и ещё раз вымазалась сажей. Во дворе уже раздавалось курлыканье японцев. Вторая бабушка забежала в комнату, заперлась там, запрыгнула на кан, прижала к себе дочку и затихла. Японцы стрекотали что-то по-своему и выбивали входную дверь прикладами винтовок. Дверь была тоньше ворот и поддалась практически с первого удара. Ласка услышала, что дверь открылась и палки, которыми она подпёрла её изнутри, упали. Японцы вошли в дом, и последней преградой служила теперь двустворчатая дверка, ведущая в жилую комнату. Дверца это по сравнению с массивными воротами и крепкой входной дверью была совсем уж хлипкой, словно бы сделанной из папье-маше. Раз уж натиск японцев не смогли сдержать ни ворота, ни входная дверь, то раскурочить эту им и вовсе легче лёгкого, всё будет зависеть оттого, захотят ли они вообще её ломать, двигает ли ими желание выбить её и заполучить трофей. Несмотря ни на что, вторая бабушка надеялась на счастливый случай: пока хрупкая преграда отделяла её от японцев, все опасности, навеянные слухами и воображением, так и остаются в слухах и воображении, не превращаясь в реальность. Японцы громко топали и о чём-то быстро переговаривались, а вторая бабушка под эти звуки с замиранием сердца уставилась на дверцу. Створки были кирпично-красного цвета, местами на них скопилась пепельно-серая пыль, а на белом засове виднелись несколько пятнышек засохшей тёмно-красной крови — это была кровь хорька. Вторая бабушка вспомнила, как от сильного удара хорёк пронзительно заверещал, а когда голова его треснула, словно сухая арахисовая скорлупа под ногами, упал и несколько раз перекатился, подметая хвостом лёгкий снежок, потом дёрнулся и замер. Вторая бабушка до глубины души ненавидела этого старого хорька. Однажды вечером осенью одна тысяча девятьсот тридцать первого года она пошла на гаоляновое поле накопать немного осота.[129] На маленьком могильном холмике, залитом багряно-красной зарёй и поросшем сухой травой, стоял тот самый старый хорёк. Всё его тело было золотисто-жёлтым, а морда чёрная, будто её обмакнули в тушь. Она увидела хорька, когда присела в поле по малой нужде. Зверёк стоял на задних лапах, подняв передние и указывая ими в сторону Ласки. Вторую бабушку словно бы молнией ударило, мощная судорога взметнулась от ступнёй и пробежала дальше вверх по позвоночнику до самой макушки. Ласка упала, словно её разбил паралич, и отчаянно закричала, а когда пришла в себя, над полем уже сгустилась тьма, и в чёрном, как смоль, небе тревожно и загадочно пульсировали звёзды, напоминавшие большие зёрна. Вторая бабушка на ощупь выбралась из гаолянового поля и пошла в сторону деревни. Перед глазами без конца то возникало, то пропадало яркое видение — золотистый хорёк, очертания которого

поблёскивали светом пшеничных колосьев. От этого видения нестерпимо хотелось открыть рот и орать что есть мочи. Она и правда закричала и даже сама поняла, что звук, вырывающийся из горла, непохож на человеческий и, услышав его, перепугалась. Вторая бабушка долго была не в себе, деревенские поговаривали, что хорёк наслал на неё проклятье. Она ощущала, что действует по его указке — то вдруг громко плачет, то ржёт, то бормочет какую-то ерунду, то вдруг делает что-то непонятное. Каждый раз, когда по её позвоночнику проскальзывало ощущение удара молнией, ей казалось, будто тело расколото на две половинки. Ласка из последних сил барахталась в тёмно-красном болоте похоти и смертельных соблазнов, то тонула, то всплывала, но, показавшись над поверхностью, снова уходила на дно. Она обеими руками хваталась за верёвку, которая помогла бы выбраться из трясины желаний, но стоило напрячься, как верёвка сама превращалась в часть этой трясины, и вторая бабушка, перестав себя контролировать, снова тонула. В ходе этой мучительной борьбы перед глазами неизменно стоял образ золотистого хорька с чёрной мордой — он насмехался над ней, обметал её своим сильным хвостом, и каждый раз, когда хвост касался тела, с её губ срывался возбуждённый крик, который она не могла сдержать. В конце концов хорёк выматывался и уходил, а бабушка падала на землю в полубессознательном состоянии, из уголка рта показывалась белая пена, а тело покрывала плёнка пота, словно золотая фольга. Чтобы освободить вторую бабушку от этого морока, дедушка верхом на муле отправился в уезд Байлань за экзорцистом Отшельником Ли. Экзорцист зажёг курительные свечи, написал на жёлтой бумаге какие-то непонятные знаки, а потом, когда курительные свечи превратились в пепел, смешал его с кровью чёрной собаки, зажал второй бабушке нос и вылил снадобье в горло. В тот момент Ласка истошно кричала, била ногами и руками, и душа её покидала тело. Однако после такой процедуры ей с каждым днём становилось всё лучше и лучше. Впоследствии этот хорёк пришёл воровать кур, и между ним и большим красным петухом с жёлтыми ногами развернулась нешуточная борьба. Петух выклевал ему один глаз, и, пока хорёк корчился от боли, катаясь по снегу, вторая бабушка, не побоявшись мороза, выскочила голышом во двор с деревянным засовом в руке, прицелилась в бесстыжую уродливую морду и ударила что было сил. Наконец-то она отомстила хорьку за содеянное. Она так и стояла в оцепенении на снегу с окровавленным засовом в руках, а потом слегка отклонилась назад и начала наносить беспорядочные удары, превратив старого хорька в мясную подливу, и только потом ушла к себе, всё ещё пылая гневом.

Когда вторая бабушка смотрела на пятна крови хорька, засохшие на дереве, её охватил тот же давно забытый трепет. Она ощутила яростную дрожь глазных яблок и услышала, как из горла вырвался крик, напугавший её саму.

Тоненькие створки закачались и тут же распахнулись, и в комнату ворвался японский солдат в золотистом обмундировании с винтовкой, на которую был насажен штык. Вторая бабушка дико закричала, но при этом ей хватило одного взгляда, чтобы рассмотреть японца: в мгновение ока его отталкивающая физиономия превратилась в обличье того самого золотистого хорька с чёрной пастью, который погиб от её рук. Кустик чёрных волос над острым подбородком и вороватое выражение лица делали японца точной копией старого хорька — вот только он был крупнее, более золотистым и ещё более коварным. Опыт безумия, сокрытый в глубинах памяти Ласки, проявился резко, как никогда сильно и ярко. От её вопля у тётки заложило уши, она страшно перепугалась при виде перепачканного золой лица матери и губ, трепетавших, словно птичьи крылья. Девочка высвободилась из

железной хватки матери, запрыгнула на подоконник и села там, глядя на шестерых японских солдат, которых видела в первый и последний раз.

А солдаты уже стояли перед каном, держа в руках винтовки «Арисака-38» с примкнутым штыком. В комнате сразу стало тесно, на лицах японцев застыли коварные и глуповатые усмешки — как у хорьков. В глазах ребёнка их лица напоминали блины из гаоляновой муки, только-только снятые со сковородки — золотистые, румяные, красивые, тёплые и родные. Малышка немного опасалась штыков на винтовках и ужасно боялась перекошенного, словно ковш из тыквы-горлянки, лица матери, но всё прочее её не страшило, лица японцев казались ей даже притягательными.

Солдаты оскалились, демонстрируя аккуратные, а у кого и редкие зубы. Вторая бабушка отчасти вновь оказалась во власти того морока, который навёл на неё хорёк и с которым она не могла ничего поделать, а отчасти её испугали усмешки японцев. По этим усмешкам она догадалась, что ей грозит страшная опасность — как в прошлом она абсолютно верно угадала намёк на разврат в движении лап старого хорька. Ласка закричала, закрыла руками живот и сжалась в уголке.

К кану протиснулся солдат лет тридцати пяти-сорока, примерно ста шестидесяти пяти сантиметров росту или, возможно, чуть ниже. Он снял с себя фуражку и поскрёб лысеющую голову. Его лицо покраснело от натуги. Потом японец сказал на ломаном китайском:

— Твоя, цветочек,[130] не надо боятися…

Он приставил винтовку к кану, а сам опёрся о край рукой, неуклюже забрался на кан и пополз ко второй бабушке, словно жирный опарыш. Ласке нестерпимо хотелось спрятаться в щёлочку в стене, слёзы полились потоком, смыв золу с лица и открыв взгляду дорожки смуглой блестящей кожи. Японец скривил губы, протянул мясистые короткие пальцы и ущипнул вторую бабушку за щёку. Как только рука солдата коснулась её кожи, она испытала такое сильное отвращение, как если бы жаба заползла к ней в штаны. Она завопила ещё сильнее. Японец схватил вторую бабушку за ноги и рывком потянул на себя, отчего она улеглась на кан, гулко стукнувшись о стену затылком. В таком положении живот выпячивался горкой. Японец сначала пощупал выпуклость, потом ухмыльнулся и что есть мочи дал по фальшивому животу кулаком. Прижав коленями её ноги, он развязал пояс на штанах. Вторая бабушка отчаянно сопротивлялась, а потом, нацелившись на нос, нависавший над ней как головка чеснока, изо всех сил укусила его. Японец вскрикнул, разжал руки, закрыл окровавленный нос и зло посмотрел на Ласку, сжавшуюся в комочек. Японцы рядом с каном хором заржали. Немолодой японец достал замызганный платок и прижал к носу, потом встал на кане, и выражение, свойственное поэтам-лирикам, читающим стихи про любовь, разом куда-то делось, обнажив его подлинное хищное обличье шакала. Он взял винтовку и нацелился в выпирающий живот второй бабушки. Пробивавшийся через окно солнечный свет падал на штык, поблёскивавший холодным блеском. Вторая бабушка издала последний безумный хрип и крепко зажмурилась.

Маленькая тётя сидела на подоконнике и внимательно наблюдала, как толстый японец пристаёт к матери. Она не прочла на его лице нехороших намерений и даже с любопытством ловила солнечных зайчиков, которые пускала его лысина. Ей скорее были неприятны звериные крики матери. Но стоило ей увидеть, что выражение лица солдата резко изменилось и он прицелился штыком в её живот, как душу девочки охватил ужас. Маленькая тётя метнулась с подоконника к своей матери.

Японец с острым подбородком и впалыми щеками, который первым проник в комнату,

сказал несколько слов стоявшему на кане толстяку, а потом сам запрыгнул на кан, спихнул оттуда толстяка и с насмешливой улыбочкой смотрел, как тот, исходя злобой, стоит перед каном с окровавленным носом. Солдат повернулся, не выпуская винтовки, и свободной рукой, костлявой и смуглой, ухватил девочку за хвостики, напоминавшие морковную ботву, выдернул из рук матери, как морковку из сухой земли, с силой размахнулся и закинул малышку обратно на подоконник — но она рикошетом прилетела обратно на кан. Гнилая рама переломилась, в оконной бумаге образовалась дырка. Плач застрял у маленькой тёти в горле, личико посинело. Та часть тела и души второй бабушки, которую подчинил себе образ золотого хорька, внезапно высвободилась, и она словно самка животного бросилась к своему детёнышу, но японский солдат ловко пнул её в живот. Хотя удар на самом деле пришёлся по узелку, спрятанному в штанах, однако через тряпьё, которым был набит узелок, настоящий живот второй бабушки тоже испытал сильную встряску. Её с силой отбросило к тонкой перегородке, и она глухо ударилась спиной и головой. Перед глазами потемнело. Сев, она почувствовала острую боль внизу живота, словно из него вырвали кусок. Плач, скопившийся в горле у маленькой тёти, вырвался наружу, это был громкий протест с лёгким привкусом крови. Вторая бабушка окончательно пришла в себя, и теперь худощавый японский солдат, стоявший перед ней, уже окончательно отделился от образа золотистого хорька. У японца было худое лицо, высокая переносица, чёрные блестящие глаза, как у человека красноречивого и эрудированного. Вторая бабушка встала на колени на кане, обливаясь слезами, и, всхлипывая, запричитала:

— Господин служивый… пощадите нас… пощадите… неужели у вас дома не осталось жён, дочек… и сестрёнок…

У японца на щеках мышцы дёрнулись пару раз, словно мелкие мыши, а чёрные глаза заволокло небесно-синим туманом — если он и не понял слов женщины, то вроде бы догадался, почему она так горько рыдает. Вторая бабушка заметила, что под звонкий детский плач он передёрнул плечами, а мыши-мышцы на его щеках задёргались ещё сильнее, придавая лицу страдальческое выражение. Он малодушно глянул на товарищей, столпившихся у кана, а Ласка проследила за его взглядом и тоже посмотрела на пятерых японских солдат. На их лицах застыли разные выражения, но вторая бабушка почувствовала, что под твёрдой оболочкой суровых обличий медленно клокочет нежно-зелёная субстанция. Однако японцы усердно сохраняли эту оболочку, напуская на себя зверский вид, и ехидно посматривали на стоявшего на кане худощавого солдата. Тот быстро отвёл взгляд, и вторая бабушка тут же посмотрела ему прямо в глаза. Небесно-синяя дымка застыла, как туча, несущая с собой дождь, гром и молнии. Желваки ходили ходуном. Он заскрежетал зубами, будто борясь с каким-то внутренним чувством, а потом нацелил блестящий штык в открытый ротик маленькой тёти.

— Ты, снимай штаны! Снимай! — Язык не слушался японца, когда тот говорил по-китайски, однако у худощавого китайский был лучше, чем у лысеющего толстяка.

В этот момент нервы второй бабушки, которая только-только отогнала от себя образ хорька, сдали. Стоявший перед ней японец то напоминал ей учёного, то походил на золотистого хорька с чёрной мордой. Ласка билась в конвульсиях и подвывала. Японец уже почти вонзил штык в рот малышки. Сильная боль и материнское чувство, похлеще того, что бывает у волчиц, отрезвили бабушку. Она сдёрнула с себя штаны, сняла куртку, рубашку, разделась догола, а потом ещё и с силой швырнула тот узелок, что прежде запихнула в брюки, и он больно ударил по лицу совсем ещё молодого и симпатичного японца. Узелок

упал на землю, а молодой парень уставился на неё прекрасным затуманенным взором. Вторая бабушка разнузданно рассмеялась, глядя на японцев, а потом по её лицу ручьём полились слёзы. Она легла на кан и громко сказала:

— Давайте! Делайте, что хотели! Только дитя моё не трогайте!

Японец, что стоял на кане, убрал штык, его руки повисли, как мёртвые. При виде смуглого женского тела цвета поджаренного гаоляна японцы вытаращили глаза, лица их окаменели, как у глиняных болванчиков. Вторая бабушка в оцепенении ждала, в голове у неё всё помутилось.

Я сейчас думаю: если бы над великолепным телом второй бабушки склонился только один японский солдат, смогла бы она спастись от измывательств? Нет, не смогла бы, поскольку самец хищника в человеческом обличье, когда ему не нужно притворяться культурным, окончательно теряет голову, сбрасывает с себя прекрасный вышитый головной убор[131] и бросается на добычу, как дикий зверь. При обычных обстоятельствах мощная моральная сила вынуждает животных, скрывающихся среди людской толпы, прятать щетину, покрывающую всё тело, под красивой одеждой. Стабильное и мирное общество — тренировочная площадка для людей, ведь если надолго запереть в клетке тигра и шакала, то и у них начнут появляться человеческие черты. Может такое быть? Или не может? Так может или нет? Если бы я не был мужчиной и имел при себе острый нож, способный убить человека, то вырезал бы всех мужчин в Поднебесной. Возможно, если бы тогда над телом второй бабушки склонился лишь один японец, то он вспомнил бы о матери или о жене и тихо убрался бы прочь. Могло же такое быть?

Шестеро японских солдат застыли перед обнажённым телом второй бабушки, напоминающим жертву на алтаре. Никто не хотел уходить и не осмеливался на такой шаг. Вторая бабушка лежала, выпрямившись, словно большая щука, которая сушится под палящим солнцем. Маленькая тётка уже охрипла от плача, голос её ослаб, она лишь прерывисто всхлипывала. На самом деле японцев подчинил себе дух самопожертвования второй бабушки: добродетельная мать лежала перед чьими-то сыновьями, и каждый из них задумался о своей жизни.

Мне кажется, потерпи вторая бабушка ещё немного, и она, возможно, одержала бы победу. Эх, Ласка, зачем же ты поспешно вскочила и начала одеваться?! Стоило тебе сунуть ногу в штанину, как японцы возбудились и тот толстяк, которому ты расквасила нос, отбросил в сторону винтовку и запрыгнул на кан. Ты с отвращением смотрела на его разбитый нос и не могла сдержать безумия. Худощавый японец, который хитростью покорил тебя, ударом ноги скинул толстяка с кана и, размахивая кулаками, принялся кричать на остальных на непонятном тебе языке. Затем он навалился на тебя, его прерывистое дыхание, похожее на предрассветный крик петуха, и вонь изо рта, напоминавшая конский навоз, фонтаном били тебе в лицо.

Перед глазами снова возник образ золотистого хорька с чёрной мордой. Ты дико заорала, и эти крики взбудоражили японцев, которые тоже хором заорали.

Лысый толстый чёрт стащил с твоего тела обмякшего худого чёрта, и вот уже свирепое лицо толстяка нависло вплотную над твоим. Ты с омерзением зажмурилась, ощущая, как в утробе трепыхается из последних сил трёхмесячный плод. Ты слышала, как плачет дочка — такой звук бывает, когда точат ржавый нож. Японец сопел, как свинья, а остальные перетаптывались рядом с каном и похабно гоготали. Твёрдые зубы лысого впились в твоё

лицо, словно бы в отместку за то, что ты укусила его за нос. На лице смешались слёзы, кровь и слюна, капавшая из его рта. Вязкая, липкая слюна. У тебя самой внезапно пошла горлом ярко-алая горячая кровь, запах которой заполнил всю носоглотку. Плод корчился в утробе, вызывая такую боль, будто тебе вскрывают внутренности, все мышцы и нервы напряглись и судорожно сокращались. Ты почувствовала, как плод силится спрятаться в глубине твоего тела, скрыться от несмываемого позора. В твоей душе вспыхнул огонь гнева, и, когда щека японца коснулась твоего лица, ты обессиленно укусила его. Плоть была податливой, как резина, и слегка кисловатой на вкус, ты с отвращением разжала зубы, и в этот момент напряжённые мышцы и нервы полностью расслабились, и тебя парализовало…

Затем она услышала издалека истошный крик дочки. Она с трудом разлепила веки и увидела ужасную картину: тот красивый молодой солдатик стоял на кане и штыком поддел малышку, пару раз качнул из стороны в сторону и с силой отшвырнул. Маленькая тётя, словно птичка с распахнутыми крыльями, полетела с кана вниз. В солнечном свете красная курточка распахнулась и развевалась, как нежная шёлковая лента. Девочка в полёте раскинула ручки, а её волосы встали дыбом, как колючки у ёжика. Молодой японец поднял винтовку, из его глаз текли синие слёзы.

Вторая бабушка пыталась крикнуть, силилась подняться, однако тело уже умерло, перед её глазами мелькнула жёлтая пелена, после чего всё вокруг залил зелёный свет, а потом её поглотил чёрный прибой.

Рубите японцам головы!

Гаолян покраснел, и пришли черти.

Растоптали нашу землю, обесчестили мою вторую бабушку.

Патриоты всей страны, настало время вступить в схватку с агрессором.

Берите ножи, винтовки, совки для золы и скалки, бейте чертей, защищайте родной край, отомстите за всё!

5

На следующее утро в Сяньшуй приехал дедушка верхом на одном из тех самых чёрных мулов. В путь он отправился спозаранку, а добрался, когда солнце уже поднялось над горами. Перед отъездом он повздорил с бабушкой, всю дорогу пребывал в поганом настроении и не обращал внимания на бесконечно сменявшийся калейдоскоп ярких красок на чернозёме дунбэйского Гаоми и на блестящие зелёные крылья ворон, посягавших на рассвет. Он безжалостно подстёгивал чёрного мула, и тот с ненавистью косился на хозяина, считая, что и так уже мчится во всю прыть и не может бежать быстрее. На самом деле мул и правда бежал очень быстро. В то утро наш чёрный мул, который вёз дедушку, летел извилистой дорогой через поля, вскидывая копыта так, что подковы блестели, будто ущербный месяц. На дороге остались следы осенней грязи и глубокие узкие колеи от деревянных колёс. Побледневший дедушка выпрямился, словно жердь, и его то и дело подкидывало вверх. Полевые мыши, с утра занятые поисками пищи, в панике разбегались.

Накануне дедушка с дряхлеющим дядей Лоханем пробовали вино в лавке, и тут услыхали звуки выстрелов и взрывов, доносившиеся с северо-запада. У дедушки ёкнуло сердце, он выбежал на улицу, но там было всё спокойно, а потому он вернулся в лавку и продолжил пить с дядей Лоханем. Дядя Лохань по-прежнему заведовал производством на нашей семейной винодельне. Пока дедушку считали убитым, а бабушка в одна тысяча девятьсот двадцать девятом году ушла из дома, работники всей толпой уволились и разбрелись кто куда в поисках средств к существованию, но дядя Лохань, словно верный сторожевой пёс, охранял наше добро и упорно верил, что тёмные времена вот-вот закончатся и впереди ждёт рассвет. В итоге дедушка, как оказалось, уцелел, сбежал из тюрьмы, снова помирился с бабушкой, и они вернулись домой. Бабушка с моим отцом на руках вместе с дедушкой приехала из лагеря в устье реки Яньшуй и постучала в заброшенные ворота. Дядя Лохань, словно живой мертвец, вышел из хибарки, в которой ютился, и при виде хозяев упал на колени, а по его чумазому лицу в два ручья потекли горячие слёзы. В благодарность за высоконравственное поведение и верность дедушка с бабушкой относились к дяде Лоханю как к родному отцу и полностью поручили ему производство, не прося отчитываться о выручке и тратах на винокурне.

Когда на юго-восточном краю неба поднялось солнце, снова раздались звуки выстрелов, напоминающие стук бобов, подпрыгивающих на сковородке, и дедушка отчётливо различил, что стреляли рядом с Сяньшуй, а то и в самой деревне. Дедушка заволновался так, будто душу его объяло пламя, и вывел мула, собираясь ехать, однако дядя Лохань уговорил его ещё подождать и посмотреть, а не мчатся сломя голову, чтобы не попасть в беду. Дедушка послушался и мерил шагами лавку в ожидании новостей от одного из работников винокурни, которого Лохань отправил на разведку. Ближе к полудню запыхавшийся работник прибежал обратно, весь в поту и брызгах грязи, и отчитался: перед рассветом японцы окружили деревню, что там происходит, непонятно, он спрятался в камышах в трёх ли от деревни и слышал душераздирающие крики, а ещё видел несколько столбов пламени, взметнувшихся над деревней. Когда работник ушёл, дедушка, запрокинув голову, выпил до дна чарку гаолянового вина и поспешил в комнату, чтобы отыскать маузер, который припрятал в стене и давным-давно уже не видел.

Выскочив из лавки, дедушка столкнулся с несколькими оборванными бледными

крестьянами из Сяньшуй, которым посчастливилось сбежать. Среди них были супруги, которые вели под уздцы шелудивого старого осла с выпученными глазами. По бокам осла болтались две корзины: в левой лежал разодранный ватник, а в правой сидел мальчик лет четырёх. В глаза дедушки бросились огромная голова ребёнка на тонкой длинной шее и оттопыренные мясистые уши с длинными мочками. Мальчик сидел в корзине с безмятежным видом, без тени страха и покрасневшим от ржавчины лезвием поломанного серпа строгал белый ивовый прутик. От усилий он поджимал губы, а из корзины то и дело вылетали тонкие закрученные стружки. Во внешнем виде этого мальчика была какая-то притягательная сила, и, расспрашивая его родителей о том, что происходит в Сяньшуй, дедушка не мог собраться с мыслями и оторвать взгляд от сосредоточенных движений строгающего прутик ребёнка и огромных ушей, символизирующих счастье.[132] Родители мальчика наперебой рассказывали, что творят японцы в деревне. Им самим удалось вырваться исключительно благодаря сыну, который со вчерашнего дня начал капризничать и плакать, уговаривая родителей поехать проведать бабушку по материнской линии, и они ни увещеваниями, ни угрозами не могли заставить его успокоиться. В итоге они согласились, сутра пораньше приготовили осла и, когда к востоку от деревни раздались первые взрывы, бежали из Сяньшуй, а за их спинами японцы уже окружали деревню со всех сторон. Другие беженцы тоже рассказывали истории о счастливом спасении. Дедушка расспрашивал о Ласке и дочери, однако в ответ беженцы в ужасе мотали головами и бормотали что-то невразумительное. Мальчик в корзине перестал строгать прутик, сложил руки на животе, поднял голову над краем корзины, закрыл глаза и обессиленно спросил:

— Что встали? Смерти ждёте?

Родители ребёнка остолбенели, словно бы размышляя над провидческими словами сына, и внезапно опомнились. Мать бросила равнодушный взгляд на дедушку, а отец хлопнул осла по заду, после чего все крестьяне словно бездомные псы или рыбы, вырвавшиеся из сетей, торопливо двинулись вдоль улицы. Дедушка проводил их взглядом, особенно ушастого ребёнка. Предчувствия его не обманули — спустя двадцать лет маленький ублюдок и впрямь стал злым духом на грешной земле дунбэйского Гаоми.

Дедушка бросился в западный двор, вскрыл стену и поискал маузер, но тщетно. Там, куда он сунул оружие, остался лишь след. Дедушка обернулся, и взгляд его поймал бабушкину презрительную улыбку. Выражение её лица было мрачным, кончики тонких изогнутых бровей опустились, губы скривились.

— Где маузер?

Уголки губ поползли наверх, она наморщила нос и фыркнула, выпустив две струйки холодного воздуха, а потом повернулась к дедушке боком и принялась обметать постель на кане метёлкой из куриных перьев.

— Где маузер? — завопил дедушка.

— Чёрт его знает, где там этот твой маузер! — ответила бабушка, покраснев и уже практически стегая метёлкой ни в чём не повинную постель.

— Отдай маузер, — с трудом сдерживая тревогу, попросил дедушка. — Японцы окружили Сяньшуй, мне нужно проведать Ласку и ребёнка.

Бабушка сердито развернулась:

— Ну так вали! Моё-то какое дело?

— Отдай маузер!

— Я не знаю, где твой маузер, так что нечего с меня требовать!

Дедушка подскочил к ней:

— Ты что, украла маузер и подарила Чёрному Оку?!

— Да, подарила! А ещё я с ним спала! И мне было приятно и радостно! Я получала удовольствие!

Дедушка, оскалился, сжал руку в кулак и дал бабушке прямо в нос, да так, что потекла чёрная кровь. Бабушка вскрикнула от боли и рухнула на пол, но стоило ей подняться, как дедушка нанёс второй удар, на этот раз по шее. Удар был такой силы, что бабушка отлетела на несколько метров и упала на спину в углу.

— Шлюха! Потаскуха! — Дедушка от бешенства скрежетал зубами.

В его крови забурлила, словно отравленное вино, обида, нанесённая несколько лет назад. Дедушка вспомнил, какой жуткий стыд испытал, когда Чёрное Око одним ударом опрокинул его на землю, вспомнил, сколько раз представлял себе, как бабушка стонет, тяжело дышит и похабно кричит под Чёрным Оком. Внутренности превратились в клубок змей, его бросило в жар, словно опалило солнце в разгар лета. Он схватил дверной засов, вырезанный из древесины жужуба, и прицелился в окровавленную голову моей жизнелюбивой бабушки, привставшей на кане…

— Названый отец! — громко крикнул отец, вбежав с улицы, и дедушка застыл с поднятым засовом.

Не крикни тогда отец, бабушка непременно погибла бы, но судьба предопределила ей гибель не от рук дедушки, а от пуль японцев, ей была уготована смерть яркая, как созревший красный гаолян.

Бабушка на коленях подползла к дедушке и горячими руками обвила его крепкие, как сталь, мускулистые ноги. Она подняла помрачневшее лицо и запричитала:

— Чжаньао… родненький… убей ты меня… убей… Ты представить не можешь, как я не хочу, чтоб ты уходил, как мне тяжко от этого. Ты уйдёшь и не воротишься, японцев тьма-тьмущая, а ты, считай, с голыми руками, как говорится, конь да пика, но, родненький мой, ведь даже тигру не одолеть волчью стаю. Всё эта шлюха виновата. Я тебя и у Чёрного Ока не забывала! Ты не можешь пойти на верную смерть! Если ты погибнешь, то и мне жизни нет. А если ты непременно хочешь ехать, так ведь десять дней ещё не кончились, только завтра срок наступит. Она у меня отобрала половину тебя… Но коли уж так сильно твоё желание, то иди сейчас… я тебя уступлю на денёк…

Бабушка прижалась лбом к дедушкиным коленям, и он почувствовал, что её голова горяча, как печка, а в его мозгу замелькали мысли обо всех достоинствах бабушки. Дедушка сожалел о том, что натворил. Увидев, что отец спрятался за дверью, он горько раскаялся, что дал волю рукам. Дедушка наклонился, подхватил почти лишившуюся чувств бабушку и переложил на кан, решив поехать к Ласке на следующий день с утра. А пока пусть их с дочкой бережёт Небо!

Дедушка мчался на муле по дороге, ведущей из нашей деревни в Сяньшуй. Пятнадцать ли казались бесконечностью, и, хотя у чёрного мула из-под копыт летел ветер, дедушка всё равно сетовал, что едет медленно, и безжалостно стегал его по крупу. Но пятнадцать ли никак не заканчивались. Глина по бокам колеи разлеталась под копытами во все стороны, над широким полем висела лёгкая пыль, по небу плыли продолговатые чёрные тучи, похожие на реки, а от Сяньшуй тянуло странным запахом.

Наконец дедушка на муле ворвался в деревню. Ему некогда было смотреть на валявшиеся на улице трупы людей и животных, он помчался прямиком к воротам дома

второй бабушки, скатился с седла и вбежал во двор. При виде сломанных ворот сердце похолодело, а когда он учуял во дворе густой запах крови, оно сжалось, отказываясь воспринимать случившееся. Дедушка вбежал в прихожую, тяжело переступил через валявшуюся дверцу — и тут сердце камнем ухнуло вниз. Вторая бабушка осталась лежать, раскинув руки и ноги — в этой позе она пожертвовала телом ради дочки. А маленькая Сянгуань распласталась перед каном прямо на полу в луже крови, её рот широко открылся в безмолвном крике…

Дедушка взревел, вытащил пистолет, спотыкаясь, выбежал на улицу, запрыгнул на ещё не успевшего отдышаться чёрного мула и больно ткнул его стволом в зад — он должен мчаться в уездный город, найти японцев, отомстить. Только увидев заросли сухого камыша, торжественно вытянувшегося в струнку в лучах восходящего солнца, дедушка понял, что поехал не той дорогой. Он развернул мула и поскакал к городу. Дедушка смутно различал какие-то крики за спиной, но, охваченный помешательством, не повернул головы, а лишь продолжал подгонять мула, тыча в него пистолетом. Уже не в состоянии выдерживать жестокую пытку, мул высоко вскидывал задние ноги, задирая круп, и чем сильнее он сопротивлялся, тем больше злился дедушка, а чем яростнее он бил животное стволом, тем выше мул вскидывал копыта. Дедушка вымещал лютую ненависть к японцам на несчастном животном, и мул начал дёргаться и метаться и в итоге сбросил ездока в гаоляновое поле.

Дедушка поднялся с земли, словно раненый зверь, и прицелился в узкую морду взмыленного чёрного мула. Тот твёрдо стоял на всех четырёх копытах и тяжело дышал, повесив голову, на его крупе выросла шишка величиной с куриное яйцо, из которой сочились ниточки чёрной крови. Дедушка пытался держать руку твёрдо, но она дрожала. И в этот момент из красного солнечного света вылетел наш второй чёрный мул, на котором сидел дядя Лохань. Глянцевая шкура мула блестела, словно присыпанная золотистой пудрой. Под его копытами скрещивались, словно ножницы, ослепительные солнечные лучи.

Дядя Лохань соскочил на землю, старческое тело по инерции качнулось вперёд, и он едва не свалился. Встав между мулом и дедушкой и опустив дедушкину руку с пистолетом, он сказал:

— Чжаньао, не пори горячку!

При виде дяди Лоханя гнев превратился в скорбь и возмущение, из глаз брызнули слёзы. Хриплым голосом дедушка пробормотал:

— Дядя… с ними… несчастье.

Охваченный горем, дедушка присел на корточки, но дядя Лохань помог ему подняться:

— Хозяин, как говорится, для благородного мужа и через десять лет отомстить не поздно. Вернёмся и позаботимся о них, пусть мёртвые упокоятся в земле.

Дедушка встал и, покачиваясь, побрёл в сторону деревни, а за ним поплёлся дядя Лохань, ведя мулов под уздцы.

Вторая бабушка не умерла. Она открыла глаза и посмотрела на дедушку и Лоханя, которые стояли перед каном, пристально глядя на неё. При виде густых ресниц, затуманенных глаз, прокушенного носа и щеки и опухших губ дедушка испытывал такую муку, будто сердце по живому резали ножом, и к этой боли примешивалось раздражение, от которого не получалось избавиться. Глаза второй бабушки медленно наполнились слезами, губы едва заметно пошевелились.

— Родной мой…

— Ласка! — с горечью крикнул дедушка.

Дядя Лохань молча попятился назад и вышел.

Дедушка наклонился над каном, чтобы одеть вторую бабушку. Каждый раз, когда он касался её кожи, Ласка внезапно громко вскрикивала и начинала что-то бессвязно бормотать, как несколько лет назад, когда золотистый хорёк навёл на неё морок. Придерживая её трепыхавшиеся руки, дедушка натянул штаны на омертвевшие грязные ноги.

Дядя Лохань вернулся и сообщил:

— Хозяин, я сходил к соседям и взял у них телегу. Надо их обеих увезти.

Дядя Лохань вопросительно посмотрел на дедушку, и тот покивал. Тогда дядя Лохань взял два одеяла, выбежал во двор и постелил их на телегу.

Дедушка поднял Ласку, придерживая под коленками и за шею, словно бы бесценное сокровище, бережно переступил через порог прихожей, прошёл по двору со следами японских солдат и вышел через выломанные ворота к телеге, развёрнутой в юго-восточном направлении. Дядя Лохань впряг в телегу мула, а второго мула, у которого весь круп был в кровоподтёках, привязал сзади. Дедушка уложил на телегу вторую бабушку, которая не переставала вскрикивать и смотрела перед собой. Устроив Ласку поудобнее, он повернулся и увидел, как дядя Лохань, весь в слезах, несёт на руках тельце маленькой Сянгуань. Дедушка ощутил, как его горло сжимает клещами огромная рука. Слёзы стекали в носоглотку, он резко закашлялся, почувствовал приступ дурноты, схватился рукой за оглоблю, обернулся и увидел, как изумрудный диск солнца накатывает на него с юго-востока словно огромное колесо.

Дедушка взял на руки маленькую тётю и, опустив голову, посмотрел на сведённое от боли личико. Из его глаз покатились жгучие слёзы.

Он положил трупик девочки у обездвиженных ног Ласки, потянул одеяло за уголок и накрыл личико с застывшей на нём гримасой ужаса.

— Хозяин, садитесь! — велел Лохань.

Дедушка безучастно уселся с края, свесив ноги.

Дядя Лохань потянул за уздечку, и чёрный мул потихоньку двинулся с места. Несмазанные колёса громко заскрипели, потом хрустнули, и телега тронулась, покачиваясь. Они покинули пределы деревни, выехали на дорогу и повернули на запах гаолянового вина из нашей винокурни. Дорога между деревнями была очень ухабистой, телега затряслась сильнее, колёса скорбно взвизгивали, словно издавали последний в жизни крик. Дедушка развернулся и закинул обе ноги на телегу. Под эту тряску Ласка вроде как заснула, но тёмно-серые глаза оставались широко открытыми. Дедушка поднёс руку к её носу и успокоился, только, ощутив слабое дыхание.

Когда несчастная телега выехала на равнину, небо над головой казалось бескрайним морем, чернозём — материком, а редкие деревеньки-дрейфующими островами. Дедушка сидел в телеге, и всё вокруг ему казалось зелёным.

Что же до нашего большого чёрного мула, то упряжь оказалась для него слишком тесной, а телега — слишком лёгкой. Ему хотелось бежать, но дядя Лохань натягивал узду в его пасти, отчего мул ужасно обижался и нарочно высоко вскидывал копыта.

Дядя Лохань ворчал себе под нос:

— Вот ведь скоты… Нелюди… По соседству всю семью убили… хозяйке живот вскрыли… ребёночек, что только-только оформился, лежит сверху… Грех-то какой… А плод этот — как мышонок без шкуры… В котлах моча плещется… вот же скоты…

Дядя Лохань разговаривал сам с собой. Возможно, он и знал, что дедушка его слышит,

но не поворачивал головы. Он крепко ухватился за хомут, не давая мулу воли, и тот встревоженно размахивал хвостом, словно бы обметая оглобли. Второй мул, что шёл за телегой, понурил голову, и непонятно было, какое выражение преобладает на его длинной морде: злость, стыд или отчаяние.

6

Отец чётко помнил, что телега, на которой к нам домой привезли вторую бабушку и труп его сестрёнки, добралась до нашей деревни к полудню. Тогда дул сильный северо-западный ветер, на улицах пыль стояла столбом, а на деревьях шуршала листва. Воздух был сухим, и у отца шелушились губы. Когда он увидел, что на околице появилась длинная телега, в которую запряжён один из чёрных мулов, а второй тащится позади, то пулей помчался поздороваться. Он заметил, что дядя Лохань ковыляет, прихрамывая, а колёса телеги вращаются с трудом. В уголках глаз мула, дедушки и дяди Лоханя образовалась корочка, похожая на воробьиный помёт, а на неё налип слой серой пыли. Дедушка сидел в телеге, сложив руки перед грудью, как глиняный божок. При виде всего этого отец не рискнул открыть рта. Он отбежал метров на двадцать от телеги и своим носом, а точнее, не совсем носом, а чем-то сродни чутью у животных уловил исходивший от телеги недобрый дух. Отец помчался домой и, задыхаясь, крикнул бабушке, мерившей шагами комнату:

— Мам, мам! Названый отец вернулся! Мул тащит телегу, в ней труп! Названый отец сидит в телеге, дядя Лохань ведёт мула, а за телегой привязан ещё один мул.

Когда он закончил свой доклад, бабушка изменилась в лице, замялась ненадолго, а потом выбежала на улицу вслед за отцом.

Большая телега ещё раз-другой дёрнулась, скрипнула и остановилась у наших ворот. Дедушка неуклюже спрыгнул и налитыми кровью глазами уставился на бабушку. Отец испуганно смотрел в эти глаза, и они напомнили ему камень «кошачий глаз» на берегах Мошуйхэ, цвет которого менялся с каждым мгновением. Дедушка со злостью сказал, обращаясь к бабушке:

— Ты ведь этого хотела!

Бабушка не рискнула оправдываться, она с опаской подошла, а вслед за ней и отец приблизился к телеге. Под одеялом, в складках которого скопился толстый слой чернозёма, лежал какой-то выпуклый предмет. Бабушка приподняла уголок и тут же отдёрнула руку, будто обожглась. А отец сверхчувствительным взором успел рассмотреть лицо Ласки, похожее на гнилой баклажан, и перекошенный одеревеневший рот сестрёнки.

Этот распахнутый рот вызвал у отца воспоминания. Вопреки воле бабушки он несколько раз ездил в Сяньшуй. Дедушка велел ему называть Ласку второй мамой. Поскольку вторая бабушка относилась к отцу с большой теплотой, то и он был о ней хорошего мнения. В глубинах памяти отца давно уже сформировался образ второй бабушки, и он встретился с ней, как со старым другом. Малышка Сянгуань заполняла всё вокруг сладким обращением «братик». Отцу очень нравилась смуглая младшая сестрёнка, нравился мягкий светлый пушок, пробивавшийся на её лице, и блестящие глазёнки, похожие на медные пуговки. Но каждый раз, когда он увлечённо играл с маленькой тётей, не в силах расстаться с ней, бабушка отправляла кого-нибудь вернуть его домой. Его насильно усаживали на мула, он поворачивался, видел слёзы в глазах малышки, и на душе становилось тяжело. Отец не мог взять в толк, почему мать и Ласка так люто друг друга ненавидят.

Отец вспомнил тот раз, когда ему пришлось идти в Долину мёртвых детей взвешивать детский трупик. Случилось это однажды вечером года два назад. Отец вместе с бабушкой отправились в Долину мёртвых детей, расположенную примерно в трёх ли к востоку от деревни. Так называлось место, где деревенские оставляли трупы умерших ребятишек. По

деревенским традициям детей до пяти лет не хоронили, а просто оставляли под открытым небом на съедение собакам. В те стародавние времена роды принимали дома, медицина была на низком уроне, детская смертность зашкаливала. Выживали сильнейшие.

Мне иногда кажется, что деградация человечества связана с более сытыми и комфортными условиями жизни. Богатство и комфорт — цель человеческой борьбы, стремление к этой цели неизбежно порождает пугающие глубинные противоречия. Получается, что человечество упорно стремится стереть свои же лучшие качества.

Когда отец с бабушкой ходили в Долину мёртвых детей, бабушка бешено увлеклась азартной игрой в «Имена цветов» (нечто сродни популярным ныне лотереям и бонусам за покупки). Существовало огромное количество способов попытаться угадать название «выигрышного» цветка. Этой игрой, в которой нельзя выиграть состояние, но невозможно и проиграться в пух и прах, увлеклись все деревенские, особенно женщины. Дедушка вёл в то время спокойную жизнь зажиточного человека, и деревенские сообща утвердили его кандидатуру на роль ведущего игры. Он вложил в бамбуковые палочки тридцать две бумажки с названиями цветов и каждое утро тянул жребий перед толпой — будет ли то пион, роза или, возможно, шиповник. Победитель, поставивший на выигравший цветок, получал в тридцать раз больше, чем поставил на кон. Разумеется, большая часть денег оседала в карманах дедушки. Женщины, увлекавшиеся этой игрой, проявляли недюжинную фантазию, изобретая множество способов угадать название цветка: некоторые спаивали девчонок и гадали по их нетрезвой болтовне, другие усиленно пытались увидеть выигрышное название во сне…

Все диковинные способы угадать цветок в двух словах и не опишешь, но ходить в Долину мёртвых детей и взвешивать трупы — это был болезненный плод богатого воображения моей бабушки. Она изготовила весы и выбила на их шкале тридцать два названия цветов.

В ту ночь было не видно ни зги. Бабушка растолкала отца, пробудив его от сладкого сна. Отец рассердился и хотел было выругаться, но бабушка прошептала на ухо:

— Ни звука! Пойдём со мной отгадывать выигрышное название.

Отец от природы испытывал интерес ко всем таинственному, а потому тут же загорелся идеей, оделся, нахлобучил шапку и, не привлекая внимания дедушки, выскользнул из дома. Он вышел из двора, а потом за околицу. Они с бабушкой ступали очень осторожно, даже ни одной собаки не потревожили. За левую руку отца держала бабушка, а в правой он нёс маленький фонарик из красной бумаги. Бабушка же правой рукой вела отца, а в левой несла свои необычные весы.

Когда они оказались за околицей, отец услышал, как в поле, среди широких зелёных листьев гаоляна, гуляет юго-восточный ветер, и учуял запах речной воды, доносившийся издалека от Мошуйхэ. В потёмках они держали путь в сторону Долины мёртвых детей, и, когда отошли примерно на одно ли от деревни, глаза отца привыкли к темноте. Он начал различать серо-коричневую дорогу и гаолян в половину человеческого роста по обе стороны от неё. Шуршание гаоляна добавляло ночи таинственности, а пронзительные крики совы, спрятавшейся невесть на каком дереве, наносили на таинственный ночной фон слой ужаса цвета ржавчины.

Сова ухала как раз с большой ивы посреди Долины мёртвых детей. Она наелась мертвечины и теперь спокойно сидела на ветке. Когда они подошли вплотную к иве, сова не шелохнулась и продолжала кричать. Ива росла в самом центре болотистой низины, и при

свете дня были видны кроваво-красные кисточки, спускавшиеся с дерева. Отец почувствовал, как в листве сурово поблёскивают зелёные глаза совы. У него застучали зубы, от подошв вверх до затылка двумя змейками пополз холодок. Отец с силой сжал бабушкину руку и почувствовал, что его голова вот-вот треснет от наполнявшего её ужаса.

В Долине мёртвых детей стоял сильный трупный запах, под ивой сгустилась такая кромешная тьма, что в ушах отца словно начали стрекотать цикады. С дерева падали редкие дождевые капли величиной с медную монетку, оставляя яркие следы в непроницаемой мгле. Бабушка потянула отца за руку, заставляя опуститься на корточки. Он послушно присел, при этом его руки и ноги коснулись буйной травы. Жёсткие острые листья кололи подбородок. Спине вдруг стало очень холодно, будто множество мёртвых детских глаз уставились на него. Он услышал топот маленьких ножек и весёлый смех.

Бабушка с треском ударила кремнём о кресало, и слабые красные искры осветили её дрожащую руку. Трут зажёгся, бабушка начала раздувать огонь, с шумом всасывая и выпуская струю воздуха. Заплясали языки пламени, и внезапно в тёмной низине загорелся неяркий свет. Бабушка зажгла красную свечку в бумажном фонаре, и теперь шар красного света напоминал одинокую неприкаянную душу. Сова на дереве прекратила ухать, мёртвые дети сгрудились вокруг отца, бабушки и красного фонарика.

Бабушка принялась обыскивать Долину, несколько десятков мотыльков с шумом бились о бумажный фонарь. Трава здесь была спутанной, земля — вязкой, бабушке с её крошечными ножками идти было неудобно, поскольку каблуки то и дело проваливались в землю. Отец не знал, что именно ищет бабушка, было любопытно, но он не решался спросить, просто шёл молча следом. Раскиданные кругом останки мёртвых детей источали кислый запах. В зарослях густой травы лежала скатанная в трубочку циновка. Бабушка отдала отцу фонарь, поставила весы на землю, а сама нагнулась и развернула циновку. В свете красного фонаря бабушкины пальцы показались отцу похожими на скрученных розовых червяков. Циновка сама развернулась до конца, и он увидел мёртвого младенца, укутанного в тряпьё.

На голове младенца не было волос. У отца задрожали икры. Бабушка схватила весы и зацепила крюком лохмотья, в которые был завёрнут ребёнок. Одной рукой она держала весы, а второй подбирала гирьку нужного веса. Ветхие тряпки затрещали, и младенец полетел на землю, гиря упала прямо на ногу бабушке, а коромысло весов стукнуло отца по голове. Отец ойкнул и чуть не выпустил из рук фонарь. Сова на иве зашлась диковинным хохотом, словно бы высмеивала их глупое поведение. Бабушка подняла с земли гирю и с силой всадила крюк прямо в тельце. От неприятного звука, с каким крюк входил в плоть, отец поёжился. Он отвернулся, а когда снова повернул голову, увидел, что бабушкина рука скользит по коромыслу весов, пока они не пришли в равновесие. Бабушка жестом велела поднести фонарь поближе. В красном свете было видно, что стрелка стоит чётко на надписи «пион».

Когда отец вслед за бабушкой добрался до околицы, то позади всё ещё раздавались сердитые уханья совы.

Бабушка решительно поставила деньги на «пион». Но в тот день выпала «роза». А бабушка тяжело заболела.

Глядя на широко раскрытый ротик маленькой Сянгуань, отец вдруг вспомнил, что у того мёртвого ребёнка тоже был открыт рот. В его ушах звучали то печальные, то весёлые крики совы, мышцы жадно впитывали влажный воздух болотистой долины, поскольку от северо-западного ветра с частичками пыли пересыхал язык, а на сердце скапливалась

тревога.

Отец увидел, как зло дедушка смотрел на бабушку — словно готов был броситься на неё и сожрать. Бабушка внезапно сгорбилась, склонилась над телегой и принялась молотить кулаками по одеялу и со слезами приговаривать:

— Ласка… сестрёнка… Сянгуань… девочка моя…

Под звуки её плача гнев на лице дедушки потихоньку смягчился. Дядя Лохань подошёл к бабушке и тихим голосом увещевал:

— Хозяйка, не плачьте, давайте сначала домой их занесём.

Бабушка отдёрнула одеяло, подхватила маленькую Сянгуань на руки и поковыляла в дом. Дедушка понёс следом вторую бабушку.

Отец остался стоять на улице, глядя, как дядя Лохань распрягает мула — тесной упряжью ему натёрло бока, — а потом отвязывает того мула, что шёл позади телеги. Мулы принялись кататься прямо на улице, они то тёрлись животами о землю, то ложились на спину. Вдоволь накатавшись, они поднялись на ноги и отряхнулись, подняв в воздух облака мелкой пыли, похожей на дымку. Дядя Лохань повёл мулов в восточный двор. Отец двинулся было за ним, но дядя Лохань остановил его:

— Доугуань, иди домой. Иди домой.

Бабашка сидела перед печью и разводила огонь под котлом, наполовину заполненным водой. Отец проскользнул в дальнюю комнату и увидел вторую бабушку, лежащую на кане с отрытыми глазами, её щёки то и дело сводила судорога. Маленькая сестрёнка лежала на краю кана, на лицо девочки накинули красное покрывало, скрыв страшное выражение. Отец снова вспомнил, как они с бабушкой ходили в Долину мёртвых детей. Ржание мулов на восточном дворе до ужаса напоминало крики совы. Отец учуял трупный запах и подумал, что вскоре и Сянгуань ляжет в Долине мёртвых детей на съедение совам и диким собакам. Он даже представить не мог, что после смерти человек становится таким уродливым, но обезображенное личико Сянгуань под красным покрывалом притягивало к себе, отцу хотелось откинуть покрывало и рассмотреть его.

В комнату вошла бабушка с тазом горячей воды, поставила таз на кан и подтолкнула отца к выходу:

— Выйди!

Отец сердито вышел и услышал, как за спиной захлопнулась дверь. Он не мог унять любопытства и стал подглядывать через щёлочку. Дедушка и бабушка присели на кане, сняли со второй бабушки одежду и бросили перед каном. Мокрые брюки упали с тяжёлым стуком. Отец снова учуял тошнотворный запах крови. Руки Ласки безвольно повисли, с губ слетел какой-то неприятный звук, который тоже напомнил отцу уханье совы в Долине мёртвых детей.

— Подержи ей руки, — бабушка обратилась к дедушке так, словно просила о снисхождении, при этом их лица скрывала завеса пара.

Бабушка выловила из медного таза белое полотенце, отжала его, и горячая вода полилась обратно в таз. Полотенце было горячим и обжигало бабушке ладони, поэтому она начала перекладывать его из одной руки в другую. Потом она развернула полотенце и положила на чумазое лицо второй бабушки. Поскольку дедушка крепко держал руки Ласки, той оставалось лишь бешено крутить головой. Из-под горячего полотенца вырывались приглушённые крики ужаса, похожие на уханье совы. Когда бабушка сняла с лица Ласки полотенце, оно было грязным-прегрязным. Бабушка выполоскала полотенце в тазу, снова

отжала и начала постепенно протирать тело Ласки, продвигаясь сверху вниз…

Пар над тазом рассеялся. Бабушкино лицо заливал горячий пот.

— Пойди вылей грязную воду, принеси чистой, — сказала она дедушке.

Отец поспешно выскочил во двор и наблюдал, как дедушка, сгорбившись и спотыкаясь, поднёс таз к низкой стене туалета и выплеснул воду. Вода блеснула разноцветным водопадом, но тут же исчезла.

Когда отец снова прижался к щёлочке в двери, тело второй бабушки уже блестело, словно натёртая до блеска мебель из красного дерева. Её крики превратились в стоны от боли. Бабушка велела дедушке поднять Ласку, вытащила из-под неё простыню, скомкала и бросила под кан, потом постелила чистый матрас и бельё. Дедушка уложил её, бабушка сунула ей между ног большой комок ваты, а потом накрыла её одеялом и тихо сказала:

— Сестрёнка, спи… мы с Чжаньао будем тебя охранять.

Вторая бабушка спокойно закрыла глаза.

Дедушка снова пошёл вылить воду.

Когда бабушка обмывала тельце маленькой Сянгуань, отец набрался смелости, проскользнул в комнату и встал перед каном. Бабушка мельком глянула на него, но не стала выгонять. Она вытирала с тела девочки засохшую кровь и поливала его ручьём слёз, а когда закончила, прислонилась головой к перегородке и долго-долго не двигалась, словно мёртвая.

Вечером дедушка завернул маленькую тётю в одеяло и взял на руки. Отец увязался за ним к воротам, но дедушка велел:

— Доугуань, побудь со своей мамой и второй мамой.

На выходе из восточного двора путь ему преградил дядя Лохань.

— Хозяин, вы тоже вернитесь. Я её отнесу.

Дедушка передал маленькое тельце дяде Лоханю, вернулся к воротам и взял за руку отца, провожая взглядом дядю Лоханя, шагавшего к околице.

7

Двадцать третьего числа двенадцатого лунного месяца одна тысяча девятьсот семьдесят третьего года Гэну Восемнадцать Ударов исполнилось восемьдесят лет. Проснувшись с утра пораньше, он услышал, как в центре деревни громко играют репродукторы. Из динамика раздался слабый старческий голос:

— Юнци…

Грубый мужской голос спросил:

— Мама, тебе получше?

— Нет, голова ещё сильнее сутра кружится…

Опершись о холодную циновку, Гэн Восемнадцать Ударов сел. Он тоже почувствовал, что сутра голова кружится сильнее. За окном пронзительно завывал зимний ветер, снежная крупа с шуршанием била по оконной бумаге. Гэн накинул побитую молью куртку на собачьем меху, сполз с кана, нащупал палку с набалдашником в форме головы дракона и, пошатываясь, побрёл на улицу. Во дворе намело высокие сугробы. Гэн посмотрел поверх глинобитной стены: равнина сделалась серебристобелой, тут и там виднелись скирды гаоляновой соломы, напоминавшие маленькие крепости.

Снежинки падали облачками, непонятно было, когда снег прекратится. Гэн обернулся со слабой надеждой в душе, концом палки поддел крышку на чане с рисом, а потом на чане с зерном. В обоих хоть шаром покати, вчера глаза его не обманули. Гэн не ел уже двое суток, старческие кишки то и дело кололо, он решил отбросить стыдливость и отправиться к секретарю партийной ячейки попросить зерно. Когда животу голодно, тело никакого холода не убоится. Он знал, что секретарь тот ещё ублюдок, у него сердце крепче железа, так что выпросить зерно будет нелегко. Гэн решил нагреть немного воды и попить, чтобы потеплело в животе, а потом отправиться на последний бой с этим ублюдком. Он палкой приподнял крышку чана с водой, но обнаружил в нём лишь кружок льда. Гэн вспомнил, что уже три дня не разжигал огня и десять дней не черпал воду из колодца. Поэтому он нашёл дырявый ковшик, наносил со двора снега, высыпал в потрескавшийся котёл, который никогда в жизни не мыли, закрыл крышкой и поискал хворост — но тщетно. Тогда Гэн зашёл в дальнюю комнату, вытащил из-под циновки на кане пучок пшеничной соломы, а кухонным ножом разрезал подстилку, сплетённую из гаоляна, присел на корточки и начал высекать огонь. Спички, которые раньше стоили два фэня за коробок, давно выдавались по талонам, а те, что поступали в свободную продажу, Гэн не мог себе позволить, у него же ни гроша за душой. В кромешной тьме разгорелись тёплые красные языки пламени. Гэн подался всем телом вперёд, чтобы согреть промёрзший живот, и хотя спереди согрелся, спине всё равно было холодно. Он быстро сунул в печь пучок соломы и тут же развернулся спиной к огню. Теперь согрелась спина, а живот и грудь снова заледенели. Так, когда одна половина тела была холодной, а вторая горячей, стало ещё хуже. Лучше уж вообще не греться. Гэн побыстрее подкинул в огонь травы и стал ждать, когда вода закипит. Ему казалось, что, наполнив водой живот, он сможет схлестнуться с этим молодым ублюдком: ведь не добыв зерна, не получится спокойно проводить бога домашнего очага на небо.[133] Огонь под котлом начал угасать, и Гэн сунул в ненасытную чёрную пасть бога домашнего очага Цзаована последний пучок соломы, молясь про себя, чтобы трава горела помедленнее, однако сухие стебли занялись очень быстро. Гэн подскочил с неожиданной ловкостью, метнулся в комнату и

вытащил из матраса остатки соломы, чтобы продлить агонию пламени и растопить снег в котле. Следом в топку без сожаления отправилась маленькая трёхногая табуретка, а потом он заткнул рот богу домашнего очага облезлой метлой. Бог домашнего очага безостановочно кашлял, выплёвывая клубы чёрного дыма. Гэн от испуга переменился в лице, подцепил палкой веер со стены и начал с шумом нагнетать воздух. Очаг то всасывал дым, то извергал его, но в конце концов перестал кашлять, в его нутре что-то заурчало, и разгорелось яркое пламя. Гэн понимал, что древесина горит хорошо, и он может передохнуть. И без того затуманенные старческие глаза защипало от едкого дыма, по впалым щекам покатились липкие слёзы, несколько капель собирались в одну и падали на бороду, похожую на спутанные волокна конопли. Вода в котле забулькала, и этот звук напоминал песню цикады. Гэн с радостью прислушивался к закипавшей воде, его лицо расплылось в детской чистой улыбке. Но огонь в печи снова начал гаснуть, и на смену улыбке пришёл ужас. Гэн поднялся и начал обшаривать взглядом комнату в поисках чего-то, что можно сжечь. В голове молнией промелькнула история про Ли Тегуая, одного из восьми святых.[134] Якобы он сунул ногу в печь, чтобы согреть, и держал её там, пока нога не начала потрескивать. Жена сказала, мол, подпалишь ногу, станешь хромым. Слова жены сбылись, Ли Тегуай и впрямь охромел. Старый Гэн понимал, что он-то не святой, не стоит жечь и без того больные ноги, но больные не больные, а ему надо добраться до секретаря партийной ячейки и потребовать зерно. В конечном счёте, когда огонь уже почти погас, взгляд Гэна упал на нишу в стене. Там стояла чёрная табличка. Он постучал по табличке палкой, раздался глухой стук, с таблички осыпалась пыль, обнажая прокопчённую за долгие годы древесину. Старческое сердце затрепетало от страха, он внезапно испытал боль, пронзившую его до самых костей, и охваченный этой болью кинул в очаг табличку с именем святой лисы, которой поклонялся тридцать шесть лет. Голодное пламя тут же вытянуло свои языки и принялось облизывать табличку. На поверхности проступили капли тёмно-красной жидкости, словно бы он сжигал плоть той самой красной лисицы… Она тогда без устали зализывала восемнадцать ран на его теле, ощущение от прохладного лисьего языка Гэн не забыл за столько лет. Наверняка на этом языке было чудодейственное снадобье, в этом Гэн не сомневался. После того как он вернулся в деревню, ни одна из ран не воспалилась, даже без лекарств всё само собой зажило. В те редкие случаи, когда Гэн рассказывал молодёжи об этом необычном происшествии, на лицах слушателей появлялось недоверчивое выражение. Тогда Гэн в ярости сдирал с себя одежду, чтобы показать шрамы, но слушатели не верили, даже увидев их. Он глубоко верил: если выживешь в большой беде, в дальнейшем обязательно произойдёт что-то хорошее, — но только счастье всё не приходило. А потом его взяли на государственное обеспечение, и он понял, что счастье пришло. Однако удача снова ускользнула, всем в деревне было на него плевать. Тот недоносок, который сидел в бамбуковой корзине и стругал деревянную палочку, стал секретарём местной партийной ячейки. Если бы во время Большого скачка он не загубил девять жизней, то стал бы секретарём провинциального комитета. А так этот ублюдок отменил его статус… Деревянная табличка горела медленно, будто живая лисица, кроваво-красные языки пламени нагревали котёл, и Гэн услышал бульканье закипевшей воды.

Он прохудившимся черпаком набрал горячей воды и с причмокиванием выпил. Стоило первому глотку попасть в живот, как всё тело задрожало от приятного чувства, а после второго глотка он ощутил себя святым.

Гэн выпил два черпака воды, по всему телу выступил липкий пот, оживились даже

согревшиеся вши, которые просто ползали, но не кусались. Голод стал даже сильнее, но тело, казалось, набралось сил. Он опёрся на палку с набалдашником в виде головы дракона и вышел под сильный снегопад. Под ногами словно бы скрипели яшмовые стружки, а на душе сделалось светло, как в ясный день в начале осени. На улицах не было прохожих, попалась только чёрная собака с толстым слоем снега на спине. Пробежав небольшой отрезок пути, она отряхнулась, и снежинки полетели во все стороны, открывая взору её изначальное обличье, но очень быстро на хребет нападал новый снег. Вслед за собакой Гэн дошёл до дома ублюдка. Чёрные лакированный ворота были крепко закрыты. Яркие зимние цветы ниспадали со стены алыми каплями. У Гэна не было настроения любоваться цветами, он поднялся по каменным ступенькам, сделал несколько вдохов, а потом постучал кулаком по воротам. Во дворе громко залаяли собаки, но людских голосов не было слышно. Гэна охватила ярость, он навалился на чёрную лакированную створку ворот и начал палкой с головой дракона колотить по засову. Собаки во дворе завыли.

Наконец ворота открылись. Сначала наружу выскочила толстая пятнистая собака с лоснящейся шерстью и блестящими глазами. Собака бросилась на Гэна, но тот отогнал её палкой, и собака отбежала в сторону, оскалив два ряда красивых белоснежных зубов, и бешено залаяла. Следом высунулось белое лицо женщины средних лет. Она увидела Гэна Восемнадцать Ударов и доброжелательно спросила:

— Дедушка Гэн, это вы? Что-то случилось?

Гэн Восемнадцать Ударов хриплым голосом сказал:

— К секретарю пришёл.

— Он уехал на собрание коммуны, — с сочувствием сообщила женщина.

— Дай мне войти! — заревел Гэн. — Я хочу спросить, на каком основании он лишил меня обеспечения? Меня японские черти восемнадцать раз штыком пропахали, а я не умер, неужто из-за него подохну от голода?

Женщина с недоумением оправдывалась:

— Дедушка, его правда нет дома. Поехал с утра на собрание. Если вы проголодались, я вас накормлю. Ничего особенного, только лепёшки с бататом.

Гэн холодно отрезал:

— Лепёшки с бататом? Да у вас небось и собаки такое не едят!

Женщина расстроилась:

— Ну, не хотите — как хотите. Его нет дома. Он уехал на собрание в коммуну. Можете там его искать.

Она шмыгнула за ворота и с громим стуком захлопнула створку. Гэн размахнулся палкой и пару раз постучал по лакированному дереву, но тело обмякло, и он чуть было не упал. Ковыляя по улице, уже покрытой снегом глубиной в чи, старик бормотал себе под нос:

— В коммуну, значит… настучу на этого недоноска… скажу, что он угнетает честный народ, провиант мне сократил…

Он тянул за собой ногу, как хромой старый пёс, оставляя на снегу две дорожки следов, одну глубокую, вторую — нет. Гэн шёл долго, но всё ещё улавливал нежный аромат цветов. Потом медленно обернулся и плюнул в сторону чёрных лакированных ворот. А цветы, словно языки пламени, горели среди вихря снежинок.

До ворот коммуны Гэн добрался уже в сумерках. Железные прутья ворот были толщиной с палец, а сверху их оставили заострёнными, чтобы молодым парням неповадно было лазить. Через щели Гэн видел грязный снег во дворе. Там сновали люди в новой форме

и новых шапках, их толстые морды лоснились от довольства. Некоторые держали в руках свиные головы — кончики свиных ушей были кроваво-красными, — другие тащили серебристых рыбин или тушки кур и уток. Гэн постучал палкой по стальным прутьям, раздался звон, но суетившиеся за воротами люди, казалось, были слишком заняты своими делами, они лишь искоса бросали на него холодные взгляды и шли дальше. Гэн сердито заорал:

— Начальник! Меня несправедливо обидели… С голоду помру…

К нему подошёл молодой парень, у которого в нагрудном кармане торчало три авторучки, и холодно рассмеялся:

— Дедушка, ты чего разорался?

При виде ручек Гэн решил, что привлёк внимание большого начальника, бухнулся в снег на колени, ухватился руками за прутья и заголосил:

— Товарищ начальник, меня секретарь нашей партийной ячейки лишил довольствия, я уже три дня не ел, скоро с голоду помру. Японцы в меня восемнадцать раз штык воткнули, я и то выжил, а тут с голода подыхаю…

— Из какой ты деревни?

Гэн удивился:

— Начальник, неужто ты меня не знаешь? Я Гэн по прозвищу Восемнадцать Ударов.

Паренёк рассмеялся:

— А с чего мне это знать? Иди обратно, ищи своего секретаря, у коммуны выходные.

Гэн ещё долго колотил по воротам, но больше на него никто не обращал внимания. В оконное стекло лился тёплый жёлтый свет, на фоне этих ярких окон беззвучно плясали снежинки, похожие на гусиный пух.

В деревне раздалось несколько взрывов петард. Внезапно Гэну подумалось, что пора провожать бога домашнего очага, чтобы он отчитался на небе о прошедшем годе. Он решил возвращаться, но только сделал шаг, как повалился головой вперёд, словно кто-то резко толкнул его в спину. Когда лицо коснулось сугроба, снег показался Гэну необыкновенно тёплым. Он вспомнил тёплую материнскую грудь, даже нет — скорее материнскую утробу. Он лежал в ней, прикрыв глаза, он свободно плыл без забот и печалей, не думая ни о еде, ни об одежде. И оттого, что ему удалось заново пережить это чувство, чувство пребывания в утробе матери, где нет ни голода, ни холода, старик ощутил безграничное счастье. Едва различимый лай собак в деревне заставил его вспомнить, что он давно уже покинул материнскую утробу и пришёл в этот мир. Золотистый свет окон коммуны и огненно-красные цветы во дворе секретаря партийной ячейки буйным пламенем осветили небо. От яркого света резало глаза, снежинки напоминали кружившие в воздухе клочки сусального золота или серебряной фольги; в каждом доме боги домашних очагов, оседлав коней из папье-маше, мчались в далёкое небо. Гэн ощутил, что всё его тело печёт, будто в огне. Он поспешно стянул с себя старую драную куртку — всё равно жарко, снял брюки на ватной подкладке — жар не ушёл… Тогда Гэн стащил с себя рваные ватные туфли и шапку. Он остался голым, словно только что выпал из материнской утробы — жарко! Гэн лежал в сугробе — снег обжигал кожу, он начал кататься в снегу — всё напрасно. Старик жадно глотал снежинки, и они опаляли горло, как песчинки в летний зной. Жарко! Жарко! Он приподнялся и одной рукой ухватился за стальной прут ворот. Металл сжёг руку до мяса. Ладонь приклеилась к воротам, не оторвать. В горле застыл крик: «Жарко! Жарко!»

С утра пораньше тот паренёк с авторучками в кармане вышел, чтобы подмести снег.

Подняв голову и посмотрев на ворота, он невольно побледнел. Вчерашний дед, называвший себя Гэном Восемнадцать Ударов, совершенно голый висел на воротах — как Иисус, принимавший смерть. Лицо его было чёрно-фиолетовым, широко распахнутые глаза смотрели во двор коммуны. На первый взгляд даже не верилось, что этот одинокий старик умер от голода и холода.

Молодой человек специально пересчитал шрамы на теле старика. Их действительно оказалось ровно восемнадцать — ни больше ни меньше.

8

Рябой Чэн привёл японцев в деревню, и они подорвали все мастерские по изготовлению соломенных сандалий, а потом наконец отпустили его. Коричневая шапка сурово спросил:

— Есть ещё мастерские?

Рябой Чэн уверенно ответил:

— Нет, не осталось, правда не осталось!

Коричневая шапка посмотрел на японца, тот покивал, и тогда Коричневая шапка велел:

— Катись!

Чэн опустил голову, наклонился и попятился шагов на двадцать, и только потом развернулся. Очень хотелось пуститься наутёк, но ноги обмякли, сердце бешено колотилось, он не мог бежать. Рану на груди пекло, содержимое штанов было липким и холодным. Чэн прислонился к дереву, чтобы отдышаться, и тут услышал, как из всех окрестных дворов доносятся душераздирающие крики, и ноги сами собой подогнулись. Он сполз, обдирая спиной сухую кору дерева, и сел на землю. Над деревней клубился густой дым от взрывов ручных гранат. Японцы закидали местные подземные мастерские по производству соломенных сандалий через слуховые окна и двери несколькими сотнями чёрных гранат, похожих на маленькие дыньки, а потом бесстрастно ждали, окружив мастерские. Внутри раздались приглушённые взрывы, даже земля под ногами содрогнулась, из слуховых окон валил дым и долетали крики раненых. Японские солдаты заткнули окна травой, крики сделались совсем слабыми, их можно было услышать, только если напрячь слух. Он привёл японцев подорвать двенадцать мастерских. Чэн знал, что три четверти местных мужиков плетут сандалии в мастерских, и сейчас все они мертвы. Внезапно он понял, какую большую ошибку допустил. Не покажи он дорогу, японцы сами не нашли бы мастерскую в закутке на восточном краю деревни. Эта мастерская была одной из лучших, по вечерам здесь собирались по двадцать-тридцать парней, которые плели сандалии из соломы, болтали и смеялись. Японцы закинули туда больше сорока гранат, и от мощного взрыва мастерская обвалилась, превратившись в могилу, лишь ивовый шест, служивший подпоркой для крыши, торчал из земли, словно дуло винтовки, нацеленной в багряное небо.

Чэн испугался. Он пожалел о содеянном. Казалось, он видит вокруг себя знакомые лица, и они гневно его обличают. Это японские черти заставили меня, тыкая штыками. Да если бы я их и не привёл, они всё равно нашли бы и закидали гранатами все мастерские. Мертвецы растерянно переглянулись и тихонько отступили. Чэн смотрел на их изувеченные тела, и, хотя стыда в его сердце не было, он разом весь промёрз изнутри, словно нырнул в ледяную реку.

На последнем издыхании он вернулся домой и увидел, что его красавица жена и тринадцатилетняя дочка лежат посреди двора в разорванной одежде с выпущенными кишками. В глазах Чэна потемнело, он как стоял, так и повалился на землю… Чэн лежал, то чувствуя себя мёртвым, то оживая. А потом побежал на юго-восток. Там на розовом небе плыла большая круглая красная туча, на которой стояли жена, дочка и множество знакомых односельчан. Чэн бежал, запрокинув голову, он догонял эту тучу, но люди на ней относились к нему с презрением. Все плевали в его сторону, даже жена с дочерью. Он поспешно оправдывался, мол, японцы заставили показать дорогу, и он ничего не мог поделать, однако плевки летели с тучи, словно дождь. На глазах Чэна туча поднималась всё выше и выше, пока

не превратилась в кровавую точку. Жена, красивая, молодая, с гладкой фарфоровой кожей — выйти замуж за рябого было для неё позором… Когда он жил в их селе на постоялом дворе, то каждый вечер играл такую жалостливую мелодию, что у девушки внутри всё переворачивалось… Вот она и вышла замуж за музыканта. Однако сона играла одну и ту же мелодию, ей надоело её слушать, изрытое оспинами лицо и раньше раздражало, а теперь и вовсе опостылело. Она убежала с торговцем тканями, но Чэн насильно вернул её домой и избил так, что задница женщины опухла. Что ж, поколоченная жена — как хорошо вымешенное тесто. Супруга полностью посвятила себя семье, родила сначала дочку, потом сына…

Чэн очнулся и принялся искать сына. Восьмилетний мальчик висел вниз головой в чане с водой, его тело стало твёрдым, как дерево.

Рябой Чэн привязал верёвку к дверной раме, скрутил круглую петлю, просунул в неё голову и встал на табуретку. Верёвка сдавила горло. Тут какой-то паренёк подскочил, занёс саблю и перерубил верёвку. Тело Рябого Чэна упало на порог. Паренёк долго приводил Чэна в чувство, а потом сердито сказал:

— Дядя Рябой, неужели японцы мало наших убили? И ты ещё решил с собой покончить?! Живи и мсти, дядя!

Рябой Чэн запричитал:

— Чуньшэнь…твоя тётка и двоюродные сестрёнка и братик погибли! У меня никого и ничего не осталось.

Чуньшэнь, племянник Чэна, с саблей в руке вошёл во двор и вернулся с позеленевшим лицом и красными глазами. Он сгрёб Рябого Чэня в охапку и заставил подняться.

— Дядя, пойдём! Присоединимся к Восьмой армии, она как раз стоит лагерем в двух уездах и набирает людей.

— А как же дом? Пожитки?

— Дурень старый, только что вешаться хотел, кому тогда остались бы все твои пожитки? Пошли!

Ранняя весна одна тысяча девятьсот сорокового года выдалась особенно холодной. Все деревни дунбэйского Гаоми превратились в руины, оставшиеся в живых ютились в землянках, словно сурки. Постепенно голод и холод сдавили глотку и Цзяогаоской части. Всё больше людей болело, командир и солдаты совсем отощали и дрожали от холода в тонкой драной форме. Они встали лагерем в небольшой деревушке рядом с Сяньшуй, и каждый раз на восходе солдаты собирались кучками на стенах, ловили вшей и грелись на солнце. Днём они не отваживались выступить в поход, а ночью стояли такие морозы, что, хотя бойцы и горели желанием бить врага, они бы все насмерть замёрзли или погибли от рук японцев. К этому времени Рябой Чэн уже стал славным героем Цзяогаоской части и пользовался доверием командира, Мелконогого Цзяна. Рябой Чэн не любил стрелять из винтовки, предпочитая забрасывать неприятеля гранатами. В бою он мчался впереди всех, закрывал глаза и наугад метал гранату с деревянной ручкой. Он смело приближался к врагу на семь-восемь метров и при этом даже не пригибался. Как ни странно, осколки пролетали рядом, словно саранча, но не задевали его.

Чтобы как-то спастись от холода и голода, Мелконогий Цзян созвал собрание офицеров. Рябой Чэн с жаром ворвался туда, присел с каменным лицом, но ни слова не говорил. Мелконогий Цзян поинтересовался:

— Лао Чэн, у тебя есть на этот счёт соображения?

Чэн не издал ни звука.

Командир роты, напустивший на себя умный вид, сказал:

— Принимая во внимание нынешнюю ситуацию, прятаться в дунбэйском Гаоми — всё равно что сидеть и ждать смерти. Надо как-то выбираться из этого гиблого места, отправиться в Цзяонань, где производят хлопок, и раздобыть ватники. Кроме того, там полно батата, еда перестанет быть проблемой.

Командир Цзян в ответ достал из-за пазухи маленькую замасленную газетёнку.

— Специальная комиссия сообщает, что обстановка в уезде Цзяонань усугубилась. Железнодорожный батальон попал в окружение, все полегли. По сравнению с тем районом дунбэйский Гаоми идеален для партизанской борьбы. Просторы необъятные, деревень мало, японцы и марионеточные войска слабые, прошлогодний гаолян не убрали, можно спрятаться. Если решить проблему с едой и одеждой, мы сможем продолжать борьбу и, выждав удобный случай, нанесём удар по противнику.

Один из кадровых офицеров с измождённым лицом сказал:

— А такое вообще возможно? А где материю взять? Хлопок? Зерно? Если на человека приходится только горстка гаоляновых зёрен, то так и сдохнуть недолго. Лично я считаю, нам надо сделать вид, будто мы сдаёмся на милость командира марионеток Чжан Чжуси, а когда раздобудем ватники и пополним запасы патронов, снова отделимся.

Интеллигентный командир роты рассерженно подскочил:

— Хочешь предателей из нас сделать?

— С чего вдруг предателей? Это же фальшивая капитуляция. В эпоху Троецарствия Хуан Гай[135] прибегал к такому способу.

— Мы же коммунисты! От голода будем помирать, а головы не склоним, от холода будем помирать, а кланяться не станем, а кто врага будет почитать за родного отца и утратит честь, того я вызову на бой!

Однако кадровый офицер тоже за словом в карман не полез:

— А что, если ты коммунист, так должен помирать от голода и холода? Да коммунистам ума не занимать! Нужно уметь маневрировать, немного потерпеть ради великой цели — мы сможем одержать окончательную победу в борьбе с оккупантами, только если сбережём революционную силу.

Тут встрял командир Цзян:

— Товарищи, товарищи, не ссорьтесь! Спокойно высказывайте свои идеи!

Рябой Чэн сказал:

— Товарищ командир, у меня есть план!

Когда он рассказал о своём плане, Мелконогий Цзян принялся потирать руки от радости и одобрительно охать.

Действуя по плану Рябого Чэна, Цзяогаоская часть под покровом ночи выкрала больше сотни собачьих шкур, которые отец и дедушка приколотили к полуразрушенной стене, а заодно прихватили несколько десятков винтовок, спрятанных в пересохшем колодце. Они слепо подражали отцу и дедушке, охотились на собак, чтобы питаться собачатиной и восстановить физические силы, а заодно обрели и зимнюю одежду, поскольку каждому досталось по собачьей шкуре.

После затяжной холодной весны на бескрайних просторах дунбэйского Гаоми появился отряд героев в собачьих шкурах. Они провели больше десятка сражений, заставляя солдат

марионеточных войск, особенно Двадцать восьмой полк под командованием Чжан Чжуси, паниковать при одних только звуках собачьего лая.

Первый бой состоялся второго числа второго лунного месяца. В этот день, по преданию, дракон поднимает голову. [136] Солдаты Цзяогаоской части, закутанные в собачьи шкуры и с винтовками в руках, прокрались в местечко под названием Мадянь и окружили расквартированную там Девятую роту Двадцать восьмого полка Чжан Чжуси и небольшой отряд японцев. Под казармы была отведена бывшая школа — четыре ряда зданий из тёмного кирпича с черепичными крышами, обнесённые высокой стеной с колючей проволокой. Ещё в тысяча девятьсот тридцать восьмом году японцы в центре школьной территории выстроили сторожевую башню, но не уделили должного внимания фундаменту, и поэтому, когда в прошлом году полили осенние дожди, земля под башней стала оседать, и она покосилась. Японцы покинули её, а потом и вовсе обрушили. Пришли холода, строительные работы вести уже было нельзя, а потому японцы и Девятая рота марионеток размещались в четырёх рядах школьных зданий.

Командир Девятой роты был родом из дунбэйского Гаоми. Про таких говорят «жестокое сердце и безжалостные руки», а на лице его всегда красовалась слащавая усмешка. Зимой он начал собирать кирпичи, камень и доски, чтобы построить новую сторожевую башню, и при этом страшно разбогател. Простой народ ненавидел его до глубины души.

Мадянь входила в состав северо-западного уезда Цзяо и граничила с дунбэйским Гаоми. Отсюда до места дислокации Цзяогаоской части было тридцать ли. Солдаты Цзяогаоской части отправились туда с заходом солнца. Некоторые местные жители увидели такую картину: в кроваво-красных закатных лучах двадцать с лишним бойцов Восьмой армии, пригнувшись, вышли из села. На каждом была надета собачья шкура мехом наружу, а хвост болтался между ног. В солнечном свете шкуры лоснились и переливались разными красками. Это было красиво и диковинно, будто в поход выступила армия оборотней.

Выходя первый раз в собачьих шкурах, солдаты Цзяогаоской части и впрямь ощущали себя оборотнями. Когда они видели, что солнечный свет словно кровью заливает шкуры на боевых товарищах, их ноги делались вдруг лёгкими-лёгкими, будто они ехали на облаках, и весь отряд шёл, то ускоряя шаг, то замедляя, словно стая псов.

На плечи командира Цзяна была накинута большая шкура красного пса — наверняка это был наш Красный. Он шёл впереди всех, семеня маленькими ногами, ветер трепал собачий мех, толстый собачий хвост висел между ног, и кончик его подметал землю. Рябой Чэн накинул чёрную шкуру, на груди у него болталась холщовая сумка, в которой лежало двадцать восемь ручных гранат. Все были закутаны в шкуры на один манер: передние лапы связывали верёвкой, образовавшуюся петлю набрасывали на шею, по бокам шкуры пробивали две дырки, вставляли верёвки и завязывали на животах в районе пупков.

Они тайком вошли в Мадянь уже далеко за полночь. Холодные звёзды усеяли небо, иней лёг на землю. У солдат Цзяогаоской части мёрзли животы, зато спина была в тепле. Когда они добрались до деревни, несколько собак по-дружески залаяли на них. Один молодой озорник несколько раз тявкнул, передразнивая собак, и внезапно всем бойцам словно горло обожгло — им тоже ужасно захотелось лаять. Однако спереди раздался приказ командира отряда:

— Не передразнивайте собак! Не лаять!

В соответствии с данным разведки и давно уже выработанным планом бойцы

устроились в засаде в сотне метров от главных ворот казармы — там были свалены в кучу кирпичи и камни, чтобы весной возвести сторожевую башню.

Мелконогий Цзян сказал Рябому Чэну, устроившемуся рядом:

— Рябой, пора!

Рябой Чэн тихонько приказал:

— Шестой, Чуньшэн, пошли!

Для удобства Рябой Чэн снял с груди сумку с гранатами, нащупал одну с деревянной ручкой, а сумку передал высокому солдату со словами:

— Когда закончу у ворот, быстро поднесёшь её мне.

Солдат покивал.

Слабый свет звёзд падал на землю. В казарме японских солдат и марионеток висело больше десятка походных фонарей, а во дворе стоял полумрак, как в сумерки. Перед воротами ходили, отбрасывая длинные тени, два солдата из марионеточных войск, похожие на привидения. Из-за кучи кирпичей выскочил старый чёрный пёс и куда-то радостно умчался, а за ним погнались белый и пёстрый. Кусая друг дружку и катаясь по земле, они добежали до ворот. В тени груды досок, сваленных шагах в двадцати от дороги, собаки сплелись в один клубок, и издали казалось, будто они отнимают другу друга что-то вкусное.

Мелконогий Цзян с удовольствием наблюдал за представлением, которое мастерски разыгрывали Чэн с товарищами, но невольно вспомнил, каким глуповатым и слабым показался ему Чэн, когда только-только пришёл в отряд — чуть что, лил слёзы и сопли, как баба.

Чэн и двое парней терпеливо изображали собачью грызню, а двое дозорных застыли и прислушивались, потом один подобрал камень и с силой метнул в собак, сердито выругавшись:

— Гребаные псы!

Рябой Чэн изобразил поскуливания побитого пса. Вышло так похоже, что командир Цзян не удержался от смеха.

После того как был разработан план нападения на Мадянь, бойцы Цзяогаоской части начали учиться лаять.

Рябой Чэн пел арии пекинской оперы[137] и играл на соне, у него были сильные лёгкие и звонкий голос, поэтому во всей части именно он стал чемпионом по собачьему лаю. У Шестого и Чуньшэна тоже неплохо получалось, поэтому им троим и доверили задание отвлечь и уничтожить часовых.

Марионетки не выдержали и со штыками наперевес осторожно двинулись в сторону кучи досок. Собаки начали грызться ещё радостнее, а когда часовых отделяло от них несколько шагов, прекратили громко лаять и заскулили — вроде как им страшно, но и уйти жалко.

Часовые сделали ещё шаг вперёд, и тут Рябой и два его помощника подскочили с земли, будто три молнии в тусклом свете фонарей, падавшем на собачьи шкуры. Граната Рябого Чэна ударила одного из часовых по голове, а Шестой и Чуньшэн пронзили второго штыками в грудь. Оба солдата рухнули на землю, словно мешки с песком.

Поскольку все бойцы Цзяогаоской части были в собачьих шкурах, они бросились во вражеский стан, будто стая собак. Рябой Чэн около ворот получил обратно свою сумку с ручными гранатами и, как безумный, помчался в здание с черепичной крышей.

Тишину ночи нарушили выстрелы, взрывы гранат, крики и стоны японских чертей и

солдат марионеточных войск, смешавшись с лаем собак по всей деревне.

Рябой Чэн прицелился в окно и одну за другой забросил туда двадцать ручных гранат. Звуки взрывов и стоны раненых напомнили ему о том, как пару лет назад японцы закидывали гранатами мастерские по изготовлению соломенных сандалий. Однако он не ощущал радости от свершившейся мести. Напротив, схожесть картин вызвала острую боль, словно кто-то острым ножом прочертил глубокую борозду прямо на его сердце.

Бой стал самым крупным за всё время с момента основания Цзяогаоской части. Это была первая блестящая и безоговорочная победа с начала антияпонской войны в районе Биньхай. Комитет компартии района даже объявил Цзяогаоской части благодарность в приказе. Бойцы в собачьих шкурах ликовали, однако вскоре произошло два очень нерадостных события. Во-первых, большую партию оружия и боеприпасов, захваченных в Мадяни, забрал отдельный полк района Биньхай. Командир Цзян, будучи членом компартии, понимал, что решение это правильное, но многие рядовые бойцы Цзяогаоской части недовольно ворчали и без конца ругались. При виде отощавших героев в собачьих шкурах на лицах солдат отдельного полка, приехавших за оружием, появилось стыдливое выражение. Во-вторых, Рябого Чэна, которому Цзяогаоская часть была обязана победой, нашли повешенным на иве на краю деревни. Всё указывало на самоубийство. Перед тем как свести счёты с жизнью, он не стал снимать с себя собачью шкур, поэтому со спины казалось, что на дереве болтается пёс, а спереди видно было, что это человек.

9

После того как бабушка обмыла Ласку горячей водой, та перестала кричать. С израненного лица не сходила нежная улыбка, а из тела не переставала идти кровь. Дедушка приглашал едва ли не всех местных врачей, второй бабушке выписывали корзинами лекарства, но симптомы обострялись с каждым днём. В тот период в комнате у бабушки висел густой запах крови. Ласка, видимо, истекла кровью, поскольку даже уши у неё стали прозрачными, как вермишель из бобового крахмала.

Последнего врача дядя Лохань привёз из уездного города Пинду. Это был старец глубоко за восемьдесят с серебряной бородкой, мощным лбом и длинными ногтями на обеих руках. На застёжках ватного халата висела расчёска для бороды из воловьего рога, серебряная ложечка, чтобы чистить уши, и костяная зубочистка. На глазах у отца старый лекарь положил пальцы на запястье второй бабушки и проверил пульс сначала на левой руке, а потом на правой, после чего объявил:

— Готовьтесь к похоронам!

После ухода лекаря бабушка с дедушкой помрачнели. Бабушка всю ночь напролёт шила для Ласки погребальную одежду, а дедушка отправил дядю Лоханя к плотнику выбрать гроб.

На следующее утро бабушка с помощью нескольких соседок переодела вторую бабушку в новое одеяние. Теперь она, без тени обиды на лице, лежала на кане, облачённая в красную шёлковую рубашку, синие атласные штаны, зелёную шёлковую юбку и вышитые алые туфельки. Губы расплылись в улыбке, а грудь всё ещё вздымалась, хотя дыхание время от времени прерывалось.

В полдень отец увидел чёрного как сажа кота, который прогуливался по крыше, наводя ужас своими криками. Отец поднял камень и метнул его в кота, тот подпрыгнул, а потом неспешно пошёл дальше.

Когда зажгли фонари, работники винокурни вынесли гроб и поставили во дворе. Бабушка зажгла в комнате лампу на соевом масле и по особому случаю опустила в масло три фитиля, скрученных из ситника, поэтому дым, поднимавшийся в комнате, отдавал жареной бараниной. Все взволнованно ждали, когда же Ласка испустит дух. Отец спрятался за дверью, глядя на уши Ласки, которые при свете фонаря казались похожими на прозрачное стекло, его душу охватило странное ощущение таинственности происходящего. В этот момент он почувствовал, что по крыше снова ходит тот чёрный кот — словно бы увидел, как в темноте светятся фосфором его глаза, и услышал его сладострастное мяуканье. Волосы отца встали дыбом, как колючки у ежа. Внезапно вторая бабушка распахнула глаза — зрачки не шевелились, однако веки трепетали, словно на них падали капли дождя. Её лицо свело судорогой, губы искривились — раз, другой, третий, — после чего изо рта Ласки вылетел звук ещё отвратительней, чем кошачий концерт весной. Отец увидел, что золотистые языки пламени в масляной лампе тут же стали зелёными, как перья лука, и в этом свете лицо Ласки окончательно утратило человеческие черты.

Сначала бабушка даже обрадовалась, что Ласка ожила, но радость быстро сменилась ужасом.

— Сестрёнка, ты чего? Сестрёнка?

Вторая бабушка разразилась бранью:

— Сукины дети! Не ждите пощады! Вы сгубили моё тело, но душу мою не сгубите! Я с

вас шкуру живьём спущу, жилы повыдёргиваю!

Голос был непохож на голос Ласки — казалось, его обладательнице уже далеко за пятьдесят.

Бабушка попятилась.

Веки Ласки всё так же трепетали с бешеной скоростью, изо рта вырывались дикие крики и проклятья, аж крыша сотрясалась, и все присутствующие похолодели от страха. Дедушка ясно увидел, что тело Ласки от шеи и ниже застыло, словно деревянная палка, и не понимал, откуда у неё берутся силы для истошных воплей.

Он не знал, что делать, и послал отца на восточный двор за дядей Лоханем. Страшные крики Ласки были слышны даже там. В комнате у дяди Лоханя собрались семь или восемь работников винокурни, которые с жаром обсуждали происходящее, однако при виде отца замолчали. Отец сказал:

— Дядя Лохань, названый отец зовёт!

Лохань вошёл в комнату, искоса посмотрел на вторую бабушку, а потом вывел дедушку наружу. Отец тоже увязался за ними. Дядя Лохань тихонько сказал:

— Хозяин, она давно умерла, не понятно, что за бес вселился в тело.

Ещё не успели отзвучать его слова, как вторая бабушка громко завопила:

— Лю Лохань, сучий ты потрох! Ждёт тебя страшная смерть. Жилы вырвут, кожу спустят, хрен отрубят…

Дедушка и дядя Лохань переглянулись и замолчали. Дядя Лохань подумал немного и велел:

— Надо обмыть её водой из низины, та вода демонов изгоняет.

Вторая бабушка в комнате не переставала ругаться на чём свет стоит.

Дядя Лохань принёс в глиняном сосуде грязной воды и привёл с собой четырёх крепких работников винокурни и тут услышал, как Ласка в комнате безудержно расхохоталась:

— Лохань, Лохань, лей давай! Тётка твоя напьётся!

Отец увидел, как один из работников винокурни взял воронку, которой разливали гаоляновое вино на продажу и с силой вставил в рот Ласки, а второй поднял сосуд и начал вливать воду. Вода в воронке закручивалась и стекала вниз так быстро, что трудно было поверить, будто вся она попадает в живот Ласки.

Когда в неё влили всю воду, вторая бабушка притихла. Живот её был совершенно плоским, а в груди что-то булькало, словно бы она дышала.

Все с облегчением перевели дух. Дедушка Лохань объявил:

— Хватит!

Отец снова услышал топот на крыше, словно бы там шастает чёрный кот.

На лице Ласки опять расцвела очаровательная улыбка. Шея вытянулась, как у кукарекающего петуха, кожа натянулась так, что стала прозрачной, а изо рта хлынула фонтаном мутная вода. Столб воды бил чётко по вертикали, а на высоте больше двух чи внезапно раскрывался, как лепестки хризантемы, которые осыпались на новое погребальное одеяние.

Фонтан так напугал четырёх работников винокурни, что они пустились наутёк. Вторая бабушка пронзительно закричала:

— Бегите, бегите, всё равно не убежать! Не скрыться! Монах убежит, а храм никуда не денется.

От этого крика у них душа ушла в пятки, парни жалели, что у них всего по две ноги.

Дядя Лохань с мольбой посмотрел на дедушку, а тот в ответ с мольбой посмотрел на дядю Лоханя, их взгляды встретились, превратившись в два беспомощных вздоха.

Ласка ругалась ещё яростнее, её руки и ноги сводило судорогой.

— Японские псы! Китайские псы! Через тридцать лет они заполонят всё! Юй Чжаньао тебе не убежать! Жаба съела пчелу — худшее ещё впереди!

Тело второй бабушки выгнулось дугой, словно бы она собиралась присесть на кане.

Дядя Лохань крикнул:

— Беда! Бес поднимает тело! Быстрее несите стальное кресало!

Бабушка принесла то, что он просил.

Дедушка, собравшись с духом, прижал Ласку, а дядя Лохань хотел придавить кресало к её сердцу, но не тут-то было. Тогда дядя Лохань собрался было уйти, но дедушка его остановил:

— Дядя, ты не можешь уйти!

— Госпожа, быстрее принесите стальную лопату.

Только когда на грудь второй бабушки надавили острым стальным лезвием, она успокоилась.

Дедушка и дядя Лохань вышли из комнаты, а за ними и отец. Вторая бабушка одна маялась в комнате, остальные удалились во двор.

Вторая бабушка крикнула:

— Юй Чжаньао! Хочу молодого петуха с жёлтыми лапами!

— Давайте в неё из винтовки пальнём! — предложил дедушка.

Дядя Лохань урезонил его:

— Нет, она и так уже мертва!

— Дядя, придумай какой-нибудь способ! — взмолилась бабушка.

Дядя Лохань сказал:

— Сходите на ярмарку за даосом-отшельником!

На рассвете вопль второй бабушки сотряс оконную бумагу.

— Лохань, Лохань, мы с тобой смертельные враги!

Когда дядя Лохань вместе с даосом вошёл во двор, крики Ласки превратились в протяжные вздохи.

Отшельник лет семидесяти был облачён в чёрное одеяние со странными рисунками на груди. За спиной он нёс меч из персикового дерева,[138] а в руках держал узелок.

Дедушка вышел встретить его и узнал в даосе того самого Отшельника Ли, который несколько лет назад изгонял из Ласки дух золотистого хорька, вот только он за прошедшие годы ещё сильнее высох.

Отшельник деревянным мечом проколол оконную бумагу, посмотрел, что творится в комнате, а потом отпрянул с пепельно-серым лицом и, сложив руки в почтительном жесте перед грудью, сказал:

— Господин, моих умений будет недостаточно для изгнания такого беса!

Дедушка разволновался:

— Вы не можете просто так уйти. Неважно, сможете вы изгнать беса или нет, я вас щедро отблагодарю.

Отшельник захлопал бегающими глазами.

— Хорошо, я соберусь с духом и рискну!

О том, как Отшельник Ли изгонял беса из моей второй бабушки, в нашей деревне рассказывают до сих пор. Якобы даос с распущенными волосами ходил по особой схеме, повторяя рисунок созвездия Большой Медведицы, читал молитвы, размахивал мечом, а Ласка на кане вертелась, как уж, и вой стоял до небес.

В конце обряда даос попросил бабушку принести деревянную ёмкость с чистой водой, достал из узелка несколько пакетиков со снадобьями, бросил в воду и быстро размешал своим мечом из персикового дерева, читая при этом заклинание. Вода начала постепенно краснеть, пока не стала ярко-алой. Даос, весь взмокший от пота, несколько раз подпрыгнул, потом свалился навзничь, из его рта пошла белая пена, и он лишился чувств.

Когда даос очнулся, Ласка уже испустила дух. Из окна словно вихрь вырвался запах крови и мёртвого тела.

Когда вторую бабушку клали в гроб, все вокруг закрывали рты и носы полотенцами, вымоченными в гаоляновом вине.

10

Через десять лет после побега из родного края я снова оказался перед могилой второй бабушки, привезя с собой лицемерие, которым заразился от высшего общества. Моё тело так долго кисло в грязной воде столичной жизни, что каждая пора испускала скверный запах. Поклониться могиле второй бабушки я пришёл в последнюю очередь — после того как поклонился множеству других могил. Короткая яркая жизнь второй бабушки стала интересным эпизодом истории моего родного края, которую можно снабдить заголовком «Самые удалые герои и самые отъявленные мерзавцы». А зловещий процесс её умирания поселил в душах жителей дунбэйского Гаоми смутное ощущение тайны. Подобное ощущение могло появиться только в рассказах деревенских стариков о далёком прошлом — там в неторопливом течении мыслей, напоминающих сладкий тягучий сироп, зарождается, растёт и крепнет мощное идеологическое оружие, с помощью которого можно управлять неизведанным миром. Возвращаясь домой, я каждый раз видел в пьяных глазах односельчан намёк на эту таинственную силу. В такие моменты мне не хотелось сравнивать и противопоставлять, однако инерция логического мышления насильно затягивала меня в водоворот сравнений и противопоставлений. И в этом водовороте мыслей я с ужасом обнаруживал, что все прекрасные знакомые глаза, на которые я насмотрелся за десять лет, проведённых вдали от дома, можно с тем же успехом представить на мордах домашних кроликов, а неуёмные желания делали эти глаза похожими на ярко-алые с тёмными крапинками плоды боярышника. Мне даже кажется, что сравнения и противопоставления в определённом смысле подтвердили существование двух разных типов людей.

Всё эволюционируют своим путём, каждый в одиночку стремится к прекрасному миру, определённому его собственной системой ценностей. Боюсь, в моих глазах тоже загорается ум и сообразительность, а с губ без конца слетают слова, которые одни люди переписывают из книжек других людей. Похоже, я превратился в популярный журнал «Ридерз дайджест».

Вторая бабушка выскочила из могилы, держа в руках золотисто-жёлтое бронзовое зеркало.[139] В уголках её губ собрались вертикальные морщинки холодной усмешки:

— Ну что, внук мой неродной, полюбуйся на своё отражение!

Одежда на ней была точь-в-точь такой, в какой её клали в гроб, а внешне вторая бабушка оказалась даже моложе и краше, чем я представлял. Тот посыл, что сквозил в голосе Ласки, доказывал, что её мысли намного глубже, чем мои. Её мысли — снисходительные, достойные, довольно гибкие и безмятежные, а мои дрожат в воздухе, как мембрана китайской флейты.

В бронзовом зеркале второй бабушки я увидел себя. Мои глаза и впрямь светились умом и сообразительностью домашнего кролика. Губы и правда произносили не принадлежавшие мне слова, совсем как вторая бабушка, которая на смертном одре говорила не своим голосом. Меня с ног до головы покрывали штампы известных людей.

Я перепугался до смерти.

Вторая бабушка доброжелательно сказала:

— Внучок, ты возвращайся! Если не вернёшься, то тебя уже ничего не спасёт. Я знаю, что ты не хочешь возвращаться, ты боишься мух, которые покрывают тут небо и землю, боишься комаров, летающих кругом тучами, боишься змей, ползающих во влажных гаоляновых полях. Ты почитаешь героев и ненавидишь мерзавцев, однако кто из нас не

попадает под определение «самый удалой герой и самый отъявленный мерзавец»? Ты сейчас стоишь передо мной, и я чую исходящий от твоего тела дух домашнего кролика, который ты привёз с собой из города. Скорее прыгай в Мошуйхэ! Помокни там три дня и три ночи, вот только боюсь, что у сомов, которые попьют после тебя грязную водицу, тоже вырастут кроличьи уши!

Вторая бабушка внезапно скрылась в могиле. Безмолвно стоял гаолян, солнечный свет был влажным и жарким, ни тебе ветерка. Могила второй бабушки заросла травой, в нос бил её аромат. Словно бы ничего и не произошло. Издали доносились песни крестьян, которые мотыжили землю.

В тот момент вокруг могилы второй бабушки уже рос гибридный гаолян, полученный от скрещивания местного и гаоляна с острова Хайнань. Этот самый гибридный гаолян пышным ковром покрывал весь чернозём дунбэйского Гаоми. А тот красный как кровь гаолян, что я без конца прославляю, был без остатка смыт революцией. Он перестал существовать, ему на смену пришёл этот, гибридный, с приземистыми толстыми стеблями, густыми листьями, покрытыми словно инеем белым пухом, и длинными, как собачьи хвосты, метёлками. У этих растений высокая производительность, горько-терпкий вкус, и у многих такой гаолян вызывает запоры. В то время у всех односельчан, кроме кадровых работников, выше по рангу, чем секретари местных партийных ячеек, лица имели оттенок ржавчины.

Я ненавижу гибридный гаолян.

У меня такое чувство, что он никак не может вызреть. Его серо-зелёные глаза так и остаются полузакрытыми. Я стоял перед могилой второй бабушки и смотрел, как эти уродливые растения оккупировали владения красного гаоляна. Они лишь называются гаоляном, но у них нет тех стройных высоких стеблей и яркого цвета. А чего им особенно недостаёт, так это гаоляновой души. Своими узкими физиономиями они лишь загрязняют чистый воздух дунбэйского Гаоми.

Среди гибридного гаоляна я ощутил разочарование.

Я мысленно представлял прекрасную картину, которая навсегда исчезла: глубокая осень, восьмой лунный месяц, воздух чист, и небо кажется высоким, а в полях гаолян превратился в искрящееся море крови. Если разливается осенний паводок, гаоляновое поле становится безбрежным океаном, тёмно-красные макушки поднимаются над мутной жёлтой водой и упорно стремятся к ярко-синему небу. А если паводок освещается солнцем, весь мир вокруг начинает играть сочными яркими красками.

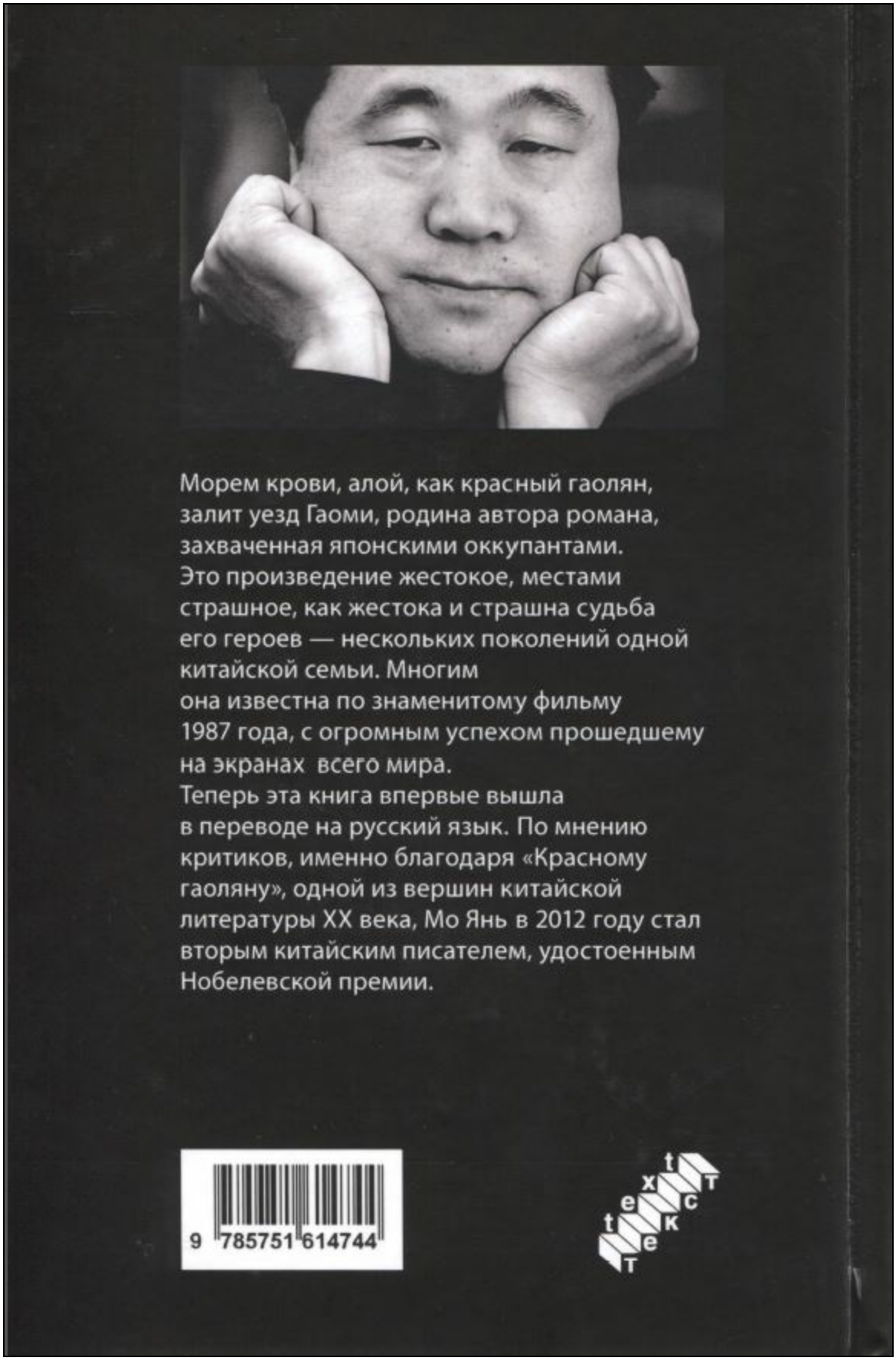
Но я стоял в окружении гибридов. Их листья, как змеи, обвивались вокруг моего тела, а тёмно-зелёный яд, пропитавший стебли, отравлял мои мысли. Я задыхался, пытаясь сбросить с себя эти путы, но не мог высвободиться и погружался в пучину страданий.

В этот момент из глубин земли донёсся равнодушный голос, знакомый и чужой одновременно. В нём слились голоса дедушки, отца, дяди Лоханя, а ещё звонкие, как стрёкот цикад, голоса сразу трёх моих бабушек. Все мёртвые родственники указывают мне на мои заблуждения.

Бедный мальчик, слабый, недоверчивый, нетерпимый, твою душу очаровало отравленное вино. Иди-ка ты на реку, да покисни в воде три дня и три ночи. Запомни — ровно три, ни больше ни меньше, отмой дочиста плоть и душу и тогда можешь вернуться в свой мир. На южном склоне горы Баймашань и на северном берегу реки Мошуйхэ осталось ещё поле настоящего красного гаоляна. Не пожалей сил и найди его. А потом, высоко подняв его над головой, ступай в этот мир, заросший терновником и заселённый свирепыми

злодеями. Красный гаолян станет твоим амулетом, почётным тотемом нашего рода и символом традиционного духа нашего дунбэйского Гаоми!

Больше книг на сайте - Knigoed.net



notes

Примечания

1

Гаоми — уезд в провинции Шаньдун, малая родина Мо Яня, место действия многих его произведений. Дунбэй — собирательное название областей на северо-востоке Китая.

2

Один из самых популярных традиционных праздников народов Восточной и Юго-Восточной Азии, широко отмечается в Китае.

3

Это имя означает «Архат», в буддийской мифологии человек, достигший наивысшего духовного развития.

4

Так по-китайски называется Альтаир.

5

Звезда Вега. В китайской мифологии Волопас и Ткачиха символизируют разлучённых влюблённых. Ткачиха, влюбившись в Волопаса, перестала ткать парчу для украшения небосвода, за что Небесный владыка наказал её, разлучив с любимым.

6

Доуфу (тофу) — творог из соевого молока, традиционный продукт Китая.

7

Ниже в тексте будет пояснено, что это за лепёшки.

8

Китайская винтовка, разработанная на основе винтовки «Манлихер» 1904 г.

9

Частушки, декламируемые под аккомпанемент бамбуковых трещоток.

10

Традиционная причёска маньчжуров, которую они навязали китайцам как знак покорности маньчжурскому императору; в описанный период многие китайцы продолжали носить косу, чтобы отличаться от японцев.

11

Обогреваемая лежанка.

12

В 1911 г. Синьхайской революцией была свергнута Цинская империя и образована Китайская Республика.

13

Китайская мера длины, равная 0,5 километра.

14

Лиственное дерево, распространённое в Китае и Японии.

15

Китайское зодиакальное созвездие Синь — Сигма, Альфа и Тау (созвездие Скорпиона).

16

Антияпонская война 1937–1945 гг.

17

Древний духовой инструмент, китайский вариант зурны.

18

Японская магазинная винтовка, была на вооружении в Первую и Вторую мировые войны.

19

Так в китайском языке именуется загробный мир.

20

Китайским девочкам с раннего детства бинтовали ноги, миниатюрные деформированные ступни, считавшиеся эталоном женской красоты, называли «золотыми лотосами». Зачастую крошечные ножки становились залогом удачного замужества.

21

Традиционный китайский праздник поминовения усопших, который отмечается на пятнадцатый день после весеннего равноденствия; именно в этот день юноши и девушки искали себе пару, устраивая гуляния.

22

Выражение отсылает к строке из стихотворения поэта эпохи Тан Цуй Ху «Воспоминание о деревеньке к югу от Чанъани».

23

Китайская мера длины, равная примерно 3,33 метра.

24

Цунь равняется примерно 3,33 см.

Эти два мифических персонажа символизируют жениха и невесту.

26

Китайская республика (1912–1949 гг.).

27

Так говорят о неравном браке.

28

В Старом Китае монеты отливали с отверстием посередине, через которое продевалась верёвка; таким образом монеты носили целыми связками.

29

Китайский жест в знак приветствия или как выражение почтения: левая кисть охватывает правый кулак перед грудью.

30

Похоронный обычай в Китае.

31

Речь о развитии так называемой малой металлургии, то есть организации повсеместного производства стали в Китае с целью быстрой индустриализации страны. Эта кампания была ключевой составной частью пятилетки Большого скачка 1958–1963 гг.

32

Первый японский ручной пулемёт, принятый на вооружение в 1922 г. (в 11 году правления императора Тайсё). В народе эти пулемёты называли «кривыми ручками» из-за изогнутого приклада.

33

Речь идёт о части обряда для новобрачных: молодые должны поклониться табличкам с именами и заслугами предков и изображениям духов неба и земли, а новоиспечённая жена должна была ещё поклониться родителям супруга.

Это выражение обычно употребляется в значении «покорять природу», однако здесь улавливается и связь с эвфемизмом «тучи и дождь», широко распространённым в Старом Китае и обозначавшим соитие.

35

Китайская мера длины, равная 1/3 метра.

36

В китайской мифологии под влиянием буддизма сложилась система ада из десяти судилищ, позднее количество судилищ увеличилось до восемнадцати.

37

У голубей в нижней части пищевода образуется объёмистое расширение, так называемый зоб, который служит временным вместилищем пищи, если желудок птицы переполнен.

38

Во время Большого скачка при каждой коммуне была создана сеть общественных столовых.

39

Время с одиннадцати часов до часа ночи.

40

Бумажные «деньги», стилизованные под настоящие банкноты, выпускаются для ритуальных целей.

41

Богиня милосердия в буддизме.

42

Так образно говорят о членах императорской фамилии.

43

В Старом Китае при рождении младенец получал, помимо официального, ещё и «молочное» имя, причём зачастую специально давали какое-то неблагозвучное, чтобы злые духи не позарились на «ненужного» ребёнка.

44

Один из стилей иероглифической письменности.

45

«Луси» в переводе означает «придорожная радость».

46

У Далан — персонаж классического романа «Речные заводи». Несмотря на безобразную внешность, он взял в жёны красавицу по имени Пань Цзиньлянь, а та завела роман на стороне и отравила мужа. Младший брат У Сун отомстил за смерть старшего брата, убив и неверную жену, и её любовника.

47

В Старом Китае в некоторых местностях существовал следующий обычай: под окнами девичьих покоев собирались претенденты на руку и сердце девушки, она кидала вышитый шёлковый мяч, и мужем становился тот, кто поймает мяч, или тот, в кого он попадёт.

48

Разновидность пекинской оперы в провинции Шаньдун.

49

Главная из местных школ музыкальной драмы провинции Шаньдун.

50

По традиции, жертвоприношения предкам мог совершать лишь прямой потомок мужского пола.

51

Традиционная китайская мера веса; в настоящее время составляет пятьсот граммов.

52

События происходят за неделю до праздника Середины осени, то есть до полнолуния.

53

Устойчивое выражение, которое употребляется, если речь идёт об аморальном поведении или встрече любовников.

54

В керамическом производстве селадон — особый тип глазури, а также специфический бледно-серый оттенок зелёного.

55

Оскорбительное прозвище корейцев.

56

Образное выражение, которое означает «поставить в безвыходное положение», по эпизоду из романа «Речные заводи», когда герой по имени Линь Чун оказывается буквально загнан в горы Ляншань и вынужден оказывать сопротивление.

57

Мера земельной площади, равная приблизительно 0,07 га.

58

Китайцы ставили каменные экраны напротив ворот для защиты от злых духов, поскольку считалось, что духи перемещаются исключительно по прямой.

59

При посвящении некоторым монахам по их желанию прижигают голову ароматическими палочками, после чего остаётся шрам. Тем самым монахи выражают свою решимость отречься от всего мирского, превратить своё тело в подношение Будде.

60

Длинные полоски красной бумаги, на которых написаны выражения, вместе образующие целую фразу — благопожелание. Такие надписи часто вешают на воротах или входных дверях на Новый год, на свадьбу и другие праздники.

61

Бэйянские милитаристы — ключевая, наряду с Гоминьданом, политическая сила в Китае после Синьхайской революции.

Лао («старший, почтенный») — ставится перед фамилией, если человек старше по возрасту или выше по социальному положению.

63

Мужской френч, похожий на военный китель.

Сяо («маленький») — ставится перед фамилией, если человек младше по возрасту или ниже по социальному статусу.

65

Так называется отвлекающий маневр с целью выманить врага из его укреплённой базы.

Лу Бань — бог-покровитель плотников и строителей; Гуань Юй — военачальник царства Шу эпохи Троецарствия и один из главных героев средневекового романа «Троецарствие», мастерски владел ножом; «Троесловие» — своеобразная детская энциклопедия, изданная в форме классического канона, в книге каждая строка состоит из трёх иероглифов, а её содержание касается традиции, истории, астрономии и т. д.; Ли Шичжэню — врач, живший при династии Мин, автор «Компендиума лекарственных веществ».

67

Мера сыпучих и жидких тел, чуть больше десяти литров.

68

Популярное китайское блюдо: небольшой пирожок, приготовляемый на пару, в качестве начинки чаще всего используется свиной фарш с капустой.

69

Цитата из «Луньюй», главной книги конфуцианства.

70

Китайский струнный смычковый инструмент.

71

По китайскому этикету подарок следует вручать и принимать обеими руками.

72

По китайской традиции считается, что бог домашнего очага накануне Нового года отправляется на небо с докладом о делах семьи за год.

73

Одно из варварских государств, на которые распался в IV в. н. э. Северный Китай.

74

Разновидность украшения.

75

Одна из группировок марионеточных войск в Северном Китае.

Используется в ритуальных целях для жертвоприношения духам.

Китайское название Млечного Пути.

78

Пресноводная рыба семейства карповых.

79

Великий китайский голод — период с 1959 по 1961 г., когда от массового голода только по официальным данным погибло около 15 миллионов человек.

80

Название Народно-освободительной армии Китая в 1937–1949 гг.

81

Гора в провинции Шаньдун, одна из пяти священных гор даосизма.

82

Китайский щипковый музыкальный инструмент.

83

Торговцы использовали для привлечения покупателей маленький барабанчик с привязанной к нему колотушкой, который необходимо было быстро крутить туда-сюда.

Часто называется «винтовкой Чан Кайши», лицензионная копия немецкой винтовки «Маузер-98». В Красной армии Китая была известна под названием «Тип 79».

85

Хэнань и Хэбэй — две провинции Китая.

86

Специальный район в провинции Шаньдун, существовавший до 1949 г.

87

Эмблема Гоминьдана.

88

Вежливое обращение к войскам противника.

89

В 354 г. до н. э. царство Вэй напало на царство Чжао и осадило его столицу Хань-дань. Царство Чжао обратилось за помощью к царству Ци, а то в свою очередь осадило столицу Вэй, узнав об этом, вэйская армия поспешила назад и, поскольку солдаты устали после длительного перехода, потерпела сокрушительное поражение от более слабой армии Ци.

90

Устаревший антисептик.

91

Официальное название марионеточных войск в Маньчжурии в 1932–1945 гг.

92

Тёмная лапша из бобовой пасты.

93

Городской уезд городского округа Вэйфан провинции Шаньдун.

94

Бумажные деревья — традиционное украшение перед гробом, белый цвет является в китайской культуре траурным.

95

У гроба сжигают, по традиции, бумажные изображения мальчика и девочки, чтобы они на том свете ухаживали за покойником.

Речь идёт о так называемых «няньхуа» («новогодних картинах»), отпечатанных ксилографическим способом; такими картинками в 1930-е г. украшали жилища в канун Нового года.

97

Такое выражение используется, когда кто-то из гостей долго не уходит.

98

Русское название слитков серебра, обращавшихся в Китае до денежной реформы 1933 г. По форме ямбы напоминали ладью.

99

Образное выражение, которое означает «безрассудно смелый».

100

Маленькие пельмешки, которые обычно готовят и подают в бульоне.

101

Деньги, выпущенные Бэйхайским банком, имели хождение в период 1938–1948 гг.

102

В Китае зачастую готовили гроб ещё при жизни.

103

Неофициальное название первой из трёх учёных степеней при династиях Мин и Цин. Для получения степени необходимо было сдавать государственные экзамены.

104

Короткая однобортная куртка, доходящая до талии.

105

Шарики (красный и ниже голубой) повторяют знаки отличия чиновников, которыми украшали головные уборы, ведь изначально гроб предназначался цинскому чиновнику.

106

Промежуток с 7 до 9 утра. Далее по тексту седьмая стража — промежуток с одиннадцати до тринадцати часов. Здесь автор противоречит написанному ранее, где бабушка говорила, что родилась в девятый день шестого лунного месяца и поэтому получила детское имя Девяточка.

107

Гуансюй (кит. «славная преемственность») (1875–1908) — девиз правления императора Цзайтяня династии Цин, в это время власть фактически находилась в руках его тётки, вдовствующей императрицы Цыси.

108

Академия Ханьлинь — учреждение в императорском Китае, выполнявшее функции императорской канцелярии.

109

Это усечённая форма так называемой недоговорки-сехоуюй. Недоговорки состоят из двух частей: первая — это иносказание, а вторая — ответ на предшествующее иносказание, могут употребляться как в полной, так и в усечённой форме. Полная форма этой недоговорки: «Продал муку, купил решётку для варки пампушек — пампушки не сварил, зато упорство проявил». Говорится о настойчивом, упорном человеке.

110

Монета достоинством 1/100 юаня.

111

Традиционная китайская сладость из плодов боярышника, по форме представляет собой небольшие диски толщиной два миллиметра, упакованные в цилиндрические пачки.

Европейцу подобное описание может показаться дикостью, однако традиционные китайские похороны несведущему человеку могли со стороны представляться весёлым празднеством.

113

Один из традиционных танцев в китайской культуре. Фигурой льва управляют двое людей, находящихся внутри неё.

114

Популярный образ китайской мифологии. Чаще всего лисица превращается в молодую привлекательную девушку.

115

Один из четырёх классических китайских романов, повествует о событиях периода, когда империя Хань распалась на три государства.

116

Так китайцы называют Млечный Путь.

117

Соевый творог.

118

Классические китайские романы.

119

Отсылка к эпизоду «Троецарствия», когда военачальники царства Вэй вырвали желчный пузырь у полководца Цзян Вэю, и оказалось, что он размером с куриное яйцо. Характеристика смелого человека.

120

Легендарный ценитель и знаток лошадей в период Чуньцю (с 722 по 479 г. до н. э.).

121

Отсылка к притче о ване (титул правителя в древнем и средневековом Китае) Гоуцзяне, который спал на хворосте и во время трапезы лизал желчь, чтобы не забыть о мести победившему его княжеству У.

Пятый Заваруха обращается к Юй Чжаньао, как слуга к господину.

123

Цзинань — административный центр провинции Шаньдун.

124

Японские пираты и контрабандисты, которые разоряли берега Китая и Кореи с XIII пс XVI в.

125

Сановник сунского двора, который перешёл на сторону врагов и помог им захватить столицу и взять в плен императора.

126

Обеспечение групп недееспособного населения питанием, одеждой, топливом, образованием, возможностью похорон.

Такие рассказы служили формой пропаганды.

128

Члены созданных в 1966–1967 г. отрядов молодёжи, одни из наиболее активных участников Культурной революции.

129

Китайцы употребляют в пищу листья и корни осота, напоминающие по вкусу топинамбур.

130

Обращение японцев к китаянкам на захваченных территориях, обычно дальше следует непристойное предложение. Это слово прочно ассоциируется с бесчинствами японцев на оккупированных территориях.

131

Отсылка к сехоуюй «обезьяна надела парадный головной убор — притворяется культурной».

132

По канонам китайской физиогномики длинные мочки ушей являются достоинством. Про многих великих мужей прошлого говорится, что длина их мочек позволяла им видеть собственные уши (вопреки расхожему русском выражению «не видать, как своих ушей»)

133

Речь об одном из главных ритуалов подготовки к Новому году — проводах бога домашнего очага на небо, где он докладывает обо всём, что произошло в доме за прошедший год.

134

Самый древний из Восьми бессмертных в даосском пантеоне. В народе Ли Тегуай известен как врач, носящий свои снадобья в тыкве-горлянке. Нефритовый император даровал ему бессмертие за многочисленные благородные поступки.

135

Полководец Хуан Гай, притворившись перебежчиком, разжёг огонь на флагманском корабле противника.

136

По китайским поверьям, в этот день Небесный дракон, считающийся повелителем дождей, просыпается после зимней спячки. В зависимости от настроения дракона год будет урожайным или голодным.

137

Наиболее известная разновидность синтетического сценического искусства традиционного Китая.

138

Древесина персикового дерева якобы обладает магическими свойствами.

139

Традиционно считалось, что бронзовые зеркала обладают волшебной силой, и с их помощью можно отгонять злых духов.